

■ Ким Маккуарри ■

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИНКОВ

История народа, построившего
«золотой город Эльдорадо»!

Annotation

Инки.

Народ, создавший прославленную империю доколумбовой Америки.

Их культуру отличали прекрасно развитое земледелие и скотоводство, знаменитое «узелковое письмо» и наука, далеко превосходившая знания соседей — ацтеков и майя.

Многие ученые приписывают именно инкам таинственные рисунки в пустыне Наска — и никто не сомневается в том, что именно они построили прекрасные города в джунглях.

Но самое интересное — именно инки, согласно легендам, выстроили «золотой город Эльдorado», который долго и безнадежно искали испанские конкистадоры.

Цивилизация инков погибла — но осталась легенда о «золотом городе», по-прежнему вдохновляющая археологов, путешественников и писателей.

Возможно, в ней и есть доля правды?

-
- [Ким Маккуарри](#)
 - [ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [1. ОТКРЫТИЕ](#)
 - [2. НЕСКОЛЬКО СОТ ХОРОШО ВООРУЖЕННЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ](#)
 - [3. СВЕРХНОВАЯ ЗВЕЗДА АНД](#)
 - [4. КОГДА СТАЛКИВАЮТСЯ ИМПЕРИИ](#)
 - [5. КОМНАТА, ПОЛНАЯ ЗОЛОТА](#)
 - [6. РЕКВИЕМ ПО КОРОЛЮ](#)
 - [7. МАРИОНЕТОЧНЫЙ КОРОЛЬ](#)
 - [8. ПРЕЛЮДИЯ К ВОССТАНИЮ](#)
 - [9. ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ](#)
 - [10. СМЕРТЬ В АНДАХ](#)
 - [11. ВОЗВРАЩЕНИЕ ОДНОГЛАЗОГО ЗАВОЕВАТЕЛЯ](#)
 - [12. В ЦАРСТВЕ АНТИС](#)

- [13. ВИЛЬКАБАМБА: ПОВСТАНЧЕСКАЯ СТОЛИЦА](#)
- [14. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПИСАРРО](#)
- [15. ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ СОПРОТИВЛЕНИЯ СО СТОРОНЫ ИНКОВ](#)
- [16. ПОИСКИ «ЗАТЕРЯННОГО ГОРОДА ИНКОВ»](#)
- [17. ЗАНОВО ОБНАРУЖЕННАЯ ВИЛЬКАБАМБА](#)
- [ЭПИЛОГ: МАЧУ-ПИКЧУ, ВИЛЬКАБАМБА И ПОИСКИ ЗАТЕРЯННЫХ ГОРОДОВ АНД](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

- [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
-

Ким Маккуарри
«Последние дни инков»

*Посвящается моим родителям Рону и Джоан
Маккуарри*

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

1492 г. Колумб подходит на корабле к островам, ныне называемым Багамскими; это первое из четырех его путешествий в Новый Свет.

1502 г. Франсиско Писарро прибывает на остров Эспаньола.

1502–1503 гг. Во время своего последнего похода Колумб исследует побережье Центральной Америки — территорию современных Гондураса, Никарагуа, Коста-Рики и Панамы.

1513 г. Васко Нуньес де Бальбоа и Франсиско Писарро пересекают Панамский перешеек и открывают Тихий океан.

1516 г. Рождается на свет будущий инкский император Манко Инка.

1519–1521 гг. Эрнан Кортес осуществляет завоевание в Мексике Ацтекской империи.

1524–1525 гг. Первая самостоятельная экспедиция Франсиско Писарро — в южном направлении от Панамы. В ходе этой экспедиции он обследует побережье Колумбии. Экспедиция оказалась провальной в финансовом плане. Коллега Писарро Диего де Альмагро теряет глаз в ходе сражения с индейцами.

1526 г. Писарро, Альмагро и Эрнан де Луке создают Компанию Леванта, целью которой являются завоевательные походы.

1526–1527 гг. Второе путешествие Писарро и Альмагро. Писарро в первый раз ступает на землю Инкской империи в Тумбесе.

Ок. 1528 г. Инкский император Уайна Капак умирает от оспы, завезенной европейцами. После этого в стране разгорается гражданская война, вызванная противоборством сыновей императора — Атауальпы и Уаскара.

1528–1529 гг. Писарро направляется в Испанию, где королева дает ему разрешение осуществить завоевание Перу.

1531–1532 гг. Третья экспедиция Писарро в Перу. Писарро захватывает в плен Атауальпу.

1533 г. Атауальпа приговаривается к казни. Прибывает Альмагро. Писарро захватывает Куско и определяет новым инкским императором семнадцатилетнего Манко.

1535 г. Писарро основывает город Лиму; Альмагро отправляется в Чили.

1536 г. Гонсало Писарро выкрадывает жену Манко Инки, Куру Окльо. Манко поднимает восстание и окружает Куско. Хуан Писарро убит. Военачальник инков Кисо Юпанки осуществляет атаку на Лиму.

1537 г. Альмагро отбирает Куско у Эрнана и Гонсало Писарро. Родриго Оргонес осуществляет разграбление Виткоса и захватывает в плен сына Манко, Титу Куси. Манко бежит в Вилькабамбу, новую инкскую столицу.

1538 г. Эрнан Писарро казнит Диего де Альмагро.

1539 г. Гонсало Писарро атакует Вилькабамбу и подвергает ее разграблению; Манко Инке удается бежать, но Писарро казнит его жену Куру Окльо.

1540 г. Эрнан Писарро приговаривается к двадцатилетнему тюремному заключению в Испании.

1541 г. Франсиско Писарро убивают сподвижники Альмагро. Один из его убийц, Диего Мендес, бежит в Вилькабамбу.

1544 г. Манко Инку убивают Диего Мендес и шестеро испанцев-ренегатов. Гонсало Писарро поднимает мятеж против испанского короля.

1548 г. Сражение при Хакихауане; Гонсало Писарро казнят представители короля.

1557 г. Инкский император Сайри Тупак покидает Вилькабамбу и обосновывается около Куско.

1560 г. Сайри Тупак умирает. Титу Куси становится инкским императором — его резиденция находится в Вилькабамбе.

1570 г. Монахи-августинцы Гарсиа и Ортис пытаются попасть в Вилькабамбу. Титу Куси отказывается позволить им въехать в столицу. Монахи сжигают инкское святилище в Чукипальте. Монаха Гарсию изгоняют.

1571 г. Титу Куси умирает. Императором становится Тумак Амару.

1572 г. Вице-король Перу Франсиско Толедо объявляет войну Вилькабамбе. Вилькабамба подвергается разграблению, Тупака Амару — последнего инкского императора — захватывают в плен и казнят в Куско.

1572 г. Испанцы заставляют жителей Вилькабамбы переселиться в новый город, получивший название Сан-Франсиско де ла Виктория

де Вилькабамба.

1578 г. Эрнан Писарро умирает в Испании в возрасте 77 лет.

1911 г. Хирам Бингхем обнаруживает руины в Мачу-Пикчу, Виткосе и местечке, носящем название Эспириту-Пампа, которое местные индейцы кампа называют Вилькабамбой. Бингхем находит все эти три места за четыре недели.

1912 г. Бингхем возвращается в Мачу-Пикчу, на этот раз со спонсорской поддержкой Национального географического общества (National Geographic Society) — это первая спонсируемая экспедиция.

1913 г. «Нэшнл джиогрэфик» посвящает целый номер открытию Бингхемом Мачу-Пикчу.

1914–1915 гг. Третье и последнее путешествие Бингхема в Мачу-Пикчу. Он обнаруживает то, что сейчас называется «Инкской тропой».

1920 г. Хирам Бингхем издает свою книгу «Инкская земля», в которой утверждает, что Мачу-Пикчу является затерянным инкским городом Вилькабамбой, последним прибежищем инкских императоров.

1955 г. Американский исследователь и писатель Виктор фон Хаген издает книгу «Путь солнца», в которой утверждает, что Мачу-Пикчу никак не может являться Вилькабамбой.

1957 г. Джин Савой прибывает в Перу.

1964–1965 гг. Джин Савой, Дуглас Шэрон и Антонио Сантандер обнаруживают масштабные по своим размерам руины в Эспириту-Пампе, — Савой утверждает, что это следы Старой Вилькабамбы.

1970 г. Савой издает книгу «Антисуйю», отчет о результатах его научных исследований в Эспириту-Пампе и других местах. Савой покидает Перу и обосновывается в Рино в штате Невада.

1982 г. Винсент Ли посещает район Вилькабамбы в ходе своего восхождения на гору.

1984 г. Винсент и Нэнси Ли обнаруживают более четырехсот строений в Эспириту-Пампе, — можно утверждать, что это было самое большое поселение в данной местности. Это позволяет с определенностью сделать вывод, что здешние руины являются остатками столицы Манко Инки, Вилькабамбы — местопребывания последних инкских императоров.

2002–2005 гг. Национальный институт культуры Перу проводит первые археологические раскопки в Вилькабамбе.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приблизительно 500 лет назад 168 испанцев и небольшое количество их африканских и индейских рабов прибыли на территорию, ныне называющуюся Перу. Вскоре они вступили в столкновение с Инкской империей, численность населения которой составляла 10 миллионов человек, — для империи это было словно столкновение с гигантским метеором. Все, что смогло уцелеть, рассыпалось по всему континенту. Посещающий ныне Перу до сих пор имеет возможность наблюдать результаты того столкновения: от темно-коричневого цвета кожи у беднейших слоев населения до более светлых тонов у представителей перуанской элиты, носящей аристократические испанские фамилии; от заостренных силуэтов католических соборов и церквей до присутствия в стране людей испанского и африканского происхождения. Преобладающий в Перу язык также служит постоянным напоминанием о тех событиях. Он до сих пор носит название «castellano» — отсылка к некогда существовавшему Кастильскому королевству. Жестокие последствия испанского завоевания, которое фактически на корню уничтожило империю, просуществовавшую лишь 90 лет, до сих пор дают о себе знать во всех слоях перуанского общества, будь это население побережья, жители андского высокогорья или же горстка туземных племен, не входящих в контакт с цивилизацией и скитающихся в верховьях Амазонки на территории Перу.

Однако далеко не так просто определить, что же в точности происходило до и во время испанского завоевания. Многие из тех, кто был свидетелем событий, погибли в ходе этих самых исторических коллизий. Лишь немногие из тех, кто выжил, оставили по себе записи о том, что же здесь произошло, — и не удивительно, что большинство этих описаний принадлежит перу завоевателей. Владевшие грамотой испанцы, прибывшие в Перу (только порядка 30 процентов испанцев в XVI в. были грамотными), привезли с собой алфавит, очень действенное орудие, изобретенное за 3000 лет до этого в Египте.^[1] Инки хранили память о своей истории посредством изустных сказаний, а также при помощи *кипу* — особым образом связанных друг

с другом цветных веревочек и узелков, фиксировавших разнообразные численные данные, а также служивших своеобразными напоминаниями. Однако в относительно короткий период после осуществленного завоевания знание о том, как следует читать кипу, было утеряно, историки поумирали или были убиты, и инкская история с каждым последующим поколением стала все более и более тускнеть.

«Историю пишут победители», — гласит изречение, и это в равной степени справедливо как в отношении испанцев, так и в отношении инков. Инки создали империю протяженностью 2500 миль^[2] и подчинили себе большую часть народов, населявших эту территорию. Как это обычно случается с имперской властью, заявленная ею история имеет тенденцию оправдывать и прославлять собственные деяния и собственных правителей и принижать деяния врагов. Инки рассказывали испанцам, что это они, инки, принесли цивилизацию в данный регион и что их завоевания вдохновлялись богами. Истина, однако, была совсем иной: еще до распространения власти инков на протяжении более тысячи лет на этой территории существовали разнообразные королевства и империи. Таким образом, изустная история инков представляла собой комбинацию фактов, мифов, религии и пропаганды. Даже в элитных инкских кругах, в которых имело место соперничество между различными кланами, исторические версии могли различаться. В результате испанские летописцы зафиксировали более пятидесяти различных вариантов инкской истории — все зависело от того, с кем они общались.

Также имеет место явный перекоп в дошедших до нас свидетельствах: при том что мы имеем порядка тридцати испанских отчетов о событиях, произошедших в течение пятидесяти лет со времени первоначального завоевания, до нас дошли только три описания того периода, источником которых были индейцы или полуиндейцы (Титу Куси, Фелипе Гуаман Пома де Айяла и Гарсиласо де ла Вега). Однако до нас не дошло ни одного свидетельства, которое было бы письменно зафиксировано индейским очевидцем событий первоначального периода завоевания. Самый ранний из трех упомянутых отчетов — сообщение, продиктованное инкским императором Титу Куси посетившим его испанцам, — относится к 1570 г., когда прошло уже приблизительно сорок лет с момента

пленения его дяди, инкского императора Атауальпы. Так, пытаюсь выяснить, как в точности разворачивались события, современный исследователь с неизбежностью сталкивается со структурными перекосами в дошедших до нас исторических хрониках: с одной стороны, мы располагаем значительным числом испанских донесений и отчетов, а с другой — имеем только три индейских отчета: самый известный из них (Гарсиласо де ла Веги) был написан в Испании полуиндейцем, опубликовавшим его по прошествии более пятидесяти лет после своего отбытия из Перу.

Что касается испанских документов, дошедших до нас, то тут имеется еще одна дополнительная сложность: большая часть испанских документов, относящихся к начальному периоду завоевания, — это так называемые *probanzas*, доказательства, составленные с целью произвести впечатление на испанского короля. Авторы этих документов, зачастую являвшиеся простыми нотариусами, на некоторое время превратившимися в конкистадоров, хорошо понимали, что если их собственные деяния будут выгодно выделяться на общем фоне, то король, возможно, одарит их своим расположением, наградами, а возможно, даже назначит им пожизненное денежное содержание. Таким образом, авторы раннего периода испанских завоеваний вряд ли стремились описывать события в точности так, как они происходили, — они были более склонны рекламировать и оправдывать себя, адресуясь к королю. В то же самое время они стремились принизить усилия своих испанских соотечественников (ведь последние приходились им соперниками в борьбе за награды). Ко всему прочему испанские хронисты зачастую неверно истолковывали те или иные проявления индейской культуры, с которыми им приходилось сталкиваться, а также либо игнорировали, либо принижали деяния своих африканских и центральноамериканских рабов, которых привезли с собой, не говоря уже о влиянии, оказываемом на них, испанцев, их индейскими любовницами. К примеру, младший брат Франсиско Писарро, Эрнан, в одном из своих первых отчетов о конкисте — в шестнадцатистраничном письме, направленном в Совет по делам Индии, представлявший интересы короля, — в основном пишет о своих собственных деяниях, а помимо них упоминает о заслугах только одного из 167 испанцев, сопровождавших его, — своего

старшего брата Франсиско. Интересно, что именно эти первые версии произошедших в Перу событий, зачастую сочинявшиеся ради собственной выгоды, в кратчайший срок после своего опубликования стали бестселлерами. И на основании именно этих документов первые испанские историки живописали эпические картины, — так фактические искажения переходили из поколения в поколение.

Поэтому современному исследователю — особенно автору исторического повествования — зачастую приходится выбирать из множества противоречащих друг другу документов. Иногда он просто по умолчанию вынужден полагаться на авторов, в отношении которых нельзя точно сказать, достоверны приводимые ими сведения или нет, ему также приходится истолковывать рукописи, грешащие орфографическими ошибками и велеречивостью. Зачастую он пользуется сведениями «из третьих-четвертых рук», — некоторые из подобных документов дошли до нас в виде копий рукописей. Действительно ли инкский император Атауальпа делал то-то и то-то или говорил то-то и то-то? Никто не может сказать это с точностью. Многие из приводимых в этой работе цитат свидетели «вспомнили» и перенесли на бумагу лишь по прошествии нескольких десятилетий после описываемых событий. Как и в квантовой механике, мы имеем возможность лишь в некотором приближении говорить о том, что же в действительности произошло в прошлом. Таким образом, к цитатам, в изобилии рассыпанным по всей книге — подавляющее их большинство датируется XVI в., — следует относиться соответствующим образом: как к кусочкам и фрагментам цветного стекла, зачастую красиво отполированным, которые дают, однако, лишь частичное и порой искаженное представление о все более удаляющемся от нас прошлом.

Разумеется, все истории ярко освещают одни моменты и урезают другие. Их авторы одни события акцентируют, другие подвергают редакторской правке, третьим дают расширительное толкование, а четвертые вообще опускают. Таким образом, все события рассматриваются через призму своего собственного времени и культуры.

Появившееся в 1847 г. повествование американского историка Уильяма Прескотта, в котором Писарро и горстка испанских героев бросали вызов огромным ордам индейских дикарей, вовсе не случайно

фиксировало идеи и дух тщеславия, свойственный викторианской эпохе и «Явному предначертанию».^[3] Вне всякого сомнения, данная книга также отражает превалирующие представления нашего времени. Все, что может сделать историк, в меру своих способностей и отпущенного ему времени, — это достать с пыльных полок истории эти потрепанные фигурки — Писарро, Альмагро, Атауальпы, Манко Инки и их современников, — почистить их и затем попытаться вновь вдохнуть в них жизнь, с тем чтобы они разыграли свое короткое представление уже для нового поколения публики. По окончании представления историк должен аккуратно положить фигурки назад на пыльные полки, с тем чтобы кто-нибудь в не столь отдаленном будущем попытался изобразить новую пьесу и вновь оживить их.

Около 400 лет назад Фелипе Гуаман Пома де Айяла, индеец, принадлежавший к благородному роду Инкской империи, потратил многие годы на написание рукописи, насчитывавшей более 1000 страниц и содержавшей 400 сделанных от руки иллюстраций. Пома де Айяла надеялся, что однажды его труд побудит испанского короля пресечь то жестокое обращение, которому испанцы подвергали местное население в завоеванном Перу. Пома де Айяле удалось провезти свою объемную рукопись по всей стране, когда он путешествовал по обломкам Инкской империи: в ходе своего странствия Пома беседовал с людьми и тщательно записывал многое из того, что слышал и видел. Все это время ему приходилось следить за тем, чтобы его записи не украли. В возрасте восьмидесяти лет он наконец закончил свой манускрипт и отправил единственный имевшийся экземпляр на корабле, отплывавшем в Испанию. Рукопись, очевидно, так и не прибыла в место своего назначения либо, если даже она была туда доставлена, не была вручена королю. Скорее всего она была куда-то далеко задвинута каким-нибудь бюрократам, и затем о ней благополучно забыли. Примерно 300 лет спустя, в 1908 г., один исследователь случайно обнаружил манускрипт в Копенгагенской библиотеке, а вместе с ним и содержавшуюся там ценнейшую информацию. Некоторые рисунки из рукописи представлены в данной книге. В своем сопроводительном письме, адресованном королю, Пома де Айяла писал:

«За обдумыванием, каталогизацией и приведением в порядок различных свидетельств [исторического характера] я провел огромное количество дней, даже много лет, так и не приходя ни к какому решению. Наконец я преодолел свою робость и приступил к задаче, которую давно мечтал исполнить. Я искал озарения во тьме своего сознания, в моей совершенной слепоте и неведении. Я ведь не доктор наук и не знаток латыни, как некоторые в этой стране. Но я беру на себя смелость думать, что я первый человек индейской расы, который способен сослужить подобную службу Вашему Величеству... В ходе выполнения своей работы я всегда стремился получить самые правдивые сообщения, принимая лишь те, которые представлялись существенными и которые находили свое подтверждение в различных источниках. Я изложил лишь те сообщения, относительно правдивости которых сходились разные люди... Ваше Величество, уповая на доброту Вашего сердца, ради блага как индейцев, так и испанских христиан, живущих в Перу, я прошу Вас принять от меня эту скромную, незначительную услугу. Это принесет мне радость, утешение и явится мне вознаграждением за все мои труды».

Ваш покорный слуга, выполнив подобную же по характеру задачу, не столь, однако, внушительную, может лишь просить о том же самом.

Ким Маккуарри

Марина дель Рей, Калифорния

10 сентября 2006 года

1. ОТКРЫТИЕ

24 июля, 1911 г.

Сухопарый тридцатипятилетний американский исследователь Хирам Бингхем совершил достаточно непростое восхождение по крутому восточному склону Анд, следуя за своим проводником-крестьянином. Бингхем решил сделать небольшую передышку; он снял свою широкополую фетровую шляпу и вытер пот со лба. Карраско, сержант перуанской армии, вскоре вскарабкался вслед за ними по той же тропе; его темная военная форма с блестящими медными пуговицами и шляпа сильно пропотели, и он приостановился, нагнувшись вперед и положив руки на колени, с тем чтобы восстановить дыхание. Бингхем был наслышан о том, что в этом направлении на большой высоте, примерно на уровне облаков, находятся остатки древних построек инков, но также он знал, что слухи о руинах в этом малоисследованном регионе юго-восточной части Перу распространены столь же широко, сколь и стаи маленьких зеленых попугаев, постоянно кружащих в этих местах и издающих в полете хриплые крики. Однако Бингхем был вполне уверен в том, что никакого затерянного города инков в этом направлении нет. Он даже не позаботился о том, чтобы захватить с собой ланч, рассчитывая совершить быстрое восхождение — из долины на вершину горы, осмотреть ее на предмет возможного нахождения там руин и затем, не мешкая, вернуться назад. Когда долговязый, коротко остриженный американец вновь последовал за своим проводником вверх по тропе, он не мог себе даже представить, что всего лишь через несколько часов он сделает одно из самых впечатляющих археологических открытий в истории.

Здрав голову, путешественники увидели, что до искомой вершины хребта еще с тысячу футов^[4], — она едва виднелась за отвесными склонами, фестончато украшенными разнообразной влажной растительностью. Несущиеся облака то скрывали, то приоткрывали покрытый густым лесом пик. Листва блестела, омытая недавно прошедшим дождем, время от времени туман окутывал мужчин. Вдоль круто забиравшей тропы яркими пятнами фиолетового,

желтого и охряного цвета проступали орхидеи. В течение нескольких секунд путешественники могли наблюдать крошечную колибри, полет которой представлял собой флуоресцентное мерцание бирюзового и голубого цветов — проблески мечущихся движений над цветочным кустом, и птичка исчезла. Всего получасом ранее они обошли стороной гадюку — ее голова была раздавлена камнем. Местные крестьяне убили? Посмотрев, проводник лишь пожал плечами.

Доцент Бингхем, преподававший на кафедре латиноамериканской истории и географии в Йельском университете, провел рукой по обмотке — обе его ноги от щиколоток до колен были обернуты плотной тканью. Бингхем, очевидно, думал, что это может защитить его от укуса змеи. Сержант перуанской армии Карраско, прикрепленный к этой экспедиции, расстегнул верхние пуговицы своей формы. Проводник Мельчор Артеага, с видимой усталостью сопровождавший их, был крестьянином, живущим в маленьком доме в долине, в 1000 футов вниз по склону от того места, где они сейчас находились. Именно он поведал Бингхему и Карраско о том, что на вершине высокого горного хребта можно отыскать инкские руины. На Артеаге были длинные штаны и старая куртка. Это был широкоскулый человек с темными волосами и орлиным взглядом, унаследованным от своих предков, живших в империи инков. У Артеаги заметно выдавалась левая щека, под ней он держал комок из листьев коки: это было легкое наркотическое и обезболивающее средство, в свое время его знали только в империи инков. Артеага говорил по-испански, но гораздо лучше владел кечуа, древним языком инков. Бингхем говорил по-испански с сильным акцентом и совершенно не знал кечуа; сержант Карраско владел обоими языками.

«Пикчу», — произнес Артеага, когда Бингхем и Карраско впервые посетили его за день до описываемых событий. Слова, артикулированные через плотную кашицу из листьев коки, было весьма непросто разобрать. «Чу Пикчу» — что-то подобное прозвучало во второй раз. Наконец низкорослый крестьянин уверенно схватил американца за руку и, показывая на высящийся над ними массивный пик, сравнительно внятно произнес: «Мачу-Пикчу». На языке кечуа это означало «старая вершина». Артеага искоса посмотрел в темно-карие глаза американского исследователя, затем повернулся к

горе: «Высоко в облаках, на Мачу-Пикчу, именно там вы найдете руины».

За новый серебряный американский доллар Артеага согласился проводить Бингхема к самой вершине. Поднявшись уже достаточно высоко по склону горы, трое путешественников бросили взгляд назад, на долину, — там, вдали под ними, шумела река Урубамба. На отдельных участках своего течения — там, где были стремнины — река бурлила и пенилась, становясь кипенно-белой, в других местах была спокойной, и вода приобретала чистый бирюзовый оттенок. Начало Урубамба брала в андских ледниках. Постепенно течение реки становилось более плавным, она разворачивалась в сторону Амазонки, тянувшейся вдоль всего континента в восточном направлении на протяжении еще 3000 миль. В 100 милях к западу находился высокогорный город Куско, древняя столица инков, — «пуп», или центр их империи, некогда растянувшейся на 2500 миль.

Примерно за 400 лет до описываемых событий инки в короткое время покинули Куско после того, как испанцы убили их императора и посадили на трон марионеточного правителя. Затем значительное их число спустилось по восточным склонам Анд, и они основали новую столицу в дикой и почти не заселенной Антисуйю — самой непроходимой, сплошь покрытой джунглями области их империи. Инки назвали свою новую столицу «Вилькабамба», и на протяжении следующих четырех десятилетий она являлась центром ожесточенной повстанческой войны, которую индейцы вели против испанцев. В Вилькабамбе инкские бойцы освоили верховую езду на захваченных у испанцев лошадях, научились стрелять из их мушкетов; зачастую они дрались бок о бок со своими амазонскими союзниками, которые имели в своем распоряжении смертоносные луки и стрелы. Когда Бингхем в первый раз совершил короткую поездку по Перу, ему поведали удивительную историю о малоизвестном мятежном королевстве инков, и Бингхема поразило то, что никто, по видимости, не знал, что же стало со столицей этого королевства. Год спустя Бингхем возвратился в Перу, надеясь, что именно он станет тем человеком, который отыщет ее.

Находясь за несколько тысяч миль от своего дома в Коннектикуте, на скрывавшейся в облаках вершине горного хребта, Бингхем не мог не задать себе вопроса: не выльется ли этот его подъем в погоню за

несбыточным? Двое из его компаньонов по экспедиции, американцы Гарри Фут и Уильям Эрвинг, остались в лагере в долине, рассудив, что Бингхему лучше будет одному отправиться на поиски руин. Они, должно быть, считали, что слухи о руинах скорее всего лишь слухи. Но они также хорошо знали, что какими бы уставшими они ни были, Бингхем никогда не проявит и малейшего признака усталости. Бингхем был не только руководителем этой экспедиции, он разработал ее план, отобрал семь ее будущих членов и обеспечил ее финансирование, а это было далеко не простым делом. Средства, позволившие Бингхему отправиться на поиски затерянного города инков, он получил в результате продажи последней своей унаследованной недвижимости на Гавайях. Также он получил аванс за ряд будущих статей для журнала «Харпер базар», которые должен был написать по своему возвращении, кроме того, ему предоставили в дар денежные средства три американские компании: «Юнайтед фрут компани», «Винчестер армз компани» и «Грас энд компани». Хотя Бингхем был женат на наследнице состояния дома Тиффани^[5], сам он не имел денег, — у него их не было практически никогда на протяжении всей его жизни.

Единственный сын строгого, постоянно мечущего грома и молнии протестантского проповедника, Хирам Бингхем III вырос почти в нищете в гавайской столице Гонолулу. Его беспросветная юность, вне всякого сомнения, явилась одним из основных побудительных моментов, направивших Бингхема еще в раннем возрасте на то, чтобы стремиться вскарабкаться вверх по социальной и финансовой лестнице, или, как он сам определил это, «завоевать себе право на ослепительную вершину». Один эпизод из самого раннего периода жизни Бингхема, возможно, наиболее ярко показывает, как в итоге Хирам пришел к тому, чтобы начать подъем на высокую перуанскую гору. Когда ему было двенадцать лет и у него уже не было сил переносить мрачную, суровую жизнь сына священника (за малейший проступок его наказывали розгами), он со своим другом решил убежать из дому. К тому времени Бингхем прочитал множество рассказов Хорейшо Эджера^[6] и, разрываемый между тягой к реализации собственных мечтаний и страхом вечного проклятия в аду, в итоге решил, что наилучшим выходом для него будет отбытие на корабле на материк, — именно тогда и началось его восхождение к богатству и славе. В то утро, определившее дальнейший ход событий,

сердце у Хирама, вне всякого сомнения, бешено колотилось, и он изо всех сил старался выглядеть непринужденно. Он сделал вид, что собирается в школу; выйдя из дому и оказавшись вне поля зрения своего отца, Хирам направился напрямиком в банк. Там Хирам снял 250 долларов, которые, по настоянию своих родителей, он копил в течение длительного времени, с тем чтобы впоследствии иметь возможность поступить в колледж на материке. Затем Бингхем купил себе билет на пароход и новую одежду, которую упаковал в небольшой чемодан, спрятанный в охапке дров недалеко от дома. В планы Бингхема входило добраться до Нью-Йорка, найти там себе работу разносчика газет и впоследствии, когда он накопит достаточно денег, отправиться в Африку, где он надеялся стать исследователем.

«Я полагаю, что его воображение подпитывалось книгами, которые он читал», — позднее сказала родителям Бингхема жена их соседа. Действительно, юный Бингхем был ненасытным читателем. Но его тщательно разработанные планы вскоре начали понемногу расстраиваться, хотя и не по его вине. По какой-то причине пароход, на который он взял билет, в назначенный день не отправился, а остался в порту. Между тем лучший друг Бингхема, который должен был составить ему компанию — надо заметить, что вполне счастливая и благополучная домашняя жизнь этого друга едва ли оправдывала задуманный им решительный шаг, — вдруг пал духом и поведал обо всем своему отцу. Отец мальчика тут же предупредил родителей Бингхема о задуманном им предприятии. Когда солнце уже садилось, отец Бингхема нашел своего сына в порту: тот стоял с решительным видом, держа чемодан в руке, и вот-вот уже должен был взойти на корабль, который бы перевез его через моря и дал возможность осуществиться его судьбе. Как ни странно, но Бингхем не был наказан; наоборот, ему было предоставлено больше свободы. И может быть, поэтому не вызывает особого удивления то обстоятельство, что 23 года спустя мы наблюдаем Хирама взбирающимся по восточному склону Анд, — он в шаге от того, чтобы сделать одно из самых впечатляющих открытий в мировой истории.

Пополудни 24 июля 1911 г. Бингхем и два его компаньона достигли длинного, широкого горного хребта; на нем находилась маленькая хижина, крытая высушенной коричневой травой ичу. Высота хребта от уровня долины составляла около 2500 футов. Пейзаж

открывался восхитительный — все обзриваемое пространство в 360 градусов занимали покрытые джунглями горные вершины в окаймлении облаков. Слева высился большой пик — Мачу-Пикчу. Справа находился другой пик — Уайна-Пикчу, или «Молодая гора». Когда трое потных путников достигли хижины, им навстречу вышли два перуанских крестьянина в сандалиях и характерных для этих мест пончо из шерсти альпаки^[7]; они приветствовали иноземцев, предложив им мокрые тыквы, наполненные холодной горной водой.

Оказалось, что двое туземцев были земледельцами, последние четыре года они обрабатывали здесь горные уступы. Они сказали, что руины действительно есть, только дальше. Они угостили пришельцев отварным картофелем — очевидно, одним из 5000 видов этого овоща, произрастающего в Андах и происходящего из этих мест. Бингхем обнаружил, что там проживало три семейства, занимавшихся выращиванием кукурузы, сладкого и белого картофеля, сахарного тростника, бобов, перца, помидоров и крыжовника. Он также выяснил, что от этого высокогорного поселения во внешний мир вели лишь две тропы: одна, по которой путешественники только что взобрались, и другая, по словам крестьян, «еще более труднопроходимая», которая спускалась по другому склону горы. Крестьяне, по их словам, бывали в долине лишь раз в месяц. В этих местах били ключи и почва была плодородная. На высоте в 8000 футов над уровнем моря, имея в изобилии солнечный свет, плодородные почвы и воду, три крестьянских семейства не испытывали особой нужды во внешнем мире. Бингхем, оглядывая окружающее пространство, вне всякого сомнения, должен был подумать, что это было удачное место с оборонительной точки зрения. Позднее он писал:

«При помощи сержанта Карраско [переводившего с кечуа на испанский] я узнал, что руины находятся „еще несколько дальше“. В этой стране никогда нельзя определить, достойно ли подобное сообщение доверия. „Возможно, он лгал“ — это может быть верной сноской к любым поступающим сведениям и слухам. Соответственно я не испытывал какого-то чрезвычайного возбуждения и не особо спешил двигаться в путь. Все еще стояла сильная жара, вода из индейского источника была холодной и

восхитительной на вкус, а грубая деревянная скамейка, которая сразу же после моего прибытия была гостеприимно покрыта мягким шерстяным пончо, казалась мне исключительно удобной. К тому же открывавшийся вид был просто ослепительный. Гигантские зеленые пропасти спускались к белым порогам [реки] Урубамбы. Прямо впереди, на северной стороне долины, находился огромный гранитный утес, отвесно поднимавшийся на высоту в 2000 футов. Слева находился одинокий Уайна-Пикчу, окруженный неприступными, по всей видимости, ущельями. Вкруговую шли гигантские утесы. А за ними вставали окутанные облаками и покрытые снегом горы, вершины их на тысячи футов были выше нашего местопребывания».

Отдохнув немного, Бингхем наконец встал. Появился мальчик: в изорванных штанах, ярко раскрашенном пончо из шерсти альпаки, кожаных сандалиях и широкополой шляпе с блестками; двое индейцев на языке кечуа велели мальчику отвести Бингхема и сержанта Карраско к «руинам». Между тем Мельчор Артеага, крестьянин, приведший сюда путешественников, решил остаться поболтать с фермерами. В путь выступили трое: мальчик спереди, за ним высокий американец и сзади шел Карраско. И уже совсем скоро мечта Бингхема о том, что он найдет затерянный город, стала превращаться в реальность.

«Едва мы покинули хижину и обогнули выступ горы, как нам неожиданно открылся поразительный вид: величественное зрелище протянувшихся террас, выложенных камнем, — вероятно, их было не меньше ста, каждая имела сотни три футов в длину и до десяти футов в высоту. Неожиданно я обнаружил перед собой каменные стены — руины домов: было видно, что качество построек совершенно исключительное. Их было непросто разглядеть, поскольку они частично заросли деревьями и мхом — работа нескольких столетий, — но в густой тени, спрятавшись в зарослях бамбука и спутанных виноградных лоз, тут и там вырисовывались стены из белого гранита, — камни были

аккуратно вырезаны и с большим мастерством прилажены друг к другу».

Бингхем продолжал:

«Я поднялся по великолепной лестнице, выложенной из крупных гранитных блоков, затем прошел по пампе, где у индейцев был небольшой садик, и вышел на небольшое расчищенное место. Тут я обнаружил руины двух самых красивых строений — из всех, что мне довелось видеть за время своего пребывания в Перу. Здания были построены из идеально подобранных блоков белого гранита красивого зернения; стены были из тесаного камня циклопических размеров, — камни эти имели 10 футов в длину, а высота их была выше человеческого роста. Это зрелище оставило меня замороженным. Я едва мог поверить своим органам чувств, когда разглядывал еще более крупные глыбы, находившиеся ниже по ходу моего движения, я прикинул, что каждая из них должна весить от 10 до 15 тонн. Сможет ли вообще кто-нибудь поверить, что я обнаружил подобное?»

Бингхем предусмотрительно взял с собой в поход фотографическую камеру и штатив — весь остаток дня он провел, фотографируя древние строения. На фоне великолепных инкских стен, трапециевидных дверных проемов и красиво тесанных каменных блоков Бингхем помещал сержанта Карраско или мальчика. Тридцать с небольшим фотографий, сделанных им в тот день, станут первыми из нескольких тысяч, которым предстоит появиться в последующие годы, — многие из этих снимков украсят обложки журнала «Нэшнл джиогрэфик», который выступит одним из спонсоров последующих экспедиций. Так, уже через неделю после того, как Хирам Бингхем отправился в поход из города Куско, он сделал самый главный шаг в своей жизни. Хотя Бингхем прожил почти до середины следующего столетия и по ходу своей карьеры даже добился поста сенатора США, именно этот непродолжительный по времени подъем на неизвестный доселе горный хребет в Перу принес ему вечную славу.

«Моя дражайшая, — писал Бингхем своей жене на следующее утро, уже находясь на уровне долины, — мы добрались сюда позапрошлой ночью и разбили палатку 7х9 футов в одном уютном уголке, который я тебе уже описывал. Вчерашний день [Гарри] Фут провел в поиске насекомых для своей коллекции. [Уильям] Эрвинг занимался обработкой [фотографических] карточек, а я поднялся на высоту в 1000 футов — к дивному древнему городу, называемому Мачу-Пикчу». Бингхем продолжал: «Стоящие здесь каменные строения такие же великолепные, как и подобные им в Куско! До сих пор они практически никому не были известны, и они вызовут сенсацию. Я полагаю вернуться сюда через короткое время, чтобы побыть здесь по крайней мере неделю».

В последующие четыре года Бингхем возвращался к развалинам Мачу-Пикчу еще дважды. Он откапывал развалины, расчищал и наносил их на карту. Одновременно он проводил сравнение обнаруженных находок с описаниями затерянного города Вилькабамбы в старых испанских хрониках. Хотя поначалу Бингхем испытывал некоторые сомнения, вскоре он убедился в том, что развалины Мачу-Пикчу — это не что иное, как руины легендарного мятежного города инков Вилькабамбы.

Позднее Бингхем писал в одной из своих книг:

«Мачу-Пикчу являет собой „Затерянный город инков“, излюбленную резиденцию последних императоров, местонахождение храмов и дворцов, выстроенных из белого гранита в одной из самых недоступных областей большого каньона Урубамбы; некогда это было сокровенное святилище, куда допускались только знать, жрецы и девы Солнца. Когда-то это место именовалось Вилькапампа [Вилькабамба], но сегодня оно известно под названием Мачу-Пикчу».

Однако не все были уверены в том, что Бингхем обнаружил тот самый мятежный инкский город. Некоторые ученые, знакомые со старыми испанскими хрониками, обнаруживали расхождения между описанием города Вилькабамбы, приводимым испанцами, и теми ошеломляющими — по общему признанию — архитектурными

свидетельствами, которые разыскал Бингхем. Была ли все же цитадель Мачу-Пикчу действительно последним оплотом инков — как он описан в испанских хрониках? Или могло быть так, что Хирам Бингхем, который ныне прославляем во всем мире как главный эксперт в области истории инков, допустил колоссальную ошибку, и мятежный город еще только предстоит открыть? Для тех ученых, кто испытывал сомнения, был лишь один способ отыскать истину: вернуться к хроникам XVI в., с тем чтобы больше узнать о том, как и почему инки создали самый крупный центр повстанческого движения, который когда-либо до той поры знал Новый Свет.

2. НЕСКОЛЬКО СОТ ХОРОШО ВООРУЖЕННЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

«В последние века мира настанет время, когда океан ослабит свои узы, и явится пред глазами огромная земля, и мореплаватель, подобный тому, что направлял путь Ясона[8], откроет новый мир, и тогда остров Туле[9] не будет уже более являться крайней оконечностью мира».

Сенека

21 апреля 1536 г. в субботу, в конце Пасхальной недели, немногие из 196 испанцев, находившихся в инкской столице Куско, могли себе вообразить, что уже через несколько недель они либо погибнут, либо подойдут настолько близко к границе, отделяющей жизнь от смерти, что каждый из них будет просить об отпущении грехов и вверит свою душу попечению Создателя. Уже через три года после того, как Франсиско Писарро и его испанский отряд казнили инкского императора Атауальпу при помощи гарроты^[10], захватили огромную часть империи, растянувшейся в длину на 2500 миль и насчитывавшей 10 миллионов подданных, дела у испанских конкистадоров начали идти все хуже и хуже. За последние несколько лет испанцы консолидировали свои территориальные приобретения, поместили на троне марионеточного инкского правителя, увели инкских женщин, обрели власть над миллионными массами и отправили огромное количество индейского золота и серебра в Испанию. Все первые конкистадоры к этому времени стали уже очень богатыми людьми — сродни нынешним мультимиллионерам, — те же, кто пробыл в Перу достаточно продолжительное время, уже отбыли в свои огромные поместья. Первые конкистадоры превратились в феодальных сеньоров, обрели положение и репутацию, основали семейные династии. Они уже сменили свои доспехи на превосходную льняную одежду,

щегоольские шляпы с яркими перьями, выставленные напоказ драгоценности и лоснящиеся трико. В Испании и других европейских королевствах, равно как и на островах и материковых территориях, относящихся к Карибскому бассейну и ныне перешедших под юрисдикцию испанской короны, завоеватели Перу стали уже легендарными фигурами: и молодежь, и люди почтенного возраста мечтали только об одном — как бы примерить на себя ладно скроенные сапоги конкистадоров.

В описываемое нами весеннее утро на андской возвышенности высотой в 11 300 футов послышался резкий звон церковных колоколов — со стороны строения, которое испанцы в спешном порядке возвели на безукоризненно вырезанных серых камнях Кориқанчи, инкского храма Солнца. По улицам этого чашеобразного города, окруженного зелеными холмами, поползли слухи о том, что марионеточный инкский император скрылся и что он вернется со сотысячным индейским войском.

Испанцы высыпали из своих жилищ, вооружившись стальными мечами, кинжалами и четырехметровыми пиками, надев на головы шлемы-морионы с высокими гребнями и сильно загнутыми спереди и сзади полями. Они седлали своих коней, яростно кляня инков последними словами — называя их «собаками» и «предателями». Воздух в этот день был чист и свеж, и подковы лошадей громко стучали по мостовым.

До сих пор испанцы имели просто ошеломляющие успехи, которые шли прямо чередой. За 4 года до этого, в сентябре 1532 г., испанцы числом в 168 человек под предводительством конкистадора Франсиско Писарро проделали путь в Анды — 62 человека ехали на лошадях, и 106 человек шли пешими, — оставив позади себя корабли, поставленные на якорь в водах Тихого океана — на значительном расстоянии от берега. Испанцы поднялись на высоту 8000 футов и далее направились напрямиком в логово льва — в место пребывания повелителя Инкской империи Атауальпы, имевшего при себе армию численностью в 50 000 бойцов, с которой он поджидал конкистадоров.

Франсиско Писарро на тот момент исполнилось 54 года; это был не очень богатый землевладелец, до того проживавший в Панаме. За своими плечами он имел уже тридцатилетний опыт ведения войны против индейцев. Высокий, мускулистый, имеющий атлетическое

сложение, со впалыми щеками и жидкой бородой, Писарро напоминал Дон Кихота, хотя этот классический образ рождается лишь через 73 года. Неважный кавалерист (буквально до самых последних дней своей жизни Писарро предпочитал сражаться пешим), по складу своей личности это был спокойный, молчаливый, храбрый, уверенный в себе, честолюбивый, хитроумный, высоко результативный, дипломатичный деятель. Подобно большинству конкистадоров, он мог быть весьма жестоким — в зависимости от требований ситуации.

Писарро сформировала его родная область в Западной Испании — Эстремадура.^[11] Нищая сельскохозяйственная область Эстремадура была покрыта характерной для засушливых районов растительностью, в то время она по сравнению с другими областями представляла собой достаточно отсталый регион. Уроженцами этой области были люди, отличавшиеся замкнутостью и бережливостью, доходящей до скупости. Эстремадурцы были экономны в плане демонстрации эмоций, повсюду были известны как люди жесткие и малопривлекательные из-за своего характера — в точности как и местность, сформировавшая их.

Из такого твердокаменного материала были сделаны и сам Писарро, и его спутники-конкистадоры, многие из которых являлись уроженцами той же области. К примеру, Васко Нуньес де Бальбоа — первооткрыватель Тихого океана — был выходцем из Эстремадуры. Эстремадурцем был и Хуан Понсе де Леон, открыватель Флориды. Из Эстремадуры происходил Эрнан де Сото, закаленный первопроходец, позднее открывший земли, которые ныне носят названия Флорида, Алабама, Джорджия, Арканзас и Миссисипи. Даже Эрнан Кортес, незадолго до описываемых событий завоевавший Ацтекскую империю в Мексике, вырос в 40 милях от местожительства своего троюродного брата Франсиско Писарро.^[12] То, что завоеватели двух самых могущественных индейских империй в Новом Свете выросли всего лишь в 40 милях друг от друга, безусловно, является одним из самых удивительных фактов в мировой истории.

Родной город Писарро, Трухильо, население которого на тот момент составляло около 2000 человек, или горожан, имевших полновесные права, делился на три части. Деление города соответствовало социальной стратификации его жителей. Обнесенный стеной город, или вилья, находился на вершине холма — оттуда

хорошо просматривались прилегающие деревни. Тут в основном стояли дома с башенками, принадлежавшие рыцарям и не очень родовитым дворянам, над дверями были горделиво выставлены гербовые щиты. Именно здесь жил отец Франсиско с семейством. Второй квартал города, выстроившийся вокруг рыночной площади, находился на равнинной местности, за холмом. Тут проживали торговцы, нотариусы и ремесленники, хотя несколько позднее все большее число аристократов, живших на холме, начало переселяться в дома, занимающие выгодное расположение на рыночной площади, — в их числе был и отец Франсиско. Наконец, третий квартал города располагался на его периферии, вдоль дорог, ведущих в провинцию. Этот район уничижительно именовался аррабалем — коннотация этого слова сочетала в себе такие смысловые значения, как «предместья» и «трущобы». Здесь крестьяне и ремесленники жили в домах, которым во всех смыслах было очень далеко до зданий, находившихся в центре. В окраинном районе этого провинциального, преимущественно сельскохозяйственного города, имевшего, однако, высокую степень стратификации, весьма точно отображавшей испанское общество в целом, и вырос Франсиско Писарро, воспитывавшийся своей матерью, простой служанкой. Человека, выросшего в аррабале, называли аррабалеро. Этим словом именовали человека, «дурно воспитанного». Таково было социальное клеймо, от которого Франсиско всеми силами стремился избавиться еще задолго до того, как отправился в Новый Свет.

Однако над Писарро довлело не только то, что он вырос в аррабале, — клеймом являлся и тот факт, что его отец никогда не оформлял брака с его матерью. Это означало не только то, что Франсиско не суждено было унаследовать часть имущества своего отца, но и то, что он был навсегда приговорен к положению «гражданина второго сорта». К тому же Писарро получил весьма скудное образование, если он его вообще получил, — так что ему было суждено пожизненно оставаться неграмотным.

Писарро исполнилось только пятнадцать лет (а Кортесу восемь), когда Колумб в 1493 г. вернулся из своего первого путешествия, проделанного через неизведанный дотоле океан. Колумб написал письмо высокопоставленному чиновнику, в котором описывал свое

путешествие. Это письмо вскоре было опубликовано и в короткий срок стало бестселлером.

Вероятно, Писарро каким-то образом прослышал о поразительном повествовании Колумба — возможно, в группе полных энтузиазма слушателей, которым его читали, возможно, эта история дошла до него, передаваясь из уст в уста. В любом случае это была удивительнейшая история, роскошная не менее, чем художественный вымысел, живописующий открытие экзотического мира, где богатства можно собирать буквально у себя под ногами, словно спелые фрукты в саду Эдема. И подобно популярным в народе романам, которые начали в массовом порядке распространяться после того, как было изобретено книгопечатание (за два десятилетия до описываемых событий), Колумбово «Письмо», или «Карта», поразило Европу подобно грому.

«Я обнаружил великое множество островов, населенных бесчисленным количеством людей, и я вступил во владение всеми ими, имея в виду интересы Их Величеств [короля Фердинанда и королевы Изабеллы], — мною была сделана соответствующая декларация и развернут королевский штандарт. Никакого противодействия мне оказано не было... Жители этого острова [Эспаньолы, острова, на котором ныне расположены государства Гаити и Доминиканская Республика] и всех прочих островов, которые я обнаружил и о которых я собрал информацию, все ходят раздетыми — мужчины и женщины, — в таком виде, как их мать родила... Они готовы поделиться с тобой всем, чем только владеют, если их попросить об этом; более того, они приглашают тебя разделить с ними их богатства и выказывают при этом такое радушие, словно испытывают к тебе сердечную привязанность. Они довольны любой малостью, что бы ты им ни предложил, — имей эта вещь какую-то ценность или же не имей ее вовсе...

Их Величества могут быть уверены в том, что я привезу им столько золота, сколько им только может понадобиться... Я привезу им пряности и хлопок... и мастику... и алоэ... и рабов — столько, сколько они закажут... Мне посчастливилось найти ремень и корицу, и я найду еще

тысячу других ценных вещей... Так, присносущный Бог, наш Господь, дарует всем тем, кто ходит Его путями, победу над делами, которые доселе представлялись невозможными, и настоящее предприятие являет собой особенно яркое тому свидетельство... многие торжественные молитвы возносятся для большего воодушевления, которое будет сопутствовать обращению столь многих народов в нашу святую веру, а впоследствии и обретению выгоды мирского порядка, поскольку не только Испания, но и весь христианский мир отныне получит прибыль.

Исполнено [написано] на каравелле [„Нинья“], отплывающей с Канарских островов, в пятнадцатый день февраля одна тысяча четыреста девяносто третьего года...

Адмирал».

Полный воодушевления доклад Колумба, вне всякого сомнения, воспламенил воображение отрока Франсиско. Писарро, конечно же, уже отдавал себе отчет в том, что его будущее в родной стране обещает быть унылым. Напротив, мир, описанный Колумбом, предлагал, как это казалось, намного больше возможностей.

К описываемому периоду классовая система в королевствах Испании уже давно утвердилась и была весьма жесткой. Находившиеся на вершине феодальные сеньоры, герцоги, маркизы и графы имели в своем распоряжении обширные владения, на которых работали крестьяне. Именно эти представители высшего класса пользовались всеми привилегиями, которые могли предоставить испанские королевства конца XV в. Те, кто находился на дне — крестьяне, ремесленники и, вообще говоря, все те, кому приходилось ручным трудом добывать себе средства к существованию, — обычно проживали свою жизнь в том классе, в недрах которого появились. В королевствах Испании, как и повсеместно в Европе, социальные подвижки вверх были весьма незначительны. Если человек не имел хорошей родословной, появившись на свет в бедной неграмотной семье, то будущее вставало перед его глазами настолько же наглядным, насколько наглядными были превосходно составленные Колумбом карты. Существовало лишь два пути обрести статус элиты; либо через

заклучение брака с представителем аристократического класса (что случалось исключительно редко), либо отличившись в успешной военной кампании.

Поэтому не приходится удивляться тому, что обделенный титулами, нищий, безграмотный, незаконнорожденный Франсиско Писарро поднялся на корабль, отплывавший из Испании к берегам Индии — к островам, относительно которых Колумб заявил, что они расположены в Азии (именовавшейся в то время «Индией») и населяют их соответственно «индейцы». Отбывавшая к берегам Америки флотилия была самой крупной из всех, что до тех пор пересекали Атлантический океан; на ее борту было 2500 человек и огромное число лошадей, свиней и других животных. Пунктом ее назначения был тот самый остров, который Колумб описал за девять лет до этого, — Эспаньола. Когда флотилия уже подходила к утопающему в пышной растительности и поднимающемуся из вод бирюзового моря острову, навстречу к ней подплыла лодка с испанцами, которые сообщили прибывшим, что они появились в удачный момент — скоро должна начаться война против индейцев и есть возможность набрать много рабов.

«Это сообщение, — как вспоминал об этом позднее один молодой пассажир, Бартоломе де Лас Касас, — вызвало большую радость на корабле».^[13]

Неизвестно, принимал ли Франсиско Писарро участие именно в этой войне против местного населения. Однако к 1509 г., через семь лет после своего прибытия на остров, он дослужился до чина лейтенанта в местном военном отряде при резиденции губернатора Николаса де Овандо. Это было организованное на достаточно свободных началах боевое подразделение, которое неоднократно использовалось для «умиротворения» местных повстанцев. Каковы были обязанности Писарро, в точности неизвестно. Он оказывал всяческое содействие губернатору. Последний однажды предпринял карательную акцию: он собрал в одном месте восемьдесят четыре местных вождя и истребил их всех — просто для того, чтобы подать недвусмысленный знак жителям острова, от которых требовалось проявление полного послушания.

На Эспаньоле и других близлежащих островах катастрофическими темпами численность местную населения стала

сокращаться ввиду сложившихся там жестоких условий порабощения (уже к 1510 г. в Карибский бассейн начали доставлять первых африканских рабов, с тем чтобы заменить вымиравших аборигенов). И в 1509 г. Писарро отправился к открытой незадолго до этого материковой части Центральной Америки. И на этот раз он снова шел по следам Колумба, — великий итальянский мореплаватель открыл побережья Гондураса и Панамы в ходе своего четвертого и последнего путешествия, совершенного им в 1502–1504 гг.^[14] К 1513 г. тридцатипятилетний Писарро еще выше поднялся по служебной лестнице и теперь уже выступил в роли заместителя руководителя экспедиции, предпринятой Васко Нуньесом де Бальбоа на Панамский перешеек и в ходе которой был открыт Тихий океан. По ходу того, как экспедиция Бальбоа продвигалась к водам безбрежного океана, Писарро, должно быть, осознал, что наконец-то он находится в такой же ситуации, в какой Колумб был за несколько лет до него. Теперь он занимается исследованием земель, которые ни один европеец до него еще не видел. И это было только начало.

У участников экспедиции было мало общего с теми созданными позднее барочными портретами, на которых были изображены красивые, благородные испанцы в доспехах, выходящие к берегам Тихого океана; в руках у них разноцветные флаги, а вокруг рассыпаны индейцы, с восхищением вззирающие на них. С самого начала экспедиция на перешеек представляла собой безжалостное экономическое предприятие. Открытие Тихого океана, совершенное Бальбоа и Писарро, явилось побочным продуктом военной кампании, которая была предпринята с целью обнаружения племени аборигенов, о котором было известно, что оно обладает большим количеством золота. В том же году в ходе осуществления порабощительной экспедиции на Багамские острова другой испанец, Хуан Понсе де Леон, открыл землю, которую он назвал «Флорида», то есть «цветущая». Так, в ходе экспедиций, целью которых было порабощение и разграбление, испанцы открывали все новые и новые земли Америки.

Не обретя успеха в своих поисках золота, Бальбоа и Писарро стали проявлять еще большую жестокость. По пути назад Бальбоа удалось захватить несколько местных вождей, и он потребовал от них, чтобы они открыли ему местонахождение золота, о котором шла

молва. Когда вожди ответили, что они ни о чем таком не знают, Бальбоа подверг их пытке. Но когда и после этого вожди не предоставили никакой полезной информации, Бальбоа приказал их казнить. Шесть лет спустя, в январе 1519 г., в ходе развернувшейся борьбы за власть между ним и новым испанским губернатором сам Бальбоа был арестован и впоследствии обезглавлен. Именно Писарро, бывший некогда заместителем Бальбоа, и арестовал его.

К 1521 г. сорокачетырехлетний Франсиско Писарро стал уже одним из самых крупных землевладельцев в недавно построенном городе Панаме, он жил на побережье того самого океана, который они с Бальбоа и открыли. Совладелец золотодобывающей компании, Писарро получил также энкомьенду — право на пользование землей и сбор подати с проживающих на ней индейцев. Писарро получил в пользование находящийся недалеко от тихоокеанского побережья остров Табогу, население которого составляло 150 человек. Как обладатель энкомьенды Писарро получил в свое распоряжение рабочую силу и, кроме того, начал собирать регулярную дань с индейцев. На острове была достаточно плодородная почва, что позволяло собирать с нее богатый урожай; на острове также в изобилии имелся гравий, который Писарро продавал в качестве балласта владельцам недавно построенных судов.

Однако Писарро не чувствовал себя удовлетворенным. Чего особенного было в том, чтобы обладать крошечным островом и кормиться со 150 душ, в то время как другой испанец, Эрнан Кортес, также эстремадурец, в тридцатичетырехлетнем возрасте завоевал целую империю? В испанской культуре XVI в. возраст между тридцатью и сорока пятью годами считался самым продуктивным для мужчины — именно в этот временной промежуток мужчина одновременно является достаточно зрелым и обладает максимальным количеством энергии.

Однако Писарро, которому на данный момент исполнилось сорок четыре года, было на десять лет больше, чем Кортесу в тот момент, когда он начал завоевание Ацтекской империи — это предприятие продолжалось три долгих, тяжелых года. Таким образом, в распоряжении Писарро оставался только один высокопродуктивный год. Вне всякого сомнения, в его сознании вставал тогда вопрос: была ли обнаруженная Кортесом империя одной-единственной в Новом

Свете? Или могли существовать еще и другие империи? Время Писарро уходило, и решался вопрос: либо теперь, либо никогда. И поскольку все сколько-то ценное в северной и восточной стороне было уже открыто, а на западе, как выяснилось, естественным пределом служил безбрежный океан, то единственно логичным представлялось искать новые империи в неизведанных областях на юге.

К 1524 г., через три года после осуществленного Кортесом завоевания, Писарро вместе с двумя партнерами — Диего де Альмагро, своим приятелем-эстремадурцем, и местным финансистом Эрнаном де Луке, основал компанию. Они следовали экономической модели, которая возникла в Европе и к тому времени получала свое распространение в испанских колониях в Карибском бассейне, — это была форма частной корпорации.

К началу XVI в. Испания постепенно перешла от феодальных экономических отношений к капиталистическим. При феодализме вся экономическая деятельность была сконцентрирована вокруг сеньориального владения, которое было пожаловано королем феодалу в пожизненное пользование, за это феодал был обязан королю выказыванием своей верности и несением военной или административной службы. Помимо феодала, его семьи, приходского священника и, возможно, еще нескольких лиц, занятых управленческой работой, все население сеньории состояло из крепостных — людей, работавших своими руками и производивших прибавочный продукт, позволявший аристократу и его семье жить в благоденствии. Это была система столь же жесткая, сколь и простая: феодал и его семья не занимались ручной работой, находясь на вершине социальной пирамиды, крестьянские же массы влачили жалкое существование, находясь в самом ее низу.

Однако с появлением пороха стены замков феодалов перестали быть такими неприступными, как ранее; они уже более не могли надежно удерживать крепостных в загоне. Постепенно крепостные стали мигрировать в города, где начала расцветать коммерция и выкристаллизовывалась идея о работе ради получения прибыли. Зачастую несколько человек объединяли свои силы, ресурсы и основывали компании, нанимая туда рабочих, которым платили заработную плату. Теперь вся прибыль притекала собственникам, или капиталистам. Любой, обладавший необходимыми способностями и

полезными связями, мог стать предпринимателем. Приобретение богатства теперь само по себе превратилось в движущую мотивацию. Так, в Испании XVI в. человек, которому удавалось собрать существенное количество богатств, мог купить себе нечто равнозначное сеньориальному владению, использовать это богатство для получения различных титулов и даже требуемой родословной, что привело бы к повышению его социального статуса, такой человек мог позволить себе нанять слуг или даже купить мавританских или африканских рабов, а затем предаться роскошной жизни в свое удовольствие, он также мог передать весь свой капитал наследникам. Возник новый мировой порядок.

Хотя популярный среди публики миф гласит, что конкистадоры были профессиональными солдатами, отряженными и профинансированными испанским королем, с тем чтобы расширить границы становящейся Испанской империи, все это очень далеко от истинного положения дел. В реальности испанцы, покупавшие билеты на корабли, отправлявшиеся в Новый Свет, являли собой репрезентативный срез со среднестатистической испанской городской среды. Среди отправлявшихся в Америку испанцев были сапожники, портные, нотариусы, плотники, моряки, торговцы, рабочие-металлисты, кузнецы, каменщики, погонщики мулов, цирюльники, фармацевты и даже профессиональные музыканты. Очень немногие из них были профессиональными солдатами, и, вообще говоря, постоянные профессиональные армии к тому времени еще и не появились в Европе.

Таким образом, подавляющее большинство испанцев отправилось в Новый Свет, отнюдь не находясь на службе у короля, а в качестве индивидуумов, преследующих свои личные интересы: они надеялись приобрести богатство и статус, которые постоянно ускользали от них дома, в Испании. Люди присоединялись к завоевательным экспедициям, направлявшимся в Новый Свет, в надежде разбогатеть, а именно: они надеялись найти большую популяцию аборигенов, отобрать у нее ее богатство и начать жить за счет ее труда. Каждый отряд конкистадоров, обычно возглавлявшийся человеком, превосходящим остальных по своему возрасту и накопленному опыту, представлял собой совершенно разнородную группу людей, имевших самые разнообразные профессии. Никто из этих людей не получал

жалованья за участие в экспедиции, но все они рассчитывали на долю профита в результате осуществленных завоеваний и разграблений в соответствии с тем, какое вложение сделал каждый из них в экспедицию. Если потенциальный конкистадор являлся только со своим оружием и доспехами, то ему впоследствии полагалось некоторое количество от награбленного добра. Если у этого человека ко всему была еще и лошадь, то ему полагалась большая доля, и так далее. Чем больше человек вкладывал, тем большая доля ему полагалась в случае успеха экспедиции.

Предводители большинства завоевательных экспедиций, предпринимавшихся в 1520-е гг., по сути, формировали своего рода компанию, деятельность которой регламентировалась контрактом, который был должным образом нотариально заверен. Таким образом, участники экспедиции становились партнерами в рамках компании, своего рода акционерами. Но с самого начала было ясно, что в отличие от компаний, сориентированных на предоставление услуг или производство товаров, бизнес-план компании, нацеленной на завоевания, будет включать в себя такие пункты, как убийства, пытки и грабежи. Конкистадоры не являлись посланцами испанского короля, они не получали жалованья, — фактически это были автономные члены нового типа капиталистического предприятия; одним словом, это были вооруженные предприниматели.

К 1524 г. сорокашестилетний Франсиско Писарро и двое его партнеров организовали завоевательную компанию, названную «Компанией Леванта», и занялись подбором потенциальных конкистадоров, которые должны были стать пайщиками в их первом запланированном предприятии.

Два руководителя предприятия, Писарро и Альмагро, вместе участвовали в экспедициях еще с 1519 г., и между ними установились прочные деловые отношения. Оба были родом из Эстремадуры, то есть являлись земляками. В этом деловом союзе ведущую роль всегда играл Писарро, в том числе и потому, что его опыт деятельности в Америке был значительно более длительным — больше на десять лет, чем у Альмагро, который прибыл в Новый Свет только в 1514 г. Альмагро, будучи лишь заместителем командующего, тем не менее являлся талантливым организатором, так что на него была возложена обязанность решать все вопросы, связанные с обеспечением

продовольствием предстоящей экспедиции. В отличие от своего высокого, худого земляка Альмагро по типу своего телосложения был полной противоположностью — приземистый и коренастый. Как позднее его описывал один испанский летописец, Альмагро был «человеком невысокого роста, с некрасивыми чертами лица, но обладавшим огромной отвагой и стойкостью. Он был щедр, но при этом тщеславец, любил хвастаться, иногда его язык работал без умолку. Альмагро был здравомыслящим и благоразумным человеком, при этом, надо заметить, он до крайности боялся задеть в разговоре персону короля... Он совершенно игнорировал возможные мнения о нем других людей... Я лишь скажу, что происхождения он был настолько скромного, что можно сказать, что его родословная начиналась и заканчивалась на его фигуре».

Подобно Писарро, Альмагро был незаконнорожденным. Он также был неграмотным. Его незамужняя мать похитила Альмагро у его отца вскоре после рождения мальчика и в дальнейшем отказывала отцу в контактах с сыном. Но вскоре она и сама исчезла, оставив Альмагро с его дядей, который регулярно избивал мальчика, а однажды даже заковал его ноги в цепь и посадил в клетку. Когда Альмагро удалось сбежать, он направился в Мадрид, где-таки нашел свою мать, начавшую к тому времени жизнь с новым мужчиной. Однако вместо того, чтобы забрать мальчика к себе, как он на то надеялся, мать посмотрела на него из-за приотворенной двери и прошептала, что ему невозможно здесь оставаться. Затем она на минуту исчезла и вернулась лишь за тем, чтобы дать сыну кусок хлеба, после чего окончательно захлопнула перед ним дверь. Далее Альмагро приходилось полагаться только на себя.

Известные детали дальнейшей жизни Альмагро отрывочны. Из Мадрида он направился в Толедо, где проживал некоторое время, пока однажды не нанес серьезное ножевое ранение одному человеку, — после чего бежал на юг в Севилью. К 1514 г. жизнь Альмагро в родной стране зашла в глухой тупик, так что тридцатидевятилетний Альмагро взошел на корабль, отправлявшийся в Новый Свет. Это произошло через двенадцать лет после отбытия Писарро. Альмагро направился в Кастилью де Оро, или Золотую Испанию, как тогда называлась Панама. Там ему предстояло повстречать своего будущего партнера, и

в 1524 г., через десять лет после своего прибытия в Новый Свет, он и Писарро на двух кораблях с 80 человеками на борту направились на юг, к неизведанным областям, располагавшимся вдоль побережья Южного моря, как тогда называли Тихий океан. Компания Леванта наконец начала свою деятельность.

Уже на протяжении ряда лет в Панаме циркулировали слухи о существовании некоей сказочной земли, лежащей где-то на юге, в которой очень много золота. В 1522 г., за два года до того, как Писарро и Альмагро отправились в путь, конкистадор по имени Паскуаль де Андагойя проплыл две сотни миль в южном направлении вдоль побережья территории, которая впоследствии будет названа Колумбией (по имени Колумба), после чего поднялся вверх по реке Сан-Хуан. Андагойя искал богатое племя, которое, по его мнению, должно было называться «Виру» или «Биру». Название этого искомого племени претерпит изменения и в итоге станет обозначать землю, лежащую намного южнее: Перу — территория, на которой находилась самая большая империя из всех, что когда-либо существовали в Новом Свете.

Однако находки, сделанные Андагойей, были незначительными, и он вернулся в Панаму с пустыми руками. Успех Писарро и Альмагро был ненамного большим, им удалось лишь пройти по части траектории, проделанной Андагойей, и на всем протяжении маршрута им постоянно приходилось вступать в стычки с местными жителями. В одном месте, по-видимому, весьма точно поименованном мародерствующими испанцами «сожженной деревней», сорокадевятилетний Альмагро потерял один свой глаз в схватке с местными индейцами — обитатели этих мест были настроены очень враждебно. Земля тут была неплодородной, и Писарро со своим отрядом «вооруженных предпринимателей» вернулся в Панаму без каких-либо материальных результатов, которые свидетельствовали бы о предпринятых его группой усилиях. Путешествие это продолжалось почти год.

Но во время их второй экспедиции на юг путешествие на двух кораблях со 160 человеками на борту продолжалось с 1526 по 1528 г. — Писарро и Альмагро в первый раз почувствовали, что наконец-то они чего-то достигли. В какой-то момент Альмагро принял

решение на одном корабле вернуться в Панаму за подкреплением, а Писарро в это время расположился лагерем на берегу реки Сан-Хуан. Затем его корабль продолжил движение дальше на юг, чтобы произвести более подробное изучение местности. Вскоре недалеко от побережья нынешнего Эквадора экипаж судна, к большому своему удивлению, увидел парус. Когда испанцы подошли ближе, они с изумлением обнаружили гигантский океанический плот из бальзы, приводимый в движение превосходно сотканными хлопчатобумажными парусами и управляемый моряками-индейцами. Одиннадцать из двадцати двух находившихся на борту индейцев сразу же прыгнули в море; испанцы захватили оставшихся. Забрав содержимое загадочного судна, восхищенные конкистадоры позднее так описывали свои первые трофеи в письме, адресованном королю Карлу V:

«У них во множестве были серебряные и золотые вещицы, служившие украшениями тела... [а также] короны и диадемы, пояса, браслеты, поножи и нагрудники, пинцеты, трещотки и струны, и россыпи разного рода бусинок и рубинов, зеркала, украшенные серебром, и чаши, и другие сосуды для питья. На многих из них были шерстяные и хлопковые накидки... и другие детали одежды — все они были очень роскошно сделаны и выкрашены в алый, малиновый, синий, желтый и многие другие цвета, украшены они были разными видами вышивки... [в том числе] изображениями птиц и животных, и рыб, и деревьев. И имелись у них крошечные разновесы для взвешивания золота — на римский манер... и были мешки, полные мелких изумрудов и халкидонов, и других драгоценных камней, и кусочков кристаллов и смолы. Они везли все это для того, чтобы выменять на раковину рыб^[15], из которой они делают игральные кости кораллового и белого цветов, и все судно было полно этого добра».

Этот огромный плот явился для испанцев первым серьезным свидетельством того, что где-то поблизости действительно должно находиться индейское королевство. Вскоре испанский корабль с

награбленной добычей, которой был заполнен трюм, присоединился к экспедиции Писарро. Затем, когда Писарро вновь взошел на борт, экспедиция повернула на юг. Бросив якорь вблизи покрытого джунглями острова, который они назвали Гальо — неподалеку от южной оконечности современной Колумбии, — Писарро и его экипаж принялись ждать на одолеваемом москитами берегу прибытия из Панамы Альмагро с припасами, в которых имелась огромная нужда.

Когда имевшиеся на корабле запасы стали заканчиваться, среди испанцев начали распространяться болезни, вызванные истощением, затем один за одним они начали умирать. В неделю умирало три-четыре испанца, боевой дух участников экспедиции резко пошел на убыль. Неудивительно, что люди начали испытывать желание возвратиться в Панаму. Однако Писарро, обнаружившего свидетельства существования индейского царства, по всей видимости, обладавшего изрядным богатством, не устрашили эти трудности. Пятидесятилетнему конкистадору понадобилась почти четверть века, чтобы возглавить экспедицию, которая, по его расчетам, должна была принести ему львиную долю прибыли. По свидетельству хронистов, Писарро был неразговорчив, но очень решителен в своих действиях. Однако в случае необходимости он мог произнести и воодушевляющую речь. Так, когда Альмагро привел наконец корабли и люди Писарро выразили желание покинуть экспедицию и вернуться в Панаму, Писарро, находясь в сокрушенном состоянии духа, выхватил свой меч и прочертил им на песке длинную линию. Он обратился к изнуренным людям:

«Господа! Эта линия означает труд, голод, жажду, усталость, раны, болезни и все прочие виды лишений и опасностей, которые должны будут встречаться нам до скончания жизни. Пусть же те, кто имеет мужество встретить лицом к лицу и превзойти опасности свершаемого нами героического деяния, пересекут эту линию в знак своей решимости и в свидетельство того, что они будут моими верными спутниками. Те же, кто чувствует себя недостойным этого, пусть возвращаются в Панаму, — я не хочу никого принуждать силой. Я верю в то, что Бог поможет тем, кто останется со мной, пусть их даже будет немного, и что мы не будем испытывать нужды в тех, кто покинет нас». Известно, что только 13 человек пересекли черту, приняв решение подвергнуть риску свои жизни вместе с Писарро,

позднее их стали именовать «людьми Гальо». Остальные же испанцы решили прекратить поиски Биру и вернуться.

С одним оставшимся у них кораблем Писарро и его небольшой отряд продолжили путь вниз вдоль побережья — до них ни один европеец еще не исследовал эти земли. Побережье было тропическим, везде густые леса и мангровые заросли. Повсюду слышался характерный стрекот обезьян. Вдоль побережья проходило холодное течение Гумбольдта, идущее из Антарктики. По мере медленного продвижения испанцев на юг леса и комары пошли на убыль, и вот у северной оконечности современной территории Перу путешественники наконец увидели то, что искали на протяжении ряда лет, — настоящий город с широкими улицами, в котором было не менее тысячи зданий, а в гавани стояли своеобразные корабли. Шел 1528 год.

Небольшому отряду испанцев, которые плыли уже более года и по прошествии столь длительного времени страшно исхудали, походя больше на скелеты, предстояло вступить в первый настоящий контакте Инкской империей.

Когда испанцы бросили якорь, они увидели, что от берега к ним отплыл десяток плотов из бальзы. Писарро понимал, что, поскольку число его людей невелико, у него нет возможности захватить такой большой город силой. Вместо этого он должен был полагаться на дипломатию, с тем чтобы побольше узнать о тех, с кем ему пришлось столкнуться. В ожидании прибытия плотов индейцев испанцы надели свои доспехи и взяли в руки мечи — готовые драться. Будут индейцы вести себя враждебно или дружелюбно? Есть ли у них еще города? Есть ли у них и сколько золота? Что это: город-государство или часть какого-то большого королевства?

Можно представить себе облегчение испанцев в момент, когда они увидели, что индейцы на плотках не только выказывают дружелюбие, но что они прибыли со съестными дарами, среди которых были своеобразный род «ягнятины» (мясо ламы), экзотические фрукты, необычная рыба; испанцам доставили также воды и угостили еще какой-то жидкостью с острым вкусом, ныне этот сорт кукурузной водки называется «чича». Один из тех индейцев, что поднялись на борт, явно пользовался особым уважением в своей среде, он был

довольно хорошо одет — на нем была узорная хлопковая туника. У него были удлиненные мочки ушей, в которые были вставлены большие деревянные пробки; у других индейцев ничего подобного не имелось.

Это был представитель инкской элиты. Испанцы позднее станут именовать этих индейских аристократов «орехонами», или «ушастыми», — из-за больших дисков в мочках ушей, указывавших на элитный статус этих людей. Данный орехон прибыл с тем, чтобы выяснить, что этот странный корабль делает в индейских водах и кем являются эти странные бородатые люди (у жителей Инкской империи, как и у подавляющего большинства коренных жителей Америки, практически не было растительности на лице). Не имея иной возможности контактировать, кроме как при помощи жестов, орехон тем не менее поразил испанцев своей любознательностью: он использовал жесты для того, чтобы выспросить у них, «из какой земли они происходят, откуда они прибыли и что они ищут». Затем инкский аристократ внимательно осмотрел корабль, изучил его оснастку; как смогли выяснить испанцы, он готовил своего рода доклад своему повелителю, великому королю по имени Уайна Капак, который, как указал орехон, жил вдали от побережья. Видавший виды Писарро, который только и делал, что захватывал, поработал, убивал и пытал индейцев с самого момента своего прибытия в Новый Свет, теперь из всех сил старался скрыть истинные мотивы своей миссии. Он хотел определить, сколь много ему удастся узнать об этом народе при помощи наигранного дружелюбия и дипломатических уловок. В ответ на дары индейцев Писарро подарил орехону двух свиней, четыре европейские курицы, петуха и железный топор, «к огромному удовольствию индейца, — если бы ему поднесли золото, вес которого в сто раз превосходил бы вес топора, то оно, в его глазах, обладало бы гораздо меньшей ценностью». Когда орехон был уже готов возвращаться на берег, Писарро велел двум своим людям — Алонсо де Молине и одному черному рабу — сопровождать его; так впервые европеец и африканец ступили на землю, ныне носящую название Перу.^[16] В одно мгновение Молина и черный раб превратились в местных знаменитостей. Вздурораженные жители Города, — который, как позднее выяснили испанцы, назывался Тумбес, — толпами высыпали на улицы, чтобы поглазеть на диковинный корабль и на

экзотического вида пришельцев. Они «все пришли посмотреть на свинью и хряка и на кур, — они пришли в восхищение от крика петуха. Но все это не могло сравниться с волнением, которое вызвал у них вид черного человека. Увидев, что он черный, они его пристально разглядывали, потом попросили помыться, чтобы посмотреть, является ли его чернота натуральным цветом или же это что-то вроде красителя. Но он смеялся, показывая свои белые зубы, когда некоторые отваживались подойти поближе, чтобы получше рассмотреть его, — потом и другие, и так много их всех было, что они даже не давали ему времени поесть... [Он] расхаживал повсюду, повсеместно к нему проявляли большой интерес, как к чему-то абсолютно новому, до сих пор никогда не виденному».

Между тем испанцу Алонсо де Молине, который явно был охвачен благоговением, столкнувшись лицом к лицу с продвинутой индейской цивилизацией, восторженная толпа оказала такой же прием. Оба путешественника были чем-то сродни современным астронавтам — представителям далекой, совершенно чужой цивилизации.

«Их удивляло то, что у испанца [Молины] имелась борода, и то, что он был белым. Они задавали ему множество вопросов, но он ничего не понимал. Дети, старики и женщины — все смотрели на него с восхищением. Алонсо де Молина видел в Тумбесе множество зданий и разных примечательных деталей... ирригационные каналы, возделанные поля, стада овец [лам]. Многие индейские женщины — очень красивые и хорошо одетые, согласно местным традициям, — вступали с ним в разговор. Они подносили ему фрукты и самые разнообразные подарки, с тем чтобы он взял все это с собой на борт. Они использовали жесты для того, чтобы вызнать, куда [испанцы] направляются и откуда они прибыли... Среди разговаривавших с ним индианок была одна очень красивая девушка, она предложила ему остаться с ними, сказав, что он может взять себе в жены любую девушку, какую только пожелает... И когда он [Алонсо] вернулся на корабль, он был настолько ошеломлен тем, что увидел, что не мог произнести ни слова. [Наконец] он сказал, что их дома выстроены из

камня и что прежде, чем он поговорил с индейским повелителем [местным инкским управителем], он прошел через трое ворот, у которых стояли привратники... Во время трапезы ему подносили серебряные и золотые чаши».

Посланные затем на сушу несколько испанцев с целью удостовериться в словах Молины и черного раба засвидетельствовали, что «они видели серебряные чаши и множество разнообразных серебряных изделий, и что некоторые святилища были покрыты золотыми и железными листами, и что женщины индейские были очень красивые. Экипаж с огромным воодушевлением слушал этот рассказ, надеясь с Божьей помощью поиметь свою долю от всего этого».

Теперь, когда их корабль был нагружен свежей едой и водой, Писарро со своими спутниками продолжили изучение побережья. Недалеко от современного Кабо-Бланко, что означает «белый мыс», Писарро прошел вдоль берега на каноэ. Там, оглядев извилистый берег, Писарро заявил своим спутникам: «Вы свидетели, что я беру во владение эту землю со всем, что было обнаружено здесь нами, — ради императора, нашего повелителя, и ради королевской короны Кастилии!»

Для испанцев, слышавших речь Писарро, Биру, которое вскоре превратилось в Перу, теперь стало подвластной территорией испанского императора, жившего за 12 000 миль от этих мест. В соответствии с Тордесильясским договором, заключенным в 1494 г. между Испанией и Португалией, произошел раздел Южной Америки между двумя этими морскими державами: Португалии отошла Бразилия.

В 1501 г. королева Изабелла издала указ, в соответствии с которым все «индейцы» Нового Света становились ее «подданными и вассалами». По установлении местонахождения индейцев им надлежало сообщать, что они обязаны выплачивать дань испанским монархам.

Экспедиция Писарро для него самого явилась успешной. На борту они везли с собой никогда прежде не виданных животных — лам, которые некоторым испанцам могли напомнить верблюдов, представленных на гравюрах в Библии. Также испанцы везли

глиняные и металлические сосуды, искусно и тонко сотканые предметы одежды из хлопка и неизвестного до тех пор материала: шерсти альпаки. Кроме того, на борту находились два индейских мальчика, которым при крещении были даны имена Фелипильо и Мартинильо. Индейцы отдали этих мальчиков испанцам по их просьбе: предполагалось подготовить из мальчиков переводчиков для будущих путешествий. У Писарро теперь имелись убедительные свидетельства контакта с окраиной богатой индейской империи.

Но по мере приближения к берегам Панамы Писарро начала беспокоить мысль, что вскоре повсеместно расползутся слухи о том, чему стали свидетелями участники экспедиции. Теперь и у других испанцев могла появиться идея направиться самим к этой территории, сулящей столь большие прибыли. Писарро оставалось только одно — вернуться в Испанию. Только обратившись собственноручно к королю и королеве, Писарро мог надеяться получить эксклюзивные права на завоевание и разграбление этого, по видимости, до сих пор не тронутого туземного королевства. В противном случае кто-нибудь еще мог наспех сколотить «завоевательную корпорацию», которая помешала бы Писарро в осуществлении его планов. Оставив Альмагро, которому было велено готовиться к следующему путешествию, Писарро пересек перешеек, заказал билет на отплывавший корабль и отправился в страну, которую он не видел уже тридцать лет, — в Испанию.

Пятидесятиоднолетний Франсиско Писарро прибыл в город-крепость Севилью в середине 1528 г. Король Фердинанд и королева Изабелла, спонсировавшие путешествие Колумба, умерли уже более десяти лет назад. Теперь на троне был их внук, двадцативосьмилетний Карл V. Писарро спешно направился в Толедо, где он испросил аудиенции у короля. Прошло уже почти три десятка лет с того момента, когда нищий двадцатичетырехлетний Писарро направился в Новый Свет искать удачу. У Писарро было за плечами три десятилетия опыта в исследовании новых земель и завоевании их, он принимал участие в экспедиции, открывшей Тихий океан. Ни один европеец до него не проходил так далеко в южном направлении вдоль побережья Южного моря. Привезя с собой ювелирные изделия, предметы одежды, некоторое количество золота и двух индейских мальчиков,

которые делали большие успехи в изучении испанского, Писарро теперь был готов предъявить козырную карту: тот факт, что он открыл не известную до тех пор туземную империю, на земле, которую он поименовал Перу.

Писарро, однако, вскоре обнаружил, что он оказался не единственным конкистадором, пытавшимся воздействовать на короля. Сорокатрехлетний Эрнан Кортес, завоевавший Ацтекскую империю за семь лет до этого, поразил королевский двор сокровищами, которые по своему количеству и ценности вполне могли составить конкуренцию сокровищам, добытым Александром Македонским. Большой специалист по части саморекламы, Кортес привез с собой сорок индейцев, в их числе и трех сыновей Монтесумы, ацтекского правителя, чью империю он завоевал, — в ходе этой борьбы Монтесума погиб. Кортес привез с собой индейских жонглеров, танцовщиков, акробатов, карликов и горбунов. В его багаже были совершенно фантастические головные уборы из перьев и мантии, веера, щиты, зеркала из обсидиана, бирюза, жадеит, серебро, золото. Были привезены такие животные, как броненосец, опоссум и пара рычащих ягуаров, которых до сих пор никто в Европе не видел.

Зрелищная демонстрация возымела желаемый эффект. Хотя Кортес рисковал, осуществляя завоевание Ацтекской империи, не имея на то особого королевского разрешения, король Карл отменил связанные с этим соображения, будучи пораженным тем, что ему было продемонстрировано, — он даровал великому завоевателю особую честь восседать рядом с собой. Король пожаловал Кортесу титул маркиза, объявил его генерал-капитаном Мексики, даровал ему поместье с 23 000 ацтекскими вассалами и определил ему 8 процентов от всех будущих доходов, которые принесут завоевания Кортеса. В результате одного взмаха королевского скипетра Кортес стал одним из богатейших людей Европы, равно как и одним из самых известных. Теперь, получив королевское покровительство, Кортес и завоеванные им области становились защищенными от хищнических устремлений других испанцев.

Храня еще свежие воспоминания о визите, нанесенном Кортесом, король Карл оказал Писарро теплый прием. Хотя усилия, предпринятые Писарро, растянулись на тридцать лет, масштаб его фигуры явно вырос: бывший крестьянин из Эстремадуры получал

аудиенцию у одного из самых могущественных правителей Европы. Вскорости сделавшийся императором Священной Римской империи, король Карл V правил не только испанскими королевствами, но также Нидерландами, в состав которых входили части территорий современных Австрии и Германии, Королевством обеих Сицилий, рядом островов в Карибском бассейне, Панамским перешейком и — благодаря недавнему завоеванию Кортеса — Мексикой. Королю и его окружению Писарро продемонстрировал лам, образцы индейской одежды, сосуды, керамику, многие другие предметы и затем подробно описал, что он со своей командой увидел на земле Перу: упорядоченно выстроенный город Тумбес, его здания, жителей, искусно вырезанные камни, внутренние стены помещений, покрытые мерцающими золотыми листами. Этот по большей части молчаливый конкистадор сделал хороший заход: в июле 1529 г., в то время как король готовился к коронации, королева Изабелла^[17] даровала капитулясьон, или королевскую лицензию, дававшую Писарро эксклюзивное право осуществлять завоевание земель Перу. Однако королева дала очень ясно понять, что именно ожидалось от Писарро:

«Что до Вас, капитан Франсиско Писарро, то ввиду выраженного Вами желания служить нам Вам предлагается продолжить вышеозначенные завоевание и колонизацию, полагаясь на собственные денежные средства, — так что мы никоим образом не обязаны платить Вам или покрывать Ваши возможные расходы, за исключением того, что обусловлено данным соглашением...

Во-первых, я даю Вам разрешение и власть... чтобы ради нас и во имя наше и во имя короны Кастилии Вы могли продолжать означенные изыскания, завоевание и колонизацию провинции Перу на протяженности в две сотни лье [700 миль] вдоль прибрежной линии...

[И] понимая, что Вы являетесь исполнителем воли Господа Нашего Бога, равно как и нашей, и имея целью оказать честь Вашей персоне и выказать Вам свое расположение, мы обещаем сделать Вас нашим управителем и генерал-капитаном всей провинции Перу, всей земли [и] деревень, приходящихся на эту протяженность в двести

лье, — на всю Вашу жизнь. Ежегодное жалованье Вам будет положено в сумме 725 000 мараведи^[18], считая от того дня, когда Вы отплывете от наших королевств, с тем чтобы продолжить означенную колонизацию. Выплаты Вам будут производиться из суммы доходов и прибылей, следующих нам в земле, которую Вы собираетесь колонизовать...

Далее, мы жалуем Вам титул губернатора означенной провинции Перу, а также должность Маршала оной же провинции — до скончания Ваших дней».

Это был превосходный договор — Писарро мог о таком только мечтать. Он был должным образом заверен у нотариуса, подписан и скреплен печатью. Королева, однако, давала ясно понять, что в плане финансирования Писарро следовало по большей части полагаться на себя. Поскольку Писарро являлся соучредителем Компании Леванта, он и его партнеры должны были собрать капитал, чтобы купить средства производства, при помощи которых можно было бы актуализировать основной род деятельности корпорации — грабеж. Корабли, ружья, ножи, мечи, кинжалы, пики, лошадей, порох, провизию — все необходимое для того, чтобы поставить туземную империю на колени, должны были подготовить сами конкистадоры, так же как они готовили это во время предыдущих экспедиций.

Писарро, учредив Компанию, обнаружив туземную империю и получив королевскую лицензию, тем не менее нуждался в дальнейшей помощи. Самым важным тут было сформировать большую группу молодых, решительных и хорошо вооруженных предпринимателей, которые были бы готовы отправиться вместе с ним в Новый Свет и следовать его указаниям. Не найти было лучшего места для этого, чем Эстремадура; и после встречи с королем Писарро направился в свой родной город Трухильо, с тем чтобы рекрутировать новый отряд конкистадоров.

Писарро без особых проблем нашел их, — создавалось ощущение, что каждый молодой испанец испытывал большое желание принять участие в очень «крутом» по меркам того времени предприятии. Кто в этом нищем регионе с засушливой землей и низкими урожаями не бросил бы все, появившись у него серьезный шанс в одночасье заполучить богатство и стать хозяином огромного поместья

в Новом Свете или же вернуться домой с этим богатством? В Трухильо Писарро подключил к этому мероприятию четверых своих единокровных братьев: двадцатидевятилетнего Эрнана, девятнадцатилетнего Хуана, восемнадцатилетнего Гонсало и семнадцатилетнего Франсиско Мартина. Пятеро братьев вскоре образуют ядро этого мероприятия; в последующие годы они останутся накрепко спаянным отрядом братьев, сколь бы трудными и страшными ни были встретившиеся на их пути обстоятельства.

Согласно некоторым сообщениям, вскоре после своего представления при дворе Эрнан Кортес, получивший высокие титулы и роскошные награды, встретился с Писарро. Так, на короткий момент жизненные траектории людей, каждому из которых было суждено завоевать империю, пересеклись. О чем они говорили? Никаких записей их беседы не существует. Но можно полагать, что сказочно богатый Кортес дал советы своему не менее амбициозному соотечественнику и что после их встречи последний был еще более решительно настроен повторить то, что Кортес осуществил в Мексике.

Наконец, в январе 1530 г., со своим отрядом будущих конкистадоров, ни один из которых до тех пор еще не был в Новом Свете, Писарро отплыл из Севильи. Прошло около трех лет, прежде чем в ноябре 1532 г. братья вместе с еще 163 испанцами оказались высоко в Андах, на пути к их судьбоносной встрече с Атауальпой, великим повелителем Перу.

3. СВЕРХНОВАЯ ЗВЕЗДА АНД

«Люди не довольствуются парированием атак превосходящего их по силе врага, но зачастую первыми наносят удар, чтобы предотвратить атаку. И мы не можем точно указать ту точку, где наша империя остановится: мы уже достигли той позиции, в которой нам не следует довольствоваться ее удерживанием, но мы должны стремиться продвинуть ее дальше, поскольку если мы прекратим управлять другими, то над нами нависнет опасность оказаться самим под властью других».

Фукидид, «История Пелопоннесской войны», V в. до н. э.

«Тогда Инка [император Пачакути] атаковал провинцию Сорас, находящуюся в сорока лье от Куско. Местные жители выступили, чтобы оказать сопротивление, по праву задавая вопрос, почему захватчики озаботились их землями. От них потребовали немедленно уйти, в противном случае им грозило изгнание силой. В результате завязалось сражение, и два города Сораса оказались вынуждены покориться... Воины Сораса были взяты в плен и увезены в Куско... В честь одержанной победы состоялись триумфальные празднества».

Педро Сармьенто де Гамбоа, «История инков», 1572

Когда в апреле 1532 г. Франсиско Писарро подошел на корабле к инкскому городу Тумбесу, готовый начать завоевание королевства Перу, он был поражен тем, насколько сильно изменился город с

момента его последнего визита. За четыре года до этого Тумбес являл собой аккуратный город, насчитывавший до тысячи жилых зданий, выстроенных из очень технично вырезанного камня. Теперь же город лежал в развалинах. Стены были снесены, дома уничтожены, и значительная часть населения исчезла. Что же здесь произошло?

Бродя по городу и вступая в разговор с его жителями, Писарро полагался на помощь своих переводчиков, Фелипильо и Мартинильо, местных мальчиков, которых он обучил испанскому. Благодаря им перед Писарро начала разворачиваться целостная картина того, что здесь случилось, — хотя отдельные конкретные детали были раскрыты лишь по прошествии многих лет.

Когда Писарро прибыл в Тумбес в 1528 г., Инкской империей правил могущественный император по имени Уайна Капак. Как раз в это время инки осуществляли военную кампанию на территории современного Эквадора, усмиряя местный мятеж, направленный против инкского правления.^[19] Сами инки представляли собой относительно небольшую этническую группу, происходившую из местности, лежащей далеко на юге, в долине Куско. На протяжении двухсот лет, примерно 1200 по 1400 г., инки постепенно консолидировали свою власть в долине Куско, завоеывая или смешиваясь с соседними племенами, — так, шаг за шагом они выстроили небольшое государство. Затем, в XV в., инки неожиданно предприняли ряд затяжных военных походов, они осуществили завоевание племен, населявших Анды и побережье. Их военные и организационные способности оказались совершенно исключительными: на временном промежутке приблизительно в шестьдесят лет инки, словно сверхновая звезда, взорвавшаяся в сердце Анд, превратили свое крошечное королевство, первоначально имевшее не более 100 миль в диаметре, в бескрайнюю империю, протянувшуюся на расстояние в 2500 миль.

Империя, скроенная инками, которые сами как этническая группа в свои лучшие времена насчитывали не более 100 000 человек, являла собой лишь последнее по очередности государственное образование в длинном ряду империй и королевств, которые возникали в Андах и на побережье на протяжении тысячи лет. Приблизительно за 12 000—15 000 лет до этого в Южную Америку прибыли первые люди. Их предки

предположительно переправились через обмелевший во время Ледникового периода Берингов пролив и населили пространство Северной и Центральной Америки. На континенте все еще явственны были следы этого ледникового периода, и на протяжении приблизительно 3000 лет люди поддерживали свое существование посредством охоты и собирательства, используя в ходе своей деятельности разнообразные каменные орудия. По мере постепенного исчезновения следов ледникового периода начали меняться флора и фауна, и приблизительно в 8000 г. до н. э. появились первые зачатки сельского хозяйства — археологи обнаружили остатки выращиваемого картофеля на территории современной Боливии. На протяжении пяти тысячелетнего периода — между 8000 и 3000 гг. до н. э. — люди на территории современного Перу сумели приручить животных (лам и альпак) и научиться выращивать растительные культуры (картофель, кукурузу, киноа, бобы, перец, кабачки, гуаву и т. д.), они стали отказываться от образа жизни, сориентированного на охоту и собирательство, и начали обосновываться в деревнях и городах, рассчитанных на постоянное местожительство. Чем больше производилось продовольствия, тем большими темпами росла численность местного населения. И затем нечто странное стало происходить на побережье.

Прибрежная равнина Перу представляет собой узкую полосу суши протяженностью в 1400 миль и шириной в 50 миль — на западе она ограничена Тихим океаном, а на востоке — Андами. На большей части ее протяженности царит исключительно засушливый климат, во многих областях дождя можно ждать на протяжении нескольких лет. Засушливую полосу пересекают, однако, более тридцати долин рек, несущих воды со склонов Анд в Тихий океан. В этих долинах в изобилии присутствуют как плодородная почва, так и вода — первоклассный род недвижимости для первых земледельцев. Между тем течение Гумбольдта, несущееся на север вдоль побережья, изобилует рыбой. Начиная примерно с 3200 г. до н. э. — приблизительно в тот период, когда египтяне возводили свои первые пирамиды, — жители северного побережья Перу начали выстраивать поднимающиеся уступами возвышения вдоль больших площадей, культовую архитектуру и крупные поселения. Специфической особенностью этого народа было то, что он не особенно занимался земледелием, а жил

преимущественно рыбой, добываемой в океане. Между тем в отдельных прибрежных долинах были группы населения, серьезно занимавшиеся сельским хозяйством, — они-то и начали создание собственных крупных поселений и выстраивание городских зданий.

Отмотаем вперед еще 3000 лет, и мы станем свидетелями процесса постепенного роста населения, соперничества за пахотные земли, подвижек в области производства продовольствия и факта завоевания более могущественным племенем примыкающих к области его обитания речных долин; все это привело к формированию первого государства — королевства Моче (100–800 гг.) на северном побережье Перу.^[20] Жизнь подданных королевства Моче довольно сильно отличалась от образа жизни земледельцев, проживавших к тому времени на территории на протяжении уже нескольких тысяч лет. Последние, к примеру, производили лишь столько зерна, чтобы его хватило для собственного потребления и для засева в последующий вегетационный период. Они не платили никаких налогов и никому ничем не были обязаны. Однако когда появились первые королевства, от земледельцев уже требовалось производство излишка продовольствия, превышавшего их собственные потребности. От них теперь требовалась сдача этого излишка — для удовлетворения жизненных потребностей правителя и зарождающегося класса элиты. На протяжении тысяч лет в ряде прибрежных и горных областей постепенно начала образовываться страта налогоплательщиков — новый класс в человеческом обществе. Так зародилась «цивилизация», которая в своей первоначальной форме может быть определена как становление сложного социального порядка, основывающегося на разделении труда между правителями и земледельцами. Тут, в бесплодных пустынях Перу и высоко в андских горах, имела место своего рода революция, которой суждено было сформировать основу всех последующих перуанских цивилизаций. Небольшие группы населения, или элиты, обрели возможность управления значительно более многочисленными массами народа.

В разное время возникали большие государственные образования со сложным политическим устройством — такие как Тиванаку, Вари и Чиму. К примеру, к 900 г. в районе озера Титикака достигла своего расцвета цивилизация Тиванаку, насчитывавшая к тому времени уже более семи сотен лет; она воздвигла огромные превосходно

вытесанные каменные монолиты и храмы. В обиходе этой цивилизации были медные орудия. Она имела свою столицу с населением от 25 000 до 50 000 человек, расположенную на высоком плоскогорье на высоте 4200 м (для сравнения — население Лондона к тому времени насчитывало менее 30 000 человек).

В 1400-е годы, когда цивилизация Тиванаку уже исчезла, на северо-западном побережье Перу постепенно усиливала свое доминирование империя Чиму, завоевывавшая одну за другой речные долины, — так, она расширила область своего господства почти на 1000 миль: от Тумбеса на севере до того места, где ныне находится столица Перу Лима. Если бы испанцы прибыли в Перу на сто лет раньше, в 1432 г., а не в 1532 г., то их летописцы, вне всякого сомнения, с азартом писали бы о великой империи Чиму и о ее золотых сокровищах, тогда как крошечное инкское королевство, лежавшее далеко на юге, практически и не заметили бы.

Но по ходу того, как правители Чиму вели государственные дела в своей империи, прокапывали ирригационные каналы и собирали налоги в виде трудовой повинности крестьянских масс, находившихся под их контролем, далеко на юге неожиданно начало расцветать крошечное Инкское королевство. Согласно инкской легенде, инкский «Александр Македонский», который дал начало этому процессу, носил имя Куси Юпанки. Ко времени его восхождения на престол, имевшего место в начале XV в., королевство инков имело довольно небольшую территорию, центром которой была долина Куско, лежавшая на высоте 11 300 футов над уровнем моря. Надо сказать, что королевство инков ничем особенно не отличалось от других королевств, существовавших ранее на территории Перу: крестьяне отдавали себя во власть королям-воителям, высокопоставленное положение которых объяснялось их божественным происхождением. Существовала легенда, что правители Перу снизошли из источника всей жизни на земле — из Солнца.

Поскольку земля и другие природные ресурсы имелись в ограниченном количестве, правители перуанских высокогорных королевств и более мелких государственных образований постоянно были готовы отразить атаки других государств либо же сами готовили нападения. Правители должны были защищать как плодородную почву, которую они унаследовали или захватили, так и поддерживавших их крестьян. Только поддерживая целостность своих

государств, правители и примыкавшая к ним элита могли удержаться у власти и сохранить свое привилегированное положение. Из всех личностных качеств правителя главными были его способности как воина. И поскольку они жили в мире постоянных соперничающих устремлений, в котором враждебное королевство, осуществляющее территориальную экспансию, могло представлять собой смертельную угрозу, то правящие элиты хорошо осознавали, что иметь максимально большое по размерам королевство — это явное преимущество. Чем крупнее королевство, тем большее количество воинов можно будет собрать, тем менее уязвимым будет государство в случае нападения на него.

Согласно изустной инкской истории, в начале XV в. королевство Чанка, располагавшееся в области Андауайлла, к западу от Куско, начало активно претендовать на плодородные долины, принадлежавшие крошечному инкскому королевству. Выстроив свою армию, чанки двинулись на восток, намереваясь аннексировать инкское королевство и за счет этого расширить свои собственные владения. Победа казалась неизбежной, поскольку численность инкского населения тогда была низкой и инки в тот период были еще слабыми и политически разьединенными.

Сидевший тогда на инкском троне король Виракоча Инка был уже достаточно старым. Вместо того чтобы принять сражение, он решил бежать из столицы, укрывшись в крепости. Однако инициативу перенял один из его сыновей, Куси Юпанки: он в самое короткое время заключил союзы с жившими поблизости этническими группами, собрал войско и дерзко выступил против чанков. В последовавшей за тем яростной битве, в ходе которой были задействованы тяжелые дубинки с каменными или медными наконечниками, инки наголову разгромили чанкское войско. Событие, которое, как представлялось сначала, должно было вылиться в неминуемую катастрофу, в результате обернулось полной победой.

Низложив своего отца, Куси Юпанки решил затем взять себе имя Пачакути, что означает «сотрясатель земли», или «тот, кто переворачивает мир вверх дном». Имя было вполне подходящим, поскольку Пачакути немедленно приступил к глобальному реструктурированию инкского королевства, — он спроектировал новые главные улицы в его столице Куско, также король распорядился

строить здания в новом стиле, получившем название «имперского», подразумевавшего кладку очень точно и качественно вытесанных камней. Как пишет летописец Педро Сармьенто де Гамбоа, далее Пачакути «обратил свой взгляд на материальное положение людей. Видя, что имеющейся пахотной земли недостаточно, Пачакути вышел из города и отошел на расстояние в четыре мили, — там он оценил природные условия и находившиеся в этой местности деревни. Он выселил всех жителей, проживавших на расстоянии менее двух лье от города. Земли обезлюдевших деревень был и отданы городу и его жителям, пострадавшие при этом люди были расселены в других местах. Жители Куско были весьма рады такому решению, Пачакути заработал их расположение, оделив их материальными благами, отобранными у других; себе он взял долину Тамбо».^[21]

Помня о недавней атаке со стороны чанков, когда инкскому королевству угрожало полное уничтожение, Пачакути вскоре обратил свое внимание на ситуацию, сложившуюся на границах государства — до большинства из них можно было добраться за два дня пешего перехода. В прошлом инкские короли время от времени подвергали грабительским набегам соседние деревни, собирая с них дань. Пачакути стал первым правителем, предпринявшим захват примыкающих к королевству земель в массовом масштабе. Он понимал, что грабеж — это разовое мероприятие, тогда как контроль над средствами производства — землей и крестьянами — предоставляет практически неистощимый источник силы и власти. Вскоре, набрав армию из крестьян, Пачакути предпринял ряд военных походов такого масштаба, о котором и мечтать не могли прежние инкские короли. Сначала он направился в южном направлении, миновал со своим войском озеро Титикака и двинулся далее на территорию современной Боливии и северного Чили, по ходу осуществляя завоевание всех этих земель. Обратив затем свой взор на северо-запад, Пачакути осуществил быстрое завоевание королевств, племен и городов-государств, рассыпанных в горах Анд. Смелые набеги, предпринимавшиеся Пачакути и его сыном Тупаком Инкой, в результате привели к обрушению империи Чиму, расположенной на северо-западном побережье. Всего лишь за несколько десятилетий инкскому предводителю и его сыну удалось захватить гористую

андскую территорию протяженностью в 1400 миль, а также примыкающую к горам прибрежную полосу. Инки отныне перестали быть маленькой этнической группой, уязвимой для атак со стороны армий соседних королевств. Пачакути стал первым королем, создавшим настоящую империю — обширную мультиэтническую конгломерацию, которая была сцементирована посредством серии завоевательных походов, и отныне Пачакути управлял ею вместе с небольшой группой инкской элиты.

Пачакути назвал свою новую империю Тавантинсуйю, или «четыре соединенных части»: он разделил ее на четыре области — Чинчайсуйю, Кунтисуйю, Колласуйю и Антисуйю.^[22] Столица Куско лежала в точке пересечения всех четырех суйю. В известном смысле Пачакути и Тупак Инка создали завоевательное предприятие. Посредством угроз, переговоров или кровавых операций они добивались подчинения новых областей, облагали крестьян налогами и ставили во главе этих провинций инкского управителя и местную администрацию, которые были уполномочены осуществлять общий контроль и взимать подати. Если местные элиты были готовы к сотрудничеству, им дозволялось сохранять свое привилегированное положение, и они получали изрядное вознаграждение. Если же они не были настроены сотрудничать, инки уничтожали и их, и всех тех, кто их поддерживал. Крестьяне представляли собой урожай, который следовало «сбирать» посредством обложения податями. Покорные работники, создававшие излишки, представляли собой более ценную форму урожая, чем пять тысяч сортов картофеля, которые инки выращивали в Андах. Эта трудовая масса и возделываемые ею земли были очень нужны инкам: облагая налогами крестьянский труд, инкская элита продолжала наращивать свое богатство и могущество.

Тупаку Инке, который осуществил успешные походы на север и на побережье, удалось также расширить границы Инкской империи далеко на восток, от холодных высоких андских равнин до знойных амазонских джунглей. Затем он отодвинул южную границу империи еще на 700 миль — теперь она находилась южнее современного Сантьяго.

К тому времени, когда на троне оказался сын Тупака Инки, Уайна Капак, Инкская империя достигла своего максимального расцвета, ее территориальная экспансия почти завершилась. Ее территория

протянулась от южной Колумбии до центрального Чили, от Тихого океана — через широкую цепь Анд с ее шестикилометровыми пиками — до амазонских джунглей. Поразительным образом инкской элите, составлявшей порядка ста тысяч человек, удалось в итоге взять под свой контроль население в десять миллионов человек. За границами империи уже не обнаруживалось ни соседствующих королевств, ни компактного крестьянского населения, которое можно было бы подчинить себе, имелись лишь полудикие племена, контролировать которые было невозможно. В этих областях инки определили свои границы и построили крепости, чтобы защищать себя от набегов не имевших государственного оформления «варварских» племен. Захват инками Анд произошел всего лишь за несколько десятилетий — во время правления Пачакути и Тупака Инки. Внук Пачакути Уайна Капак ограничил свою военную деятельность умиротворением последних оставшихся мятежных племен на севере.

После того как Уайна Капак завоевал большую часть территории современного Эквадора, до него стали доходить известия о новой опасности, угрожавшей его империи. Однажды при дворе появились туземные гонцы, или часки, сообщившие о появлении на севере новой ужасной болезни, выкашивающей население. Сначала у пораженных ею людей появляется сыпь по всему телу, потом они слабеют и умирают. Гонцы докладывали, что положение было очень серьезным: эпидемия распространялась в направлении Кито, где в то время жили Уайна и его королевская свита. Описания бедствия выглядели достаточно ужасно, чтобы побудить императора уединиться и начать поститься, с тем чтобы избежать контакта с носителями загадочной эпидемии. Но было уже слишком поздно. Согласно описанию летописца Хуана Бетансоса, Уайна Капак вскоре «заболел, и болезнь отняла у него рассудок; на коже у него появились изъязвления наподобие признаков лепры; тело его очень ослабло. Когда придворные услышали, что все зашло так далеко, они пришли к нему; вдруг показалось, что он немного пришел в себя, и они попросили его назвать имя нового правителя, поскольку сам он уже доживал последние дни».

Император сказал придворным, что в том случае, если приметы будут благоприятствовать, то империю должен был унаследовать его

сын Нинан Куйоче, в противном же случае на трон должен был взойти другой его сын, Уаскар. Инкские жрецы зарезали ламу, извлекли ее легкие и затем стали внимательно изучать ее кровеносные сосуды, ища предзнаменования. Рисунок расположения кровеносных сосудов указывал на мрачное будущее и для Нинана, и для Уаскара. Но к тому времени, когда жрецы вернулись с этим известием, великий Уайна Капак, повелитель самой большой империи в Америке, уже скончался. В соответствии с тем, как им было велено, жрецы пошли искать молодого претендента на трон, «но когда они прибыли в Туми-Пампу, они обнаружили, что... Нинан Куйоче уже стал жертвой этой эпидемии».

Как раз тогда, когда Уайна Капак умирал от этой загадочной болезни, ему донесли о странном корабле, прибывшем с севера и бросившем якорь у берегов отвоёванного у Чиму города Тумбес. Императору сообщили о том, что пассажиры корабля светлокожи, у них длинные бороды и что они располагают странными предметами (аркебузами), производящими дым и издающими громopodobные звуки. Таково было первое впечатление туземцев от второй экспедиции Франсиско Писарро, в ходе которой он вместе с отрядом своих людей бросил якорь у берегов города Тумбес, и один любознательный представитель инкской знати взобрался на борт. Писарро тогда не имел еще представления об эпидемии, которая добралась до Перу раньше его.

Болезни из Старого Света прибыли в Карибский бассейн уже в 1494 г. — они были завезены участниками второй экспедиции Колумба. Колумб не только начал переправлять людей из Старого Света в Новый, он невольно открыл дорогу туда патогенным микроорганизмам, смертоносным и невидимым. Такие болезни, как оспа, корь, бубонная и легочная чума, тиф, холера, малярия и желтая лихорадка, начали попадать в Америку одна за другой или же совокупно. Они быстро распространились среди местного населения, которое ввиду своего изолированного существования не имело к ним иммунитета. Эпидемия оспы шла и по следам экспедиции Эрнана Кортеса, пришедшего на землю ацтеков, которые называли это ужасающее бедствие «уэй сауатль», или «большая сыпь». Живший в XVI в. испанский историк Франсиско Лопес де Гомара писал:

«Это была ужасная болезнь; и много людей умерло от нее. Никто не мог ходить; люди могли только лежать на своих кроватях. Никто не мог двигаться — даже просто повернуть голову. Невозможно было лежать ни на животе, ни на спине, невозможно было повернуться с одного бока на другой. Когда люди двигались, они кричали от боли».

После произведенного опустошения среди ацтекского населения, что облегчило Кортесу завоевание их империи, эпидемия оспы начала продвигаться на юг, сея смерть в Центральной Америке, а затем перекинулась на южноамериканский континент, где быстро разносилась туземным населением. Примерно в 1527 г. микробы, перенесенные через океан Колумбом, добрались наконец до окраин Инкской империи, забрав жизнь Уайны Капака и его наследника.

Примерно два года спустя после того, как Писарро побывал в Испании с целью добиться разрешения на завоевание земель Перу, захватывать эту страну начал смертоносный вирус оспы. Занесенный из Европы, он не только убил инкского императора, но и привел к развязыванию жестокой войны за наследование престола, теперь грозившую уничтожить империю, которую Писарро надеялся однажды завоевать.

Подобно европейским королевствам, инкская страна представляла собой монархию, в которой власть переходила от отца к сыну. Отличие заключалось в том, что инкский император имел несколько жен, и у инков отсутствовала традиция первородства — право старшего сына наследовать титул и имущество родителей.

На протяжении своей истории европейцы постоянно демонстрировал и династическую борьбу за престолонаследие. Это соперничество было обычным явлением, и Шекспир под рукой имел достаточно материала для основы его трагедий. Однако разница между европейским и инкским вариантами монархий заключалась в том, что у инков кровавые династические распри были ожидаемы; они представляли собой норму, а не исключение. Очевидно, идея заключалась в том, что если претендент достаточно хитер, храбр и агрессивен, чтобы захватить трон, то он, по-видимому, обладает всем тем, что необходимо для управления империей. Таким образом, порядок престолонаследия в Инкской империи подразумевал приход

наверх наиболее дееспособного кандидата. Даже если император сам определял фигуру наследника, не было никаких гарантий в плане того, что переход пройдет гладко. Отсутствие наследника либо наличие указания на фигуру онога, как это имело место в случае с сыном Уайны Капака, отнюдь не снимало с повестки дня ожесточенную борьбу за престолонаследие. Таковая и началась в Перу около 1517 г.

После смерти Уайны Капака его сын Уаскар был коронован как император в Куско, в 1000 милях к югу от Кито. Другой его сын, Атауальпа, остался в Кито, который Уайна Капак превратил во вспомогательную столицу в ходе своих военных походов на территорию современного Эквадора. Атауальпа и Уаскар приходились друг другу единокровными братьями — у них были только разные матери. На момент смерти их отца оба они находились на середине третьего десятка лет. Надо заметить, что у них были совершенно различные типы характера и жизненных увлечений. Атауальпа родился в Куско, прожил много лет на севере со своим отцом, проявлял живой интерес к военному искусству и был известен своей крайней суровостью к тем, кто в чем-либо перечил ему. Уаскар же родился в деревушке недалеко от Куско, он не проявлял особого интереса к военному делу, чрезмерно много пил, имел обыкновение спать с замужними женщинами и, по некоторым сведениям, убивал их мужей, если те выражали свое недовольство.^[23] Если Атауальпа был серьезным человеком, то Уаскар был повесой. Но каждый из них серьезно относился к своим титулам и привилегиям, и если последним грозила хоть малейшая опасность, то братья становились безжалостными.

Хотя у Атауальпы и Уаскара был один отец, они принадлежали к разным аристократическим родам, или панакам. Атауальпа через свою мать принадлежал к роду Атун айлью, тогда как Уаскар относился к роду Капак айлью. Оба эти рода соперничали между собой, вели борьбу за верховенство на протяжении нескольких поколений. И поскольку высвечивавшийся вопрос о престолонаследии зачастую давал начало открытой политической войне, то такие моменты, как отсутствие Атауальпы на похоронах отца в Куско и на последовавшей вслед за тем церемонии коронации Уаскара, заставили последнего проявлять подозрительность. Паранойя Уаскара, которая, вне всякого сомнения, имела своим источником инкскую историю, изобиловавшую

рассказами о жестоких дворцовых переворотах, настолько обострилась, что он, по некоторым сведениям, даже убил нескольких своих родственников, сопровождавших тело его отца в Куско, подозревая их в подготовке переворота.

Подозрения, зародившиеся у Уаскара, полностью завладели им. Только что коронованный император в итоге решил начать военный поход, с тем чтобы раз и навсегда разрешить вопрос о престолонаследии. Однако это решение было не слишком взвешенным и поставило Уаскара в невыгодное положение. Ввиду того что отец Уаскара, Уайна Капак, осуществлял масштабные военные кампании на севере, ныне брат Уаскара, Атауальпа, имел под своим командованием самые закаленные войска империи. Этими войсками руководили самые блестящие полководцы империи, которые присягнули на верность Атауальпе. Уаскар же оказался вынужден сколачивать войско из новобранцев, не имевших никакого опыта военной службы. Тем не менее Уаскар, не медля, пошел в наступление, направив свою армию на север, на территорию современного Эквадора; командовал походом военачальник Аток («Лис»).

Две инкские армии сошлись на равнине Мочакакса, к югу от Кито. Там армия северян одержала первую победу в этой гражданской войне. Но, несмотря на этот успех, Атауальпа не был склонен демонстрировать мягкость. Схваченного полководца Атока сначала пытали, а затем казнили с использованием дротиков и стрел. Атауальпа распорядился сделать из черепа Атока позолоченную чашу, которую, как это зафиксировали испанцы, Атауальпа продолжал использовать и четыре года спустя.

Теперь, когда военный перевес был на стороне Атауальпы, его полководцы начали постепенно оттеснять силы Уаскара все дальше и дальше на юг. После длинной череды побед, одержанных армией Атауальпы, в окрестностях Куско состоялся решающий бой, в ходе которого инкский император был захвачен в плен. Вот как это описывает испанский летописец Хуан де Бетансос:

«Уаскар был тяжело ранен, его одежда была изорвана в клочья. Поскольку раны были не смертельными, [полководец северян] Чалкучима не позволил их обрабатывать. Когда рассвело, войско Чалкучимы принялось делить добытые

трофеи. У Уаскара забрали его тунику. А ему дали одежду одного из его солдат, погибших на поле сражения. Туника Уаскара, его золотые алебарда и шлем, щит, украшенный золотом, его перья с головного убора и знаки отличия были отосланы Атауальпе. Уаскар присутствовал при этом. [Военачальники] Чалкучима и Кискис хотели, чтобы Атауальпа имел почетную возможность попать ногами эти вражеские трофеи».

Армия Атауальпы с триумфом вошла в Куско. Во главе ее шли два лучших военачальника северян — Кискис и Чалкучима, с успехом завершившие четырехлетнюю военную кампанию. Можно только представить себе, что думали жители Куско, когда видели своего бывшего императора, лишенного всех знаков отличия и королевской одежды, — теперь на нем были заляпанные кровью обноски. Его вели по улицам связанным, в то время как полководцы северян величественно восседали на богато декорированных носилках.

Каковы будут последствия этой закончившейся гражданской войны, предвидеть было несложно. Вскоро инкские солдаты схватили жен и детей Уаскара и отвели их в поселок Кикпай, находившийся вблизи Куско. Там чин администрации северян «заявил, что теперь заключенные под стражу должны будут выслушать обвинения, выдвинутые против них. Им разъяснили, почему они оказались приговорены к смерти». На глазах у Уаскара солдаты начали убивать его жен и дочерей одну за другой. Солдаты вырывали неродившихся младенцев из чрева их матерей и вешали их на их собственной пуповине. «К остальным мужчинам и женщинам, взятым под стражу, перед казнью применяли пытку, носящую название „чакнак“ („бичевание“), — писал испанский летописец Бетансос. — После истязаний их убивали, разбивая им головы на куски боевыми топорами „чамби“».

Так, в ходе последнего кровавого бесчинства военачальники северян уничтожили практически всех возможных продолжателей рода Уаскара. Затем Уаскар оказался принужден начать долгий путь в северном направлении, чтобы встретиться лицом к лицу со своим братом.

Между тем Атауальпа направился из Кито на юг, в город Кахамарку, находившийся на севере современного Перу, примерно в шести сотнях миль к северу от Куско. Там он стал ожидать известий о результате атаки его военачальников на столицу. У инков существовала очень искусная система передачи сообщений, и в донесении всех перипетий последней битвы должно было быть задействовано более трехсот гонцов часки. Для того чтобы новость достигла адресата, требовалось по меньшей мере дней пять.

Хотя внимание Атауальпы и было сконцентрировано на неиссякаемом потоке победных реляций, направляемых его военачальниками, он уже стал вплотную заниматься подготовкой к своей предстоящей коронации, которая должна была состояться в Куско, городе его юности. Там Атауальпа возглавил бы массовые празднества: шествия, пиршества, ритуальные жертвоприношения, разгульные попойки и, наконец, сам величественный церемониал коронации. Затем по идее должны были последовать десятилетия ничем не прерываемого и не омрачаемого правления Атауальпы.

Но было еще одно небольшое дело, которому Атауальпа должен был уделить внимание, прежде чем начать свой триумфальный поход на юг. Часки сообщали о небольшом отряде чужеземцев, довольно странных на вид, которые вот уже несколько месяцев пробираются через Анды — в направлении нынешнего местопребывания Атауальпы. Некоторые из чужеземцев ехали верхом на огромных животных, которых инки даже не могли обозначить никаким словом, поскольку никогда их до тех пор не видели. У чужестранцев была густая растительность на лице. Они имели при себе палки, из которых исходили громopodobные раскаты и клубы дыма. Хотя количество чужестранцев было невелико — кипу гонцов указывали, что их было 168, — они вели себя дерзко и крайне непочтительно: они уже подвергли пыткам и убили несколько местных вождей. Но вместо того чтобы сразу же распорядиться об уничтожении чужеземцев, Атауальпа решил позволить им пройти еще некоторое расстояние. Находясь под защитой своей армии, Атауальпа мог позволить себе удовлетворить свое любопытство и посмотреть на этих странных людей и на их еще более странных животных.

Это был ноябрь 1532 г., в Южном полушарии в этот период года начинался переход к лету. Дожидаясь главной победной реляции из

Куско, Атауальпа, вне всякого сомнения, должен был на какое-то время задуматься об этом странном вторжении с запада. Кто были эти люди? Как они могли осмелиться вторгнуться в империю, если его армия могла в один миг сокрушить их? Выслушивая последнее сообщение о храбрых, но явно глупых посягателях на его территорию, а также намного более интересные ежедневные новости, поступающие с юга, Атауальпа поднял позолоченный череп своего бывшего врага, Атока, отпил из него, после чего вплотную занялся более насущными делами.

4. КОГДА СТАЛКИВАЮТСЯ ИМПЕРИИ

«Со своей стороны мы не будем демонстрировать вам благовидные предлоги касательно того, что у нас есть права на свою империю, поскольку мы низвергли мидян, или объяснять наше нынешнее нападение на вас тем злом, которое вы нам причинили, и пускаться в связи с этим в длинные разглагольствования, которым все равно нет особой веры. Вы, так же как и мы, знаете, что право — это вопрос, дискутируемый между равными по силе и могуществу, ибо сильные делают то, что они могут, слабые же претерпевают то, что должны».

Фукидид, «История Пелопоннесской войны», V в. до н. э.

Находясь среди руин Тумбеса, Писарро узнал об общей ситуации в целом. Ему сообщили, что он находится на окраине империи, на территории которой имела место война между двумя братьями королевской крови. Тумбес лежал в руинах, поскольку его жители — не этнические инки, а подданные существовавшей ранее империи Чиму, завоеванной последними, — встали на сторону одного из братьев, Уаскара. Город был атакован и сметен до основания армией брата Уаскара, Атауальпы, который теперь находился в горах, примерно в двух сотнях миль к юго-востоку.

Страшные известия о междоусобной войне, болезнях и опустошениях могли только подстегнуть конкистадоров. За двенадцать лет до этого в Мексике Эрнан Кортес с успехом сыграл на внутренних политических противоречиях для того, чтобы сокрушить мощную Ацтекскую империю. Едва успело завершиться то завоевание, как Писарро прибыл на землю инков к тлеющим очагам полномасштабной гражданской войны. Он, несомненно, хорошо осознавал, что может с

равным успехом присоединиться как к той, так и к другой стороне — с тем чтобы в итоге обе их уничтожить. Но сначала он должен войти с одной из сторон в контакт.

Писарро и его люди стали первым отрядом европейцев, совершившим восхождение в Анды, горную цепь, протянувшуюся в длину более чем на 4000 миль и имеющую несколько пиков высотой более 20 000 футов.^[24] Пробираясь по горной инкской тропе, в одном городе испанцы обнаружили огромное количество погибших людей, подвешенных за ноги. Это были жители селения, выразившего приверженность режиму Уаскара и в отместку уничтоженного его братом. Получив известие, что Атауальпа знает об их местонахождении, и желая выведать, какие силы он может выставить против них, испанцы захватили в плен туземца, располагавшего, как они думали, нужными сведениями, и, поскольку он оказался не слишком разговорчив, подвергли его допросу с пристрастием. В результате тот поведал, что Атауальпа ожидал испанцев с недобрыми намерениями. Он был готов подвергнуть иноземцев смертной казни.

Встревоженные, однако так окончательно и не решившие, верить этому человеку или нет, конкистадоры продолжали свое восхождение в горы. Ночью «они отдыхали в привезенных с собой хлопковых шатрах. Испанцы разводили костры, чтобы спастись от сильного холода. В какой-то степени их защищал от стужи низкорослый ковыль. В этих местах вода была такой холодной, что ее нельзя было пить, не подогрев».

Испанцев было 168 человек: 106 человек шли пешими и 62 конкистадора ехали верхом. Они не знали, сколько человек находилось под командованием Атауальпы. Но туземцы, которых они допросили, рассказали, что Атауальпа имел под своим началом большую армию. Писарро к этому времени исполнилось пятьдесят четыре года. Его сопровождали четверо его сводных братьев: тридцатиоднолетний Эрнан, который был одним из его главных военачальников, двадцатиоднолетний Хуан, двадцатилетний брат Гонсало и девятнадцатилетний брат по линии матери Франсиско Мартин. До этого ни один из его сводных братьев не имел опыта покорения туземных народов.

Впереди отряда на своем красивом коне гарцевал один из новоприбывших, Эрнан де Сото, будущий исследователь Флориды и первооткрыватель реки Миссисипи. Фатоватый тридцатидвухлетний Сото прибыл на своем корабле незадолго до отбытия Писарро из Тумбеса. Он привез с собой тщательно отобранных людей, и Писарро немедленно сделал его военачальником.

Также за Писарро следовала группа деятельных предпринимателей — хорошо вооруженных, вложивших свой капитал и потому рассчитывающих на пропорциональный куш в будущей добыче. Кроме того, в обозе было несколько черных рабов, дюжина нотариусов, четверо из которых позднее оставили свой отчет об этой экспедиции, монах-доминиканец, несколько мориск (женщин из рода крещеных мавров, обычно занимавших низшее, рабское положение в обществе), несколько рабов-туземцев из Никарагуа и некоторое число торговцев. Последние не горели желанием участвовать в сражениях, они хотели лишь продать свои товары конкистадорам в кредит, надеясь получить в дальнейшем вознаграждение в виде обнаруженного золота. Эти торговцы, очевидно, полагались на старую испанскую поговорку «Денежка к денежке», надеясь в итоге обрести большой прибыток с вложенной ими денежной суммы.

15 ноября сцена была уже подготовлена для второго крупного столкновения двух цивилизаций. В первом столкновении принимали участие ацтеки: это была яростная борьба, которая продолжалась три года и завершилась пленением ацтекского императора, массовой резней, учиненной Эрнаном Кортесом, и разрушением до основания ацтекской столицы. Теперь, когда Писарро взшел со своим испанским отрядом по горной тропе и занял расположение над долиной Кахамарка, две мощных силы вновь были готовы сразиться. Недалеко отсюда, на склоне холма, встало лагерем войско Атауальпы. Нотариус Мигель де Эстете писал:

«Мы увидели такое количество палаток, что это вселило в нас настоящий страх. Мы никогда не думали, что у индейцев может быть такое хорошее оснащение. Ничего подобного мы до сих пор не видели в Индии. Это посеяло среди нас замешательство и страх, хотя для нас несвойственно было демонстрировать испуг или

поворачивать вспять. Если бы мы продемонстрировали хоть малейшие признаки слабости, то те самые индейцы [проводники], которых мы привели с собой, убили бы нас. Так, симулируя приподнятое расположение духа, мы, внимательно осмотрев город Кахамарку и палаточный лагерь... спустились в долину и вошли в Кахамарку».

Испанцы въехали в город на своих лошадях, звонко вышагивавших по каменным мостовым города. Город оказался пуст — большинство его жителей либо спрятались, либо бежали. Нотариус Франсиско де Херес так его описывал:

«Данный город является главным в этой долине. Он расположен недалеко от подножия горы, перед ним расстилается равнинное пространство. Через долину протекают две реки. Долина эта изрядно заселена, ее окружают горы. Город насчитывает 2000 жителей... главная его площадь по своим размерам больше, чем городские площади в испанских городах. Она полностью окружена стенами, с двух сторон в них имеются ворота, выходящие на городские улицы. Длина зданий — более двухсот шагов. Они очень хорошо сделаны. Их окружают мощные стены примерно 5 футов в высоту. Дома имеют соломенные и бревенчатые кровли. Стены сложены из очень хорошо вытесанных каменных блоков».

Писарро повел свой отряд на главную площадь. Окруженная стеной, в которой имелось только две пары ворот, площадь представлялась самым надежным местом, где можно было спокойно дожидаться послания от инкского правителя. Но тут пошел град, крошечные ледяные шарики запрыгали по мостовой. Испанцы укрылись в зданиях из тесаного камня, выстроенных по периметру площади и имевших вид галерей. Вестников от Атауальпы не появлялось, так что нетерпеливый Писарро решил направить пятнадцать лучших своих кавалеристов под водительством капитана де Сото, чтобы они пригласили инкского императора на встречу.

Писарро принял мудрое решение, поскольку, помимо него самого, это был самый опытный конкистадор в отряде. Сото прибыл в Перу с уже сложившейся репутацией. Доблестный, храбрый, хорошо владевший оружием, он также был великолепным наездником. Он прибыл в Новый Свет еще в юном возрасте. Это было в 1513 г., когда Бальбоа и Писарро открыли Тихий океан. Несмотря на юный возраст, карьерный взлет у Сото был феерическим.

К своим тридцати годам Эрнан де Сото уже обладал огромными поместьями в недавно завоеванном Никарагуа, и он вполне мог уйти на покой. Не менее амбициозный, чем Кортес и Писарро, Сото желал обрести властные полномочия — управлять туземным царством. Сото и его партнер Эрнан Понсе де Леон заключили соглашение с Писарро: в том случае, если Сото и его компаньон предоставят два корабля и военный отряд, Писарро поделится с ними командными полномочиями и частью самых отборных плодов, которые должно было принести планировавшееся завоевание Перу. Два года спустя высоко в Андских горах тридцатидвухлетний Сото вел передовой конный отряд по мощеной дороге, соединявшей Кахамарку и лагерь самого могущественного туземного вождя на американском континенте.

По словам Хереса, «инкский лагерь был разбит на склоне небольшого холма. Хлопковые палатки растянулись на расстояние трех с половиной миль. В центре находился шатер самого Атауальпы. Все воины стояли за пределами своих палаток, их длинные копья, напоминающие пики, были воткнуты в землю. В лагере, по-видимому, находилось более тридцати тысяч воинов».

Сото со своим отрядом проехал сквозь бесконечные неподвижные ряды инкской пехоты, в молчании взиравшей на него. Войска не проявляли никаких эмоций, но, безусловно, их должен был удивить вид этих бородатых людей, облаченных в блестящее металлическое обмундирование. Также индейцев должны были поразить диковинные животные под иноземцами, отдаленно напоминавшие гигантских лам. Не пользуясь мостом, испанцы пустили лошадей напрямик через неглубокую реку. У берега второй реки Сото приказал своим людям остаться на этом месте, с собой он взял только двух человек из своего отряда и переводчика Фелипильо: предстояла встреча с инкским императором.

Вскоре показалось здание, оказавшееся купальней: там имелся внутренний двор, в центральной части которого был выложен искусственный водоем из гладкого камня. К купальне были проложены две каменные трубы — одна из них подводила горячую термальную воду, а вторая холодную воду. На лужайке перед внутренним двором сидел человек на низком сиденье. На нем была длинная туника, множество золотых украшений и алая налобная повязка. Хотя этот человек и не поднял головы, по его манерам и по тем знакам почтения, которые ему выказывали окружающие, Сото понял, что это не кто иной, как Атауальпа, великий инкский император. По прошествии четырех лет странствий отряд Писарро получил наконец возможность лицезреть «великого повелителя Атауальпу, о котором столько всего было наслышано. Он сидел на маленьком, очень низком стульчике, похожем на те, которыми обычно пользуются турки и мавры. Он излучал такую величественность, какую до сих пор не приходилось встречать». Другой свидетель рассказывал: «Он сидел, демонстрируя бесконечную величественность, вокруг него стояли все его женщины. Чуть поодаль стояли индейские вожди, место каждого определялось его рангом».

Все инкские представители знати носили головные повязки и одежду с узорчатыми символами, обозначающими их ранг и место происхождения, инкский правитель один во всей десятиллионной империи мог носить головную повязку со священной бахромой, или маскайпачей. Искусно вытканная его служанкам и, мамаконам и, изящная бахрома окаймляла головную повязку. Эта бахрома была сделана «из очень тонкой алой ткани, исключительно ровно вырезанной и очень искусно скрепленной посередине маленькими золотыми столбиками. Полоски ткани были соответствующим образом связаны, но ниже столбиков они были уже развязаны, и эта часть ниспадала на лоб... Эта бахрома, спадавшая на лоб, была в дюйм толщиной».

Дерзкий и бесстрашный, Эрнан де Сото направил своего коня по направлению к инкскому императору, приблизившись так близко, что дыхание лошади заставило бахрому налобной императорской повязки на мгновение затрепетать. Но Атауальпа, оказавшись в непосредственной близости от огромного животного, которого он никогда прежде не видел, не повел и глазом. Инкский повелитель

продолжал смотреть в землю, как будто не замечая присутствия испанца. С помощью переводчика Фелипильо Сото начал свою заранее подготовленную приветственную речь:

«Ваша светлость! Да будет Вам известно, что в мире есть два повелителя, более могущественных, чем все остальные. Один из них — это верховный понтифик, который представляет Бога. Он управляет всеми теми, кто придерживается его божественного закона. Другой — это император римлян Карл V, король Испании. Эти два монарха, зная о слепоте жителей тех королевств, где не чтут истинного Бога, создателя неба и земли, а почитают... самого дьявола, обманывающего их, направили генерал-капитана дона Франсиско Писарро и его компаньонов вместе со священниками, являющимися распорядителями воли Божьей, с тем чтобы научить Ваше Сиятельство и всех Ваших вассалов этой божественной истине и священному закону, — именно по этой причине они прибыли в Вашу страну. Воспользовавшись проявленной милостью Вашего Величества, они прибыли в Кахамарку и... направили нас к Вашему Величеству, с тем чтобы заложить основы согласия, братства и вечного мира, который должен существовать между нами, так чтобы Вы могли принять нас под свою защиту и услышать от нас божественный закон и весь Ваш народ смог бы усвоить его — для него это станет величайшей честью и возможностью спасения».

Сото и его товарищи, стоя перед многочисленными представителями инкского двора, ожидали ответа. Сото рассчитывал на то, что его речь будет переведена верно, и она окажется понятной инкскому императору. Но как минимум один летописец, который владел как испанским языком, так и инкским языком рунасами («народная речь»), поставил под вопрос способности молодого переводчика в плане возможности достойного выполнения такой сложной задачи.^[25] Летописец-метис Гарсиласо де ла Вега писал:

«В том, что касается той версии [произнесенной речи], которую услышал Атауальпа, то следует заметить, что Фелипе, индейский переводчик, был... человеком очень низкого происхождения, очень молодым... он был столь же мало сведущ в инкском языке, как и в испанском. На самом деле он выучил инкский язык не в Куско, а в Тумбесе — среди индейцев, которые используют искаженный его вариант... этот язык [рунасами] является родным только для уроженцев Куско. Фелипе выучил испанский, не имея учителя, он просто слышал, как говорят испанцы, и чаще всего он слышал самые обиходные выражения, употребляемые солдатами: „Боже мой“, „клянусь небом“ и тому подобные. Он также знал слова, употребляемые для отдания приказов что-либо принести или подать: у испанцев он выполнял роль слуги. И то, что он знал из испанского, он использовал в очень искаженной форме, — как это делают недавно обращенные в рабство негры. Хотя он и был крещен, он не был научен основам христианской религии, и он ничего не знал о Господе нашем Христе, Фелипе не имел никакого представления об апостольском вероучении. Таковы были достоинства первого перуанского переводчика».

Понял ли Атауальпа речь Сото или нет, он продолжал смотреть в землю, совершенно игнорируя присутствие испанцев. С того самого момента, как загадочный отряд чужеземцев ступил на перуанский берег, Атауальпа регулярно получал донесения о передвижениях этой группы. И за это время он узнал много чего примечательного. По словам туземного летописца Фелипе Гуамана Помы де Айялы,

«Атауальпа и его приближенные были поражены доходившими до них сведениями об образе жизни испанцев. Вместо того чтобы спать, эти чужеземцы выставляли на ночь дозоры. Существовало предположение, что они и их лошади употребляют в пищу золото и серебро. Предположительно чужеземцы обувались в серебро; их оружие, удила и подковы их лошадей, по слухам, также были из серебра, тогда как на

самом деле они были из железа. Помимо этого, говорили, что денно и ночью испанцы разговаривают со своими книгами и бумагами».

После продолжительного молчания один из приближенных к Атауальпе вождей наконец сообщил Сото, что Атауальпа заканчивает последний день ритуального поста и он не расположен беседовать с посетителями. Как раз в этот момент в лагерь въехал на своем коне Эрнан Писарро вместе с двумя людьми из своего отряда, их сюда направил его брат Франсиско, который боялся, что маленький отряд Сото будет атакован. Эрнан позднее писал:

«Когда я прибыл, я обнаружил несколько наших всадников вблизи лагеря Атауальпы. Капитан [Сото] в это время беседовал с Атауальпой. С двумя своими людьми я направился к Атауальпе... [капитан Сото] объявил ему о моем прибытии и объяснил ему, кем я являюсь. Я тогда сказал Атауальпе, что губернатор [Франсиско Писарро] направил меня к императору, с тем чтобы я пригласил его в расположение испанского отряда... также я сказал, что он [губернатор] считает его своим другом».

Когда Атауальпа понял, что Эрнан является братом иноземного военачальника, он наконец поднял взгляд. Затем, как указывает нотариус Франсиско де Херес, Атауальпа произнес следующие слова:

«Майсабилика [местный вождь в прибрежной области], один из моих полководцев, стоящий со своим отрядом на реке Сурикара, в своем донесении сообщил мне, что вы неподобающим образом обошлись с местными вождями, вы надели на них цепи и оковы. [В доказательство] он прислал мне железный ошейник. Он сказал, что он убил трех христиан и одну лошадь».

По словам Хереса, Атауальпе было на вид около тридцати лет. «Это был коренастого сложения человек. У него было очень внушительное лицо свирепого вида и налитые кровью глаза. Слова его звучали по-настоящему веско, как у человека, облеченного очень

большой властью». У него, как и у большинства инков, была бронзового цвета кожа, высокие скулы, темные глаза и выдающийся орлиный нос. Неудивительно, что первая фраза повелителя инков касалась поведения испанцев: в Инкской империи существовали свои законы и установления, императору же поступали донесения, в которых сообщалось, что испанцы нарушают их. Однако нанесшие инкскому императору визит испанцы продолжали игнорировать инкский протокол. Следует сказать, что инкским вождям — вне зависимости от того, какими властными полномочиями они были наделены, — не разрешалось смотреть на императора прямо, посещая его, они должны были нести на своих плечах символическую ношу; и каждым своим шагом и жестом они должны были демонстрировать величайшую почтительность и готовность к повиновению. Испанцы же не демонстрировали никаких знаков смирения; во время беседы они продолжали сидеть на своих странных животных и разговаривали дерзко и высокомерно. Одним словом, они игнорировали все установления инкского двора, и, в глазах Атауальпы, их манеры ничем не отличались от поведения нецивилизованных варваров.

Между тем Эрнану Писарро было известно, что Атауальпа говорил правду. Трое испанцев были убиты индейцами, когда конкистадоры переправлялись с острова Пуна на материковую часть Перу — за четыре месяца до описываемых событий. Также было ранено несколько лошадей, убитых, правда, не было. Испанцы устроили акцию возмездия, убив и ранив бесчисленное множество туземцев. Позднее, когда до Франсиско Писарро дошли слухи, что индейцы готовят нападение на его отряд, стоявший в то время на побережье, южнее города Тумбес, он упреждающим образом заключил под стражу вождя близстоящей деревни и его приближенных. Не располагая никакими иными доказательствами, кроме этих слухов, Писарро распорядился сжечь всех этих людей живьем, организовав нечто вроде примитивного аутодафе. Все это происходило на глазах напуганных до смерти селян. Это была психологическая тактика устрашения — явно очень эффективная. Франсиско де Херес писал:

«Это наказание наполнило всю область страхом, так что группа [туземных] вождей, которые, по слухам, собирались организовать нападение на испанцев, бесследно исчезла; и с

той поры индейцы стали прислуживать испанцам еще усерднее, будучи до крайности запуганными».

Эрнан, самый высокомерный из братьев Писарро и из всех членов их семьи пользующийся наименьшей популярностью в отряде, решил отрицать донесения инков об имеющихся убитых среди испанцев, настаивая на том, что информация, полученная Атауальпой, неверна.

Эрнан с презрением заявил: «[Вождь] Майсабилика — это негодяй. Ни он, ни даже все индейцы, живущие на берегу реки, не могут убить ни одного христианина. Неужели кто-то думает, что эти жалкие птенцы могут убить христиан?»

Эрнан сделал паузу, подождав, пока Фелипильо закончит переводить, и затем продолжил: «Ни губернатор [Писарро], ни другие христиане не демонстрируют неподобающего обращения по отношению к местным вождям, если те не выказывают враждебности в отношении их. С теми же, кто добр сердцем и желает иметь с ним дружбу, он обращается очень хорошо. С теми же, кто хочет войны, мы ведем борьбу до полного их уничтожения. Обратив внимание на то, как христиане помогают индейцам вести войны против их врагов, вы поймете, что Майсабилика вам лгал».

Явно проигрывая в числе, испанцы имели преимущество в плане владения информацией. Эрнан знал, что у его старшего брата было на руках подписанное испанским королем разрешение приступить к покорению и разграблению данной империи. Все члены испанской экспедиции знали, что недавно произошло с Ацтекской империей. Они сами намеревались повторно воспроизвести в Перу то, что Кортес учинил в Мексике. Все они хорошо осознавали, что в первую очередь им необходимо определить, каким образом можно сокрушить эту империю, с тем чтобы в результате завладеть ее человеческими ресурсами и природными богатствами, прежде чем какой-нибудь другой испанский отряд не отбил у них лакомую цель.

С другой стороны, Атауальпа, хотя и получал донесения о проявляемой испанцами активности на побережье, не имел представления, откуда родом испанцы, не знал их историю и ничего не слышал ни о Кортесе, ни о Мексике. Но, как это виделось императору, инки имели одно явное преимущество. Имея маленькую численность, по какой-то причине испанцы имели наглость и глупость чрезмерно

близко подойти к месту расположения индейских легионов. Атауальпе было очевидно, что он с легкостью может сокрушить весь отряд чужеземцев. Атауальпе виделось дело так, что судьба испанцев всецело находится в его руках. Более из любопытства, чем по какой-либо другой причине он позволил испанцам прибыть в Кахамарку, и лишь благодаря проявленной им доброй воле отряд испанцев не был перевешан на побережье.

Слушая похвальбу Эрнана, Атауальпа решил сделать ему предложение. «Один провинциальный вождь отказался мне повиноваться. Мои войска пойдут с вашими, и вы дадите ему бой». Эрнан дал показательный ответ. «Не важно, сколько людей у вашего вождя», — сказал он. — «Вам не требуется посылать своих индейцев. Десяти христиан на конях будет достаточно, чтобы разгромить его».

До сих пор у Атауальпы было важное, степенное выражение лица. Но император не мог не улыбнуться, услышав ответ Эрнана. Неужели эта горстка чужеземцев имеет глупость полагать, что она сможет одолеть могущественного вождя, имеющего при себе сотни бойцов? «Он улыбался как человек, явно невысоко нас ставящий», — писал полтора года спустя Эрнан.

Эрнан де Сото, будучи в седле, как и его компаньоны, обратил внимание на одну деталь. Несмотря на то что Атауальпа демонстрировал по отношению к новоприбывшим полное безразличие, он явно заинтересовался их лошадьми — до сих пор он, очевидно, никогда не видел этих животных. Сото решил продемонстрировать качества своего коня: он пустил его задним ходом, поднял на дыбы, дал ему возможность эффектно прогарцевать. Увидев изумленные глаза стоявших рядом индейцев, Сото повернул животное кругом, вонзил в бока шпоры и затем неожиданно направил прямо на туземцев. Хотя Сото в последний момент натянул удила, такой стремительный наскок заставил элитную гвардию Атауальпы броситься врассыпную в поисках укрытия. Атауальпа в ходе всей этой демонстрации наезднической лихости не повел и бровью. Но в тот же день он приказал казнить весь свой батальон. Его воины проявили страх в присутствии чужеземцев — и тем нарушили инкскую дисциплину. Приговор был приведен в исполнение немедленно.

Император распорядился приготовить напитки, и вскоре индейские женщины вынесли золотые кубки, наполненные чичей —

кукурузной водкой. Никто из испанцев не хотел пить это — они опасались, что в напиток мог быть добавлен яд, однако Атауальпа настоял на том, чтобы они все же подняли кубки и выпили. Когда солнце начало садиться, Эрнан попросил у императора разрешения покинуть его, он спросил у него, что ему следовало передать своему брату. Атауальпа ответил, что он посетит Кахамарку на следующий день — он разместится в одном из трех огромных шатров на площади. Там он и встретится с предводителем испанцев. Когда солнце уже садилось, испанцы отправились назад в город.

Конкистадоры между тем и не догадывались, что Атауальпа уже принял решение в отношении их. Он решил, что на следующий день он схватит чужеземцев, большую их часть казнит, а остальных кастрирует и поставит охранять свой гарем. Затем он заберет себе чудесных животных и займется их разведением; огромные животные, несомненно, сделают его империю еще более могущественной. Проявленное чужестранцами высокомерие явно разозлило его. Атауальпа, вне всякого сомнения, мало что понял из речи Сото помимо того, что чужестранцы были посланы сюда другим королем. Но он был уверен, что король, посылающий такой малочисленный отряд, должен обладать очень небольшим королевством. Отходя в ту ночь ко сну, Атауальпа должен был испытывать уверенность в том, что судьба чужеземцев окончательно решена.

Когда Эрнан Писарро и Сото вернулись назад в Кахамарку, солнце уже село и высыпали звезды. Воздух был свежий, весьма холодный после дождя с градом. У ворот, выведивших из внутреннего двора, дежурили испанские солдаты, готовые к отражению атаки. Оба капитана спешили и направились к жилищу губернатора — большому каменному дому, выходящему на площадь. Там они рассказали старшему Писарро и еще изрядному числу собравшихся испанцев о состоявшейся встрече с инкским императором.

Два капитана рассказали о том, что известие об убитых на побережье туземцах разгневало Атауальпу, и о том, что он знал о трех ликвидированных испанцах; они подробно описали огромные, хорошо вооруженные отряды индейцев. Они также поведали об ореоле величественности, окружавшем фигуру инкского повелителя. По словам испанцев, они до сих пор не встречали индейских вождей,

которые бы имели такой величественный вид. Если до сих пор у них были сомнения по поводу того, действительно ли данное государство столь могущественно, то теперь эти сомнения рассеялись. Сото рассказал, как ему удалось напугать воинов Атауальпы своим притворным кавалерийским наскоком и об отсутствии какой бы то ни было реакции со стороны императора. Два капитана также рассказали, как им были поданы золотые кубки, и о том, что они видели множество золотых предметов в лагере Атауальпы.

Слушавшие переглядывались, и их настроение постепенно падало. Они попали в очень неприятную ситуацию, находясь на расстоянии двухнедельного перехода от Тумбеса, где они оставили свои корабли. В нынешнем расположении испанцы были, по сути, изолированы, их окружала гористая местность, которую они плохо знали. Они не могли отступать, поскольку на высокогорных перевалах могли быть блокированы, в замысловато изогнутых каньонах их могла поджидать засада. Кроме того, любая попытка спастись бегством очевидным образом свидетельствовала бы об их испуге и дала бы инкам психологическое преимущество. Между тем инкский император со своими хорошо обученными и хорошо организованными легионами был рядом. Эрнандо Писарро засвидетельствовал, что он видел порядка 40 000 воинов; в частном разговоре с братом он сказал, что общее их число может достигать 80 000. Это означало, что индейцы численно превосходили испанцев примерно в соотношении 400:1. С другой стороны, если испанцы решат пережить ситуацию в городе, всеми способами пытаясь имитировать дружбу с индейцами, на что они могут рассчитывать?

Они могли согласиться сражаться за интересы инкского императора против его врагов, как это предлагали некоторые военачальники Писарро, и возможно, такой вариант стал бы выгодным для испанцев. В этом случае они могли рассчитывать на то, что позднее им удастся отбить у него власть. Другие говорили, что император мог затеять с ними игру в кошки-мышки; в любой момент он мог забрать у испанцев оружие и лошадей и уничтожить их. Сотрудничество с инкским императором было сопряжено с явной опасностью.

Был и другой вариант: попытаться захватить в плен Атауальпу. Некоторые испанские военачальники настаивали, что им следует

сделать так же, как в свое время поступил Кортес, захватив ацтекского императора Монтесуму. На протяжении десятилетий Писарро и Сото брал и в плен вождей меньшего ранга, угрожая затем лишить их жизни, если они не прикажут своим подданным подчиняться испанцам. Но другие военачальники указывали, что этот вариант также был очень рискованным, поскольку не было гарантии, что у них когда-нибудь появится шанс захватить инкского лидера. Также этот вариант относился к серии «все или ничего», поскольку если бы испанцам не удалось пленить императора с первой попытки, то у индейцев уже не осталось бы сомнений относительно враждебных намерений чужеземцев, и непременно последовали бы открытые военные действия. Оказавшись перед лицом таких многочисленных войск, испанцы, конечно, были бы сокрушены.

С другой стороны, даже если бы испанцам повезло с захватом инкского императора, неизвестно, какой была бы реакция инков. Возникал вопрос: не возьмет ли на себя всю полноту власти какой-нибудь другой инкский вождь. Если план Кортеса с захватом Монтесумы хорошо сработал в Мексике, это еще не означало, что подобный же вариант будет иметь успех в Перу. Как бы там ни было, все эти стратегии были схожи в одном: все они были сопряжены с большим риском, и шансов на успешную их реализацию было немного. На какой-то момент испанцам показалось, что они находятся в самом центре мощного урагана и в каком бы направлении они ни решились двигаться, весь ужас этого мира обрушится бы на их головы. Двадцатичетырехлетний нотариус Мигель де Эстете писал:

«[Мы были] очень напуганы тем, что нам довелось увидеть, [и у всех] были свои варианты относительно того, что следует предпринять. Все были полны страха, ведь нас было так мало и мы углубились слишком далеко в эти земли, чтобы мы могли рассчитывать на прибытие подкрепления... Немногие из нас отправились спать, мы дежурили на площади, откуда видны были костры индейских войск. Это было пугающее зрелище, поскольку большинство [костров] находилось на склоне холма, они были расположены очень близко друг к другу, — все это было похоже на усыпанное звездами небо».

Этой же ночью Педро де Кандия, капитан артиллерии, занимался подготовкой четырех маленьких пушек, которые были привезены на лошадях, и десятка аркебуз — примитивных ружей. Несколько испанцев затачивали мечи и шпаги пемзой до такой остроты, что могли легко разрезать картофель. Многие беседовали с единственным представителем духовного сословия в этой экспедиции — братом Висенте де Вальверде, который выслушивал исповеди солдат и молился вместе с ними. Писарро между тем ходил по площади, стараясь подбодрить людей и призывая всех уповать на Бога. Он говорил: «Несомненно, все, что происходит на земле и на небе, устроено Его волей».

Возможно, для Франсиско Писарро ставки в этот самый момент поднялись до наивысшей отметки. Тридцать лет он стремился достичь этого положения, он пустил в ход все, чтобы приладить друг к другу составные части этого проекта. Помимо желания достичь своей цели, он чувствовал ответственность за 167 конкистадоров. Оставалось одно серьезное препятствие — инкская армия численностью в 80 000 человек. Писарро осознавал, что жизни всех членов его отряда были поставлены на кон, все зависело от того, сможет ли он, самый опытный из всех конкистадоров, принять правильное решение касательно завтрашней тактики.

На следующее утро, 16 ноября 1532 г., небо было почти безоблачным. На далеких склонах холмов поднимались бесчисленные завитки дыма от индейских костров, а на широкой, обнесенной стенами площади царила суета, испанцы вовсю готовились к военным действиям.

Писарро решил, что, поскольку было неизвестно, прибудет ли инкский повелитель, и если да, то как будет обставлено это прибытие, и сколько воинов его будут сопровождать, то испанцам следовало действовать в зависимости от ситуации. Он сказал своим людям, что относительно точной тактики действий он примет решение в последнюю минуту: вступить в переговоры, бежать или атаковать.

Городская площадь имела размеры 600 футов в длину и 600 футов в ширину. Вдоль трех сторон площади выстроилось соответственно три длинных низких здания, в каждом из них было порядка 20 трапециевидных входных дверей. Внутри двух зданий Писарро разместил кавалеристов, разбитых на три отряда, в каждом из которых

было около 20 человек; командовали отрядами капитаны Эрнан де Сото, Эрнан Писарро и Себастьян де Беналкасар. Ввиду большого числа входных дверей испанцы могли высыпать из зданий почти одновременно — большой массой. Писарро с 20 пехотинцами и несколькими кавалеристами должны были ждать в третьем здании. Их задачей было, в том случае, если пленение императора оказывалось возможным, схватить Атауальпу и уберечь его от причинения ему какого-либо вреда. Им вовсе не нужна была гибель императора, что вполне могло привести к развязыванию войны.

В четвертое здание Писарро определил артиллериста Педро де Кандию с его отрядом, на вооружении которого было четыре пушки и несколько аркебуз. Также в этом здании была размещена оставшаяся часть пехоты. Ввиду того что большинство испанцев должно было находиться в зданиях и соответственно они не могли иметь представления о том, что происходит снаружи, артиллерийский огонь должен был стать условленным сигналом к атаке. Кандии было сказано, что он должен все время следить за действиями Писарро. Если последний подает сигнал, то Кандия должен немедленно командовать «огонь». Все солдаты должны были высыпать на площадь и идти в атаку. Писарро объявил, что сигнал будет подан только в том случае, если появится возможность захватить Атауальпу или если инки сами начнут атаку.

Имея дело с таким количеством переменных, Писарро в целом был настроен на вариант ведения переговоров с императором и заключения с ним некоего дружеского соглашения. Этой ценой он мог бы выиграть время, в течение которого испанцы могли бы создать для себя более выигрышную ситуацию.

В то время как испанцы томились в нервном ожидании, в инкском лагере начали готовиться к походу. Атауальпа, однако, не торопился — он поднялся лишь в 10 часов. Накануне ему сообщили, что на юге страны его брат Уаскар был пленен, это означало, что после всей этой пятилетней ожесточенной борьбы Атауальпа наконец унаследует империю своего отца. Находясь в приподнятом состоянии духа, Атауальпа распорядился принести ему еду и золотой кубок чичи. Разобравшись с чужеземцами, Атауальпа мог приступить к задаче воссоединения своей империи, установления на всей ее территории своего закона.

По ходу того, как солнце начало клониться к горизонту, испанцы заметили начало активных действий в инкском лагере. Из многотысячных масс индейских бойцов постепенно начал формироваться четкий воинский строй. Затем, соблюдая строгий порядок, индейские легионы начали медленно продвигаться к месту дислокации испанцев. Вот как вспоминает это действие Педро Писарро, восемнадцатилетний кузен Франсиско, состоявший у него пажом:

«Когда роты [Атауальпы] были выстроены, заняв огромные пространства, сам он сел на носилки. Впереди него шли две тысячи индейцев, подметая дорогу перед ним. Половина его войска шла по обочине с одной стороны дороги, а вторая половина шла по обочине другой стороны, по самой же дороге не шел никто. Индейцы несли столько сервиза из золота и серебра, что загляденье было смотреть, как оно сверкает на солнце... Шедшие впереди Атауальпы индейцы пели и танцевали».

Когда звуки приближающихся индейских войск стали доноситься все громче, Писарро перешел из одного здания в другое, приказав всем приготовиться. Затем по совершенно необъяснимой причине шествие индейцев неожиданно остановилось — на равнине, непосредственно перед самым городом. Прошел мучительный для испанцев час, однако они так и не смогли определить, чем же заняты инки. Готовятся к атаке? Получают последние инструкции перед боем? Или Атауальпа отказался от намерения войти на площадь? Наконец, за несколько часов до того, как солнце село за холмы, выяснилось, что Атауальпа и его огромная свита собираются разбить на равнине лагерь. По крайней мере в сегодняшний день инкский вождь больше не собирался ничего предпринимать.

Раздраженный Писарро послал в расположение лагеря Атауальпы испанца по имени Эрнан де Альдана, который знал несколько слов на языке рунасами. Альдане было велено побудить императора войти в город. Альдана понесся галопом, быстро одолел короткое расстояние до индейского лагеря, спешил и при помощи знаков и своего небогатого словаря дал императору понять, что ему следует войти в город до захода солнца. Атауальпа понял смысл сообщения: когда

Альдана поехал назад, испанцы увидели, что индейцы продолжили шествие. Королевские носильщики поднял и на плечи носилки. Носилки представляли собой крепящееся на двух длинных шестах элегантное ложе с сиденьем и подушками. Ложе закрывалось балдахинном, защищавшим от солнечных лучей. Процессия медленно двигалась к главной площади Кахамарки.

Уверившись в том, что туземные войска готовы войти на площадь, Писарро с братом начали обходить всех своих людей, с тем чтобы воодушевить их. Нотариус Франсиско де Херес писал:

«Губернатор [Франсиско Писарро] и генерал-капитан [Эрнан Писарро] обошли все места постоя испанцев, уверившись в том, что в нужную минуту они готовы ринуться вперед. Братья Писарро призвали их воздвигнуть крепости из своих сердец, поскольку иных крепостей у них не было, и надежда у них была только на Бога, который помогает тем, кто в час величайшей нужды трудится во благо Его. Братья сказали им, что, хотя на каждого христианина приходилось по пять сотен индейцев, испанцам следовало предпринять такие же усилия, какие привыкли предпринимать все добрые люди в подобные моменты, и что надлежит верить, что Бог будет сражаться на их стороне. Писарро сказали солдатам, что когда придет время идти в атаку, они все должны ринуться вперед с отчаянным неистовством... и прорываться [сквозь вражеские ряды], при этом следя за тем, чтобы лошади не вставали на пути друг у друга. Губернатор и генерал-капитан говорили эти слова христианам, с тем чтобы воодушевить их, и последние всей душой возжелали идти [и сражаться]».

Когда звуки приближающихся индейских легионов усилились, испанские солдаты начали понемногу высыпать из зданий на широкую площадь. Херес так описывает шествие индейцев:

«Сначала шла рота индейцев, облаченных в разноцветную униформу, похожую на шахматную доску. Они дочиста выметали дорогу. За ними шли три роты, одетые

несколько иначе; все они пели и танцевали. Затем шла большая группа, облаченная в доспехи, представлявшие собой тонкие металлические пластины, на головах у этих воинов были короны из золота и серебра. В центре этой группы находился Атауальпа на носилках, украшенных пластинками из золота и серебра».

Вот описание Эстете:

«Восемьдесят высокопоставленных индейцев несли... [индейского повелителя]... на своих плечах, все они были облачены в роскошную голубую униформу. Сам он был одет в очень богатую одежду, на шее у него было ожерелье из больших изумрудов. Он сидел на носилках, на очень маленьком сиденье с роскошной подушкой».

Херес продолжает:

«За ним следовали еще двое носилок и два гамака, в которых находились другие высокопоставленные лидеры, и далее шли воины в коронах из золота и серебра. После того как первая [группа] вошла на площадь, она принялась расчищать место для других. [После того как] Атауальпа достиг центра площади, он приказал носильщикам остановиться. Народ продолжал вливаться на площадь безостановочно».

Вскоре от пяти до шести тысяч индейских воинов заполнили всю площадь; она походила на набитый под завязку театр с двумя маленькими выходами. Над всеми возвышался Атауальпа на своих громоздких носилках, которые несли самые высокопоставленные вожди империи. Ввиду несоразмерности многочисленного воинства и заполненной им городской площади Атауальпа распорядился, чтобы часть его легионов ожидала в полях за городом.

В тот момент, когда инкская процессия остановилась, не было видно ни одного испанца. Педро Писарро позднее рассказывал, что Атауальпа несколькими часами раньше послал в город своих

разведчиков, которые сообщили, что испанцы со страху попрятались в каменных домах.

Толпа индейской знати и воинов к этому времени стала вести себя значительно тише. Лишь в одном из зданий виднелись четыре выставленные маленькие пушки. Но и тут испанцев не было видно. Один из инкских представителей знати с отличительными золотыми пробками в мочках ушей направился к зданию; Педро де Кандия и его артиллеристы затаили дыхание. Но вместо того, чтобы войти внутрь, орехон неожиданно остановился, воткнул свое копьё в землю, после чего вернулся назад. На копьё развевалось полотняное знамя, королевский штандарт Атауальпы, который всегда выставлялся там, где случалось присутствовать императору.

Испанцы всеми силами стремились не выдавать себя. Наконец Атауальпа призвал их показаться. И вот из одного здания вышли два человека. Один был одет не так, как другие: на нем было длинное одеяние, подвязанное на высоте пояса веревкой, в руках у него были какие-то предметы, по-видимому, дары (на самом деле это были распятие и молитвенник). Рядом с ним шел Фелипильо.

Висенте де Вальверде, монах-доминиканец, который был на середине своего четвертого десятка, прибыл из Испании вместе с Писарро, получив соответствующий мандат от короля. Это был единственный член экспедиции, о котором было известно, что он окончил университет. Вальверде пять лет отучился в университете Вальядолида. Он обучался теологии и философии.

Ввиду того что вскоре после открытия Нового Света стали поступать сообщения о проявлении жестокости со стороны испанцев по отношению к туземному населению, в 1513 г. был составлен документ — испанский король требовал зачитывать его всем своим потенциальным подданным, прежде чем приступить к их порабощению. Документ, получивший название «Requerimiento», что означает «требование», являл собой одновременно род нравственного и юридического оправдания предстоящих насильственных действий и одновременно ультиматум. Документ доносил до туземных народов следующую информацию: ввиду того что Бог создал мир и даровал своему наместнику на земле, папе, божественное право управлять этим миром, а папа определил под власть испанских монархов земли американского континента, то соответственно обязанностью туземных

народов, вошедших в контакт с испанцами, было подчиниться своим законным правителям, испанским монархам.

Если, услышав эту информацию, туземцы отказывались подчиняться, то против них должны были быть применены насильственные действия, с тем чтобы заставить их принять повеление Бога или же стереть их с лица земли. То обстоятельство, что документ зачастую зачитывался туземцам на испанском языке, которым они совершенно не владели, не играло особой роли. Важно здесь было то, что туземцам зачитывали их права, и соответственно последующее насилие получало надлежащую санкцию. Главным здесь был ритуал, создававший видимость законности, — он мог быть применен к самым различным ситуациям. В настоящем случае это действие разворачивалось на высоте 9000 футов в Андах, на запруженной площади инкского города Кахамарки.

Атауальпа наблюдал за тем, как чужеземец и его переводчик прокладывают себе путь сквозь толпы людей и приближаются к его носилкам. Стоя перед инкским повелителем, который правил, имея на то такие же небесные полномочия, как и любой европейский король, монах Вальверде начал с того, что попросил императора сойти с носилок и войти с ним в здание. Там он мог встретиться с губернатором Писарро и поговорить с ним. Монах, конечно, осознавал, что если бы Атауальпа поступил так, то это облегчило бы испанцам возможность пленения его. Атауальпа, однако, отказался, заявив: «Я не покину это место, пока вы не вернете все то, что вы забрали с моей земли. Я очень хорошо знаю, кто вы и каковы результаты ваших деяний».

Пришло время для зачитывания «Требования». Громким голосом монах Вальверде начал пересказывать его, юный переводчик Фелипильо переводил этот озадачивающий, зачастую совершенно непонятный текст — в меру своих способностей:

«[От имени] могущественных монархов Кастилии и Леона, покорителей варварских народов, сим извещаю вас... что Господь Единый и Вечносущий создал Небо и Землю, и первых людей, от которых произошли вы, и я, и все народы мира... Ввиду того что огромное число людей появилось за

пять тысяч с лишним лет с того момента, как был сотворен мир... Бог поставил святого Петра во главе всех народов».

Вальверде сделал паузу.

«И я прошу и требую от вас... признать Церковь своей повелительницей и в такой же мере — повелительницей всего мира и вселенной, а первосвященника, именуемого папой, верховным правителем... Если же вы этого не сделаете...»

Вальверде далее продолжал на более высокой ноте:

«С Божьей помощью мы пойдем против вас, и всеми возможными способами мы поведем войну против вас, мы заставим вас повиноваться Церкви и Его Величеству, и мы отберем у вас всех ваших женщин и детей и сделаем из них рабов и будем продавать их. И мы причиним вам все зло, на которое только способны. И я настаиваю, что вы будете ответственны за все те смерти и разрушения, которые последуют».

После того как переводчик закончил переводить речь, на площади вновь воцарилась тишина. Для обеих сторон наступил решающий момент. Со стороны Атауальпы и индейской элиты на кону были их обширные плодородные земли, их 10 миллионов крестьян, собственное верховенствующее положение и империя, для формирования которой потребовалось три поколения и бесчисленное число военных кампаний. Со стороны испанской монархии на кону были представители низших слоев общества — 168 конкистадоров, группа торговцев, несколько черных рабов, пара мориск и, — что было для Испании значительно более существенным, — возможность захватить империю, размеры которой в два раза превышали размеры Иберийского полуострова. Едва ли протагонисты этого действия понимали весь смысл исторических процессов, увязанных с данным моментом. Изготовившиеся к атаке испанцы, конечно, осознавали, что их судьба оказалась в подвешенном состоянии.

Но испанцы также знали, что если каким-то образом им удастся разрешить сложившуюся ситуацию и в результате некоего чуда им удастся завоевать эту империю, то и их собственное состояние, и владения короля будут умножены самым кардинальным образом. Монах также осознавал, что успех в данном случае будет иметь своим следствием рост экспансии христианской церкви, а значит, и рост владений Божиих. В противном случае будет иметь место победа сил Люцифера. Монах Вальверде верил в то, что именно отказ неверующих принять слово Божие отсрочивает новое явление Христа на землю. Успех в данном случае означал бы, что Царство Божие, несомненно, наступит намного быстрее.

В среде инков только верховным военачальникам Атауальпы было известно о его плане — пленить и убить испанцев, а немногих оставшихся в живых превратить в евнухов. У Атауальпы и мысли не было о том, что небольшая кучка испанцев, жавшаяся от страха внутри зданий, может представлять собой какую-то угрозу. Их успешное пленение должно было представлять собой устранение последнего препятствия на пути к осуществлению похода на Куско и воссоединению Инкской империи. Покончив с испанцами, можно было готовиться к коронации в Куско. Инкский император, обретя контроль над воссоединенной империей, вновь смог бы править всем обозримым цивилизованным миром.

Атауальпу, вероятно, должно было озадачить то, что после своей речи Вальверде поднял вверх свой требник и заявил, что все высказанное им содержится в этой книге. Монах настаивал на том, что слова самого Бога христиан заключаются в данной книге. Можно только представить себе, какие слова использовал туземный переводчик для того, чтобы донести идею о предметах, подобных которым у инков вообще не было. Возможно, Фелипильо употребил слово «кипу», которым инки обозначили веревки с узелками, фиксировавшими ту или иную информацию, которая затем хранилась в течение продолжительного времени. Явно заинтригованный, Атауальпа попросил показать ему поближе странный предмет. Он, вне всякого сомнения, уже слышал о загадочных испанских кипу, имевших такую же силу воздействия, какую имела живая речь.

Монах поднес требник Атауальпе, и император взял его. Наблюдая затем, как он неумело обращается с книгой, неловко

поворачивая ее так и эдак, Вальверде понял, что император не знает, как открыть ее. Тогда он приблизился к Атауальпе, протянув руку к книге, чтобы показать, как она открывается. Вот как описывает дальнейшие действия Херес;

«С явным презрением [Атауальпа] ударил [монаха] по руке, не желая, чтобы тот открывал ему книгу. Затем он сам открыл ее, не выказав никакого удивления в отношении набранного текста и листов бумаги, после чего он отбросил ее от себя на пять или шесть шагов. И в ответ на ту речь, которую произнес [монах], он с высокомерием ответил: „Я хорошо знаю, как вы вели себя на всем протяжении пути, как вы обращались с местными вождями. Мне также известно, что вы забрали [королевскую] одежду из кладовых... Я не покину это место до тех пор, пока мне все не вернут“».

Как указывают некоторые свидетели, Атауальпа затем поднялся на носилках и стал кричать своим войскам, чтобы они готовились к сражению. В то время как переводчик Фелипильо бросился поднимать требник с дороги, монах Вальверде побежал в помещение, где находился Писарро, и стал кричать: «Выходите! Выходите, христиане! Посмотрите, как эти собаки обращаются с божественными предметами!» Сжимая в руке распятие, он кричал: «Этот вождь бросил священную книгу на землю». Другой свидетель слышал, как воспаленный монах взывал к Писарро: «Разве вы не видели, что произошло? Как вы можете оставаться вежливым и подобострастным по отношению к этому псу? Идите и атакуйте индейцев, я отпускаю вам все будущие грехи».

Ввиду подобного поворота событий срочно должно было быть принято решение. Писарро колебался лишь минуту. Он дал сигнал Педро де Кандии, ожидавшему в здании на другом конце площади, и тот приказал зажечь фитили. С грохотом выпалили пушки по массам индейских воинов, извергнув при этом клубы дыма; одновременно выстрелили пехотинцы с аркебузами, предварительно установлены на треножки. Неожиданный пушечный грохот, вне всякого сомнения, должен был ошеломить туземных воинов, так же как и вид падающих вокруг тел и хлещущей крови. Индейцы слышали доносившиеся со

всех сторон резкие звуки труб и выкрики испанцев «Сантьяго».^[26] Воины Атауальпы видели несущихся на них со всех сторон чужеземцев на своих внешне свирепых, мощных животных, стучащих копытами по земле.

Испанцы начали рубить и колоть туземцев в массовом порядке, используя свои остро заточенные мечи и ножи. Туземные воины, незадолго до этого уверенно вошедшие на площадь, полагая, что они поймали в ловушку посправавшихся в зданиях испанцев, неожиданно осознали, что в ловушку попали они, а не противник. Внезапная атака испанцев немедленно повергла туземцев в панику. Огромные лошади произвели на инкские войска такое же ошеломляющее впечатление, какое произвели слоны Ганнибала на римские легионы за семнадцать столетий до этого. Пришедшие в ужас массы индейских бойцов хлынули к узким выходам с площади, затаптывая при этом менее расторопных. Между тем испанцы продолжали методично и безжалостно рубить руки и головы. «Индейцы были настолько объятаы страхом, что карабкались друг на друга, так что образовывалась людская куча, и они невольно душили друг друга», — писал один очевидец. «Кавалеристы насакивали на этих людей, ранили и убивали их», — писал другой очевидец.

Между тем Писарро с двадцатью своими пехотинцами, вооруженными мечами и шпагами, начал расчищать себе дорогу сквозь толпу в направлении Атауальпы, который продолжал сидеть на своих носилках, пытаясь призвать к дисциплине свои охваченные паникой войска. Херес писал:

«Губернатор [Писарро] в своей толстой хлопковой накидке с начертанным на ней гербом схватил меч и кинжал и вместе с еще несколькими всадниками врезался в гущу индейцев. Проявляя огромную отвагу, он достиг носилок Атауальпы и бесстрашно схватил за левую руку [императора], крича: „Сантьяго“... Но он не мог стащить того с носилок, поскольку император находился слишком высоко... Все те, кто нес носилки Атауальпы, были высокопоставленными персонами, и все они погибли, — равно как и те, кого несли на носилках и гамаках».

Другой свидетель писал: «У многих индейцев были отрублены руки, [однако] они продолжали поддерживать носилки своего правителя плечами, но в итоге все они были убиты». Вот как описывал это событие Педро Писарро:

«Хотя [испанцы] убили тех индейцев, что несли носилки, немедленно подошли новые туземцы. Испанцам пришлось долго бороться с ними, пока один измученный борьбой испанец не попытался заколоть [Атауальпу] своим клинком. Но Франсиско Писарро отвел его удар, так испанец, пытаясь убить Атауальпу, ранил губернатора в руку».

Наконец сквозь толпу к носилкам Атауальпы подъехали еще несколько испанских всадников. Они приподняли одну сторону носилок, в итоге перевернув их. Другие испанцы стащили императора с сиденья. Одной рукой держа свой меч, а другой схватив Атауальпу, Писарро вместе с группой всадников поволок императора к своему жилищу.

На площади между тем по-прежнему царил крошечный ад. В то время как основная масса попавших в ловушку воинов пыталась бежать через запруженные выходы, те индейцы, которые находились наиболее далеко от них, попробовали прорваться через дальнюю стену, которая в высоту имела примерно 6 футов, и столько же составляла ее толщина. Тысячи человек устремились к ней, и в результате им удалось пробить ее на пятиметровом отрезке. В то время как напуганные до беспомощности индейцы пробирались через и сквозь стену, испанцы на лошадях — подобно всадникам Апокалипсиса — устремились за ними, пронзали их копьями, пиками, резали и закалывали. Свидетели, оставившие записи об этом событии, вспоминали, как кавалеристы гнали индейцев на равнину, а затем отбирали из их рядов представителей инкской элиты, сидевших на носилках, которые продолжали нести верные слуги. «Все они кричали: „Догоняйте тех, кто в униформе! Не давайте им уйти! Закалывайте их копьями!“»

Так продолжалась эта резня — испанцы гонялись за убегающими от них индейцами, повсюду на земле лежало бесчисленное число воинов,

многие с отрубленными конечностями. Площадь была усеяна сотнями затоптанных насмерть людей. Нотариус Херес писал:

«[Один из убитых) на носилках был его [Атауальпы] паж — он был управителем [области Чинчайсуйю], император его очень ценил. В числе убитых было много высокопоставленных управителей и советников императора. Среди них и управитель Кахамарки. Погибло огромное множество полководцев, их было так много, что имена их не учтены... Удивительно было видеть столь быстрое пленение столь могущественного правителя».

Когда солнце уже село за холмы, все еще можно было наблюдать, как испанцы гоняются на конях и протыкают копьями последних оставшихся в живых индейцев, — все это походило на картину Питера Брейгеля-старшего «Триумф смерти». Но раздались звуки труб, и испанцы постепенно начали стекаться назад на главную площадь.

До начала бойни испанцы опасались, что воины Атауальпы тайным образом принесут с собой оружие, но за весь этот день ни разу ни один туземный солдат не поднял оружие против испанца. Если воины и принесли с собой сокрытое от посторонних глаз оружие, они испытали в тот день слишком сильное потрясение, чтобы использовать его.

Удивительным образом всего лишь за несколько часов испанцы убили или ранили до 7000 туземцев, сами же при этом не потеряли ни одного человека. Используя фактор внезапности, свою артиллерию, а также режуще-колющее оружие, испанцы в ходе Кахамаркского сражения нанесли врагу тотальное поражение, учинив при этом всеобъемлющую резню. Император, происходивший от бога-Солнца и обладавший всей полнотой военной, религиозной и политической власти в своей империи с населением в десять миллионов человек, вдруг обнаружил себя плененным. Менее чем за два часа Инкская империя была обезглавлена. Теперь император оказался лицом к лицу со своими тюремщиками, среди которых был высокий человек в шлеме и запачканных кровью доспехах, все остальные почтительно именовали его «губернатор».

5. КОМНАТА, ПОЛНАЯ ЗОЛОТА

«Когда у меня в заключении был один вождь, повелитель одного острова, я освободил его, с тем чтобы отныне он был верен мне. То же я сделал и в отношении других вождей — повелителей Тумбеса и Тулимасы».

Из обращения Франсиско Писарро к Атауальпе

«Данное обещание определяется необходимостью прошлого, нарушенное обещание определяется необходимостью настоящего».

Никколо Макиавелли, «Государь», 1511^[27].

Когда зазвучали трубы, призывавшие испанцев вернуться на площадь, Писарро уже спешил к своему пленнику Атауальпе, который был помещен под усиленную охрану в храм Солнца, находившийся на окраине города. Ввиду того что одежда императора была изорвана в ходе его пленения, Писарро распорядился, чтобы ему принесли новую, и подождал, пока тот переоденется. Затем губернатор приказал своим слугам приготовить еду, а Атауальпе предложил в ожидании трапезы переговорить.

Атауальпа до этого дня никогда не встречался с Писарро, один только раз он видел с высоты своих носилок губернатора — в момент, когда последний устремился с тем, чтобы пленить императора. Это короткое противостояние было поистине символическим: резким движением неграмотный представитель низших классов Испании лишил верховного инку его высокопоставленного места.

На еще более метафорическом уровне картина выглядела следующим образом: Писарро со своим отрядом оборванцев совершил восхождение по отвесным склонам огромной социальной пирамиды Инкской империи, достиг ее вершины и теперь, фигурально

выражаясь, поднес нож к горлу императора, как бы предлагая туземному населению бросить испанцам вызов. Именно посредством фигуры Атауальпы Писарро надеялся манипулировать аппаратом инкского государства, полагая, что при помощи дистанционного правления он сможет блокировать действия инкской армии, предотвратить возможную контратаку и в итоге подчинить себе империю.

Однако для того, чтобы быть в состоянии осуществить все это, Писарро вначале должен был установить контакт со своим заложником. Инкский император должен был ясно понимать, чего именно хочет от него Писарро. В обмен на сохранение жизни Атауальпе Писарро хотел обретения абсолютной власти. Если бы Писарро смог контролировать инкскую элиту на вершине социальной пирамиды, то он бы обрел власть и над всем, что располагается внизу: над землей, плодами труда, золотом, серебром, женщинами — всем тем, что эта явно богатая империя имела предложить. Если бы отряду Писарро удалось каким-то образом сохранить свои обретенные позиции, то тогда испанцы, подобно паразитам, смогли бы начать питаться плотью инкского государства — использовать плоды труда масс и, таким образом, зажить роскошной жизнью, ради чего они поставили на кон очень многое.

В определенном смысле суть завоевания Нового Света заключалась в том, что люди начали искать путей в обход одного из базовых жизненных правил, заключающегося в том, что люди должны своим трудом добывать средства к существованию, как это свойственно и всему животному миру. В Перу, как и в прочих местах американского континента, испанцы искали не плодородной земли, которую они могли бы возделывать, а возможности покончить с необходимостью заниматься ручным трудом. Для этого им требовалось найти достаточно большие группы людей, которых они смогли бы принудить взвалить на себя достаточно тяжелый труд по обеспечению испанцев всем жизненно необходимым — едой, кровом, одеждой. Так что завоевание имело мало общего с рискованной авантюрой — здесь речь шла о группе людей, желающих предпринять нечто такое, что позволило бы им не трудиться ради обеспечения себе средств к существованию. Если смотреть в суть вещей до конца, то смысл

завоевания испанцами Перу заключался в обеспечении себе комфортной и праздной жизни.

Когда еда была подана, Писарро попытался изложить Атауальпе свое видение ситуации. «Не воспринимайте как личное оскорбление тот факт, что вы потерпели поражение и были взяты в плен, — начал Писарро, — вместе с пришедшими со мной христианами, хоть их число и невелико, я завоевал намного более обширные земли, чем ваша, и [я также] сокрушил намного более могущественных повелителей, чем вы, принудив их признать власть императора, чьим вассалом я являюсь, — я имею в виду короля Испании и всего мира, по чьему повелению мы явились завоевывать эту землю».

Писарро явно преувеличивал масштаб тех довольно незначительных стычек, в которые его отряд вступал до появления в Перу. Писарро, очевидно, мимоходом приписал себе захват далекой Ацтекской империи, в действительности осуществленный экспедицией Кортеса. Но послание испанского губернатора было очевидным: катастрофа, постигшая Атауальпу, была такой же закономерной, как движение звезд на небе, — и любое сопротивление в будущем окажется абсолютно бесполезным. «Вы должны усматривать большую удачу в том, что вы не были разгромлены таким же свирепым народом, каким являетесь сами, — продолжал Писарро. — Мы проявляем милосердие по отношению к нашим пленникам и покоренным врагам, мы воюем только с теми, кто воюет с нами. Имея возможность уничтожить наших побежденных врагов, мы воздерживаемся от этого, в основном мы предпочитаем прощать их».

Говоря все это, Писарро, конечно, исходил из того, что Атауальпе ничего не было известно о кровавых жестокостях, учиненных испанцами в Карибском море, в Мексике и в Центральной Америке, о деятельности Колумба, о торговле рабами и об убийстве ацтекского императора Монтесумы. В то время как Атауальпа молчаливо все выслушивал, Писарро начал выстраивать главную часть своего послания: «Когда у меня в заключении был один вождь, повелитель одного острова, я освободил его, с тем чтобы отныне он был верен

мне. То же я сделал и в отношении других вождей — повелителей Тумбеса и Тулимасы».

Писарро сделал паузу, чтобы отрезать себе кусок мяса, — переводчик в этот момент еще продолжал переводить последнюю фразу. «Если вы оказались схвачены, а ваши люди атакованы и убиты, то это потому, что вы двинулись против нас с таким большим войском, а также ввиду того, что вы бросили на землю книгу, в которой начертаны слова Бога. Вот по этой причине наш Господь попустил тому, чтобы ваше высокомерие было сокрушено, так чтобы ни один индеец более не смог нанести оскорбление христианину».

Атауальпа, который, как все это отмечают, был умным человеком, немедленно понял смысл послания Писарро. Один свидетель писал:

«Атауальпа ответил в том смысле, что его обманули его военачальники, что они посоветовали ему не принимать испанцев всерьез. Сам лично он хотел явиться с миром, но они настояли на своем, теперь же те, кто давал ему эти советы, мертвы».

Инкский император, который всего лишь за несколько часов до этого являлся абсолютным повелителем величайшей империи, которую когда-либо знал американский континент, теперь просил у Писарро дозволения предоставить ему в пользование нескольких своих подданных. Вот как описывает это другой свидетель:

«Губернатор немедленно распорядился привести двух высокопоставленных индейцев, захваченных в ходе сражения. Император Атауальпа спросил их, много ли человек погибло. Те ответили, что вся округа усеяна телами. Он тогда направил послание остаткам [туземных] войск, в котором требовал от них не бежать, а явиться к нему в услужение, поскольку он не погиб, а удерживается христианами».

В то время как высокопоставленные индейцы отправились исполнять приказание Атауальпы, испанцы, наблюдавшие за всем этим, должны были вздохнуть с облегчением. Оказавшись, по сути, в безвыходном положении, испанцы пошли на огромный риск,

предприняв попытку захватить императора — практически она не имела шансов на успех. Все могло повернуться совсем иначе. Если бы воины Атауальпы не запаниковали и, вместо того чтобы броситься бежать, обрушились на испанцев, то вырезанными оказались бы последние. Но Писарро изначально отчетливо понимал, что даже если бы ему посчастливилось захватить императора, предсказать его дальнейшую реакцию было невозможно. Будет ли Атауальпа сотрудничать? И если да, то будут ли его подданные продолжать повиноваться ему? Или же они проигнорируют его пленение и пойдут в атаку?

После того как два инкских вождя ушли, Писарро, вне всякого сомнения, облегченно перекрестился. Военачальник, стратег, дипломат, управленец, Писарро при всем этом был набожным христианином. Пятидесятичетырехлетний конкистадор истово верил в Божественное провидение. Он также верил в то, что сегодня Господь выступил на стороне проливших кровь христиан. Доказательством было пленение Атауальпы и тот факт, что столь многочисленное войско было разбито столь малым. В конце концов, инкский император и его подданные были неверующими, и их души, — если бы они не были обращены, — так или иначе, попали бы в ад. Хотя кровь и пролилась, Писарро тем не менее был убежден, что в конечном итоге он со своими конкистадорами осуществит свою миссию — обратит огромное количество неверующих в паству Господа.

Многие испанцы погрузились в сон — для некоторых это был первый отдых за более чем двое суток. Другим Писарро приказал патрулировать город в течение всей ночи. Вскоре жители города, еще днем попрятавшиеся по домам, слышали звонкие шаги необычных огромных животных, на которых ехали бородатые захватчики: подковы лошадей медленно цокали по пустынным улицам. Между тем находившийся в храме Солнца Писарро распорядился постелить Атауальпе в той же самой комнате, в которой собирался расположиться сам. Укладывавшихся ко сну правителей, несомненно, беспокоили совсем разные мысли. В этой каменной палате отходили ко сну правители, от которых теперь зависела судьба всей империи: Писарро и Атауальпа — конкистадор и местный повелитель.

На следующее утро Писарро направил Эрнана де Сото с 30 всадниками обследовать старый лагерь Атауальпы, тот самый лагерь, где Сото впервые встретился с императором за два дня до этого. Когда они достигли места назначения. Сото заметил, что за прошедшее время мало что изменилось. То же огромное море палаток, разлившееся на огромном пространстве, и бесчисленные ряды туземных солдат, словно за день до этого испанцы не нанесли им значительного урона. Хотя в рядах индейцев ощущалась явная напряженность, никто из них не сделал ни шагу в сторону испанцев. По крайней мере в настоящий момент они подчинялись приказам своих командиров, которые, в свою очередь, подчинялись приказам их плененного императора. Получив разрешение на разграбление всего того, что он видел за несколько дней до этого, Сото набрал в лагере золота, серебра и украшений, после чего его отряд направился на равнины — там испанцы насобирали еще больше золотых предметов. Как раз на равнине напуганные слуги Атауальпы побросали предметы сервиза и украшения, после чего обратились в бегство. Прежде чем солнце высоко поднялось в синем небе. Сото и его люди

«вернулись в лагерь... с большим числом [туземных] мужчин, женщин, овец [лам], изрядным количеством золота, серебра и одежды. В числе награбленного добра присутствовало 80 000 золотых песо, 7000 серебряных монет и 14 изумрудных камней. Золота и серебра было в огромном количестве — большие и малые блюда, кувшины, миски, большие сосуды для питья и прочие предметы. Атауальпа сказал, что все это предметы его столового сервиза и что те индейцы, которым удалось бежать, забрали еще значительное их количество».

Испанцы, большинство из которых было только на третьем своем десятке, не могли поверить в свою удачу. Почти всю ночь они стремились вскрыть хитиновый слой империи, и вдруг, словно из огромного волшебного горшка, к их ногам посыпались золото, серебро и драгоценности. Вокруг прохаживались ламы, и Писарро распорядился увести их, поскольку они могли воспрепятствовать быстрому передвижению войск в том случае, если бы инки решили

атаковать испанцев. Потом Писарро приказал захваченным в плен индейцам собраться на площади, нескольких человек он отобрал, с тем чтобы они прислуживали испанцам, остальным было велено разойтись по домам. Далее губернатор велел Атауальпе распустить свою армию, при этом были отвергнуты предложения нескольких командиров сначала отрубить правую руку туземным солдатам. Писарро чувствовал, что кровавый разгром, нанесенный индейцам за день до этого, был достаточным, чтобы донести до туземцев послание губернатора. А суть его заключалась в том, что в Перу прибыли новые хозяева, которым надлежит неукоснительно подчиняться.

Поведение Писарро и его окружения до сей поры следовало стандартной методике осуществления завоевания. Сначала надо было отыскать следы туземной империи, достаточно цивилизованной для того, чтобы в ней присутствовала изрядная масса крестьян, платящих подати элите. Не было никакого смысла во встрече с «дикими» индейцами, которые не обрабатывали землю, и у которых не было цивилизационного опыта. В конце концов, испанцы пришли сюда создавать феодальное общество, а таковое по определению требовало наличия платящего подати крестьянства.

Далее, должна была быть осуществлена манифестация законности — это подразумевало необходимость получения королевской лицензии у монархов Испании. Потом требовался законный предлог — в случае с Атауальпой он заключался в зачтении ему «Требования» и соответствующих законных прав его. «Требование» извещало Атауальпу о том, что он имеет право принять новую властную структуру, если же он отвергает ее, то будет предан мечу. В соответствии с логикой испанской юриспруденции XVI в., отказавшись подчиниться испанцам и бросив на землю черный предмет, заполненный дивными знаками, которые император не разбирал, он немедленно терял права на Инкскую империю.

Следующим шагом в этом стандартизированном процессе было начало самого завоевания, которое почти всегда сопровождалось массовыми проявлениями террора в стиле «ужас и трепет» или кампанией типа блицкриг. Следовали свирепые атаки, целью которых было сокрушить местное сопротивление и посеять ужас среди туземцев, с тем чтобы заставить их подчиниться новым хозяевам. Кортес проделал это еще раньше в Мексике — в городе Чолула он со

своим отрядом вырезал около 3000 человек местного населения менее чем за 3 часа. По всей Центральной Америке испанцы зачастую использовали метод отрубания рук тем туземцам, которые отказывались выполнять их указания. Испанцы сожгли заживо много местных вождей, используя подобные зрелищные демонстрации с тем, чтобы заставить трепетать местное население. Писарро и его отряд, вырезав около 7000 человек за несколько часов, очевидно, установили новую реперную метку в истории разворачивания террора в Новом Свете. Но каждый испанский лидер должен был для себя определить, какой масштаб террора необходим для достижения требуемых результатов. Целью Писарро было не уничтожить туземцев, но определить их под свой контроль. Писарро также знал, что в случае необходимости можно будет осуществить сверхурочные карательные мероприятия.

Один из последних пунктов типичного плана завоевания подразумевал захват живым в плен туземного вождя, если выпадала такая возможность. Далее в большинстве случаев испанцы могли задействовать «узы верности», связывавшие подданных с их предводителем. Власть, обретаемая относительно небольшим отрядом испанцев после захвата местного предводителя, была сопоставима с уровнем власти, который могло бы обеспечить развертывание армии в несколько тысяч человек, но таких экспедиций в Новый Свет не посылалось.

Итак, в соответствии со стандартной методикой завоевание Перу было осуществлено очень удачно. Писарро открыл огромное богатое государство, в основе которого лежал труд платящих подати крестьян. Потом он получил соответствующие лицензии на разграбление этого государства. Губернатор известил местного правителя о приходе новой властной структуры и о необходимости повиноваться ей, а после полученного от правителя отказа провел широкомасштабную кампанию по запугиванию местного населения, самого же вождя он взял в заложники — жителям империи оставалось только продолжать повиноваться ему. Писарро знал, что последними шагами в этом линейном процессе должны стать консолидация и расширение сделанных завоеваний, осуществление разграбления империи и перенаправление потока податей — чтобы он шел не к инкской элите, а в руки новых правителей Перу.

Вскоре после того, как Писарро приказал Атауальпе распустить его армию, огромный инкский лагерь, который незадолго до того посетил Сото, начал постепенно расформировываться. В одночасье уволенные, воины Атауальпы теперь расходились по всем направлениям, большинство людей направлялось в далекие деревни, откуда они были призваны на военную службу. Запланированный триумфальный марш в Куско был теперь отменен, смятение и слухи начали распространяться из Кахамарки во все области Перу. Возвращавшиеся домой воины часто делали остановку в пути, чтобы рассказать группам пораженных слушателей историю о недавно учиненной резне. В современных терминах представить эту историю просто: банда иностранных террористов захватила местного предводителя и теперь удерживала его в заложниках. В сознании пораженных слушателей неизбежно возникали вопросы: кто эти чужеземцы и чего они хотят? Как долго они собираются здесь пробыть?

Атауальпа, наблюдая за людьми Писарро, дивившимися на золотые тарелки и кубки, набранные в его лагере, и за их поведением, должен был прийти к неизбежному заключению: очевидно, эти бородатые чужеземцы прибыли сюда лишь для того, чтобы мародерствовать. Число их было невелико, так что, с очевидностью, это была не завоевательная армия, и в ее намерения не входило долго оставаться здесь. Их единственный интерес заключался лишь в том, чтобы награть как можно больше добра. Коли чужеземцы набрали все, что они смогут с собой увезти, то, по мысли Атауальпы, наблюдавшего за ними, они, конечно, возьмут все награбленное и уйдут. В конце концов, чужестранцы даже не пытались скрыть, что именно вызывает в них наибольший прилив энтузиазма. Все сделанное из золота, которое инки называли «кори», или из серебра, которое они называли «куллки», казалось, очаровывает их более всего остального.

Поведение испанцев, несомненно, напомнило Атауальпе поведение варваров, которых инки покорили в области Антисуйю, в восточной части империи. Эти дикие племена обитали в темных густых джунглях, они, вероятно, проявляли огромный интерес ко всему, что производилось инками. Инки называли нецивилизованные народы, жившие за восточными границами их государства, «антис».^[28] Атауальпа, безусловно, полагал, что, несмотря на наличие у

чужеземцев странных животных и мощного оружия, эти люди должны относиться к народу такого же типа. Они такие же, как антис или другие грабительские племена. Варвары. Так что, вне всякого сомнения, главный вопрос, возникавший в сознании Атауальпы — по мере того как он наблюдал за испанцами, восторженно изучавшими предметы его сервиза и бормочущими на своем непонятном языке, — был следующий: как бы он мог ускорить уход этих дикарей? И как он мог бы при этом остаться в живых и сохранить свою свободу.

Имея за плечами пятилетний опыт правления северной половиной Инкской империи и вынужденный ежедневно принимать серьезные решения, Атауальпа в итоге нашел вариант выхода из этого затруднительного положения. Показав жестами на одного из переводчиков и на Писарро, он прошел в одну из комнат храма Солнца, после чего Атауальпа мелом прочертил белую линию на стене, довольно высоко над своей головой. Обратившись к Писарро, Атауальпа сказал седому губернатору, который был на четверть века старше его самого, что он, Атауальпа, хорошо осознает, зачем испанцы явились в Тавантинсуйю, и что он подарит им все золотые и серебряные предметы, какие они только пожелают, если Писарро сохранит ему жизнь.^[29] Один очевидец писал:

«Губернатор спросил его, сколько он готов отдать и в течение какого времени. Атауальпа сказал, что он готов наполнить данную комнату золотом. Размеры же этой комнаты были 22x17 футов, и она должна была быть заполнена золотом до уровня черты, проведенной на высоте более 8 футов. Он [также] сказал, что он заполнит комнату до этой высоты разными золотыми предметами — кувшинами, горшками, блюдами и другими предметами, также он пообещал наполнить все это помещение двукратным количеством серебра, — и все это он был готов сделать в течение двенадцати месяцев».

Атауальпа объяснил, что большая часть золотых и серебряных предметов находится в Куско — городе, лежащем далеко на юге. И понадобится около года, чтобы собрать все требуемое. Атауальпа, вне всякого сомнения, полагал, что по крайней мере ценность его фигуры в

глазах испанцев повысится и соответственно он выиграет для себя дополнительное время. А это дало бы больше возможностей для маневра. Даже находясь в заточении, Атауальпа все еще имел под своим началом войска, насчитывавшие порядка 100 000 человек. Однако было слишком опасно решиться на то, чтобы отдать им приказ атаковать, поскольку в результате он мог бы оказаться убитым. Но если бы испанцы убрали свою стражу хотя бы на некоторое время, он мог бы что-то предпринять.

Писарро явно поразило неожиданное предложение Атауальпы. За все тридцать лет пребывания на американском континенте ему ни разу не поступало подобного предложения от местных вождей. Безусловно, «комната, полная золота» сделала бы эту последнюю экспедицию исключительно успешной в финансовом плане. И если такое количество было так легко заполучить, то он, очевидно, открыл империю, которая была даже богаче, чем он предполагал. Однако действительно ли Атауальпа говорил правду? Или это была просто уловка для выигрыша времени? Хотя Атауальпа и расформировал свое войско, разве можно было быть уверенным в том, что при этом император не отдал приказа армии выстроиться где-нибудь поблизости и подготовиться к атаке?

Писарро все еще не отдавал себе отчета в том, насколько необъятной была империя, в которую он вторгся. Если предложение Атауальпы служило веским доказательством того, насколько обширна эта империя, то нижеследующая реплика императора удостоверяла это с особой убедительностью. Писарро спросил: «Сколько времени требуется посыльному, чтобы добраться до Куско?» — и внимательно посмотрел на Атауальпу.

«Атауальпа ответил, что в том случае, когда сообщение следует доставить в ускоренном порядке, то [вестники] передают его по эстафете — от деревни к деревне, и донесение прибывает [в Куско] через пять дней. Если же один человек одолевает весь путь, то, даже если он скор в своих действиях, ему потребуется пятнадцать дней».

Атауальпа заметил, что курьерам для того, чтобы добраться из одного конца империи в другой — каждый из них бежал от рассвета до

заката, — требовалось около двадцати дней, или сорок дней туда и обратно. Впервые с момента своего прибытия Писарро начал осознавать, насколько огромна была империя, повелителя которой он захватил.

Вместе с Писарро в экспедиции было двенадцать нотариусов, которые знали грамоту, могли удостоверить подписи и составлять юридически валидные договоры. Подобно их компаньонам, они изъявили желание принять участие в экспедиции, надеясь получить долю в добыче. С XVI в. повседневный быт испанцев заполнился всевозможными судебными разбирательствами.^[30]

Писарро, который не умел ни читать, ни писать, немедленно велел одному из нотариусов составить документ, в котором были бы выделены основные пункты предложения Атауальпы. Писарро пообещал последнему, что если тот выдаст столько золота, сколько он обещал, то Писарро позволит инкскому правителю вернуться впоследствии в Кито, где тот сможет управлять своим небольшим королевством.

Это, конечно, была явная ложь. У Писарро не было намерения отпускать Атауальпу и тем более восстанавливать его на прежнем месте. Во-первых, он хотел, чтобы Атауальпа выполнил свою часть сделки — предоставил комнаты, полные золота и серебра. Если Атауальпа и после этого мог бы оставаться полезным, то Писарро вполне мог оставить его в живых. В противном случае губернатор, конечно, убил бы его без колебаний.

Точно так же, как Писарро слабо осознавал размеры Инкской империи и имел очень приблизительное представление о ее культуре и о способах ее функционирования, так и Атауальпа равным образом не мог осознать существования в испанской культуре идей, совершенно разнокачественных по отношению к инкским традициям. Инкский император не понимал того, что испанцы проявили интерес к столовому сервизу не потому, что были заворожены его ослепительным блеском, но потому, что он был сделан из тех материалов, которые составляют основу монетной системы Старого Света. Основопологающий принцип монетной системы заключался в том, чтобы монеты чеканились из редких материалов, и чтобы было установлено всеобщее согласие в отношении обменной единицы. В зарождающихся нациях Европы XVI в. золото, серебро, медь и никель

были стандартными материалами монетарной системы. Любой испанец, которому повезло получить фунт золота — посредством причитающейся ему оплаты либо посредством грабежей и завоеваний, — мог продать его торговцу или банкиру и получить взамен приблизительно 120 золотых дукатов.

Чтобы дать представление об этой сумме, укажем, что в 1530-е гг. средняя зарплата испанского моряка, который рисковал на море своей жизнью, составляла 50–60 дукатов в год — эквивалент половины фунта золота. Располагая 4 фунтами золота, человек мог купить в Испании целую каравеллу, 10 фунтов золота могли быть превращены в 1200 дукатов — эквивалент изнурительного труда моряка на протяжении 20 лет. Так что совсем неудивительно, что глаза испанцев так расширились, когда Сото и его отряд вернулись со своей добычей — золотыми и серебряными кубками, блюдами и статуями. Если у Атауальпы все это имелось во временно разбитом лагере, то какими же тогда богатствами располагала остальная часть империи?

Инки также имели представление о монетарной системе, хотя их империя преимущественно основывалась на товарообмене, который имел определенную степень стандартизации. Одна этническая группа, завоеванная инками, — чинча, которая обитала к югу от современной Лимы, активно занималась торговлей, используя для этого плоты. Чинчи доходили на них до самого Эквадора. По-видимому, именно торговое судно чинчей было захвачено экспедицией Писарро во время его второй экспедиции. Активно заключая деловые сделки, торговцы-чинчи использовали в качестве денег медь, котирую они обычно меняли на различные товары. Стандартной единицей обмена служила медная монета, отлитая в форме обуха топора.

Но Инкская империя никогда не вводила у себя денежную систему. Золото, имевшее цвет солнца, считалось у инков сакральным материалом, поскольку солнце было главным богом в их религиозном пантеоне. Золото, однако, никогда не использовалось в качестве обменной единицы. Соответствующим образом серебро считалось слезами богини-луны, или мамы-кильи, и задействовалось в храмах, посвящаемых этой богине. Поскольку Атауальпа и его предки происходили от бога-Солнца, Инти, то образ золота соответственно увязывался с воплощением бога на земле, фигурой инкского императора. Золото и серебро, добывавшиеся в разных регионах

империи, направлялись в Куско и в другие крупные города империи, и оттуда они уже редко переправлялись в какие-то иные места. Местные ремесленники и ювелиры придавали металлам символическую форму, — все это призвано было подчеркивать соотнесенность данных материалов с солнцем, луной и императором. Соответственно император использовал для еды чаши и блюда, сделанные не из глины, а из чистейшего серебра и золота.

Между тем инкская экономическая система была далека от капиталистической, где отдельные индивидуумы присваивают себе землю, труд, различные ресурсы и стремятся обеспечить себе прибыль. Инкская элита опиралась на распределительную экономику. В значительной степени производство сельхозпродукции контролировалось государством, которое распределяло полученное богатство согласно собственным нуждам и нуждам населения. К примеру, почти вся земля принадлежала государству, которое отводило ее себе, церкви и передавало часть в общинное пользование. Инкская элита требовала от крестьянских общин засева государственных и церковных земель — произведенный продукт шел на обеспечение потребностей разросшейся правительственной и церковной бюрократии, а также на удовлетворение еще множества других нужд. Негласный социальный договор, заключенный крестьянством с правительством, подразумевал право крестьян обрабатывать свои общинные земли, при этом государство продолжало числить их своей собственностью.

Инкские элиты также требовали, чтобы каждый житель империи производил оговоренный объем труда — в пользу императора. Последний же сам решал, в какой форме он может использовать этот труд, «мита». Каждый мужчина, являвшийся главой семьи, должен был три месяца в году отработать в пользу императора: это могло быть строительство дорог, зданий, ткачество, услуги в качестве гонца часки, участие в войне или какая-то иная полезная деятельность. Ввиду того что миллионы семей ежегодно собирали урожай с церковных и государственных земель вдобавок к тому, что выплачивали налоги, доходы империи были огромными. Излишек, который создавался трудом, облагаемым налогом, хранился на огромных складах, расположенных по всей империи. Эти склады были забиты таким количеством продуктов и разнообразных предметов, что вызывали

огромное удивление у испанцев. Внутренний валовой продукт Инкской империи был настолько огромен, что периодически приходилось опустошать эти склады и раздавать их содержимое жителям близлежащих селений — с тем чтобы освободить место для нового притока продукции. Конкистадор Педро Санчо де ла Ос писал:

«Тут можно увидеть... множество... складов, полных шерсти, оружия, металлических (предметов), одежды и всего, что произрастает и производится в этом королевстве... Тут есть щиты, опорные стойки палаток, ножи и другие предметы; сандалии и доспехи в таком количестве, что невозможно понять, как они (налогоплательщики) оказались в состоянии предоставить все это».

Император зачастую делал подарки состоящим у него на службе местным вождям, с тем чтобы обеспечить их верность инкскому государству. Вожди одаривали своих подданных, и так это шло подлинной нисходящей цепочке до самого крестьянства, которое в основном и создавало весь прибыток. Посредством перераспределения инкские элиты, составлявшие лишь один процент от всего населения империи, были в состоянии обеспечивать верность себе со стороны местных правителей, и соответственно им удавалось удерживать контроль над огромной империей, которую они создали.

Если Атауальпа периодически одаривал местных вождей, почему он не мог сделать подарок Писарро и соответственно ожидать чего-то от него взамен? Если испанцы хотели заполучить блестящий столовый сервиз, то Атауальпа хотел получить свою жизнь. Если ему надо было предоставить комнату, полную золота, в обмен на жизнь, то он с охотой сделал бы это — и мог предоставить еще больше. Разве Атауальпа сражался последние пять лет за свою империю только лишь ради того, чтобы в результате уступить ее маленькой кучке мародеров? По-видимому, тут речь шла о взаимном обмене услугами.

Часки рассыпались по всей империи с отчаянным сообщением от своего повелителя; направить все золотые и серебряные предметы, какие удастся собрать, в Кахамарку. Писарро между тем направил свое собственное послание восьмидесяти испанцам, которых он оставил в Сан-Мигеле — городе, основанном губернатором в южном

направлении от разрушенного города Тумбеса. В послании Писарро сообщалось об одержанной испанцами победе, также там содержался приказ направить нескольких людей в Панаму за подкреплением. Писарро понимал, что только при условии прибытия подкрепления он будет располагать достаточной силой, с помощью которой сможет покорить такую явно огромную и многонаселенную империю. Партнер Писарро, Диего де Альмагро, предполагал продолжить набор людей, припасов, поиски подходящих кораблей, он намеревался присоединиться к Писарро по прошествии определенного периода времени. Писарро мог только надеяться на то, что Альмагро прибудет скоро, прежде чем Атауальпа разгадает подлинные намерения губернатора — относительно того, что он со своими людьми намеревался закрепиться здесь.

Прошли недели, прежде чем наконец начала притекать тонкая струйка золота и серебра, которая с каждым днем увеличивалась. Нотариус Франсиско де Херес писал:

«И так [в некоторые дни] прибывало 20 000, в другие 30, 50 или даже 60 000 золотых песо [в виде] больших кувшинов вместимостью от двух до трех арроб [от двадцати трех до тридцати пяти литров], также поступали серебряные кувшины и многие другие сосуды. Губернатор распорядился поместить все это в здание, где находилась стража Атауальпы... Для большей надежности губернатор поставил христиан охранять все это добро круглосуточно. Все, что было определено в здание, было там пересчитано, так чтобы не было места обману».

Испанцы тщательно взвешивали каждый предмет и затем переводили вес в песо, одну из стандартных единиц измерения золота в Испании. Поскольку один песо весил одну шестую часть унции, то «30–60 тысяч песо», поступавших ежедневно, означало «от 300 до 600 фунтов золота». Любой конкистадор мог элементарно прикинуть, что всем участникам экспедиции суждено стать богатыми людьми.

Вскоре после того, как Атауальпа отправил первых гонцов, местные вожди со всех регионов империи начали прибывать в Кахамарку. Они приехали засвидетельствовать свое почтение как

инкскому повелителю, так и предводителю могущественных иноземцев, пленивших императора.

«Когда вожди этой провинции услышали о прибытии губернатора и о пленении Атауальпы, многие из них приехали, просто чтобы посмотреть на губернатора», — писал Херес. Летописец Эстете указывал, что «они прибыли из множества провинций, чтобы нанести ему визит и посмотреть на испанцев, все вожди привезли с собой подарки — то, чем богата их земля: золото, серебро и многое другое». Херес продолжает: «Некоторые из этих вождей имели под своим началом тридцать тысяч индейцев, и все они подчинялись Атауальпе. Когда они предстали перед ним, они засвидетельствовали ему свое почтение, облобызав его руки и стопы. Он принял их, даже не взглянув на них». Эстете пишет: «Он вел себя в высшей степени величественно, и, даже потерпев поражение и оказавшись в заточении, он выказывал исключительное достоинство».

Испанцы, которые, за исключением Писарро, до сих пор воочию не видели императора, не осознавали того благоговения, с каким инки относились к своему повелителю. Атауальпа был не равнозначен европейскому королю — он имел и земную, и божественную природу. Подходя к Атауальпе, индейцы, по сути, входили в соприкосновение с божеством. В фигуре этого индейского лидера были сосредоточены законодательная, судебная, исполнительная и религиозная власти империи, насчитывавшей десять миллионов подданных.

Инкская империя представляла собой теократическую монархию; соответственно все блага и «обстоятельства судьбы», такие как правосудие, богатство, титулы, статус, еда, имели своим источником фигуру императора. Находящегося в заточении Атауальпу вождь провинции Уайлас спросил, может ли он посетить свою область. Атауальпа дал ему разрешение, но отвел вождю ограниченное время, чтобы поехать туда и затем вернуться. «Он задержался несколько дольше, — вспоминал кузен Писарро, Педро, — он вернулся, когда я находился рядом с императором; в качестве подношения вождь привез фрукты из своей области. Но, представ перед инкским императором, он вдруг весь начал дрожать — так, что даже не мог стоять. Атауальпа немного приподнял голову и, посмотрев на него искоса и улыбнувшись, дал ему знак уходить».

Инкский император, однако, не был настолько же великодушен в отношении к своему собственному брату Уаскару. Атауальпа все еще продолжал считать своего плененного брата своим единственным соперником за трон; и хотя Уаскар находился в заключении, он не переставал представлять собой угрозу. Атауальпа, вне всякого сомнения, полагал, что испанцы очень скоро уйдут. Он хотел, чтобы после этого его императорское положение никто не мог оспорить. Вскоре после пленения Атауальпы испанцами гонцы сообщили ему, что его брат в настоящий момент находится на расстоянии всего лишь нескольких дней перехода. К этому времени почти весь род Уаскара был истреблен. Став свидетелем жестокого убийства своих жен, детей и других родственников, Уаскар осознавал, что его самого теперь ожидает жестокая казнь. Как повествует один свидетель, «с Уаскаром, после того как он был взят в плен, обращались ужасно. В качестве еды ему подавали гнилую кукурузу и горькие травы. В его головной убор налили мочу ламы; над его естественным инстинктом надсмеялись, положив ему в постель камень, одетый в женское платье».

Через переводчиков Писарро узнал о предстоящем прибытии возможного претендента на инкский трон и уже собирался заключить и его под стражу. Если Уаскар окажется в заточении, то это будет означать, что Писарро держит под своим контролем двух императоров, таким образом распространив свою власть на центральный и южный регионы страны. Атауальпа начал свою борьбу, первоначально контролируя только 10 процентов территории Инкской империи, северную часть современного Эквадора. Уаскар же контролировал остальные 90 процентов. В течение последующих пяти лет это соотношение постепенно менялось, так что к концу войны территория, находившаяся под управлением Уаскара, уменьшилась до мизерной части.

Но втайне от Писарро Атауальпа направил гонцов, которые должны были задержать конвой, сопровождавший его брата. Примерно в четырехстах километрах к югу от Кахамарки инкские солдаты убили Уаскара и сбросили его тело в реку. Отказавшись от возможности освободить своего брата и попросить его помочь организовать народное восстание против захватчиков, Атауальпа сделал ставку на династическую политику. По иронии судьбы плененный инкский император решил, что важнее защищать свой трон от поползновений

со стороны своего брата, чем от посягательств отряда иноземных захватчиков. Будучи уверенным в том, что испанцы скоро уйдут, он полагал, что теперь, когда его брат мертв, вопрос о власти над всей империей можно считать решенным.

Как ни удивительно, Писарро принял объяснение Атауальпы относительно причин скорой смерти Уаскара — брата якобы убили стражи, не имея на то распоряжений Атауальпы. Теперь, когда остался только один инкский император, и его местоположение представлялось вполне надежным, очень важным был тот факт, что Писарро мог продолжать контролировать империю посредством фигуры Атауальпы, чьи вассалы оставались верными ему.

Контраст в отношении Атауальпы к своим подданным и своим тюремщикам поражал испанцев. В отношении к туземцам, находящимся ниже его на иерархической лестнице, то есть ко всем гражданам Инкской империи, Атауальпа демонстрировал надменность и суровость. Обычно он принимал посетителей, сидя за ширмой, так что они его не видели. Только избранным Атауальпа даровал привилегию смотреть на него. Характерной чертой инкского стиля правления было крайне презрительное отношение к нижестоящим чиновникам, что упрочивало разделение власти. В присутствии своих подданных Атауальпа вел себя как бог, спустившийся на землю, он распространял ауру снизошедшей с небес власти.

В присутствии захватчиков, которые самим фактом заключения императора под стражу показали свою силу и утвердили свою власть, Атауальпа демонстрировал совсем иную сторону своей личности. Имперская надменность полиняла, и он вел себя скорее как «голый император». Испанцы позволяли императору пользоваться услугами своей челяди, продолжать вести жизнь в роскошных условиях, к которым он привык, и осуществлять управление империей. Но они не позволяли Атауальпе командовать армией.

За долгий период своего заточения Атауальпа постепенно начал вызывать к себе симпатию у испанцев — в первую очередь у Эрнана де Сото и Эрнана Писарро. Два испанских капитана научили инкского правителя игре в шахматы и проводили с ним за этим занятием долгие часы. Атауальпа вскоре стал демонстрировать искусность в игре, дав ей название «таптана», или «внезапная атака». У него явно вызывали

воодушевление обнаруженные им параллели у этой игры с военной стратегией.

Засыпая своих тюремщиков вопросами, Атауальпа зачастую поражал испанцев наличием у него очевидной разумности и логики. Нотариус Франсиско де Херес писал: «Испанцы, слушавшие его, явно были поражены, обнаруживая такую мудрость в варваре». «[Император] самый мудрый и самый способный из всех [туземцев], которых мы встречали, — писал Гаспар де Эспиноса. — Он проявляет такой интерес к вещам, которые мы имеем, что он даже научился очень хорошо играть в шахматы. Удерживая этого человека... под своим контролем, мы обеспечиваем спокойствие во всей стране».

Испанцы, большая часть которых происходила из низших классов, а треть была вообще неграмотна, были заморожены своей приближенностью к королевской власти, несмотря на то что речь шла всего лишь о короле варваров. Происходя из среды крайне иерархического общества, испанцы не могли не быть ослеплены царственным обхождением Атауальпы или, например, тем фактом, что ему прислуживала стайка красивых женщин, большинство из которых были его наложницами.

Педро Писарро, которому на тот момент исполнилось восемнадцать лет, вспоминал:

«Женщины... приносили ему еду и ставили перед ним на красивые зеленые тростники... Они выставляли все золотые, серебряные и глиняные блюда [на эти тростники], и он [Атауальпа] указывал на то кушанье, которое ему приглянулось. Какая-нибудь из женщин подносила его непосредственно к императору и кормила его. Однажды, когда мне довелось при всем этом присутствовать, во время этого кормления одна капля упала на его одежду. Подав руку индианке, он встал и направился в свои покои, чтобы переменить одежду, оттуда он вернулся облаченный в тунику и темно-коричневую накидку. Я приблизился к нему и пощупал накидку, материал которой был мягче шелка. Я сказал ему: „Инка, из чего сделана ваша накидка, что она такая мягкая?“ Он ответил, что она сделана из кожи летучих

мышей [вампинов], которые летают по ночам в Пуэрто Вьехо и в Тумбесе и имеют обыкновение кусать местных жителей».

Когда Атауальпу спросили, как удалось собрать такое количество летучих мышей, он сначала помедлил, а затем сказал, что это работа «этих собак [туземцев] из Тумбеса и Пуэрто Вьехо — что еще им оставалось делать, кроме как ловить летучих мышей и делать одежду для моего отца?».

На следующий день молодой кузен Писарро посетил вместе с одним туземцем королевский склад, который был весь заполнен чемоданами из темной кожи.

«Я спросил его, что находится в этих чемоданах, и он показал мне несколько: там находилось все то, до чего Атауальпа касался своими руками, а также одежда, которую он выбросил. В одних находились тростники, которые он клал перед своими стопами, когда ел, в других кости мяса, которое он съел... в третьих стержни початков кукурузы, которые он держал в своих руках... Короче, все, до чего он прикасался руками. Я спросил его, почему все это хранится там. Мне сказали, что это надлежало сжечь, поскольку ежегодно... то, до чего касались [инкские] правители, являвшиеся сыновьями солнца, сжигалось, превращалось в пепел и развеивалось в воздухе, и никому не дозволялось трогать эти предметы».

Таким низкопоклонством был окружен Атауальпа, сын солнца, на протяжении своей жизни.

Когда подошел январь 1533 г., гряда собранных золотых предметов все еще не достигла уровня черты, которую Атауальпа провел на стене комнаты. Писарро и Атауальпа трудились неустанно. Писарро с нетерпением ждал подхода нового испанского отряда, который помог бы быстро собрать сокровища, после чего можно было отправляться на юг в Куско, инкскую столицу, и завершить завоевание империи. Атауальпа стремился отдать испанцам все, чего они жаждали, с тем чтобы они затем навсегда покинули его империю. Когда прибыл один из братьев императора, контролировавший

продвижение каравана с сокровищами, он рассказал Атауальпе, что еще один караван, везший сокровища, был задержан в Хаухе, городе, располагающемся между Кахамаркой и Куско, и что в столице оставалось еще больше золота, чем то, что было направлено, и это золото надо было собрать в храмах.

Стремящийся поскорее освободиться, Атауальпа предложил Писарро направить часть войск в Куско, с тем чтобы проследить за сбором выкупа. Писарро, однако, зная, что у Атауальпы было две армии — одна на юге и одна на севере, не спешил дробить свои силы, опасаясь атаки. Но три человека Писарро, которым, возможно, наскучило так долго ждать, выразили свое желание отправиться на юг. Двое из них, Мартин Буэно и Педро Мартин де Могер, были неграмотными моряками из приморского андалузского города. Третьим был баскский нотариус по имени Хуан Сарате.

Писарро согласился направить этих трех добровольцев, но при этом напомнил Атауальпе о характере их взаимоотношений: если с испанцами что-нибудь случится, предупредил он, то Атауальпа будет убит. Атауальпа успокоил Писарро, предложив предоставить одного представителя инкской знати, несколько туземных солдат и еще носильщиков, которые бы понесли испанцев на королевских носилках. Писарро переговорил с добровольцами, велел им завладеть городом Куско от имени короля и сделать это в присутствии нотариуса, который составил бы соответствующий юридический документ. Далее он наказал добровольцам вести себя осторожно и не делать ничего такого, что шло бы вразрез с пожеланиями сопровождавшего их орехона, чтобы не возникло конфликта и их не убили. В их задачу входило произвести рекогносцировку местности к югу от Кахамарки, помочь собрать сокровища в Куско и привезти полный отчет об увиденном.

Можно только представить себе путешествие этих троих добровольцев — первых европейцев, едущих вдоль зазубренного гребня Анд из Кахамарки в Куско на королевских носилках. Последние представляли собой роскошное перевозочное средство, состоящее из двух длинных шестов, имеющих на концах серебряные фигурные изображения голов животных, и днища между ними. На днище располагалось сиденье, на которое было положено несколько мягких подушек. По бокам сиденья шли невысокие стенки, обеспечивавшие

безопасность. Наверху был полог из ткани с вотканными в нее перьями, который защищал пассажира от солнца и дождя. Носилки несли представители племени Руканы, которых с юности обучали искусству плавного передвижения. Носилки определенно представляли собой атрибут власти и престижа. Их использовали для перевоза только самых высших представителей инкского истеблишмента.

Процессия вскоре двинулась из Кахамарки на юг, путь ее лежал через склоны фантастически красивых гор, инкские города и деревни, лежавшие по берегам рек. Путники преодолевали глубокие ущелья по висячим мостикам. Это были первые европейцы, наблюдавшие андский мир в его нетронутом виде — могучую цветущую цивилизацию во всем ее пышноцветии и своеобразии. Все было новым — растения, животные, люди, деревни, горы, города. Нотариус Педро Санчес де ла Ос писал:

«На всех крутых горных склонах... [есть каменные лестницы]. Одно из величайших творений человеческих рук, которое конкистадоры... [наблюдали] на этой земле, были эти проложенные проходы. Дома аборигенов сделаны из камня и глины. В каждой деревне множество домов. Вдоль дороги через каждые 4–7 миль стоят дома, построенные для того, чтобы в них могли останавливаться местные вожди в ходе инспекции своих владений. Через каждые 70 миль встречаешь большие города, столицы провинций. Маленькие города выплачивают им дань кукурузой, одеждой и другими имеющимися у них богатствами. Во всех этих больших городах есть кладовые, заполненные плодами собранных урожаев. Поскольку климат в этих местах очень холодный, урожай кукурузы невысокий, за исключением отдельных плодородных мест. Но [произрастает множество] овощей и корнеплодов, благодаря которым люди поддерживают свое существование. Выращивается также горькая репа [картофель], имеющая горький вкус.^[31] Повсюду можно увидеть множество стад овец [лам и альпак], за которыми присматривают пастухи. Они не позволяют заходить стадам на засеянные поля. Люди, как я уже сказал, вежливые, по

виду очень разумные, они всегда ходят одетые и в обуви. Они едят сырую и вареную кукурузу и пьют много чичи, производящейся из кукурузы и очень напоминающей пиво. Люди очень дружелюбные, выражающие покорность, однако при этом воинственные. Кая уже говорилось, у них много самого разнообразного оружия».

Когда трое путников после месячного продвижения на юг наконец прибыли в Куско, они были ошеломлены увиденным. Город удобно разместился на склоне холма, развернутого в сторону широкой долины. «Этот город — самый грандиозный и самый красивый из всех, что нам доводилось видеть в этом королевстве и вообще в Индии, — писали позднее испанцы своему королю. — И мы можем заверить Ваше Величество, что он настолько красив и там такие восхитительные здания, что он заметным образом выделялся бы, даже если бы находился в Испании». Санчо де ла Ос писал:

«[Он] полон дворцов местных князей... Большая часть этих домов сделана из камня, у других половина фасада из камня... Улицы проложены под прямыми углами. Они очень прямые и вымощены камнями. До середины улиц идет водосточный желоб, выложенный камнем... Главная площадь имеет квадратную форму. Большая ее часть плоская, она выложена мелкими камнями. Вокруг площади стоят четыре дворца местных вождей — это главные дворцы в городе; они выстроены из тесаного камня и выкрашены в разные цвета, самый лучший из них когда-то принадлежал Уайне Капаку, бывшему повелителю. Ворота выполнены из красного, белого и разноцветного мрамора... Имеется также большое число и других роскошных зданий».

На холме, возвышающемся над городом, испанцы увидели трехбашенную крепость, напоминающую европейский замок. Когда трое гостей показали на здание, индейцы произнесли: «Сак-сай-ва-ман», что означало «(крепость) удовлетворенного сокола». Санчо де ла Ос писал:

«На очень крутом холме расположена очень красивая крепость, выстроенная из земли и камня. Ее большие окна, ориентированные на город, придают ей еще более красивый вид... Многие испанцы, побывавшие в Ломбардии и других иноземных королевствах, говорят, что они никогда не видели зданий, подобных этой крепости. В ней могли бы разместиться 5000 испанцев. Ее нельзя было бы взять артиллерийским штурмом, также нельзя было бы проложить к ней тоннель, поскольку она расположена на каменистом холме».

Одна из сторон инкской крепости была защищена стеной, выложенной из камней огромного размера — 30-тонных глыб, которые инки каким-то образом умудрились вырезать и доставить на место строительства.

На расхаживавших по городу испанцев с любопытством взирали местные жители. Их хлопковые туники и головные повязки, равно как и их прически, указывали как на занимаемое ими положение в обществе, так и на их малую родину. Повсюду испанцы видели тянущиеся каменные стены, отмеченные исключительным мастерством исполнения. Санчо де ла Ос дает такое описание:

«Из всех строений в этой области самыми красивыми следует признать стены, поскольку они исполнены из таких больших казней, что никто из видевших их не стал бы с уверенностью утверждать, что их поместили сюда человеческие руки, — эти камни столь же огромны, как горные валуны... Это далеко не гладкие камни, но они очень хорошо пригнаны друг к другу».

Вот как описывает эти стены Педро Писарро: «[И камни] настолько тесно пригнаны, что в места соединений невозможно было бы просунуть даже булавку». Де ла Ос подытожил: «Испанцы, которые видели их, сказали, что ни мост Сеговии, ни сооружения, возведенные Геркулесом или римлянами, не смотрятся так достойно».

Столица величайшей империи Нового Света была очень хорошо спроектированным и прекрасно обустроенным местом. Если

отличительным признаком цивилизации является интенсификация производства продовольствия и других товаров и сопутствующий этому рост населения, а также обозначающаяся стратификация общества, то нигде эти процессы не протекали в такой выраженной форме, как в Куско. На инкском языке это слово означает «пуп». Именно эта долина, где сошлись четыре суйу и образовали свой эпицентр, стала отправной точкой формирования могущественной империи.

В этом многоязычном центре жил император и вожди меньшего калибра. Даже у вождей далеких провинций имелись здесь свои дома. Род закрытого сообщества для элит, Куско был королевским центром империи, городом, призванным демонстрировать ослепительный блеск государственной власти. Находясь в услужении у элит, крестьяне ежедневно приезжали в столицу и снабжали ее всеми мыслимыми видами продуктов, которые только могли потребоваться верховным классам. Повсюду в городе испанцы обнаруживали склады, доверху заполненные товарами, произведенными миллионами подданных империи. Вся эта продукция собиралась, регистрировалась огромным штатом счетоводов и размещалась в этих огромных государственных хранилищах.

В соответствии с инструкцией три испанца «вступили во владение городом Куско от имени Его Величества». Баскский нотариус Хуан Сарате составил должным образом соответствующий документ и заверил его печатью. Ни аборигены, ни два неграмотных испанских моряка, сопровождавших нотариуса, не могли разобрать в документе ни слова.

С самого первого момента особый интерес у испанских путников вызвал ряд зданий, которые, казалось, сияли так же ослепительно, как солнце, — словно они были охвачены золотистым пламенем. Вскоре испанцы обнаружили:

«Эти здания были обшиты золотыми листами с той стороны, где восходит солнце... Они говорили, что в конструкции городских зданий присутствовало такое количество золота, что это создавало поразительное впечатление... [и что] они, испанцы, забрали бы его в изрядном количестве, если бы это не задержало их на

продолжительный срок, — ведь они тут были одни, на расстоянии 250 лье от своих братьев-христиан».

Но прежде чем конкистадоры могли приступить к сбору золота, они сначала должны были встретиться с инкским начальником столичного гарнизона. Куско представлял собой оккупированный город, ведь в прошлом под его эгидой объединились провинции, сражавшиеся против нынешнего инкского вождя Атауальпы. А до недавнего времени Уаскар носил королевскую бахромую маскайпачу и из этого города осуществлял командование войсками.

Ныне столицу занимало тридцатитысячное войско одного из самых блестящих военачальников из лагеря Атауальпы, генерала Кискиса, и эти легионы были такими же чужеродными для жителей Куско, как и три иноземца на королевских носилках. Кискис провел крайне жестокую военную кампанию на склоне Андских гор, занял со своим войском Куско, взял в плен императора Уаскара и вырезал почти всю его семью, включая неродившихся детей. Только после окончания своей успешной кампании генерал получил сообщение о неожиданной атаке на севере со стороны мародерствующего отряда иноземцев, которым каким-то образом удалось пленить императора. Позднее он начал получать от Атауальпы озадачивающие указания послать все имеющиеся золотые и серебряные предметы на север, в Кахамарку, которые, мол, необходимы были для его освобождения.

Теперь, в марте 1533 г., перед генералом Кискисом предстали трое иноземных эмиссаров на носилках. На визитерах была необычная одежда, на лицах у них была растительность. У иноземцев на уровне пояса висели длинные металлические предметы. Визитеры говорили на каком-то варварском языке, они совершенно не понимали основной язык империи, рунасами, равно как и другие местные языки. С ними было почти невозможно контактировать. Туземный летописец Фелипе Гуаман Пома де Айяла писал:

«Для нас был странен вид испанцев: они были завернуты в саваны словно трупы. Их лица были закрыты шерстяной тканью, так что видны были только их глаза. Их головные уборы напоминали маленькие красные горшки. Иногда головными украшениями им служили перья. Их мечи

казались очень длинными, поскольку их острие было обращено назад. Все испанцы были одеты схожим образом, общались они между собой, как братья, и ели они за одним столом».

Инкский военачальник сам являл собой зрелище, в немалой степени поразившее испанцев: на нем было ослепительное одеяние — туника, унку, на которой были изображены черные и белые квадраты наподобие шахматной доски, также на нем была мантия, сделанная из изысканнейшей шерсти альпаки. Туника генерала доходила ему до колен. На шее у Кискиса был золотой диск, знак отличия, которым император Атауальпа наградил его за храбрость, запястья генерала украшали сдвоенные золотые браслеты. Сандалии военачальника были сделаны из кожи, хлопка и шерсти альпаки.

Темные, мрачные глаза генерала Кискиса казались очень умными; выражение лица у него было гордое и высокомерное. В удлинённых мочках ушей генерала были золотые пробки, выдававшие его принадлежность к инкской знати, пакоёку. Неудивительно, что гордый инкский военачальник оказал троим испанцам холодный прием. И действительно, как можно относиться к иноземным захватчикам, которые схватили лидера твоей страны? Однако, имея прямые указания Атауальпы, генерал был связан в своих действиях.

«Он не почувствовал симпатии к христианам, хотя они и очень поразили его», — писал нотариус Кристобаль де Мена. Генерал Кискис был вынужден подавить свою гордость — ему пришлось позволить испанцам войти в самый священный инкский храм — в Кориқанчу, храм Солнца. Он был закрыт для широкой публики, там могли находиться только жрецы соответствующего ранга и храмовые девы, или мамакуна. Все, кто вступал в храм, должны были разуваться. В данном храме практиковалось весьма значительное число обрядовых форм.

Два моряка и нотариус, не проявляющие никакого интереса к инкской культуре и охваченные только жаждой наживы, вошли в храм в своей поношенной кожаной обуви и оттолкнули ошеломленных храмовых жрецов. Вскоре они обнаружили, что Кориқанча был и снаружи, и изнутри обшит золотыми листами. Кристобаль де Мена так описывал происходившее: «Христиане направились к зданиям и там

приняли решение отодрать украшения медными вагами. Так они и сделали». При помощи индейских ваг испанцы начали отрывать золотые листы, затем они складывали эти полосы снаружи так, словно это был металлолом. Все это проходило на глазах у группы ошеломленных свидетелей данного действия. «Большую часть набранного составляли полосы, имевшие в длину три-четыре пяди^[32]», — писал летописец Херес. Каждая полоса весила около четырех с половиной фунтов, если перевести это на деньги, то их хватило бы на покупку каравеллы. Испанцы в общей сложности собрали около 700 золотых полос.

13 мая 1533 г. после почти трехмесячного отсутствия первый из троих испанцев прибыл назад в Кахамарку на королевских носилках. Двое других следили за продвижением длинной процессии. Более тысячи туземных носильщиков несли 178 носилок, наполненных золотом и серебром.

Оказавшись снова в Кахамарке, трое путешественников обнаружили, что лагерь Писарро претерпел значительные изменения. Диего де Альмагро, пятидесятивосьмилетний партнер Писарро, прибыл сюда на месяц раньше. Он привел Писарро отряд в 153 человека. Они прибыли на шести кораблях.

Неожиданное прибытие Альмагро явно нанесло Атауальпе сильный психологический удар, — с момента своего пленения, имевшего место пять месяцев назад, император терпеливо ждал, что испанцы наконец уйдут. Теперь, когда силы Писарро удвоились, императору стало все достаточно понятно. Глядя на то, как новоприбывшие испанцы жадно взирают на комнату, полную золота, и воодушевленно переговариваются между собой, Атауальпа, несомненно, осознал, что его надули. Это уже была явно не маленькая группа мародеров, готовящаяся убить с награбленным добром. Совершенно очевидно было, что испанцы готовились к полномасштабной оккупации империи.

Пытаясь удостовериться в истинных намерениях Писарро, Атауальпа и один из его вассалов задали ему вопрос: как будут распределены крестьяне между испанцами в Тавантинсуйю? Когда Писарро, не раздумывая над вопросом, сказал, что каждому испанцу будет подотчетен местный вождь, что означало контроль над всей

местной общиной, Атауальпа понял, что его планы относительно занятия трона рухнули.

6. РЕКВИЕМ ПО КОРОЛЮ

«В 1531 г. еще один великий злодей [Франсиско Писарро] отправился со своим отрядом к берегам королевства Перу. Он намеревался воспроизвести стратегию и тактику, продемонстрированные его соотечественниками в других частях Нового Света. Но с течением времени своей жестокостью он превзошел своих предшественников, повсюду в той области он преступным образом осуществлял грабежи и убийства, сравнивая с землей города, учиня массовую резню и иными варварскими способами изводя местное население. Чинимые им зверства достигли такого масштаба, что никому не удастся узнать о них в полном объеме до тех пор, пока не раскроется все в Судный День».

Бартоломе де Лас Касас, «Уничтожение Индии», 1542

«Когда они явились к губернатору [Писарро], они обнаружили его в угнетенном состоянии духа. В знак траура он надел большую фетровую шляпу, глаза его были полны слез».

Гонсало Фернандес де Овьедо и Вальдес, «История Индии», 1547

«Политика не имеет никакого отношения к морали».

Никколо Макиавелли, «Государь», 1511

Когда Диего де Альмагро прибыл наконец со своим подкреплением в Перу в 1533 г., его, как и Писарро, должен был удивить тот факт, что город Тумбес весь находится в руинах.

Продвигаясь вдоль побережья на юг, он вскоре обнаружил заложенный не так давно испанцами город Сан-Мигель, в котором Писарро оставил на жительство восемьдесят человек из своего отряда. Альмагро узнал от них, что Писарро находился в горах, и что ему каким-то образом удалось пленить повелителя этой могущественной индейской империи. Альмагро сообщили, что индейцы боятся атаковать испанцев, поскольку индейский повелитель находится в плену у Писарро. Альмагро узнал также, что Писарро с нетерпением ожидает его прибытия.

К этому времени Альмагро и Писарро являлись партнерами на протяжении по меньшей мере четырнадцати лет. Однако в последнее время их отношения стали достаточно неровными. Из Испании в Панаму Писарро привез не только королевскую лицензию на завоевание Инкской империи, но также и титул губернатора Перу. Также Писарро добыл себе военный титул генерал-капитана Перу. Он ожидал теперь принятия в рыцарский орден Сантьяго — это позволило бы ему выбраться из низших слоев и утвердило бы его среди элиты.

Если себе Писарро обеспечил многочисленные высокие титулы, то для своего верного партнера Альмагро он добыл только один титул — мэра Тумбеса, города, площадь которого составляла несколько квадратных километров, и который сейчас лежал в руинах. И это все при том, что во время своей предыдущей экспедиции Альмагро спас Писарро и его голодающих товарищей, находившихся на острове Гальо, у берегов Колумбии. Также стоит упомянуть о том, что в свое время Альмагро собрал средства, для того чтобы обеспечить Писарро плавание в Испанию. Неудивительно, что теперь партнер Писарро пришел в ярость, услышав о том, как последний с ним обошелся.

Писарро, однако, все еще нуждался в Альмагро. Он высоко ставил организационные способности своего компаньона, его умение найти новых рекрутов, его готовность взять на себя львиную долю от того огромного объема дел, который был сопряжен с подготовкой завоевательной экспедиции. Но Альмагро чувствовал себя обойденным: Писарро, а не ему было дано дозволение на завоевание Перу. И даже если бы Альмагро отказался участвовать в этом предприятии, он не мог бы помешать Писарро самостоятельно отправиться к берегам Перу.

Тесно общаясь с Альмагро на протяжении длительного времени, Писарро знал своего партнера слишком хорошо. Он знал сильные и слабые стороны этого человека, его тщеславие. Подобно Писарро, Альмагро явился на свет незаконнорожденным ребенком. Соответственно он очень нуждался в том, чтобы утвердить себя и свое имя. Писарро также знал, что Альмагро хотел равноправных отношений, что он не хотел обращения с собой как с низшим по положению, и что он требовал к себе уважения. Более чем чего-либо еще, Альмагро желал получения губернаторского поста, он хотел стать повелителем в своем государстве.

В результате сложных переговоров Писарро наконец удалось убедить своего разозленного партнера в том, что он, Писарро, постарается уговорить короля предоставить Альмагро губернаторскую власть над другой территорией. Получив достаточное количество авансов, Альмагро в итоге согласился пойти на перемирие и возобновил подготовку к предстоящей совместной экспедиции.

Четыре года спустя, в апреле 1533 г., когда Диего де Альмагро спустился со своим отрядом в город Кахамарку, он наконец встретился с Франсиско Писарро. Два военных лидера тепло поприветствовали друг друга; в конце концов, в свете нынешних воодушевляющих событий они были вполне готовы покончить с былой враждебностью. Писарро с явной гордостью представил Альмагро ошеломленному Атауальпе, затем он провел своего партнера в охраняемую комнату, заполненную почти до самой белой черты, проведенной Атауальпой, бесчисленными сверкающими золотыми предметами. Той же ночью Писарро распорядился зарезать несколько лам, чтобы накормить людей Альмагро.

Несмотря на внешнюю демонстрацию дружеских чувств, напряжение в отношениях между двумя партнерами оставалось. Еще до того, как Альмагро прибыл, до Писарро дошли слухи, что его партнер может попытаться самостоятельно завоевать Перу. Но Альмагро не дал и тени сомнения в такого рода намерениях. Вообще Писарро всегда был склонен считать Альмагро своим приспешником, стоящим на ступень ниже его самого. Несмотря на наличие между ними узаконенных партнерских отношений. Писарро рассматривал Перу и титулы, сопутствовавшие завоеванию этого государства, как исключительно свое собственное достояние. Он был готов поделиться

определенным количеством богатства и власти с Альмагро, но совершенно не был склонен рассматривать своего приземистого партнера как равного.

С прибытием Альмагро число испанцев в Кахамарке превысило 300 человек, и они были разделены на две четко разграниченные группы. Те, кто принимал участие в пленении Атауальпы и в резне на городской площади — 168 человек, — станут известны как «люди Кахамарки». Они имели право на свою долю в том богатстве, которое было предоставлено в качестве выкупа за Атауальпу, соответственно в скором будущем им суждено было стать настоящими богачами. Испанцы же, которые прибыли с Альмагро, при всем том, что они должны были участвовать в покорении оставшейся части империи, могли рассчитывать только на символическую долю в общем объеме сокровищ Атауальпы. Все дело было в том, что они не принимали участия в ключевом моменте завоевания. По словам Педро Писарро,

«Альмагро... не хотел... чтобы было произведено такое неравное разделение, — он хотел, чтобы он и его компаньон [Писарро] получили по половине всего, а что касается остальных испанцев, то предводители военной кампании дали бы каждому по 1000 или, самое большее, по 2000 песо каждому. Надо сказать, что в этом деле маркиз повел себя очень по-христиански, — он решил никого не лишать заслуженных им богатств. Поскольку распределение богатств было осуществлено между всеми испанцами, вошедшими в Кахамарку и принявшими участие в пленении Атауальпы... тем, кто явился позже, не досталось ничего».

Одним из тех, кто явился «позже» и кому не досталось почти ничего, был партнер Писарро, Диего де Альмагро.

Когда новоприбывшие увидели комнату, полную золота, и стали свидетелями того, что драгметаллы ежедневно продолжают прибывать, это, естественно, разожгло в них аппетиты и пробудило стремление побыстрее завершить процесс получения выкупа. Лишь когда выкуп будет собран, и они покинут Кахамарку, они смогут начать грабежи ради собственной выгоды. Между тем безутешный Атауальпа взирал на испанцев со все возрастающим отчаянием.

13 июня 1533 г., через два месяца после прихода Альмагро, двое испанцев, до сих пор находившихся в Куско, наконец прибыли в Кахамарку, сопровождая караван, состоявший из 223 лам, груженных золотом и серебром. Если учесть, что каждая лама несла на себе груз примерно в 50 фунтов, то весь караван должен был увеличить общее количество собранных сокровищ Атауальпы более чем на 11 000 фунтов. Можно только представить себе, какова должна была быть реакция второй группы испанцев, когда они осознали, что из доставленных сокровищ им не достанется ни грамма. Хотя новоприбывшие проделали такой же длинный путь, что и их компаньоны, и им пришлось столкнуться с немалыми трудностями и опасностями, они явились слишком поздно, чтобы принять участие в дележе выкупа.

Четыре дня спустя, когда отношения между испанцами начали становиться все более напряженным и, Писарро распорядился приступить к плавке золота. Он также приказал, чтобы серебро, которое к тому времени было уже расплавлено, было поделено между «людьми Кахамарки». За четырехмесячный период, с марта по июль 1533 г., испанцы отправили в печи более 40 000 фунтов священного инкского золота и серебра. Примерно половина испанцев наблюдала за этим процессом с чувством радости, тогда же как другая половина взирала на все это с растущим чувством зависти. Предметы искуснейшей работы — золотые и серебряные статуи, сосуды, самые разнообразные украшения — все это превращалось в бесформенный расплав, который затем отливался в формы для получения слитков. В наше время инкские золотые и серебряные изделия представляют собой величайшую редкость — львиная их доля исчезла около пяти столетий назад в печах Кахамарки.

Наконец настал момент, которого столь долго ожидали испанцы. В то время как нотариусы отслеживали процесс взвешивания и деловито заносили на бумагу все данные, ставя затем внизу документов подписи и печати, всадники выходили один за другим и получали на руки 180 фунтов серебра и 90 фунтов золота в 22,5 карата — золото и серебро были достаточно чистыми, чтобы немедленно переплавить их в монеты. Учитывая, что один фунт золота был примерно равен двухгодичной зарплате моряка, можно подсчитать, что 90 фунтов золота составляли размер зарплаты за 180 лет, — это если не считать

серебра. И хотя пехотинцы получали только половину этого количества, то есть девяносто фунтов серебра и сорок пять фунтов золота, вполне очевидно, что все 168 испанцев, прибывших вместе с Писарро в Кахамарку, стали владельцами такого богатства, о котором они не могли даже помыслить. Теперь при желании они вполне могли начать собирать свои скудные пожитки и возвращаться в Испанию — и никогда уже более в жизни не работать.

Но у Франсиско Писарро не было мыслей бросить дела. Он прибыл в Перу не за тем, чтобы обрести возможность уйти на покой, а для того, чтобы создать феодальное королевство — королевство, которым он сам будет править. Но чтобы завоевать такое королевство и затем управлять им, Писарро до крайности нужны были конкистадоры, которые, так же как и он, имели намерение обосноваться в этой стране. Хотя Писарро и позволил нескольким женатым воинам отбыть назад после дележа богатств, остальным он приказал оставаться в Перу, по крайней мере до тех пор, пока завоевание не будет закончено.

Среди тех, кто должен был отбыть назад, был и тридцатидвухлетний брат Писарро, Эрнан, которому Писарро велел присматривать за богатством, отправлявшимся королю в Испанию. Писарро больше никому не мог доверить доставку королевской прибыли, составлявшей стандартные 20 процентов, которые должны были платить все конкистадоры, чтобы иметь возможность осуществлять разграбление Нового Света на законных основаниях. Из этой огромной массы драгметаллов, собранной в Кахамарке, король и королева Испании получили 5200 фунтов серебра и 2600 фунтов золота.

Когда Эрнан Писарро и еще небольшая группа испанцев готовились к отбытию, остающиеся конкистадоры торопливо писали письма, желая передать их на родину с возвращающимися. Из всей этой массы писем сохранилось только одно: оно написано одним из личных прислужников Франсиско Писарро, Гаспаром де Гарате, молодым баском, которому только шел третий десяток. Подобно другим своим соотечественникам, Гаспар жаждал как можно быстрее поведать своей семье о своем недавно обретенном богатстве.

«Моему любимому отцу.

Прошло уже около трех лет, как я получил от вас письмо, в котором вы просили, чтобы я выслал вам немного денег. Один Бог лишь знает, какую скорбь я испытывал ввиду того, что в тот момент послать мне вам было нечего. Ведь если бы у меня было что-то, то вам не было бы никакой необходимости специально обращаться ко мне; я всегда старался делать то, что должно, но до сих пор просто не было никакой возможности...

Я посылаю вам двести тринадцать песо [2,1 фунта] высокосортного золота — с одним достойным человеком из Сан-Себастьяна; в Севилье он обменяет золото на деньги и привезет их вам. Я бы послал вам и больше, но дело в том, что он везет золото родственникам еще нескольких конкистадоров, так что его возможности ограничены. Его имя Педро де Анадель, я его хорошо знаю: это человек, который непременно выполнит взятое на себя обязательство, вот почему я попросил его оказать мне любезность и доставить вам деньги...

Я расскажу вам о том, как я попал сюда;...мы получили известие о том, что губернатор Франсиско Писарро должен вскорости стать правителем королевства Новая Кастилия [Перу], и когда мы услышали об этом, то, не видя для себя особых перспектив в Никарагуа, прибыли в эту область, где золота и серебра больше, чем железа в Бискайе, а овец [лам] больше, чем в Сории, а также имеется огромное количество разнообразного продовольствия и превосходной одежды. Главный правитель этого королевства управляет территорией, растянувшейся более чем на 500 лье. Он [Атауальпа] у нас в руках, имея его в качестве своего пленника, мы можем одолеть 500 лье без риска быть убитыми; взамен за его жизнь индейцы дадут тебе все, что только пожелаешь, и носят тебя на носилках.

Мы захватили этого повелителя благодаря Божьему чуду, поскольку наших собственных сил не хватило бы на то, чтобы схватить его, и вообще совершить все то, что нами совершено, — но Бог чудесным образом позволил нам одержать победу над этим вождем и его силами. Вы должны

знать, что мы вместе с губернатором Франсиско Писарро явились на землю этого властителя, где у него было 60 000 воинов, испанцев же вместе с губернатором было 160, и мы думали, что нашим жизням пришел конец, потому что их была такая туча, и даже [туземные] женщины насмехались над нами и говорили, что им жаль нас, поскольку нас непременно убьют; но вскоре им пришлось поменять свое мнение...

Передайте от меня приветствия Каталине, моим братьям и сестрам, моему дяде... и его дочерям, особенно старшей... а также моим кузенам... и всем прочим моим родственникам... я очень хочу, чтобы вы сказали им, что я страстно желаю увидеть их, и, даст Бог, я скоро буду в наших краях... я очень прошу вас заботиться о моей матери и всех моих родственниках, и, если Бог позволит мне вернуться, я сам возьму на себя все эти заботы. На данный момент писать мне больше нечего, кроме того, что я молю нашего Господа Иисуса Христа позволить мне увидеть вас, прежде чем я умру.

Из Кахамарки, находящейся в королевстве Новая Кастилия, 20 июля 1533 г.

Ваш сын...

Гаспар...»

Однако автору этого письма, отправившемуся в пресловутую Индию еще в подростковом возрасте, так и не суждено было снова увидеть свою семью. Всего лишь через четыре месяца после вручения золота и письма своему другу Гаспар будет убит в ходе одного сражения, которое разыграется на территории Перу. Пройдет еще по меньшей мере год, прежде чем новость о постигшей его трагической судьбе дойдет до его семьи.

После того как золото и серебро было поделено, в душе Атауальпы все сильнее начало расти чувство отчаяния. После того как он узнал, что Эрнан Писарро отправляется в Испанию, Атауальпа окончательно погрузился в мрачное состояние духа. Из всего круга испанцев у Атауальпы наилучшие отношения сложились именно с

Эрнаном, с ним император часто играл в шахматы, и вообще он явно сдружился с этим предводителем конкистадоров. Надменный брат Писарро пользовался большим влиянием в лагере испанцев, на протяжении всей кампании он был правой рукой Франсиско.

Когда Эрнан выехал из лагеря вместе с караваном лам, груженным сокровищами, предназначенными для короля, Атауальпа «плакал, говоря, что его убьют, поскольку Эрнан Писарро уезжает». Годы спустя Эрнан скажет королю, что Атауальпа умолял Писарро, чтобы тот взял его с собой в Испанию. Атауальпа уверял Эрнана в том, что королевский казначей Алонсо Рикельме и дон Диего де Альмагро убьют его по отбытии Писарро. Когда золото и серебро было роздано в точном соответствии с данными обещаниями, а испанцы в городе только прибывали и никакой перспективы собственного освобождения Атауальпа не видел, он должен был прийти к заключению, что Писарро обманул его. Писарро обещал Атауальпе, что даст ему власть в Кито. Однако сейчас Атауальпа видел, что испанцы готовят снаряжение и лошадей для похода на юг, в Куско.

По городу начали распространяться слухи о том, что Атауальпа отдал своей северной армии приказ идти вызволять его, ведь теперь всем уже было очевидно, что у испанцев не было намерения выполнять свои обязательства. Один местный вождь поведал Писарро, что северная армия Атауальпы уже выступила на юг и что этот отряд, предводительствуемый великим полководцем по имени Люминабе [Руминяви], находится уже очень близко от города. Он должен прийти ночью и атаковать лагерь, предав его огню. Первым, кого индейцы попытаются убить, будет Писарро, затем они освободят из узилища своего повелителя Атауальпу. В настоящий момент со стороны Кито движутся 200 000 местных воинов вместе с 30 000 жителей Карибского бассейна, у которых в обычае есть человеческое мясо.

Писарро немедленно приказал выставить по периметру города круглосуточный караул, после чего направился к Атауальпе, чтобы предъявить ему дискредитирующую того информацию. «Как же ты совершил такое предательство? — сердито спросил Писарро. — И это после того, что я обращался с тобой, как с братом, и доверял твоим словам?» Писарро, очевидно, упустил из виду тот факт, что едва ли

можно назвать предательским желание освободиться из плена, особенно если тюремщики нарушают взятые на себя обязательства.

«Ты шутишь? — ответил Атауальпа, попытавшись сначала выказать небрежное отношение к обвинениям Писарро. — Ты постоянно шутишь. Какой смысл моим людям беспокоить таких храбрых людей, как вы, испанцы? Заканчивай уже свои шутки!» Когда Писарро ответил, что никаких оснований для шуток нет, и что появился серьезный риск для жизни императора, Атауальпа попытался разумными доводами убедить своих тюремщиков, среди которых уже распространялась настоящая паранойя.

«Вполне очевидно то, что если сюда придут войска, то это будут войска из Кито, явившиеся по моему приказу, — спокойно ответил Атауальпа. — Выясни, действительно ли все это имеет место. И если это так, то я, так или иначе, в твоей власти и ты можешь казнить меня!» Один очевидец писал:

«[Он произнес] все это, не выказав никаких признаков беспокойства. Он сделал еще много других пронизательных заключений. Испанцы, слышавшие его, были поражены тем, насколько мудр этот варвар».

Но аргументы, выдвинутые Атауальпой, не особенно ему помогли, — Писарро, не желавший рисковать, приказал закрепить на шее Атауальпы цепь, чтобы предотвратить возможность его побега. Затем Писарро созвал совещание, пригласив на него высокопоставленных командиров, для обсуждения судьбы Атауальпы.

В то время как рядовые испанцы томились в нервном ожидании в городе, прочесывая холмы в поисках знаков приближения вражеской армии, несколько их военачальников обсуждали, что же им делать с плененным инкским королем. В состав импровизированной судебной коллегии входили дородный королевский казначей Алонсо Рикельме; монах-доминиканец Висенте де Вальверде, чей брошенный на землю требник спровоцировал резню за восемь месяцев до настоящих событий; Альмагро, Франсиско Писарро и еще несколько человек. Альмагро, Рикельме и еще несколько капитанов выражали желание немедленно подвергнуть казни инкского императора, полагая, что в том случае, если Атауальпа погибнет, усмирить страну будет намного

проще. Писарро же и с ним еще несколько капитанов выступали за то, чтобы сохранить Атауальпе жизнь. Они успешно управляли страной через Атауальпу на протяжении восьми месяцев, почему же они не могут и дальше продолжать в том же духе? И кто знает, как могут отреагировать индейцы в том случае, если их повелитель неожиданно погибнет? Против испанцев может подняться вся страна.

Испанцы никак не могли прийти к единому мнению по вопросу о том, посылал ли Атауальпа секретные донесения или же он сказал Писарро правду. Соответственно они не могли прийти к единому заключению касательно того, следует им казнить испанского повелителя или же надлежит сохранить ему жизнь. С тем чтобы определиться с реальностью существования непосредственной угрозы, Писарро приказал Эрнану де Сото и еще четверым всадникам отъехать на некоторое расстояние от города в северном направлении и обследовать местность. Если бы они не обнаружили там никакой туземной армии, то вполне могло быть так, что Атауальпа говорил правду. Если бы, с другой стороны, они обнаружили армию, то представлялось очевидным следующее соображение: прежде чем испанцам доведется потерять свои жизни, Атауальпа должен будет расстаться со своей.

В то время как Сото и его люди галопом неслись из города, остальные испанцы, пребывая в нервном напряжении, ждали ответа на главный вопрос. Некоторые теребили пальцами свои золотые слитки и мечтали о том, что они сделают с этим золотом, если им удастся уцелеть в ходе этой авантюры и вернуться назад в Испанию. Некоторые писали своим друзьям или семье письма, надеясь однажды отослать их домой. Заседавшие в этот час Писарро и его военачальники выражали единодушие по одному пункту: следующим их шагом должен быть поход на юг и захват Куско, столицы империи, самого богатого и величественного из всех ее городов.

Но поскольку Куско лежал примерно в 600 милях к югу от Кахамарки, а ведущая туда инкская дорога шла по исключительно неровной, ухабистой местности, Писарро и подчиненных ему командиров беспокоила мысль, что они будут не в состоянии предотвратить освобождение Атауальпы инкскими войсками во время длительной экспедиции. В походе этот обособленный испанский отряд окажется в намного более уязвимой позиции. Находясь на незнакомой

местности, испанцы неизбежно станут идеальным объектом для атаки. По словам троих испанцев, участвовавших в разграблении Куско, на этом пространстве имелось несколько сотен мест, где могли быть устроены эффективные засады. Если бы Атауальпа оказался вызволен своими войсками, то он, несомненно, в короткий срок поднял бы всю страну против испанцев.

В тот вечер, после обеда, Писарро и несколько командиров сели играть в карты. Ставками у нуворишей, несомненно, были золото и серебро. Но тут неожиданно дверь резко распахнулась, и в комнату вбежали испанец и туземец. Испанец баскского происхождения Педро де Анадель был одним из первых завоевателей Никарагуа. Сопровождавший баска туземец был одним из его никарагуанских слуг. Запыхавшийся Анадель поведал собравшимся, что его слуга куда-то уходил за городские пределы, и в окрестностях города, на расстоянии примерно 10 миль, он увидел там надвигающуюся многочисленную туземную армию.

Писарро поднялся и начал задавать этому слуге вопросы. После того как тот очень подробно описал то, что он увидел, стало очевидно, что туземная армия — на марше. Все находившиеся в комнате до крайности оживились, особенно Альмагро, который еще с момента возникновения первых слухов о предполагаемом предательстве императора уговаривал Писарро казнить того. Отрезвленный Писарро немедленно приказал своему отряду начать подготовку к битве; он также созвал экстренное заседание, на котором должна была быть выработана стратегия и снова обсуждена судьба Атауальпы. Те, кто до сих пор выступал в поддержку Атауальпы, поменяли свое мнение. Оказавшись перед лицом явной угрозы атаки, собравшиеся не медлили с принятием решения. «Страстно настаивая на необходимости экзекуции, Альмагро [привел] множество доводов относительно того, почему Атауальпа должен умереть», — вспоминал один очевидец. Рикельме настаивал на том, чтобы император был в самый короткий срок казнен, прежде чем огромные туземные войска смогут начать атаку.

Когда было проведено окончательное голосование и все присутствовавшие высказались за казнь Атауальпы, Писарро в душе менее всех склонялся к этому решению; но он уже не находил для себя возможности продолжать придерживаться своей прежней точки

зрения, заключавшейся в том, что испанцы будут в более благополучном положении, если сохранят Атауальпе жизнь. Писарро, вне всякого сомнения, рассуждал в том духе, что туземная армия не могла выступить, не получив соответствующего приказа Атауальпы. И поскольку Атауальпа совершил предательство, по крайней мере согласно представлению испанцев, то Писарро в итоге приказал, чтобы «инкского императора сожгли, если он не согласится быть обращенным в христианство».

Сыну Уайны Капака, который еще до прихода испанцев боролся за обладание инкским тронem и который без особых угрызений совести убил своего брата ради завладения престолом, в короткий срок доложили о принятом испанцами решении. Неудивительно, что Атауальпа был сокрушен этими новостями. «Атауальпа плакал и просил, чтобы его не убивали, — вспоминал Педро Писарро, — ведь, по его словам, в стране не было ни одного индейца, который бы предпринял что-то серьезное без приказа императора. И потом, если испанцы содержат его как узника, то чего им бояться?» Попробовав без всякого успеха убедить своих тюремщиков в том, что его империя скатится в состояние хаоса, если он, император, будет казнен, Атауальпа предпринял затем еще одну отчаянную попытку спасти свою душу. «Если они с ним собираются сделать это [убить его], то он им даст в два раза больше того, что от него потребовали». Предложение, сделанное императором в последнюю минуту, по-видимому, не затронуло никаких струн в душах испанцев. Атауальпа с тревогой заметил, что Писарро старается не смотреть на него.

«Я видел, как губернатор плачет, испытывая скорбь оттого, что он не может даровать Атауальпе жизнь, — вспоминал Педро Писарро, — [но]... Франсиско опасался последствий и рисков для страны, которые могли последовать в том случае, если бы Атауальпа был освобожден». Сейчас Писарро наряду с другими испанскими военачальниками был убежден в одном: если туземная армия находилась менее чем в 10 милях от города, то она могла предпринять атаку в этот же самый вечер. Теперь, когда заложник вот-вот мог попасть в руки врагов, нельзя было терять ни минуты. С Атауальпой должно было быть покончено немедленно.

В субботу 26 июля 1533 г. солнце еще только начинало всходить, когда группа испанцев привела императора четырех суйу на главную

площадь, туда, где он был захвачен в плен в прошлом ноябре. Всегда стремившиеся придерживаться строгих формальностей, испанцы протрубили в трубы и громко начали зачитывать обвинения против императора. Атауальпа между тем был привязан к столбу, воткнутому в землю. Либо ввиду того, что готовящееся действие не скрывалось от обозрения, либо ввиду того, что один из переводчиков сообщил горожанам о предстоящей казни, к месту сожжения стали во множестве стекаться индейцы. Для простых местных жителей ожидание готовящейся испанцами казни их бога и повелителя было окрашено таким же чувством священного страха, как представление о готовящемся вот-вот потухнуть солнце и соответствующей гибели их мира. Для испанца соответствующим аналогом было бы ведение Христа на Голгофу.

Инки полагали, что история представляет собой следование одна за другой эпох, отделяемых друг от друга неким катаклизмом, пачакути, сопряженным с «низвержением мира». Первый пачакути начался с момента образования самой Инкской империи. Сейчас же, когда индейцы наблюдали, что их повелитель Атауальпа привязан к столбу, многие опасались, что вот-вот должен начаться второй пачакути. «Теперь, когда Атауальпу готовились убить, — вспоминал Педро Писарро, — все присутствовавшие на площади туземцы пали ниц».

Часть испанцев стали собирать деревяшки и хворост, другие начали подкладывать их к ногам Атауальпы. Доминиканский монах Вальверде вел беседу с императором через одного из переводчиков. «[Он наставлял его в] понятиях нашей христианской веры, говоря ему, что Бог хочет, чтобы он умер по причине грехов, которые он [Атауальпа] совершал в мире, и что ему надлежит раскаяться, и тогда Бог простит его за все».

Трудно понять, что Атауальпа действительно понял из слов монаха. Думал ли Атауальпа, что Бог, о котором говорили эти христиане, избавит императора от убиения, если Атауальпа согласится почитать его? Или же он полностью понял, что предоставляемое «прощение» имеет очень ограниченный радиус действия и позволяет Атауальпе выбирать между двумя разными формами смерти? В любом случае он, повелитель четырех суйу, был теперь привязан к столбу, в то время как бородатые люди явно готовились предать его огню.

Атауальпа сделал все, что от него требовали эти захватчики, и теперь очень недружелюбный тип в темной мантии угрожал ему лютой смертью в том случае, если Атауальпа не примет одного-единственного Бога захватчиков, которого испанцы называли Dios.

Испанцы равным образом не понимали того, что инка ничего не боялся так сильно, как уничтожения своего физического тела — посредством ли сожжения или какого-то иного физического процесса, которое разрушит тело. Инки верили, что доступ в высший мир может быть гарантирован только в том случае, если после смерти тело останется нетронутым, — инкские императоры даже мумифицировали свои тела, и последующие поколения с большим вниманием относились к поддержанию этих тел в должной сохранности. Сожжение у столба являло собой, таким образом, двойную угрозу: помимо того что последние моменты жизни осужденного должны были быть очень болезненными, он также лишался возможности приятного времяпрепровождения в загробной жизни. ^[33]

Однако в данный момент Атауальпа больше беспокоился не о себе, а о двух своих маленьких сыновьях. Он оставил их в Кито примерно год назад, когда начал свой путь на юг, с тем чтобы отобрать трон у своего брата и, таким образом, объединить империю. Брат Вальверде, которому его религия воспрещала жениться, нетерпеливо уговаривал Атауальпу забыть своих жен и детей и сконцентрироваться на принятии христианского Бога. Монах настаивал на том, что на кону была душа императора, хотя трудно сказать, насколько точно переводчик пытался донести идею монаха и вообще насколько он понимал смысл христианской религии. Монах, однако, продолжал настаивать на том, что Атауальпа навеки погибнет в огненных муках, если он не отвергнет своих собственных богов и не начнет чтить христианского.

Но Атауальпа, одетый в богатую тунику и мантию, продолжал просить за своих маленьких детей. Он даже попросил Франсиско Писарро взять на себя ответственность за них.

«Атауальпа сказал, что он доверяет своих детей губернатору... [но] монах посоветовал ему забыть о своих женах и детях и умереть, как подобает христианину, — и если он хочет стать христианином, то он [должен] принять

святую крещеную воду. Но Атауальпа горько плакал и продолжал настаивать на том, чтобы о его детях позаботились, показывая рукой их малый рост и ясно давая понять жестами, какие они маленькие и что он оставляет их [беззащитными] в Кито. [Однако] монах продолжал понуждать его обратиться в христианство и забыть своих детей, [говоря ему], что губернатор [Писарро] присмотрит за ними и что он будет обращаться с ними, как со своими собственными».

Наконец, приняв обещания монаха, Атауальпа в итоге согласился обратиться в христианство — трудно сказать, было ли это сделано ради того, чтобы спасти своих детей, спасти ли себя от мученического конца в огне или для того, чтобы гарантировать себе доступ в инкский загробный мир. Монах Вальверде — тот самый человек, который восемь месяцев назад велел Атауальпе повинаться христианскому Богу испанцев либо же предстать перед лицом испанского гнева — быстро окрестил императора водой.

Небо начало алеть в лучах заходящего солнца, а в это время несколько испанцев затягивали на шее Атауальпы гарроту — род железного ошейника с рукояткой, позволявшей в случае необходимости затягивать петлю, чтобы кровь переставала поступать через сонные артерии в мозг. Пока монах читал последние строчки молитвы: «Если я пойду и долиною смертной тени», — в это время один испанец начал крутить рукоятку, веревка медленно затянулась вокруг шеи Атауальпы, — «не убоюсь зла, потому что Ты со мною», — в это время глаза Атауальпы начали выпучиваться, а на лбу у него вздулась одинокая вена, осветившаяся заходящими лучами солнца. Нотариус Педро Санчо де ла Ос писал:

«Когда были произнесены эти последние слова и окружившие Атауальпу испанцы прочитали Символ веры во спасение его души, он (Атауальпа) был моментально задушен. Да примет его Господь на небесах, поскольку он умер, раскаявшись в своих грехах и приняв истинную христианскую веру. После того как он был таким образом задушен и свершилось наказание, его тело было опалено

огнем, с тем чтобы была сожжена часть его одежды и плоти. Той же ночью (а он погиб вечером) его тело было оставлено на площади, с тем чтобы каждый мог удостовериться в факте его смерти».

«Он умер в субботу, — написал другой нотариус, — в тот самый час, когда он был пленен [за восемь месяцев до этого]. Некоторые говорили, что за свои грехи он умер [в тот же самый] день [в субботу] и час, когда он был схвачен».

Так закончилась жизнь Атауальпы, тридцатидвухлетнего повелителя инков, первого инкского императора, который на временном промежутке более чем в сто лет не только не смог расширить пределы империи, но, напротив, ему пришлось иметь дело с надвигающимся коллапсом государства. Во второй раз менее чем за десятилетний период Инкская империя оказалась без правителя — в первый раз Уайна Капак погиб от оспы. Управители, администраторы, генералы и счетоводы продолжали заниматься своими ежедневными задачами, но не было единого руководителя, который отдавал бы генеральные приказы. Начиная с этого момента Инкская империя оказалась в основе своей парализованной — подобно огромному гиганту, внезапно споткнувшемуся и упавшему, который затем оказался не способен защититься от маленькой проворной банды захватчиков, которые, подобно паразитам, пробуравили глубокие ходы в инкское политическое тело и занялись опустошением его изнутри.

В то время как тело Атауальпы, сморщенное, издававшее дымный чад, лежало на земле и туземцы простерлись подле него ниц, стена и оплакивая его, испанцы изготовились к неизбежной атаке. Писарро приказал всем находившимся в испанском лагере пребывать в полной боевой готовности, пятидесяти всадникам он отдал приказ патрулировать город. В ту ночь ни Писарро, ни его капитаны не спали, периодически они проверяли несение патрульными караула. Как и накануне дня пленения Атауальпы, имевшего место около года назад, испанцы были внутренне очень напряжены. Придется ли им на рассвете столкнуться с сотнями тысяч инкских воинов? И в этом случае скольким испанцам из всего лагеря удастся дожить до конца дня?

Густые звездные скопления на небе начали мало-помалу тускнеть, а на востоке забрезжила бледная полоса рассвета. Испанцы, которые уже проснулись, разбудили своих товарищей — все они теперь напряженно вслушивались, ожидая услышать монотонный стук и звон приближающейся туземной пехоты. Медленно начало светлеть небо, пока не появились первые лучи солнца, которые сначала коснулись тростниковых крыш домов и затем затопили всю зеленую долину светом. Солнце поднималось все выше, однако никакой атаки не следовало. Посланные на лошадях разведчики вернулись, не обнаружив никаких следов армии, по крайней мере в близлежащих окрестностях. Вне всякого сомнения, всех беспокоил вопрос: что произошло с надвигающейся туземной армией? Почему она не проявила себя и не атаковала? Информация, полученная испанцами, была ложной или верной?

Когда перед испанцами отодвинулась неминуемая опасность атаки, перед ними встал более прозаический вопрос: что делать с телом Атауальпы? Все сошлись на том, что нельзя оставить лежать тело инкского императора, как они до этого обошлись с тысячами убитых ими инкских солдат. Атауальпу почитали как бога, и индейцы продолжали падать перед ним ниц на площади, испытывая огромную скорбь по поводу его кончины. Писарро в итоге решил, что чем быстрее испанцы избавятся от тела Атауальпы, тем быстрее сотрется память о нем. После короткой прощальной церемонии окостеневшее, почерневшее тело Атауальпы было похоронено в выкопанной наскоро яме.

Через несколько дней после захоронения Атауальпы испанцы увидели, как Эрнан де Сото со своими всадниками несется по направлению к их лагерю. Сото понятия не имел о том, что произошло в его отсутствие, и полагал, что Атауальпа все еще жив. Полководец слез с коня на центральной площади и немедленно отправился на поиски Писарро: вне всякого сомнения, его должен был удивить столб, воткнутый в землю в центре площади и находившееся рядом обугленное дерево.

Неожиданным для Сото должно было быть и мрачное настроение, царившее в лагере. Также его внимание привлекла «большая фетровая шляпа, носимая Писарро [словно] в знак траура». Сото сообщил Писарро, что он со своими людьми не обнаружил «никаких туземных

бойцов в окрестностях, все там было спокойно... Так что, обнаружив, что все это была уловка, явная ложь, они вернулись в Кахамарку».

Скорбная реакция Писарро на те хорошие новости, что привез Сото, застигла последнего врасплох. «Я вижу, что я был обманут», — спокойно сказал Писарро. Обычно неразговорчивый Писарро — высокий, седеющий, с редкой бородой, неожиданно проявил взволнованность, «его глаза были полны слез». Писарро поведал Сото, что они подвергли Атауальпу казни гарротой за несколько дней до этого, после того как до них дошло несколько сообщений о надвигающейся инкской армии. Очевидно, по словам Писарро, эта информация была ложной.

Сото, который, подобно Писарро, лично убил бесчисленное число туземцев в ходе сражений, был глубоко огорчен новостью о смерти Атауальпы. Предположительно это было обусловлено высоким положением Атауальпы, которого испанцы в целом очень уважали, а также наметившейся дружеской связью между Сото и императором. Наряду с Эрнаном Писарро Атауальпа числил статного, энергичного Сото своим сторонником или по крайней мере человеком, с которым можно поддерживать отношения на личностном уровне. Эмоциональный Сото сказал Писарро, что намного лучше было бы отослать Атауальпу в Испанию и что сам он, Сото, с удовольствием сопровождал бы его туда. По словам Сото, они убили императора без всякой причины, которая имела бы хоть какое-то оправдание. Затем он повернулся и вышел из помещения.

Постепенно новость о смерти Атауальпы начала двигаться из Перу дальше на север, через Панамский перешеек, и затем на корабле достигла Испании. Между тем Писарро, Альмагро и с ними триста испанцев начали готовиться ко второй крупной военной кампании. В планы Писарро входило энергичное военное наступление в южном направлении, через сильно пересеченный андский хребет. Не имея более в своем распоряжении фигуры императора, находящегося у них в заложниках, испанцы могли теперь уповать только на свои пики, мечи и своего Бога. Если пленение Атауальпы можно было уподобить захвату мозгового центра империи, то теперь, нацеливаясь на юг, Писарро был готов завладеть сердцем империи: легендарным городом Куско. Но Писарро знал, что на пути к его цели стояли две инкские армии. Он также знал, что еще одна инкская армия таилась где-то в

засаде у него в тылу. Как поведут себя эти туземные армии и возглавляющие их генералы, предсказать не мог никто.

Вот двинулись вперед кавалеристы со своими длинными пиками и пехотинцы с вложенными в ножны мечами, они оставляли за своими спинами город, в котором прожили почти год.

7. МАРИОНЕТОЧНЫЙ КОРОЛЬ

«У государя должно быть два вида страха: один внутренний, связанный с настроем его подданных, и другой внешний, связанный с иноземными силами».

Никколо Макиавелли, «Государь», 1511

На протяжении следующих трех месяцев Писарро и триста его конкистадоров двигались в южном направлении, через заснеженные вершины. Стада лам и альпак вели туземные мальчишки, одетые в традиционные туники. Время от времени отряду приходилось вступать в мелкие стычки с враждебно настроенным местным населением, которое, однако, было плохо организовано и не могло нанести отряду серьезного урона. К настоящему времени у испанцев уже имелась значительно более солидная свита: в дополнение к нескольким туземным рабам из Никарагуа и некоторому количеству черных рабов из Африки к испанскому отряду присоединилось изрядное число местных туземцев, пополнивших караван своими ламами — животные были нагружены палатками, продовольствием, оружием и золотыми и серебряными сокровищами Атауальпы.

Но прежде чем Писарро со своими испанцами покинул Кахамарку, он решил короновать самого старшего из выживших братьев императора Уайны Капака, наследного принца по имени Тупак Уаллпа. Писарро надеялся, что посредством этого он сможет продолжать контролировать инкскую аристократию и, следовательно, империю, как он это делал, используя фигуру Атауальпы. Однако правление нового инкского императора оказалось непродолжительным. Спустя два месяца Тупак Уаллпа заболел и умер. Разочарованный Писарро похоронил его в городе Хауха, находящемся на полпути между Кахамаркой и Куско. И вновь Инкская империя осталась без правителя.

Перед тем как им выступить на юг, Писарро и его отряд не имели точного представления о текущем рассредоточении инкских войск. Писарро доложили, что имелось три инкских армии: одна на севере, на

территории нынешнего Эквадора, насчитывавшая около 30 000 солдат под предводительством генерала Руминяви; другая находилась на территории, соответствовавшей нынешней центральной части Перу, насчитывавшая 35 000 солдат; и, наконец, в Куско стояла армия генерала Кискиса в 30 000 человек. Но Писарро, прежде чем покинуть Кахамарку, обезглавил центральную армию, заманив ее военачальника Чалкучиму под тем предлогом, чтобы он навел на находящегося в заключении Атауальпу. Схватив Чалкучиму, Писарро решил забрать инкского генерала с собой в поход. Однако у Писарро стали расти подозрения, что генерал может попытаться возбудить местных туземцев против него, и губернатор приказал сжечь Чалкучиму у столба. Таким образом, на пути испанцев к их цели — захвату столицы Инкской империи — осталась только армия генерала Кискиса.

В ноябре 1533 г., когда испанцы вышли из инкского города Хакихауаны, отстоящего от Куско на расстоянии однодневного перехода, они повстречали семнадцатилетнего туземца, имевшего совсем мальчишеский вид. На нем была желтая туника; его сопровождала группа инкских представителей знати. Из беседы с юношей переводчики выяснили, что это сын Уайны Капака. Писарро узнал, что имя юноши — Манко Инка и что он, приходясь братом и Атауальпе, и Уаскару, являлся одним из очень немногих выживших представителей королевской родословной, которую вело семейство Уаскара. Писарро и его капитаны внимательно слушали повествование молодого принца, рассказывавшего о том, как долго он пребывал в положении беженца: большую часть предыдущего года ему приходилось «постоянно скрываться от людей Атауальпы, с тем чтобы они не убили его». Он явился сюда одинокий и совсем покинутый, выглядел он как обычный индеец.

Писарро сразу понял не только то, что Манко Инка являлся возможным наследником на трон, но также и то, что наследный принц принадлежал к фракции Куско — именно к той фракции, с которой Писарро хотел союзничать. Поскольку Писарро уже казнил Атауальпу, он ничего лучше не мог для себя сделать, кроме как приехать в Куско с представителем той самой фракции, которая пострадала от Атауальпы. Писарро и его войска могли, таким образом, позиционировать себя как освободителей, и они надеялись, что при такой подаче устраняется

сама возможность зарождения какого-либо национального сопротивления. Летописец Педро Санчо де ла Ос писал:

«[Манко Инка] сказал губернатору, что он сделает все, что в его силах, чтобы помочь губернатору избавиться землю от людей из фракции Кито [основной армии Атауальпы], — поскольку они являются врагами Манко и ненавидят его... [Манко] по закону следовала вся эта провинция, и все ее местные вожди хотели видеть его своим повелителем. Он явился к губернатору [Писарро] через горы, избегая дорог, — из страха перед людьми из Кито. Губернатор был счастлив принять его и сказал ему: „Многое из того, что ты говоришь, радует меня, в частности, твое большое желание избавиться от этих людей из Кито. Тебе следует знать, что я явился сюда... лишь по той причине, чтобы помешать им причинить тебе вред и освободить тебя от твоей рабской зависимости (перед ними). И ты можешь быть уверен, что я явился сюда не ради собственной выгоды... но, зная те несправедливости, которые были совершены по отношению к тебе, я пришел положить им конец — в точном соответствии с повелением моего императора. Таким образом, ты можешь быть уверен, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе, и я также освобожу народ Куско от этой тирании“. Губернатор дал Манко Инке такие внушительные обещания, с тем чтобы польстить ему и для того, чтобы получить сведения о том, как обстоят дела в разных местах империи. Манко Инка, равно как и те, кто был рядом с ним, были в высшей степени удовлетворены подобными речами».

Писарро надеялся, что, заключив союз с юным инкским принцем, он сможет перехитрить фракцию Куско, заставив ее думать, что единственным интересом испанцев является наделение властными полномочиями тех, кто был угнетен при Атауальпе. Писарро также быстро осознал, что вполне наивный на вид сын Уайны Капака сможет превосходно сыграть роль марионеточного короля, которого без особых усилий смогут контролировать испанцы.

Но прежде чем Писарро сможет утвердить Манко в роли нового императора, ему сначала следовало захватить Куско, которое все еще было занято многочисленной, враждебно настроенной инкской армией. Манко поведал испанцам, что генерал Кискис предпочитал сжечь город дотла, нежели отдать его чужеземцам. Со значительного расстояния от города испанцы уже могли разглядеть дым над горизонтом: возможно, уничтожение Куско уже началось. Писарро немедленно приказал своему двадцатитрехлетнему брату Хуану и Эрнану де Сото взять с собой 40 кавалеристов и попытаться предотвратить сожжение столицы. В то время как Писарро и оставшаяся часть его отряда мерно двинулась дальше, Хуан Писарро, де Сото и набранные ими кавалеристы галопом помчались в сторону города и вскоре скрылись за холмом.

Несмотря на то что им, по-видимому, предстояло принять участие в масштабном сражении, Писарро и его отряд чувствовали себя вполне уверенно. Испанские войска выглядели гораздо предпочтительнее в плане общей усталости и понесенных потерь, нежели туземная армия. Начиная с момента пленения Атауальпы, индейцы потеряли более 8000 воинов, большое число представителей высокопоставленной элиты, одного из трех своих ключевых генералов и, конечно, своего императора. Испанцы же, напротив, до сих пор потеряли лишь одного своего африканского раба. Хотя число их было невелико, испанцы тем не менее обладали перед инками изрядными преимуществами в плане военной технологии. Возможно, самым большим их преимуществом было монопольное владение лошадьми — каждое такое животное могло перевозить на себе воина с полным вооружением и при этом развивать огромную скорость. Мобильные самоходные средства атаки, лошади не только внушали индейцам страх, но также служили своеобразным высоким помостом, находясь на котором испанцы вполне свободно могли пользоваться своими четырехметровыми пиками с металлическими наконечниками и ударно разить своими мечами. У конкистадоров Писарро также был порох, некоторое число пушек и изрядное число аркебуз.

Если говорить о средствах защиты, то испанцы располагали стальными шлемами, пластинчатыми доспехами и кольчугами. Кроме того, у испанских пехотинцев имелись эскудо — деревянные щиты около 2 футов в диаметре, а всадники имели адарги — щиты больших

размеров, также имевшие деревянную основу, но покрытые двойным слоем шкур. Сидящий на коне испанский рыцарь, весь в железных доспехах, со щитом в одной руке и пикой или мечом в другой, являл собой самый передовой образец европейской военной технологии. Только подобным же образом вооруженный рыцарь, пехотинец, целящийся из аркебузы с близкого расстояния, или испытанный европейский пикинер имел возможность противостоять конной атаке.

Племянник Атауальпы Титу Куси позднее описывал, каким ему и его соплеменникам представлялось испанское войско — с его аркебузами, стреляющими невидимыми дротиками, которые чудодейственным образом убивали индейских воинов на расстоянии, и с его трубами, издающими громкие звуки:

«Они были подобны виракоче — этим именем в древние времена мы называли создателя всех творений... И они (инки) называли так этих людей отчасти потому, что они одевались совсем по-другому и имели совершенно иной внешний вид, и также потому, что под ними были... гигантские животные, у которых лапы были из серебра, — чужеземцы объясняли, что это сверкают подковы животных... Инки называли их виракочами, поскольку у них был очень внушительный внешний вид и поскольку они были слишком отличны от нас во всем: поскольку они носили черные и рыжие бороды, поскольку они питались из серебряных блюд, а также потому, что у них были ильяпас — так мы именовали гром, — мы описывали этим словом аркебузы, поскольку полагали, что они низвергают гром с небес».

Помимо вооружений, испанцы располагали также рядом других преимуществ: они могли намного более эффективно общаться друг с другом посредством письма — так, находившиеся на расстоянии друг от друга воинские подразделения могли обмениваться информацией. У испанцев были корабли и доступ к международной торговой системе коммуникаций, благодаря чему они могли периодически пополнять свои запасы оружия, лошадей, людской силы. У испанцев также

имелся опыт успешного ведения сражений на протяжении ряда веков против мавров, которые имели сопоставимое с испанским вооружение.

Испанцы также имели более тридцати лет опыта покорения других туземных племен, проживавших на территории Карибского бассейна, в Мексике и в других областях Америки: совсем недавно Эрнан Кортес осуществил завоевание Ацтекской империи в Мексике. Писарро, таким образом, знал, как он может использовать для своей выгоды внутренние политические разногласия и каким образом он сможет набирать себе союзников среди туземцев. Также испанцы имели при себе двух туземных переводчиков, которые прошли обучение в Испании и которых теперь можно было использовать для установления контактов с местным населением.

В испанском арсенале было и еще одно мощное оружие, хотя оно было совершенно непредумышленным: разнесение эпидемии европейской оспы. Заболевание пришло в страну непосредственно перед третьим и последним путешествием Писарро в Перу. Оно не только убило правителя Инкской империи Уайну Капака, но также привело к развязыванию жестокой, опустошительной войны, раздробившей государство на две части. Всего лишь пять лет назад, во время второй экспедиции Писарро, Инкское государство было объединенным и сильным. В ходе своей третьей экспедиции, предпринятой в 1532 г., Писарро со своим отрядом обнаружил империю сильно ослабленной эпидемией и жестокой гражданской войной.

Если испанское оружие в основном было произведено из стали, то инкские предметы вооружения были сделаны из бронзы, меди и камня. Таким образом, испанцы обнаружили в Перу культуру бронзового века — в технологическом отношении подобную той, которая была характерна для Египта за тысячу лет до явления Христа. Инки добывали медные, оловянные, золотые, серебряные и ртутные руды, однако железные месторождения на территории королевства Тавантинсуйю были неизвестны (первые значительные залежи железной руды были обнаружены в Перу только в 1915 г.). Так что даже если бы до обозреваемой эпохи инки имели за своими плечами еще несколько сотен лет ускоренного развития, едва ли бы они вступили в так называемый железный век, а, не имея железа, они соответственно не вошли бы в стальной век. В противостоянии со

стальными доспехами и оружием заморских захватчиков инкское оружие из камня и мягких металлов оказалось просто бессильно.

В основном инкское оружие было предназначено для рукопашных поединков с пехотинцами, вооруженными подобным же нехитрым образом. Основным видом оружия были разнообразные дубинки, испанцы называли их ропча. Самая большая, предназначенная для двуручного использования, имела длинную деревянную ручку и деревянный или медный шар с пятью-шестью выступами на конце. Предназначенные для раскалывания человеческого черепа дубинки, однако, были бессильны сокрушить испанский стальной шлем. Только прямой удар в лицо, не защищенное забралом, мог оказаться фатальным. Инки также использовали боевые топоры — с медными, бронзовыми или каменными лезвиями с теми же целями, что и дубинки. Однако лезвия были недостаточно острыми, чтобы отсекал человеческие конечности. В то время как испанские мечи могли разрезать плоть так же легко, как масло, инкские топоры могли только разбивать кости и наносить увечья.

Помимо дубинок, на вооружении у инкских войск имелись копья с медными или бронзовыми наконечниками или просто заостренными деревянными концами. Индейцы также использовали дротики с деревянными или костяными наконечниками, которые запускались при помощи особого метательного приспособления. Одним из самых опасных видов инкского оружия, с точки зрения испанцев, была праща — варака, обычно делавшаяся из шерсти или какой-либо ткани. Вложив в центральную расширенную часть пращи камень размером с яйцо и затем быстро раскрутив пращу, воин мог придать такую силу и точность полету камня, что последний мог расколоть испанский меч надвое. Но если на испанце был шлем, то запущенные таким образом камни не могли нанести ему смертельный удар.

Инкские войска также использовали, хотя и значительно реже, лук и стрелы. Поскольку только туземцы из восточных джунглей умели пользоваться подобным оружием, лук и стрелы применялись инкскими отрядами только в случае присутствия в них уроженцев Антисуйю — амазонского региона империи. Но уроженцев дельты Амазонки было немного по сравнению с рекрутами из высокогорных районов. Таким образом, луки и стрелы находили себе ограниченное применение, а кроме того, они также были бессильны против стальных доспехов.

Несмотря на то что инки располагали значительно большим числом войск, они не имели многих из тех преимуществ, которыми обладали испанцы: у инков, например, не было системы письма, не считая кипу, которые позволяли обмениваться значительно меньшим объемом информации, нежели развитая испанская письменность. Инки также очень мало знали о мире за пределами их границ; так, они ничего не знали о завоевании испанцами Мексики, Центральной Америки и Карибского бассейна. Также они не имели никакого представления об истории Европы и других регионов мира. Доспехи их сильно уступали испанским. Если отдельные туземные племена иногда использовали нагрудные и наспинные медные пластины, то основная часть инков по большей части надевала лишь хлопчатобумажные панцири, которые вполне приемлемо защищали от оружия других туземных армий, но не от испанских смертоносных пик и стрел. Наконец, у инков не было лошадей; поэтому им постоянно приходилось искать какие-то способы защиты от несущейся массы неведомых им доселе животных, управляемых облаченными в доспехи испанцами, которые обладали неоспоримым преимуществом нанесения ударов сверху вниз.

14 ноября 1533 г. капитаны Хуан Писарро и Эрнан де Сото со своим кавалерийским отрядом в 40 человек приблизились к окрестностям инкской столицы Куско. Дорога, ведущая в город, была перекрыта соединенными силами центральной и южной армий, которым каким-то образом удалось объединить усилия. В условиях абсолютного численного перевеса противника испанцы тем не менее решили немедленно атаковать — к такой тактике они стали прибегать почти инстинктивно. В какой бы опасности они ни находились, естественным побуждением испанцев было немедленно атаковать — и именно в том направлении, откуда, по их представлению, исходила наибольшая угроза. Именно эта стратегия до сих пор приносила в Андах неизменный успех.

Туземные воины, «имевшие гораздо большую численность... выступили против нас, издавая страшные крики и выражая крайнюю решимость», — писал Мигель де Эстете. Особенно яростно дралась северная армия под командованием опытного генерала Кискиса, — организовав бешеную атаку с применением пращей, стрел и булав, им в итоге удалось оттеснить испанцев. «Они убили три наших лошади, в

том числе и мою, а она стоила мне 1600 кастельяно, — писал нотариус Хуан Руис де Арсе, — также были ранены многие христиане».^[34]

Но защищенные своими доспехами и имея возможность драться, используя преимущество кавалерии — мобильность и положение всадника над пехотинцем, испанцы нанесли инкам огромный урон; сотни туземцев пали в тот день в ходе сражения, которое продолжалось до самого вечера. Дорога была усеяна отрубленными конечностями и головами. Испанцы своими стальными доспехами были защищены от камней и от наверхий булав, у них, конечно, были раненые, но они не потеряли ни одного человека; сражаясь на относительно ровной поверхности, испанцы имели два преимущества: они могли задействовать таранный эффект использования своих лошадей, а также развиваемую ими большую скорость. Если какой-то испанец оказывался в трудном положении, его товарищи на лошадях бросались к нему на помощь. Если испанцы видели, что в сложившейся затруднительной ситуации спастись можно было только бегством, то они прищипывали своих лошадей, и их не могли догнать даже самые быстроногие из числа туземных воинов. Поздно вечером прибыли Франсиско Писарро и оставшаяся часть испанских войск, но к этому времени испанская кавалерия и армия Кискиса уже закончили сражение. С наступлением темноты инкские и испанские войска расположились в пределах взаимной видимости, туземные костры освещали близлежащий холм. Санчо де ла Ос писал:

«[Испанцы] разбили лагерь на равнине, а индейцы простояли на склоне холма до полуночи — на расстоянии выстрела аркебузы, [постоянно] что-то выкрикивая. Испанцы провели всю ночь в седле. На рассвете следующего дня губернатор расположил пехотинцев и кавалерию в удачно скомбинированном порядке, перекрыв дорогу на Куско, — его предупредили, что враг вновь будет атаковать испанцев на дороге».

«Мы двинулись в сторону города, — писал Руис де Арсе, теперь вынужденный идти пешком после потери своей лошади, — испытывая сильный страх и полагая, что индейцы поджидают нас у городских ворот. И так мы... вошли в город, в котором [уже] не было

защитников». Очевидно, осознав, что на плоской поверхности туземные войска, даже имея численный перевес, не сравнятся с конными испанцами, генерал Кискис решил поберечь свою армию до тех пор, пока не представится возможность для более удобного варианта сражения. Уже после полуночи генерал Кискис дал своим войскам приказ отходить, отказавшись от дальнейших сражений за Куско. Они сделали все это вполне бесшумно, оставив зажженными свои костры, с тем чтобы испанцы думали, что индейцы продолжают располагаться в лагере. На следующий день около полудня испанцы победным маршем вошли в город. «Губернатор и его войска вошли в этот великий город Куско, — писал Санчо де ла Ос, — не встречая никакого сопротивления. Это произошло в пятницу, в час совершения великой мессы, в пятнадцатый день ноября в 1533-й год от даты рождения нашего Спасителя Иисуса Христа».

Когда испанцы двинулись в полном своем боевом порядке, любопытствующие жители города высыпали на мощеные улицы города. Только этим утром удивленные горожане узнали, что северная армия из Кито, которая стояла в городе на протяжении последнего года, неожиданно бесследно растворилась. Жители города, конечно, уже знали, что Атауальпа — император, чьи военачальники захватили столицу и убили их правителя Уаскара, — был казнен этой самой группой чужеземцев, которые сейчас вступали в стольный город. Немалое число жителей города было удивлено, когда появился Манко Инка, молодой принц, которого большинство горожан не видели уже год, — он шел в окружении странного вида бородатых людей. Манко, очевидно, находился в полном здравии и благополучии. Всем своим поведением и речами юный принц давал понять, что чужеземцы расположены к горожанам дружелюбно, они не представляют никакой угрозы и с ними следует обращаться как с почетными гостями. Измученные длительной оккупацией, жители Куско с облегчением восприняли неожиданное исчезновение ненавистной северной армии. Вне всякого сомнения, самым важным для них теперь был вопрос: кто эти чужеземцы и почему они явились сюда?

Для Писарро и его отряда вступление в столицу стало военным триумфом, кульминацией длительного и очень сложного предприятия, которое они начали примерно три года назад, когда впервые отошли от берегов Панамы. И хотя, возможно, испанцы были и не слишком

радушно приняты в этот первый день, их стратегия установления союзнических отношений с фракцией Уаскара и позиционирования себя как освободителей, а не как оккупантов пока вполне оправдывала себя. Жители города спокойно стояли на улицах — весьма нарядно одетые в разноцветные узорчатые туники из хлопка или шерсти альпаки. Ни у одного из них не видно было при себе оружия. К своему облегчению, испанцы обнаружили, что не было никакой необходимости вытаскивать мечи из ножен или пользоваться аркебузами. Рядовым конкистадорам их беспрепятственное вхождение в самый красивый город из всех, что им доводилось видеть в Новом Свете, казалось чем-то сродни чуду. «Испанцев, которые приняли участие в этой экспедиции, поразили их собственные достижения, — писал Санчо де ла Ос. — Когда они начинают думать об этом, они не могут себе представить, как им удалось дожить до такого триумфа, пройдя через такие трудности и такие длительные периоды голода». «Мы вошли в город, не встретив никакого сопротивления, — писал Мигель де Эстете, — туземцы проявили к нам добрую волю».

В общей сложности испанцы потеряли всего шесть человек во время шестисотмильного перехода из Кахамарки в Кито, продлившегося три месяца. При этом за это время испанцы убили несколько тысяч туземцев.

Семнадцатилетний Манко Инка находился в очень хорошем настроении. С того момента, как Куско был занят силами Атауальпы, а Уаскар был схвачен и увезен на север в качестве узника, Манко пребывал в страхе за свою жизнь. После того как большинство его братьев, сестер, тетей, дядьев, племянниц и прочих членов семейства было схвачено и уничтожено, обратившийся в бегство Манко должен был осознавать, что и его, вероятно, ожидает подобная же участь. Трудно вообразить себе удивление Манко, когда он узнал, что его брат Атауальпа был убит, что мощная северная армия неожиданно была изгнана из Куско и что маленький, но могущественный отряд чужеземцев собирается утвердить его, Манко, на троне. Теперь, находясь в стане этих лютых светлокожих виракоч, Манко неожиданно понял, что у него появляется шанс вырваться из относительной безвестности и вознестись — посредством испанцев — на самую вершину власти. Для Манко наконец закончился продолжительный мрачный период «северной оккупации».

Писарро между тем спешил закрепить свои последние военные победы. Поскольку армия генерала Кискиса все еще была в состоянии осуществить контратаку, Писарро приказал своим войскам расквартироваться на самой большой площади Куско. Затем он приказал своим кавалеристам круглосуточно держать лошадей в полной готовности — на случай внезапного нападения инков на город. Никогда не теряющий времени даром, Писарро также сообщил Манко на следующий день после его прибытия в Куско, что он вскоре станет новым инкским императором. Санчо де ла Ос описывал его следующим образом:

«Это был разумный, очень видный собой юноша, он был самым высокопоставленным [туземцем] из всех, что контактировали в то время с Писарро; и ему по закону принадлежало королевство. Он [Писарро] сделал все быстро... чтобы туземцы не успели объединиться с северянами, но чтобы у них появился свой собственный повелитель, которого бы они почитали и которому бы они подчинялись, и им не пришлось бы в голову организовываться в [мятежные] банды. И так он [Писарро] повелел всем местным вождям повиноваться ему [Манко] как своему верховному правителю, и делать все то, что он им прикажет».

Писарро инстинктивно ощущал властные механизмы и приводные политические ремни; он постарался предотвратить появление местных очагов сопротивления испанскому владычеству, представив дело так, что он передает всю верховную власть Манко. Хорошо осознавая, что численность испанцев слишком мала, чтобы контролировать такую обширную империю, и что им нужны союзники в среде туземцев, Писарро побудил Манко в срочном порядке начать рекрутирование армии. Имея под своим контролем туземную армию, испанцы могли с большей легкостью подавлять восстания, кроме того, у них появлялась возможность избавить страну от двух остающихся на ее территории армий Атауальпы, Манко был только счастлив повиноваться, поскольку формирование армии не только позволило бы ему укрепить

свою власть, но также дало бы возможность отомстить ненавистному генералу Кискису, вырезавшему почти всю семью Манко.

Манко вскоре двинулся из столицы в поход против генерала Кискиса. Вместе с Манко выступили Эрнан де Сото, 50 испанских кавалеристов и 10 000 туземных воинов. Совместная испанско-инкская атака на позиции генерала Кискиса нанесла такой урон его армии, что и офицеры северной армии, и рекруты из числа крестьян в итоге сочли, что с них достаточно. Находясь вдали от своих домов уже почти два года, войска фактически вынудили своего гордого генерала начать долгое отступление на север, к Кито.

В то время как генерал Кискис поспешно отступал, Манко особо не терял времени, готовясь к своей коронации. Сначала он ушел в горы для традиционного трехдневного поста, а затем вернулся в Куско для участия в церемонии.

«Когда пост был закончен, он [Манко] появился в богатой одежде, сопровождаемый большим числом людей... в каждом месте, где он собирался садиться, ему подкладывали роскошные подушки, а под ноги [клали] королевское полотно... Пообок от него [сидели] вожди, военачальники, провинциальные управляющие и повелители больших королевств... В его окружении были только высокопоставленные персоны».

Коронация Манко проводилась в городе, который не только являлся на протяжении столетий столицей для этнической группы, известной под названием «инки», — в Куско царствовали императоры божественного происхождения, тело каждого из них было мумифицировано, облачено в роскошное одеяние и содержалось — наряду с телами слуг императора — в специально отведенном ему храме. В Куско проживал великий Уайна Капак — отец Манко, Атауальпы и Уаскара; его жизнь предположительно была унесена оспой после того, как он осуществил завоевание провинции, территориально соответствующей современному Эквадору. В этом городе покоился Тупак Инка Юпанки, чьи легионы завоевали территорию протяженностью в тысячу миль, ныне относящуюся к государству Чили. Также Тупак Инка раздвинул и до того уже

обширные границы империи на восток, в направлении Амазонки. В этом городе властвовал великий Пачакути, правитель, чья дальновидность позволила превратить некогда маленькое королевство в обширную, многоязычную империю. В Куско также проживало множество правителей более раннего периода, правивших маленьким изначальным инкским королевством, — задолго до того, как их потомки завладеют ресурсами большей части западного сектора Южной Америки.

Когда на церемонии коронации Манко появились мумии его предков, которые до сих пор почитались в качестве богов жителями империи, испанцы впервые получили возможность познакомиться с культом предков — традицией, общей для исконных южноамериканских культур. Зрелище ссохшихся останков императоров, с которыми совещались живые люди, должно было ужаснуть монаха-доминиканца Висенте де Вальверде, который, вне всякого сомнения, должен был воспринимать подобный род общения как работу дьявола. Испанцы наблюдали за церемонией коронации Манко, на которой присутствовала свита, состоявшая из мертвых инкских императоров, с ужасом вперемешку с отвращением, и это можно понять. По словам летописца Мигеля де Эстете,

«...проводились роскошные празднества на городской площади, [и]... такое огромное количество народу туда собиралось... что площадь могла вместить его лишь с большим трудом. Манко доставил всех почивших предков на празднества следующим образом: после того как он со своей огромной свитой направился к храму, чтобы вознести молитву солнцу, утром он последовательно обошел гробницы, где каждый [из умерших императоров] сидел набальзамированный на своем сиденье. С проявлением огромного почтения тела были сняты со своих мест и направлены в город; индейцы в особой униформе несли на носилках тело императора, тела всех его слуг и все его украшения, — так, словно он был жив. Таким образом туземцы прошествовали к месту празднеств, распевая песни и воздавая благодарение солнцу... Они прибыли на площадь в сопровождении бесчисленного множества людей, впереди

всей процессии на носилках несли императора [Манко Инку] и находившегося рядом с ним его отца Уайну Капака. Подобным же образом восседали в набальзамированном виде на своих носилках другие императоры, на головах у них были королевские повязки.

Для каждого из них был сооружен павильон, где каждый из умерших [инкских правителей] был должным образом усажен на трон, затем он был окружен пажами и женщинами, держащими в руках метелочки, для того чтобы отгонять мух. Все это окружение выказывало императорам такое уважение, словно они были живыми. Рядом с каждым из них стоял ковчег, или небольшой сундук, в котором находились ногти, волосы, зубы и различные мелкие драгоценности, некогда украшавшие руки императоров... После того как тела были размещены в должном порядке, они оставались там с восьми утра до самой ночи... На празднествах было такое количество любителей выпить, которые заливали в себя такое количество алкогольных напитков... что две широкие канализационные трубы диаметром более половины вары [сорок пять сантиметров], проходившие под плиткой, которой была вымощена площадь, и спускавшиеся к реке... отводили за день такое обилие мочи, словно били какие-то невидимые ключи. И это не настолько уж удивительно, учитывая то, какое количество было выпито, и количество пьющих, хотя... ничего подобного раньше не было видано... Эти празднества продолжались более тридцати дней без перерыва».

Испанцы понятия не имели, что неумеренное питье инками на самом деле представляло собой ритуализованную форму религиозного культа; испанцы сочли такое поведение вакханальным служением дьяволу. Но поскольку на площади собралась большая аудитория, включавшая в себя местную знать и вождей, прибывших, чтобы засвидетельствовать свое почтение новому инкскому правителю, Писарро решил воспользоваться случаем, чтобы обратиться к почтенному собранию. В конце концов, церемония коронации была организована для того, чтобы засвидетельствовать передачу

королевской власти. Писарро едва ли нашел бы лучший момент для того, чтобы оповестить собравшиеся элиты о том, что наряду с данной коронацией должны будут иметь место некоторые фундаментальные изменения: что испанцы намереваются создать новую властную структуру.

Используя уже апробированную испанцами ритуализованную формулу закрепления своей власти, Писарро дал понять всем собравшимся, что теперь они являются частью более крупного мирового порядка, нежели тот, к которому они привыкли, и что отныне они будут являться подданными империи еще более могущественной, чем их собственная. Педро Санчо де ла Ос писал:

«Когда была отслужена месса... он [Писарро] вышел на площадь вместе с изрядным числом своих воинов. И в присутствии императора [Манко Инки], местных вождей, туземных воинов, сидевших рядом с испанскими солдатами, губернатор произнес речь, как он привык уже это делать в подобных ситуациях. И я [Педро Санчо], его секретарь и армейский нотариус, зачитал „Требование“, которое исходило от Его Величества. И его содержание было переведено переводчиком, и все собравшиеся его поняли и ответили утвердительно [в том смысле, что поняли]».

Это «Требование» представляло собой тот же самый документ, который монах Вальверде зачитал Атауальпе в тот роковой день на площади Кахамарки чуть менее года назад. Наконец нотариус Писарро перешел к последнему параграфу, вставляя нужные паузы, чтобы переводчик мог верно перевести текст на инкский рунасами.

«И я прошу и требую от вас... признать Церковь своей повелительницей и в такой же мере — повелительницей всего мира и вселенной, а первосвященника, именуемого папой, верховным правителем... Если же вы этого не сделаете... с Божьей помощью мы пойдем против вас, и всеми возможными способами мы поведем войну против вас, мы заставим вас повиноваться Церкви и Его Величеству, и мы отберем у вас всех ваших женщин и детей и сделаем из

них рабов и будем продавать их. И мы причиним вам все зло, на которое только способны. И я настаиваю, что вы будете ответственны за все те смерти и разрушения, которые воспоследуют».

По словам другого армейского нотариуса, Мигеля де Эстете, это сообщение, по-видимому, всеми было понято, поскольку туземцы «начали исполнять свои песни и воздавать благодарение солнцу за то, что оно позволило изгнать их врагов со своей земли и за то, что позволило христианам управлять инками. Таково было содержание их песен, хотя я не верю, — с подозрением замечал Эстете, — что [песни] отражали их истинный настрой. Они лишь хотели заставить нас думать, что они довольны речью испанцев».

Что бы на самом деле ни думали туземцы, каждый из присутствовавших здесь туземных вождей должен был выйти вперед, дважды поднять испанское знамя и затем обнять Франсиско Писарро под звуки испанских труб. Затем «встал Манко Инка... и вручил губернатору и испанцам золотую вазу, после чего все отправились ужинать, поскольку было уже поздно». Церемония коронации была завершена, юный Манко Инка стал отныне новым повелителем Инкской империи. Это был пятый инкский император за шестилетний период: на протяжении четырех лет правил его отец Уайна Капак; затем правили два его враждующие брата, Атауальпа и Уаскар; и в течение короткого времени страной управлял еще один его брат, Тупак Уаллпа, умерший три месяца назад в Хаухе.

Никак не сдерживаемые присутствием нового инкского императора, Писарро и его люди продолжили разграбление инкской столицы и ее окрестностей. На самом деле этот процесс начался непосредственно после их прибытия в столицу за месяц до описываемых событий. Для Писарро это было исполнением мечты, которую он лелеял с того самого момента, как впервые прибыл в Америку: стать однажды предводителем экспедиции, целью которой будет разграбление доселе не изведанной, полной богатств туземной империи. Вообще это был один из немногих случаев в мировой истории, когда небольшой отряд захватчиков оказался в состоянии разграбить столицу крупной империи практически с благословения ее жителей.

Писарро вскоре определил своей резиденцией королевский дворец Пачакути, расположенный на главной площади. Возможно, это был подходящий выбор, поскольку Пачакути был тем самым правителем, который задумал создание Инкской империи и осуществил его, в то время как Писарро задумал и осуществил завоевание этой самой империи. Между тем младшие братья Писарро, Хуан и Гонсало, недолго думая, взяли себе резиденции, находящиеся рядом с дворцом Франсиско и некогда принадлежавшие отцу Атауальпы, Уайне Капаку. Диего де Альмагро взял себе в пользование дворец, строительство которого было завершено Уаскаром непосредственно перед тем, как он был схвачен и казнен людьми Атауальпы. Другой дворец был отведен в пользование Эрнана Писарро, который на тот момент находился в Испании, делить здание с ним должен был Эрнан де Сото. Некогда принадлежавший Уайне Капаку, это был самый роскошный из всех дворцов. Он имел мраморные ворота и две башни высотой примерно в 30 футов. Между тем семнадцатилетний Манко Инка начал строительство нового дворца для себя.

В марте 1534 г., примерно через два года после прибытия испанцев в Перу, Франсиско Писарро занялся распределением золота и серебра, награбленного в Куско. На этот раз трофеи были даже более значительными, чем в Кахамарке. Хотя золота было собрано меньше того количества, что предлагал Атауальпа в качестве своего выкупа, серебра на этот раз было собрано в четыре раза больше. Те испанцы, что прибыли в Перу достаточно поздно, вместе с Альмагро, не приняв участия в пленении Атауальпы и соответственно не имея шансов стать в одночасье богатыми, теперь получили за свои усилия сполна. Те же, кто уже стал миллионером в Кахамарке, теперь удвоили свое состояние. Писарро также выделил отдельные доли «для себя, для двух [своих] лошадей, для [двух туземных] переводчиков и для своего пажа, Педро Писарро».

Все испанцы должны были осознавать, что ими достигнута определенная веха в завоевании Перу. Компания Леванта, которую Писарро и Альмагро создали около десяти лет назад, теперь официально распалась, поскольку все аккумулярованные ею доходы были уже распределены. Акционеры компании, по крайней мере те, кто принимал участие в кампаниях в Кахамарке и/или в Куско, получили такие фантастические доходы, что теперь могли уходить на

покой. Писарро предложил своим товарищам на выбор два варианта: они могли либо покинуть страну и вернуться в Испанию, где им светило роскошное существование, либо же они могли остаться в Перу на правах первых испанских граждан этой страны и таким образом помочь основать новую испанскую колонию, которая будет носить название Королевство Новой Кастилии.

Писарро, который на протяжении тридцати с лишним лет боролся за создание такого положения для себя — правителя туземной империи, конечно, не имел намерения покидать Перу. Эта страна являлась как раз тем призом, которого Писарро страстно добивался, и он должен был оставаться здесь. Но поскольку Писарро не мог управлять империей в одиночку, ему нужно было, чтобы там осталось как можно больше испанцев. На тот момент в империи, насчитывавшей 10 миллионов туземных жителей и растянувшейся на расстояние в 2500 миль, находилось менее 500 испанцев. Сказать, что прослойка испанцев была «узкой», значит ничего не сказать. Поэтому Писарро предложил испанцам, которые согласились бы остаться в Перу, энкомьенду.

Испанский глагол «encomendar» означает «поручать, доверять». Основная идея энкомьенды коренится в средневековой сеньориальной системе: король даровал бенефиций (право облагать налогом местное крестьянство) представителям знати, которые взамен давали королю клятву верности. Точно так же, как европейские крестьяне «вверяли» себя сеньору-вотчиннику и отдавали ему часть произведенной продукции взамен за его покровительство, туземцы Нового Света теперь должны были — под угрозой наказания или смерти — трудиться на испанских конкистадоров, которые теоретически обязаны были их «защищать» и «евангелизировать».

Таким образом, конкистадоры могли теперь селиться в туземных городах и жить за счет продукции, производимой местным населением в сельской местности. Ввиду того что в испанском обществе ручной труд и торговля считались уделом низших классов, конкистадоры, получив возможность облагать налогом местное крестьянство, в одночасье оказывались причисленными к испанской аристократии. По сути, началась реструктуризация социальной пирамиды Инкской империи: инкскую элиту, освобожденную от необходимости заниматься ручным трудом ввиду своего высокого социального

статуса, теперь должны были заменить представители низших испанских классов, по большей части необразованные и безграмотные, все они мечтали о подобной же нетрудовой жизни.

Осознавали ли это конкистадоры или нет, но это был один из очень немногих моментов в мировой истории, когда представители простого народа практически в одночасье получили возможность стать феодалными сеньорами. В итоге 88 испанцев решили принять энкомьенды и остаться на постоянное жительство в Куско.

Ничего не ведая о планах испанцев, молодой император Манко Инка был погружен в свои проблемы. Сначала он должен был уверенно взять в свои руки бразды правления империей, которые сначала были вырваны из рук его брата Уаскара, а затем из рук второго его брата Атауальпы. Первоочередной задачей Манко было восстановление авторитета Сапы Инки, или «Единого императора», — даже при том, что на севере под началом генералов Атауальпы, Руминяви и Кискиса, продолжали находиться враждебные Манко армии. В то время как часть регионов Тавантинсуйю продолжала автоматически функционировать в государственном режиме, в некоторых областях ощутимым становилось доминирование местных полководцев и вождей. Стремясь сбросить ярмо инкского владычества, эти местные вожди получили свою выгоду от ведения гражданских войн и от проведения Писарро своей завоевательной экспедиции. Сидя на своем королевском кресле — дуо, Манко уверенно приступил к восстановлению инкской имперской власти. Вскоре молодой император начал принимать у себя провинциальных управителей; стал назначать новых в тех случаях, когда эти управители не справлялись со своими задачами. Шаг за шагом он осуществлял трудоемкую задачу по восстановлению сложного государственного механизма, который был создан его предками и тысячами лет культурного развития в андском регионе.

Испанцы между тем имели очень слабое представление о том, какой сложный механизм представляла собой империя, которую они частично завоевали. В то время как они сразу же распознали общие черты, сближавшие инкский мир с культурой Старого Света, они имели крайне скудные сведения относительно подлинных механизмов, приводивших Инкскую империю в движение. Гений инков — так же

как и римлян — заключался в их совершенно исключительных организаторских способностях. Каким бы удивительным это ни казалось, этническая группа, численность которой, по-видимому, никогда не превышала 100 000 человек, оказалась способна управлять жизнедеятельностью в 10 миллионов человек. И все это несмотря на тот факт, что жители империи говорили более чем на семистах языках и были расселены на пространстве протяженностью в 2500 миль, которое отличалось самым неровным и самым неоднородным рельефом в мире.

Экономика Инкской империи, как и экономика многих более ранних мировых цивилизаций, базировалась преимущественно на сельском хозяйстве. Именно благодаря искусному управлению и обширным работам по выстраиванию террас количество сельскохозяйственных угодий за время инкского правления постоянно увеличивалось. Даже если урожай в какой-то одной области был низким, хорошо развитая государственная система хранения продовольствия и налаженная организация транспортировки продуктов из одной части империи в другую делали голод практически невозможным. При том что экономика Инкской империи была далека от совершенства, каждому ее жителю был гарантирован кров и достаточное количество еды и одежды.

Но в отличие от испанцев граждане Тавантинсуйю не имели земли в частном владении и не имели собственных предметов роскоши. Если отдельные граждане и имели свои дома, то только инкские правители и некоторые представители аристократии имели свои частные земельные владения. Инкская империя в своей экономической жизнедеятельности основывалась на одном фундаментальном принципе (который в значительной степени держался на оружии свирепой инкской армии, имевшей за своей спиной успешный опыт покорения других племен), заключавшемся в том, что вся земля и все природные ресурсы принадлежали государству, которое, в свою очередь, контролировалось инкским императором. Божественное право императора на эти ресурсы исходило непосредственно от солнца. Точно так же, как столетие спустя французский король Людовик XIV заявит: «L'état, c'est moi» («Государство — это я»), так и инкский император утверждал, что он является главным землевладельцем и хранителем всех богатств земли.

Принцип государственной собственности представлял собой фундаментальную предпосылку того социального договора, который соединял воедино подданных империи. Поскольку государство владело всеми пахотными землями, то, предоставляя определенные земельные права крестьянским общинам (предлагая землю во временную обработку), оно по определению требовало чего-то взамен. Это взаимное обязательство — предоставление ограниченных земельных прав на условиях последующего возвращения долга — представляло собой фундаментальное соглашение, на котором была основана империя. Поскольку государство предоставляло земельные права, оно взамен могло требовать выплаты налогов. Но инки предпочитали взимать подати не в виде произведенной продукции, а в виде трудовой деятельности.

Все главы семей мужского пола в возрасте от 25 до 50 лет должны были платить подати. Поскольку эта группа составляла от 15 до 20 процентов от всего населения империи, то это означало, что инкская элита могла в любое время пользоваться трудом примерно двух миллионов работников. Ежегодно правительство требовало от глав семей предоставлять от 2 до 3 месяцев своей работы на пользу государства и на благо религии солнца. Инки называли эту трудовую повинность «мита», что означает «оказать услугу». Если принять в расчет, что средний американский налогоплательщик сейчас платит 30-процентный налог на доход, полученный за 12 месяцев труда, то это означает, что указанный гражданин фактически ежегодно «дарит» 3,6 месяца своей работы на содержание различных федеральных, государственных и местных бюрократических учреждений. Таким образом, по иронии судьбы получается, что средний гражданин США в XXI в. выплачивает большую сумму налогов, чем среднестатистический туземец, живший в Инкской империи в XVI в. Однако глава инкской семьи — в отличие от сопоставляемого с ним главы современной американской семьи — не обязан был отработать эти 2 или 3 месяца непременно сам; он мог распределить свое налоговое бремя между членами своей семьи. Чем больше была семья у туземного жителя, тем легче было его налоговое бремя, имея оно форму строительства дорог, ткачества, гончарного дела и т. д.

Для переписи своих граждан, для регистрации их рождений, смертей, заключенных браков, для учета налогов выплаченных и

причитающихся к выплате правительство задействовало целую армию счетоводов и администраторов. В каждой провинции специалисты этого профиля фиксировали при помощи кипу распределение граждан по социальным, возрастным и профессиональным категориям. Верховные инспекторы, которые именовались «токойрикоки», что означает «те, кто видит все», отслеживали информацию по каждой провинции и передавали ее генеральному инспектору, зачастую приходившемуся братом инкскому императору.

Для более эффективного управления обширной империей инкская элита выстроила иерархическую систему, в которой подлежащие налогообложению главы семейств подразделялись на группы в 10, 50, 100, 500, 1000 и 10 000 человек. На вершине инкской социальной пирамиды находился император, который являлся верховным государственным, религиозным и военным правителем. Ступенью ниже находились четыре префекта, или апу, которые представляли собой Верховный Совет инков. Каждый из этих четверых апу представлял одну из четырех имперских областей, или суйю. Еще ниже находились местные управители, или токрито апу, которые избирались из инкской знати. Управители (или губернаторы) проживали в 88 столицах провинций и выполняли административные и судебные функции. К примеру, смертные приговоры мог утверждать только токрито апу. Еще ниже располагалось несколько слоев местных вождей, именовавшихся «кураками», которые за то, что правительство освобождало их от уплаты налогов, должны были организовывать сборы податей со своих собственных этнических групп. Статус каждого кураки определялся числом подведомственных ему семейств, число которых находилось в диапазоне от 100 до 10 000. Ниже этого достаточно тонкого слоя правящих элит находилась огромная масса простого народа, составлявшая более 95 процентов всего населения, — миллионы крестьян, ремесленников, пастухов и рыбаков, чей прибавочный труд использовался властной верхушкой для надлежащего функционирования имперских механизмов.

Взамен за предоставляемые земельные права, защиту от внешнего нападения, возможность участия в отпращивании религиозного культа, а также гарантированную еду, одежду и жилье инкские граждане должны были время от времени рекрутироваться в армию и принимать участие в военных кампаниях, отрабатывать два-три месяца в год на

государство и выполнять свод правил, сформулированных инкской элитой. Взаимные обязательства являлись тут краеугольным камнем, основным приводным механизмом в сложной системе взаимоотношений, связывавших воедино инкскую элиту и остальную часть населения империи. Аннулируйте этот взаимный характер отношений — и весь многосложный имперский механизм, разработанный инками, прекратит функционировать, подобно огромным механическим часам, в которых неожиданно застопорилась шестеренка.

Такова была природа имперского правления, которое Манко Инка начал всемерно укреплять в конце 1534 г. Он взялся за непростую задачу. Империя была уже сильно ослаблена несколькими годами ведения гражданской войны. Да, Тавантинсуйю вновь правил инкский император, но его определил на это место отряд чужеземцев, чьи мотивации с каждым днем начинали вызывать все большее и большее подозрение. Испанцы, например, уже осквернили ряд священных инкских храмов и этим унизили инкское духовенство и значительную часть местного населения. В глазах, по крайней мере части инкской элиты, которая уже начала осознавать, что испанцы являются узурпаторами, а не освободителями, Манко Инка представлял уже скорее коллаборационистом, чем суверенным инкским правителем.

Если старший его брат Атауальпа к концу срока своего заключения наконец догадался об истинных намерениях испанцев, Манко все еще не обращал внимания на ту трансформацию, которая происходила в Перу. В данный момент Манко все еще не понимал, что Франсиско Писарро проявляет дружелюбие и учтивость просто потому, что стремится выиграть время: дожидаться прихода военных подкреплений. Едва появившиеся в Перу испанские города можно было уподобить тонкой цепочке островов в центре бескрайнего недружелюбного моря. В настоящее время море было относительно спокойным, однако в любой момент погодные условия могли измениться. Так что последнее, чего хотел Писарро, — это возбуждать в туземцах мятежные настроения.

Однако в то же самое время Франсиско Писарро уже начал осознавать, что некоторые испанские подкрепления, которых он так ждал, могут представлять собой большую опасность, нежели потенциальная атака туземцев. Еще в марте до Писарро дошли

тревожащие новости о том, что заместитель Эрнана Кортеса, Педро де Альварадо, ступил на берег Эквадора с 550 конкистадорами. Альварадо, очевидно, был настроен утвердить свое собственное губернаторское правление в этой области, несмотря на то что Писарро был единственным человеком, имевшим королевскую лицензию на осуществление завоеваний в какой бы то ни было части Инкской империи.

Услышав эти новости, партнер Писарро, Диего де Альмагро, устремился на север. Совсем не желая, чтобы годы потраченных им с Писарро усилий пошли под откос в результате соперничества, он сумел в ходе переговоров добиться мирного разрешения вопроса. Взамен за 100 000 песо (около 1000 фунтов золота) Альварадо согласился отказаться от своих завоевательных планов и к тому же предоставил 340 своих конкистадоров в распоряжение Писарро и Альмагро для завершения завоевания Перу. Оказалось, что переговоры состоялись как раз в урочный час. Как только Альмагро двинулся на юг, он почти сразу же столкнулся с огромной армией под предводительством генерала Кискиса, которая возвращалась на север после того, как покинула Куско шесть месяцев назад.

Кискис и его войска, находившиеся вдали от своих домов вот уже более двух лет, были поражены, встретив крупное испанское соединение там, где они менее всего ожидали его увидеть. Инкский генерал надеялся, что северная часть империи все еще свободна от власти ненавистных чужеземцев. В короткое время последовала серия сражений. В ходе одного из них войска Кискиса организовали успешную засаду, куда попала группа из 14 испанцев — все они были обезглавлены. Во время другого сражения индейцам удалось ранить 20 испанцев и убить 3 их лошади. После нескольких лет боев, неожиданно столкнувшись с испанским отрядом, насчитывавшим порядка 500 человек и имевшим в своем распоряжении большое число лошадей, воины Кискиса были явно деморализованы; подавляющее их большинство испытывало желание бросить оружие, покинуть расположение войск и вернуться к себе домой. Но еще больше гордого инкского генерала поразило тот факт, что даже его собственный офицерский корпус желал прекратить борьбу.

«Офицеры обратились к Кискису с предложением просить испанцев о мире, поскольку те явно были непобедимы», — писал

историк XVI в. Франсиско Лопес де Тамара. Однако генерал Кискис — командующий, которому довелось провести свою победоносную армию вдоль всей протяженности Андских гор, который успешно сражался с Уаскаром и пленил его, а затем оккупировал Куско, — настаивал на том, чтобы его войска продолжали оставаться на своем месте и дрались с врагом. Способный тактик, Кискис со временем понял, что, размещая своих бойцов на крутых откосах, там, где лошади испанцев не могут маневрировать, он в состоянии нейтрализовать самое мощное оружие захватчиков. Но сейчас, когда его собственные офицеры угрожали покинуть поле боя, бывший генерал Атауальпы уже не мог сдержать свою растущую ярость. «Он [Кискис] угрожал им ввиду проявленной ими трусости и приказал им следовать за собой в место, где можно было бы перегруппировать войска [и продолжать сражаться]». Но офицеры Кискиса взбунтовались, отказываясь выполнять приказы своего генерала.

Как и любое воинское соединение, инкская армия функционировала на основе строгой дисциплины. Атауальпа в свое время приказал казнить целый батальон своих солдат в Кахамарке лишь за то, что они выказали страх при виде испанских лошадей. Неповиновение являлось еще более серьезным преступлением и сурово наказывалось. Даже с учетом хаоса в настоящей ситуации поведение, продемонстрированное офицерами Кискиса, граничило с изменой. «Кискис выказал им за это свое презрение и поклялся наказать бунтовщиков», — писал Лопес де Тамара. Неожиданно «Уайпалкон [один из офицеров Кискиса] метнул копье, которое пробило ему грудь. Тогда и многие другие офицеры бросились вперед со своими дубинками и боевыми топорами и убили его».

Так закончилась жизнь одного из самых блестящих генералов Инкской империи, человека, который в свое время оказался вынужден повиноваться, хотя и с большой неохотой, приказам Атауальпы дозволить трем испанским добровольцам разграбить инкскую столицу. Несмотря на факт казни своего императора, Кискис отважно повел свой отряд в бой против испанцев.

Вскоре после гибели Кискиса один из капитанов Писарро, Себастьян де Беналкасар, сумел в Эквадоре загнать в угол последнего из трех выдающихся военачальников Атауальпы, генерала Руминяви. После продолжительных тактических маневров в итоге произошла

решающая битва, в результате которой войска Руминяви сдались, однако самому генералу посчастливилось бежать. Испанские войска догнали инкского генерала, когда он переходил через заснеженную гору. В Кито ни к Руминяви, ни к другим плененным представителям инкской аристократии со стороны испанцев не было проявлено никакой пощады. По словам капеллана Маркоса де Нисы, «капитан Беналкасар вызвал к себе Луеса, одного из самых высокопоставленных людей в Кито, и поджег ему ступни, и применил к нему еще много других пыток, с тем чтобы заставить его раскрыть местонахождение сокрытых сокровищ Атауальпы [якобы существовавших], о которых он ничего не знал. [Затем] капитан сжег заживо вождя Чамбу, который также был невиновен. Капитан также сжег Косопангу, который был губернатором провинции Кито и который явился с миром, поскольку он предоставил золото не в таком количестве, которое было затребовано [капитаном Беналкасаром], и он также ничего не знал о зарытых сокровищах. [Капитан] сжег его вместе со многими другими вождями и высокопоставленными людьми — чтобы на этой земле более не осталось туземной знати».

Наконец испанцы вывели и генерала Руминяви на главную площадь Кито. Там выдающийся генерал был казнен за вмененное ему «преступление», заключавшееся в оказании сопротивления иноземной оккупации.

Итак, когда три верховных военачальника Атауальпы были мертвы, партнер Кортеса, Педро де Альварадо, был подкуплен, а сотни новоприбывших испанских солдат держал и путь на юг страны, перуанские богатства, вероятно, оказались под контролем двух партнеров, вместе начинавших свой завоевательный путь: Франсиско Писарро и Диего де Альмагро. Посредством марионеточного императора Манко Инки эти два конкистадора контролировали огромный инкский аппарат управления, имели возможность взимать подати и были готовы подавить любые потенциальные восстания туземцев. В случае, если бы им удалось поддерживать состояние мира, Писарро и Альмагро явно были способны постепенно превратить Тавантинсуйю в прибыльную колонию стремительно разраставшейся Испанской империи.

В связи с тем, что последняя военная кампания против враждебных инкских войск успешно завершилась, Писарро решил

постепенно отходить от своей роли военного руководителя — в пользу роли администратора. В конце концов, он являлся правителем королевства Новая Кастилия, протянувшегося на 700 миль обширной туземной империи, на завоевание которой у него были санкции, полученные от испанской короны. Существовала только одна маленькая проблема, которая проявилась еще в тот момент, когда Писарро явился из Испании с титулами, полученными только для самого себя, но не для своего партнера. Альмагро, конечно, тогда был крайне разозлен и почти готов отказаться от совместного продолжения завоевания Перу. Только пообещав партнеру контроль над тем государством, которое они оба смогут завоевать, Писарро в итоге смог убедить Альмагро, и тот продолжил участвовать в общем предприятии.

И все же оставался вопрос: какая роль будет отведена Альмагро? Как же быть с партнером, который столь помог Писарро в организации экспедиции и который доставлял ему военные подкрепления и разного рода припасы на протяжении последних десяти лет? С партнером, который потерял глаз во время их самой первой экспедиции? Какая роль ему будет отведена в Перу? При том что Писарро предоставил Альмагро энкомьенду, — точно так же, как и другим конкистадорам, решившим обосноваться в Перу, — сам он остался безусловным правителем Перу — титул, равнозначный вице-королю Испании. По крайней мере в этой области Нового Света Писарро был вторым по значимости после испанского короля. Однако Инкская империя протянулась на тысячи миль, что в пространственном отношении было намного больше, чем 700 миль, что корона предоставила Писарро. Так какова же должна была быть справедливая доля Альмагро?

В декабре 1534 г. Писарро и Альмагро встретились на побережье Перу, в том месте, где Писарро теперь закладывал новый город: Ласьюдад-де-Лос-Рейес, Город Королей, или Лима, как он будет назван позднее. В намерения Писарро входило прожить остаток своей жизни, мирно и спокойно управляя своей империей. Писарро более не нуждался в своем партнере, проявившем себя большим специалистом в области организации, финансирования и осуществления завоевательных экспедиций. Писарро предложил Альмагро отправиться в Куско и занять там пост вице-губернатора города, временно занимаемый другом Альмагро, Эрнаном де Сото. Возможно, это могло удовлетворить амбиции Альмагро. Как ни странно, он

согласился на это предложение, но лишь потому, что рассчитывал на получение от короля губернаторского поста — он уже подавал ему соответствующее прошение. Альмагро вскочил в седло и, резко развернувшись на своей лошади, отправился в дальний путь — в Куско.

Но вскоре после отъезда Альмагро из Испании пришли новости о том, что король Карл решил поделить Инкскую империю на две части. Король намеревался отдать «северную часть» Писарро, а «южную часть» — Альмагро. Детали этого решения спустя значительное время должен был привезти Эрнан Писарро, в настоящее время державший путь в Перу.

В то время Писарро не мог себе даже представить, какой клин между двумя конкистадорами вобьет решение короля и как изменится баланс сил в Перу.

8. ПРЕЛЮДИЯ К ВОССТАНИЮ

«Бог и моя совесть да будут мне свидетелями: все, кто присутствовал при этих событиях, могли наблюдать, что именно плохое обращение с перуанскими народами подвигло их на восстание и побудило поднять оружие против испанцев, — у туземцев для этого были все основания. Испанцы никогда не обращались с ними достойно и честно, никогда не держали слова, данного индейцам. Напротив, испанцы скорее вознамерились уничтожить всю эту страну — без всяких на то разумных причин и оснований; и в конце концов туземцы решили, что они скорее умрут сражаясь, чем будут и далее продолжать мириться с подобным к ним отношением».

Монах-францисканец Маркос де Ниса, 1535

«К людям следует относиться либо снисходительно, либо полностью сокрушать их, поскольку если вы лишь нанесете им оскорбление, они решат отомстить, но если нанесенная вами рана будет слишком серьезной, они не смогут отплатить вам, поэтому человеку следует наносить такую рану, чтобы можно было не бояться мести».

Никколо Макиавелли, «Государь», 1511

Диего де Альмагро прибыл в Куско в конце января 1535 г., — Писарро дал ему указание занять пост вице-губернатора города. Он привел с собой отряд из 300 новых человек, которых в соответствии с договоренностью отдал ему заместитель Эрнана Кортеса, Педро де Альварадо. Еще до того, как Альмагро достиг инкской столицы, его нагнал королевский посланник с известием о том, что король

собирается сделать его губернатором области, простирающейся к югу от владений Писарро. Но в 1535 г. осуществить точное измерение расстояний на перуанской территории был в состоянии только штурман корабля. Соответственно до сих пор никто не пытался точно определить границы территории Писарро. И можно было только догадываться, докуда доходили границы его губернаторства и с какого места начиналась область, подведомственная Альмагро.

Новоприбывшие в инкскую столицу испанцы вскоре поняли, что они явились слишком поздно, чтобы поучаствовать в дележе ее богатств или получить энкомьенды. Несомненно, конкистадоры с завистью смотрели на восемьдесят восемь энкомендеро, которые некоторое время назад приняли решение остаться в столице и теперь стали сказочно богатыми людьми. Многие из них уже сняли с себя доспехи и теперь носили гражданскую одежду: чулки, накидки с капюшонами и шляпы, украшенные модными перьями. Вновь прибывшие же носили заплатанную и заштопанную одежду и не имели ни гроша за душой. Эта последняя группа конкистадоров прибыла в Перу с надеждой, что тут они разбогатеют. Реальность быстро раскрыла им глаза на истинное положение вещей: они осознали, что опоздали по меньшей мере на год, если не больше. Это осознание своего положения довольно сильно ожесточило многих из них.

Ввиду присутствия очень богатого меньшинства испанцев и крайне бедного большинства естественным образом начали возникать политические разногласия и трения. Те испанцы, которым Писарро даровал энкомьенды, естественно, чувствовали себя обязанными ему; те же, кто прибыл вместе с Альмагро, надеялись, что верность этому одноглазому конкистадору, привезшему их сюда, в дальнейшем окупится. Если бы вдруг выяснилось, что Куско располагается на территории новосозданного королевства Альмагро, то тогда те испанцы, которым были пожалованы энкомьенды, потеряли бы на них право. Альмагро наверняка распределил бы их среди своего отряда.

Тот факт, что никто в настоящий момент не знал, какому конкистадору — Писарро или Альмагро — принадлежит город Куско, еще более ухудшал политический климат. Вдобавок присутствие двух самых младших и самых импульсивных братьев Писарро — двадцатитрехлетнего Хуана и двадцатидвухлетнего Гонсало — только

создавало дополнительные проблемы. Ввиду того что братья были решительно настроены ни в коем случае не отдавать Куско в руки Альмагро, постоянно растущая напряженность вскоре стала зашкаливать. Летописец XVI в. Педро де Сьеса де Леон писал:

«Хуан Писарро и Гонсало Писарро были более всех остальных возмущены действиями Альмагро, до крайности невзлюбив его... Друзья Альмагро, со своей стороны, уговаривали его не забывать о своих интересах; король сделал его властителем, соответственно Альмагро обладает всеми надлежащими правами, и ему следует как можно быстрее заполучить уже посланные королевские указы и начать распоряжаться территорией, которую король определил ему в губернаторство».

Сьеса де Леон заканчивал словами: «Отныне стали существовать две фракции: одна примкнула к Писарро, другая к Альмагро».

Острые разногласия по поводу того, кто будет контролировать Куско и прилегающую область, возникли примерно через месяц после прибытия Альмагро. Однажды в марте 1535 г., опасаясь, что Альмагро может захватить всю столицу, двое братьев Писарро вместе со своими сторонниками установили несколько пушек в своем дворце, стоявшем на главной площади, забаррикадировали его, а затем «с явным вызовом появились на площади, готовые устроить серьезную ссору». Такое их поведение настолько разозлило Эрнана де Сото, давнего сторонника Альмагро, что между ним и Хуаном Писарро произошла настоящая стычка. По словам кузена Хуана, Педро,

«Хуан Писарро и Сото сначала перебранивались [сидя на своих лошадях]... после чего Хуан Писарро схватил пику и метнул ее в Сото, который, не будь под ним быстрого коня, оказался бы в результате повержен на землю. Хуан Писарро погнался за ним. Они оба достигли дворца, где жил Альмагро, и если бы люди Альмагро не спасли Сото, он [Хуан] убил бы его, — Хуан Писарро был очень храбрым и решительным человеком... Когда Альмагро и его люди увидели мчащегося Сото и преследующего его Писарро, они

схватили свое оружие... и погнались за Хуаном Писарро. В результате представители двух противостоящих друг другу группировок собрались на площади, размахивая оружием».

Лишь благодаря вмешательству только что прибывшего представителя короля, Антонио Тельеса де Гусмана, удалось избежать взаимного смертоубийства. «Если бы христиане схватились друг с другом, индейцы напали бы на тех, кому бы удалось выжить», — писал позднее Гусман королю. Вот как описывал все происходившее Сьеса де Леон: «Все они были полны такой зависти и ненависти по отношению друг к другу, что удивительно, что они все не поубивали друг друга... В этот день был явлен первый разряд гнева между враждующими группировками».

Два месяца спустя, услышав о том, что обстановка в столице настолько накалилась, что недалеко до гражданской войны, Франсиско Писарро спешно направился в Куско. Послание короля, в котором детально формулировались условия разделения Инкской империи, все еще не было доставлено, однако Писарро, стремясь разрядить обстановку, решил договориться со своим бывшим партнером. Им обоим к тому времени было известно, что они завоевали лишь около двух третей территории Инкской империи. Обходя стороной вызывающий острые разногласия вопрос о том, кому принадлежал Куско, Писарро выразил Альмагро свою готовность профинансировать масштабную экспедицию по исследованию и завоеванию южной части империи. Она, естественно, территориально должна была относиться к владениям Альмагро. Писарро, таким образом, надеялся, что посредством спонсирования этого завоевания ему удастся избавиться от своего партнера, начинавшего доставлять ему все большее беспокойство, и одновременно разрядить взрывоопасную политическую ситуацию в Куско. В любом случае на юге должно было быть достаточно золота, серебра и крестьян, чтобы удовлетворить запросы и самого Альмагро, и нескольких сотен его новых воинов.

Явно желая как можно быстрее приступить к активному исследованию своего губернаторства, Альмагро согласился на это предложение. С достаточно серьезными основаниями можно было предполагать, что на юге существовали богатые инкские города и плодородные земли, но вообще испанцы знали об этом регионе

немного. Что в настоящий момент надлежало сделать Альмагро — это выбрать себе заместителя, на которого он мог бы полагаться в ходе экспедиции и который был бы по-настоящему верен ему, Альмагро, а не Писарро.

Тридцатичетырехлетний Эрнан де Сото выдвинул свою кандидатуру на это место, выразив готовность заплатить Альмагро за эту привилегию огромную сумму в золоте и серебре. Сото сумел оценить выгодность данного положения, и, хотя он был очень богат, у него имелись планы когда-нибудь начать управлять своим собственным королевством. Может быть, ему посчастливилось бы обнаружить какую-нибудь туземную империю к югу или востоку от Инкского государства? В случае занятия должности заместителя командующего Сото имел бы веские основания просить короля о предоставлении ему собственного губернаторства. Но Альмагро отклонил кандидатуру Сото, выбрав вместо него воина по имени Родриго Оргоньес, который за последние пять лет делам и доказал свою верность Альмагро.

Между тем перед Манко Инкой стояли свои собственные серьезные проблемы, которые только обострялись в результате борьбы испанцев за контроль над Куско. Поскольку испанцы открыто демонстрировали, кто в действительности управляет городом, престиж Манко постепенно подрывался. Хуже того, в макиавеллистском мире инкской политики начали циркулировать слухи о том, что некоторые родственники Манко жаждут заполучить императорский трон.

Теоретически можно было ожидать, что его главным соперником может стать его родной брат Паулью; тот был примерно того же возраста, что и Манко, и ему каким-то образом удалось избежать казни во время оккупации со стороны северной армии. Но с того момента, как Писарро определил Манко правителем, Паулью присягнул на верность своему брату. Манко был настолько уверен в Паулью, что, когда отправлялся в военные походы на север, он предоставлял Паулью императорские полномочия в Куско. Как только Манко возвращался, Паулью немедленно освобождал это место. Но Манко питал подозрения по отношению к своему двоюродному брату Паскаку и своему единокровному брату Аток-Сопе. Слухи о том, что Паскак замышляет утвердить на троне вместо Манко Аток-Сопу, циркулировали в среде инкской аристократии. Даже иноземная

оккупация не смогла нарушить инкскую традицию плести династические интриги.

Осознавая, что соперничество между инкскими элитами может создать обстановку нестабильности в его новом королевстве, Писарро попытался положить конец борьбе за власть, сведя две инкские стороны за столом переговоров. Однако попытка эта оказалась unsuccessful, более того, Манко в частной обстановке попросил Альмагро помочь ему избавиться от враждебной инкской группировки. За год до этого Манко и Альмагро провели достаточно много времени вместе, участвуя в военных походах, и там они сильно сдружились. Хотя Альмагро и был всецело занят подготовкой экспедиции на юг, он согласился помочь молодому императору. Чем больше он помогал бы Манко, тем более тот должен был быть ему обязанным.

Альмагро послал несколько человек убить единокровного брата Манко, Аток-Сопу. Обнаружив, что в доме Аток-Сопы темно, наемные убийцы пробрались в его спальню и там убили претендента на инкский трон. Однако убийство Аток-Сопы только усилило раскол в семье Манко — теперь противоборствующие группировки начали организовываться сообразно с линией разлома в испанской среде. Манко и его брат Паулю объединились с Альмагро; а противоположная инкская группировка установила союзничество с Писарро.

Атмосфера враждебности сгустилась до такой степени, что однажды ночью Манко, опасаясь возмездия за убийство своего брата, бежал из своего дома и попросил убежища во дворце Альмагро. Последний спрятал его в своей спальне. Когда испанские сторонники противоположной инкской фракции узнали о том, что Манко покинул свой дом, «они шумной толпой отправились грабить его дом, нанеся ему большой ущерб, — и никто не мог остановить их». По слухам, Манко настолько боялся быть убитым той ночью, что спрятался прямо под кроватью Альмагро.

2 июля 1535 г. Диего де Альмагро покинул Куско с испанским отрядом, состоявшим из 570 кавалеристов и пехотинцев. Также вместе с ним отправились 12 000 инкских носильщиков. Диего намеревался исследовать и осуществить завоевание южной части Инкской империи, ведь ему вскоре предстояло стать губернатором этой области. В знак дружеского расположения Манко предоставил не только носильщиков

— он также велел Паулью и его верховному жрецу Вильяку Уму сопровождать Альмагро. Оба они, очевидно, пользовались широкой поддержкой среди южных вождей. Губернатор Франсиско Писарро и испанские энкомендеро вышли проводить экспедицию: многие чувствовали, что ныне пути двух групп расходятся навсегда. Двое бывших партнеров пожелали друг другу удачи, после чего Альмагро со своим отрядом покинул инкскую столицу.

С уходом отряда Альмагро из Куско исчезла большая часть обнищавших испанцев: там остались только местные жители и наиболее богатые испанские энкомендеро. Вскоре после этого Писарро также покинул Куско, в его планы входило продолжить закладку испанских городов вдоль побережья. Он рассчитывал, что его королевство будет продолжать экспортировать в Испанию золото и серебро в обмен на произведенную там продукцию — для этого нужны были города и порты. Кроме того, в случае необходимости приморские поселения можно было усилить военно-морским подкреплением. Города же, расположенные вдали от побережья, — такие как Куско, Хауха и Кахамарка, — в случае военной опасности могли оказаться в изоляции.

Бывший вице-губернатор Эрнан де Сото ныне также готовился покинуть Инкскую империю. Лишившись возможности стать заместителем Альмагро во время его экспедиции, Сото покинул Куско вместе с караваном, груженным золотыми и серебряными слитками, намереваясь на ближайшем корабле отправиться в Испанию. Энергичный кавалерийский офицер, который провел испанское войско через Анды, теперь должен был покинуть Перу навсегда. Оказавшись в Испании, Сото использует свою долю инкских сокровищ для получения королевской лицензии на завоевание малоизвестной области Флориды. Сото надеялся обнаружить там Индейскую империю, подобную тем, которые уже открыли Кортес и Писарро, и стать затем ее губернатором. Но восемь лет спустя, после продолжавшегося три года похода, охватившего территории таких современных штатов, как Флорида, Южная Каролина, Теннесси, Алабама, Арканзас, Оклахома, Джорджия и Миссисипи, Сото, у которого к тому времени полностью истощились припасы, умер от лихорадки на берегу реки Миссисипи. Ему было сорок два года.

После того как город покинули Франсиско Писарро, Альмагро, Сото и большинство новоприбывших испанцев, Куско остался в руках Манко Инки и двух младших братьев Писарро, Хуана и Гонсало. Хотя двадцатичетырехлетний Хуан Писарро имел репутацию крайне импульсивного человека, он пользовался популярностью среди рядовых конкистадоров. Великолепный всадник, Хуан стал капитаном в двадцатидвухлетнем возрасте, вместе с Сото он проехал по территории Перу во главе кавалерийского отряда. В отсутствие Сото и Альмагро Франсиско назначил Хуана новым коррехидором, или вице-губернатором города.

Будучи на год младше Хуана и на тридцать пять лет младше своего брата Франсиско, Гонсало Писарро был высоким, элегантным, очень красивым молодым человеком и имел репутацию ловеласа. Двадцатитрехлетний Гонсало был также «превосходным всадником и... великолепным стрелком из аркебузы», — писал историк XVI в. Агустин де Сарате. Хотя он был неграмотным, «он умел хорошо изъясняться. Правда, его язык был отмечен преизрядной вульгарностью».

У Гонсало было одно характерное свойство: он имел склонность рассматривать других испанцев либо как своих добрых друзей, либо как своих злейших врагов. Это была определенно отрицательная черта, которой суждено было оставить свой след и на биографиях обоих Писарро, и на истории государства Перу. В отличие от Хуана, единственного из всех Писарро, имевшего репутацию щедрого человека, Гонсало был самым скупым членом семейства, к тому времени уже прославившегося своей крайней скаредностью.

Теперь, когда Куско оказался в руках двух молодых братьев-смутьянов — и в отсутствие умиротворяющего влияния Франсиско Писарро, — отношения между испанцами и местными жителями естественным образом начали ухудшаться. Живущие в Куско испанцы, зная о том, что брат Манко, Атауальпа, собрал огромное количество сокровищ, были убеждены в том, что и сам Манко должен был знать, где еще находятся золото и серебро. Вскоре они начали оказывать давление на молодого императора, требуя, чтобы он раскрыл местонахождение сокровищ. Сначала Манко готов был потрафить испанцам, раскрывая один за другим тайники, где были сокрыты золотые и серебряные статуэтки, украшения и другие предметы. Но

чем больше он отдавал, тем больше испанцы требовали от него. Сын Манко, Титу Куси, позднее комментировал это в таких словах: «Жадность завладела людьми до такой степени, что... они снова и снова приходили донимать моего отца, чтобы заполучить еще больше серебра и золота, сверх того, что уже было вытребовано ими».

Однако испанцы были заинтересованы не только во власти, высоком статусе и праздной жизни, которую обеспечивало наличие золота и серебра, — в не меньшей степени им было потребно удовлетворение своих сексуальных желаний. С самого момента своего прибытия в Перу испанцы энергично принялись охотиться за местными женщинами. Но поскольку и инкское, и испанское общества проводили четкое разграничение между знатью и простыми людьми, лидеры испанской экспедиции стремились брать себе в любовницы только представительниц инкского королевского рода. К примеру, Франсиско Писарро, пятидесятишестилетний холостяк, который никогда не был женат, взял себе в любовницы дочь императора Уайны Капака, которую Писарро стал называть Инес. Даже некрасивый коренастый пятидесятидевятилетний Альмагро, у которого на месте одного глаза была розовая пульпа, стал спать с красивой сестрой Манко Инки, Маркачимбо, «[которая] была дочерью Уайны Капака и его сестры и которая унаследовала бы Инкскую империю, будь она мужчиной. Она показала Альмагро тайник — яму, в которой находилось большое количество золотой и серебряной посуды. Если бы ее расплавить, получилось бы восемь металлических полос, стоимость которых составила бы 27 000 серебряных марок... Из того количества сокровищ, которое осталось в яме, она дала другому капитану 12 000 кастельяно. Но испанцы не стали на основании всего этого выказывать бедной женщине большее уважение или расположение. Напротив, ее неоднократно бесчестили, поскольку она была очень хорошенькой на вид и имела мягкий характер. В результате она заразилась сифилисом... Но под конец она вышла замуж за испанского гражданина, была ему хорошей женой и умерла христианкой».

Поскольку эти инкские дамы были незамужними, тот факт, что они стали любовницами испанцев, не слишком беспокоил инкскую знать. Но когда Гонсало Писарро начал проявлять интерес к молодой красивой жене Манко Инки, Куре Окльо, он вскорости обнаружил, что

подобные его действия совершенно скандализуют инкское общество. Порывистый, эгоистичный, в отсутствие законов и власти, которые могли бы удерживать его от буйного поведения, Гонсало делал все, что только мог пожелать. Он все более демонстративно выказывал свое презрение Манко Инке и индейской элите, требуя от инкского императора, чтобы тот давал ему все больше и больше инкского золота и серебра и к тому же уступил свою жену. Когда один высокопоставленный инкский генерал упрекнул Гонсало за то, что тот домогается жены императора, Гонсало рассвирепел, его лицо пылало, он схватился за эфес своего меча и пригрозил генералу, что убьет его на месте.

«Кто дал тебе право подобным образом разговаривать с коррехидором короля? Разве тебе не известно, кто мы, испанцы, такие? Клянусь жизнью короля, если ты не заткнешься, я прикажу схватить тебя и устрою тебе и твоим друзьям такое, что вы запомните это на всю оставшуюся жизнь. Я клянусь, что если ты не успокоишься, я рассеку тебя одним ударом надвое, а затем порежу на мелкие кусочки».

Инкская знать в отличие от крестьянства была полигамной, в общем кругу жен выделялась «главная». Заключение брака с этой женщиной обставлялось соответствующей ритуальной церемонией. Ей был навечно гарантирован привилегированный статус. Прочих же жен называли «побочными», или наложницами. Были императоры, например, Уайна Капак, у которых число наложниц доходило до нескольких тысяч. Но только дети, рожденные от главной жены, имели «самую чистую кровь» и, следовательно, считались законными. Дети же наложниц считались незаконнорожденными. Если членам высшей инкской аристократии дозволялось жениться на своих сводных сестрах, то только сам император мог взять себе в жены свою родную сестру. Выйдя замуж, она становилась койей, или королевой, — посредством этого сохранялась чистота королевской родословной. Таким образом, Кура Окльо являлась и главной женой Манко Инки, и его родной сестрой. Соответственно нельзя было даже вообразить себе, чтобы какой-нибудь имперский подданный, — не говоря уже о

чужеземце, — мог осмелиться просить императора уступить свою жену. То, что двадцатиднолетний Гонсало Писарро так поступил, шокировало не только инкскую элиту, но и самого Манко Инку.

Надеясь умиловать брата могущественного Франсиско Писарро, Манко приказал собрать огромное количество золота и серебра. Затем он распорядился доставить его. Император самолично присутствовал при доставке драгоценностей во дворец Писарро. По словам очевидцев, Гонсало, с интересом рассматривая сокровища, но при этом не забывая о своем требовании, воскликнул: «Ну что ж, господин Манко Инка, а теперь доставьте леди койю! Серебро — это, конечно, хорошо, но в первую очередь нам нужна именно она».

Осознав, что Гонсало действительно настроен серьезно, Манко пришел в настоящее отчаяние. После того, что Манко пришлось испытать унижение, прячась от убийц в спальне Альмагро, после того, как его дворец был разграблен, после всех этих ежедневных требований доставлять все больше и больше золота и серебра, от Манко теперь требовали уступить свою жену и сестру надменному чужеземцу. Пытаясь найти выход из своего затруднительного положения, Манко в итоге набрел на достаточно разумную идею: что, если уступить Гонсало не койю, а какую-то другую красивую женщину? Инкская женщина, которая была бы еще краше, чем его королева? Вот как рассказывал о происходившем сын Манко, Титу Куси:

«Мой отец, видя, с какой настойчивостью они требуют от него королеву, и, осознавая, что он не в состоянии обойти это требование стороной, послал за одной очень красивой женщиной, которая очень хорошо одевалась и имела изумительную прическу, с тем чтобы ее доставили во дворец вместо затребованной королевы. [Но] когда они увидели ее, они сказали, что она не похожа на королеву, что это совсем другая женщина... и что он [Манко] должен представить им королеву, а не отнимать у них попусту время».

Все еще отказываясь выдавать свою жену. Манко собрал еще двадцать красивых женщин в надежде, что Гонсало в итоге выберет из них одну или несколько дам и забудет наконец о жене императора. Но

Гонсало не проявил к ним никакого интереса; он все более энергично настаивал на том, чтобы ему выдали именно инкскую королеву. Испытывая все возрастающее отчаяние, Манко послал за другой своей сестрой, Ингиль, которая очень походила на его жену. Распорядившись, чтобы ее нарядили и причесали в точности так, как одевается и причесывается койя. Манко выставил перед испанцами свою последнюю «отвлекающую приманку». Император сделал вид, что он пребывает в исключительном унынии ввиду необходимости уступить свою собственную жену. «Когда испанцы увидели ее... такую элегантную и красивую, они с большим энтузиазмом и радостью закричали: „Да, это она, это она. Это леди койя — и никто другая“».

Гонсало Писарро, одержимый идеей заполучить только королеву инков и никого другого, к этому времени уже едва мог сдерживать себя. Вот как описывал происходящее Титу Куси:

«„Господин Манко Инка, если она предназначена мне, то отдайте ее прямо сейчас, потому что я не могу больше ждать“. И мой отец, который уже надлежащим образом ее проинструктировал, сказал: „Мои наилучшие поздравления — сделайте с ней все, что только пожелаете“. Так, на виду у всех и забыв обо всем, [Гонсало] подошел к ней, поцеловал и обнял ее, словно она была его законной женой... Ингиль в ужасе от того, что ее обнимает кто-то, кого она не знает, закричала как сумасшедшая и сказала, что она скорее пустится в бега, чем будет общаться с такими людьми... И когда мой отец увидел, что она так дико ведет себя и так настойчиво отказывается идти к испанцам, то он отчетливо осознал, что теперь его собственная свобода зависела от ее повиновения. Придя в совершенную ярость, он приказал сестре идти к ним, и, видя моего отца в таком гневе, она сделала все, что он ей велел, и пошла с ними — больше из страха, чем по какой-то иной причине».

Однако этой обманной уловке не суждено было продлиться долго. Гонсало в итоге понял, что его обманули, он отослал от себя сестру Манко и взял себе в жены его супругу. «Гонсало Писарро... забрал

мою жену, — с горечью сказал потом Манко, — и она [все еще] у него».

Манко еще яснее стал понимать, какую цену ему пришлось заплатить, чтобы стать императором инков, когда в Куско неожиданно появился верховный жрец Вильяк Уму. Манко в свое время велел Вильяку Уму сопровождать брата императора, Паулью, отправившегося вместе с экспедицией Альмагро. Однако после трех месяцев, проведенных в экспедиции, Вильяк Уму сбежал; теперь он рассказывал Манко жуткие истории о том, чему он стал свидетелем. По рассказам Вильяка Уму, во всех тех местах, которые они исходили, испанцев интересовали только золотые и серебряные предметы. Если местные вожди не предоставляли немедленно то, чего от них требовали, испанцы обходились с ними с крайней жестокостью. И даже если золото и серебро предоставлялись, испанцы тем не менее требовали, чтобы часть местных селян присоединялась к экспедиции в качестве слуг. «Те [индейцы], которые не хотели идти с ними [испанцами] добровольно, связывались веревками и заковывались в цепи», — писал Кристоаль де Молина, молодой священник, принимавший участие в экспедиции.

«Они уводили их жен и детей. Внешне привлекательных женщин испанцы брали себе, чтобы те лично им прислуживали, а также исполняли и другие прихоти. Когда у кобылиц появлялись жеребята, то испанцы требовали от индейцев, чтобы те несли жеребят в гамаках и носилках».

По словам верховного жреца, даже к тем индейским носильщикам, которых Манко предоставил Альмагро, испанцы проявляли жестокость.

«[Они] работали весь день без отдыха и не получая никакой иной пищи, кроме небольшого количества печеной кукурузы и воды. Ночью индейцев варварским образом заковывали в цепи. В экспедиции был один испанец, который заковал в цепь 12 индейцев и похвалялся тем, что все 12 в результате умерли. Одному умершему индейцу отрезали голову, с тем чтобы устрашить остальных на тот случай, если

им придет в голову попытаться открыть висячие замки на цепях. Если какой-то несчастный индеец заболел или обессиливал, то испанцы обычно избивали его, пока он не умирал от побоев, — по их словам, если бы они продемонстрировали снисходительность к одному, то и среди остальных начали бы проявляться случаи болезней и изможденности».

Испытывая ужас и отвращение ввиду всего увиденного, Вильяк Уму бежал, когда экспедиция находилась на территории современной Южной Боливии, и направился назад в Куско. Вскоре после этого все слуги и носильщики, которых Манко отрядил идти вместе с Альмагро, также покинули экспедицию, оставив испанцев на свое собственное попечение. Тем не менее Альмагро и его люди продолжили свой поход, продвигаясь уже в глубь территории современной Чили. Они разграбляли местные города и убивали тех, кто отказывался подчиняться их требованиям. Вскоре смерть начала косить и самих испанцев, поскольку в горах, через которые они шли, ударили морозы. Кроме того, испанцы начали подвергаться частым атакам со стороны становящегося все более враждебным туземного населения.

В подтверждение рассказов Вильяка Уму вскоре из самых разных областей Тавантинсуйю начали просачиваться сообщения о дурном обращении испанцев с туземцами. Говорили, что туземцам, у которых были привлекательного вида сестры, дочери или жены, приходилось теперь прятать их от бородатых чужеземцев, «поскольку ни одна женщина с симпатичной внешностью не была в безопасности [даже] рядом со своим мужем, и чудом было, если кому-то из этих индианок удавалось избежать домогательств со стороны испанцев». Везде, где только не проходили испанцы, они «возбуждали против себя волну гнева со стороны местного населения, ввиду того что в каждом городе они учиняли его разграбление. Во многих областях индейцы не хотели мириться с этим и начинали восставать, организовываться в группы самообороны. Испанцы, конечно, зашли слишком далеко в дурном обращении с местным населением».

Вскоре после своего прибытия Вильяк Уму и другие высокопоставленные инки начинали устраивать тайные собрания, предварительно убедившись в том, что за ними не следят испанцы или

местные шпионы, состоящие на службе у испанцев. Поодиночке и организовано они начинали убеждать Манко Инку в том, что необходимо положить конец этим притеснениям. По словам организаторов собраний, испанцы представляли из себя не освободителей, а оккупантов. На смену оккупационной армии Атауальпы пришла испанская оккупационная армия. Нестерпимы были как первая, так и вторая. «Мы не можем провести всю свою жизнь в такой ужасной нужде и в состоянии порабощенности, когда испанцы обращаются с нами еще хуже, чем со своими черными рабами», — говорили заговорщики Манко. «Давайте же поднимем наконец восстание и умрем за свою свободу, за наших детей и жен, которых они ежедневно забирают у нас и подвергают жестокому обращению».

К ноябрю 1535 г., когда прошло чуть больше года после того, как испанцы заняли Куско, в сознании Манко произошел решительный поворот. Сначала он надеялся, что будет осуществлять независимое управление страной, — число виракочей было невелико, и их можно было легко удовлетворить, предоставляя им то, что они потребуют. Проблема была в том, что запросы испанцев не имели предела, в их число вошла даже койя. С каждым днем становилось все более ясно, кто в действительности осуществляет управление не только Куско, но и всем остальным пространством Тавантинсуйю. На юге Альмагро и его люди грабили местные области, на побережье Франсиско Писарро определял местоположение для будущих городов, которые должны были наводнить испанцы. На далеком севере состоящий на службе у Писарро капитан Себастьян де Беналкасар завоевал и теперь подвергал разграблению область, некогда находившуюся под властью брата Манко, Атауальпы. Даже в Куско, в самом сердце империи, энкомендеро ежедневно требовал и предоставлять им в качестве дани все больше и больше богатств, взамен же они не давали туземцам ничего.

Чем больше Манко думал обо все этом, тем более он осознавал, каким невероятно наивным он был. Все слова Писарро, Альмагро и Сото о восстановлении инкской свободы и о наступившем братстве и дружбе с индейцами были явной ложью. Виракочи явились не за тем, чтобы восстановить фракцию Манко и Уаскара на троне, они пришли,

чтобы самим править Тавантинсуйю. Посредством обмана они добились того, чтобы Манко помог им в этом.

Когда Манко испытал прозрение, вся ситуация предстала перед ним словно на ладони. Это было настоящим пробуждением сознания молодого императора, вне всякого сомнения, принесшим ему мало радости. Постигнув суть ситуации, Манко принял решение никогда больше не верить испанцам на слово. Ясно было, что все слова христиан были сориентированы лишь на обман.

В начале 1535 г. Манко Инка сделал первый уверенный шаг в направлении организации восстания: он созвал секретное совещание, на которое были приглашены подчиняющиеся ему вожди и губернаторы из четырех областей империи — Кунтисуйю, Антисуйю, Кольясуйю и Чинчайсуйю. На собрании также присутствовали генералы и верховный жрец Вильяк Уму. Манко произнес речь — это был главный поворотный момент в карьерной траектории молодого императора.

«Я вызвал вас с тем, чтобы в присутствии наших родственников и слуг высказать все, что я думаю относительно тех намерений, которые иноземцы имеют в отношении нас, — так чтобы, прежде чем сюда явится еще значительное число испанцев, мы смогли организовать все дело таким образом, чтобы всем в результате был прибыльок. Вспомните, что инки, мои отцы, которые покоятся на небе вместе с солнцем, правили территорией от Кито до Чили, и они столь много делали для тех, кого считали своими вассалами, что последние, казалось, являются их родными детьми. Эти правители [никого] не грабили и не убивали, за исключением тех случаев, когда это служило правосудию, и они поддерживали должный порядок в провинциях. Все это вам хорошо известно. Богатые не предавались гордыне, а бедные не скатывались до состояния крайней нужды; все они жили в размеренности, спокойствии и вечном мире.

Наши грехи сделали нас недостойными таких правителей и стали причиной того, что бородачи явились на нашу землю, находящуюся столь далеко от их собственной.

У них нет ни страха бога [Солнца], ни стыда, и они обращаются с нами, как с собаками. Их жадность была столь непомерна, что не осталось ни одного храма или дворца, которые они бы не разграбили. Более того, даже если бы весь снег [в горах] превратился в золото и серебро, этого не хватило бы, чтобы насытить их».

Никто еще до сих пор не слышал, чтобы Манко говорил с таким напором и ясностью о стоящих впереди целях. Манко продолжал:

«Они сделали своими любовницами дочерей моего отца, и то же самое они делают с другими женщинами, вашими сестрами и другими родственницами, будучи одержимы животной страстью. Они хотят распределить между собой, — как они это [уже] начали делать, — все провинции, так чтобы каждый из них в роли управителя мог заняться опустошением вверенной ему области. Они намереваются удерживать нас в порабощенном состоянии, так чтобы нам ничего более не оставалось, кроме как искать для них металлы и обеспечивать их нашими женщинами и скотом. Более того, они увлекли за собой янаконов и многих митмаккун. Эти предатели раньше не были привычны носить красивую одежду и роскошные льяуту.^[35] Присоединившись к этим чужеземцам, они ведут себя словно инкские повелители; скоро они станут носить мою королевскую бахрому. Когда они видят меня, они не выказывают мне знаков почтения, и разговаривают они нагло, поскольку они научились этому у тех воров, с которыми объединились».

Янаконы, о которых говорил Манко, представляли собой отдельный класс туземцев, на протяжении всей своей жизни прислуживавших инкской элите. Янаконы не возделывали землю и в некотором смысле представляли собой не укорененный нигде класс, своего рода инкский пролетариат; многие из них поспешили примкнуть к испанцам. Испанцы использовали их в качестве своих слуг, бойцов вспомогательного ряда и шпионов. Митимаес (или митмакуна), к которым Манко относился с крайним ожесточением, это

туземное племя, имевшее склонность к мятежам. Инки выселили их из их собственных провинций и определили в те места, где их окружало крестьянство, лояльное императору. Неудивительно, что и они вскорости стали сотрудничать с испанцами. Манко продолжал:

«На каком основании христиане делают все это, и чего еще ожидать от них в будущем? Посмотрите, я прошу вас! Разве мы встречались с ними раньше, и разве мы что-то им должны, или мы кому-то из них причинили вред, что они теперь с этими своими лошадьми и железным оружием повели против нас такую жестокую войну? Они безо всякой причины убили Атауальпу. То же самое они сделали с главнокомандующим Чалкучимой; они сожгли заживо Руминяви и Зопа-Зопауа в Кито, так чтобы их души сгорели вместе с их телами и чтобы они никогда не смогли попасть в рай. Мне не кажется ни честным, ни справедливым то, что мы миримся со всем этим. Напротив, нам следует с предельной решимостью бороться, чтобы либо всем до последнего человека погибнуть, либо уничтожить наших жестоких врагов».

Манко сказал, что вместо того, чтобы продолжать сотрудничать, инкским лидерам следует стать организаторами восстания. Они не будут более подчиняться бородатым чужеземцам, явившимся из-за океана. Либо они вернут себе власть над королевством, которое создавали их предки, либо все они умрут сражаясь.

Тем же вечером Манко незаметно исчез из города. Он взял с собой некоторых из своих жен, личных слуг, представителей знати и местных вождей. Он был теперь решительно настроен на поднятие восстания, на ведение войны против испанцев — любой ценой. За его спиной была тихая, все более теряющая смысл жизнь марионеточного императора; впереди него расстилалась намного более рискованная жизнь инкского властителя, сражающегося за изгнание из своей империи жестоких захватчиков. Когда Манко под покровом ночи спешно покинул город, он, вне всякого сомнения, уже принял решение, что в следующий раз он вступит в Куско только во главе своей победоносной армии.

«Манко Инка... направил гонцов во все провинции, от Кито до Чили, — писал испанский летописец Мартин де Муруа, — требуя от индейцев, чтобы в определенный день все они поднялись на борьбу против испанцев и убили их всех, не щадя никого, в том числе черных [рабов] и никарагуанских индейцев, которые пришли в эти места вместе с испанцами... поскольку только таким образом можно будет избавиться от нынешнего угнетения».

Несмотря на принятые Манко предупредительные меры, шпионы присутствовали на том тайном собрании — они доложили Хуану Писарро о подстрекательском выступлении императора. Молодой вице-губернатор тут же бросился к дому Манко и, не обнаружив его, поднял всеобщую тревогу. Вскоре он, его брат Гонсало и еще несколько испанских всадников были уже в седле, и они ринулись в непредсказуемую глубь темной ночи.

На мощенной камнем дороге, которая вела к югу от Куско в сторону области Кольяо, в нескольких километрах от города испанцы начали нагонять свиту Манко, — они увидели темные фигуры, недвижно стоявшие вдоль дороги. Испанцы потребовали от членов императорского окружения, чтобы те сказали, где находится император, но инки солгали, указав неверное направление. Помчавшись вперед и, однако, не обнаружив никаких следов императора, Гонсало приказал тогда схватить одного высокопоставленного инку и потребовал от него, чтобы тот выдал местонахождение Манко. Когда схваченный инка отказался это сделать, Гонсало «слез со своей лошади и привязал веревку к гениталиям этого человека — в качестве пыточного средства; когда веревку натянули, несчастный орехон громко закричал и признался, что инкский император поехал совсем не по той дороге». Испанцы помчались в противоположном направлении.

Манко ехал на королевских носилках, которые несли туземные носильщики. Когда он и его слуги услышали доносившийся издали звук лошадиных копыт, молодой император понял, что его предали.

«Манко почувствовал страх и мысленно проклял тех, кто сообщил испанцам о том, что он бежал... Весь трясаясь от

страха, он слез с носилок и спрятался среди невысоких тростников. Появились испанцы и начали громко окликать его. Вскоре один из всадников приблизился к тому месту, где он прятался, и Манко, полагая, что его обнаружили, вышел, сказав, что он находится здесь, и попросил, чтобы его не убивали. Он солгал, сказав, что Диего де Альмагро послал за ним гонца, с тем чтобы Манко приехал к нему в Чили».

Братья Писарро ни на секунду не поверили в историю Манко. Они доставили его в Куско и заперли его в одном помещении, точно так же, как три года назад они заточили Атауальпу. Человек, отобравший у Манко его жену и не таясь спавший с ней, теперь был озабочен тем, чтобы были искоренены все внешние знаки властных полномочий Манко. «Гонсало Писарро приказал своим людям принести кандалы и цепи, — вспоминал Титу Куси, — в которые и заковали моего отца».

Когда Манко превратился в узника, испанские жители Куско уже более не выказывали ему никаких знаков почтения. Хуан и Гонсало вели себя особенно грубо, угрожая Манко еще худшими для него последствиями, если он немедленно не укажет им, где еще находятся золото и серебро. Как указывал Манко,

«Я дал Хуану Писарро 1300 золотых брусков и 2000 золотых браслетов, чаш и других более мелких предметов. Я также отдал семь золотых и серебряных кувшинов... Они сказали мне: „Собака, давай нам еще золота. В противном случае мы тебя сожжем“ — и начали осыпать меня бранью. Я не лгу, когда говорю, что я встал на путь мятежа в большей степени из-за того жестокого обращения, которому они подвергли меня, чем из-за отобранного у меня золота, они называли меня собакой и били меня по лицу, они забрали моих жен и те земли, которые я возделывал».

Но даже несмотря на те последние дары, которые предоставил испанцам Манко, они не были удовлетворены. В условиях, когда мало что могло обуздать их в этой стране, испанцы становились все более жестокими и по отношению к Манко, и по отношению к другим туземным жителям города, будь то аристократы или простые люди.

Испанцы более не пытались скрывать ни того, кто в действительности управляет страной, ни того, какое будущее ожидает жителей Тавантинсуйю. По словам Титу Куси, во время заточения Манко старался урезонить испанцев, напоминая им обо всем том, что он сделал для них прежде.

«Что я сделал вам? Почему вы обращаетесь со мной таким образом и привязываете меня, как собаку? Таким-то образом вы оплачиваете мне за все то, что я для вас сделал, и за то, что я помог вам утвердиться на моей земле?.. И вы являетесь теми, кем вас именуют, — виракочами, посланными [богом-творцом] Текси Виракочаном? Не может быть, чтобы вы являлись Его сыновьями, поскольку вы обращаетесь столь дурно с теми, кто сделал для вас такое добро... Разве не было послано вам в Кахамарку огромное количество золота и серебра? Разве вы не забрали из рук моего брата Атауальпы все те сокровища, которые принадлежали моим предкам и мне?.. Разве я не помогал вам и вашим детям, и разве я не велел всем жителям королевства платить вам дань? Чего же еще вы хотите от меня? Посудите сами, разве я не имею права жаловаться... Я говорю вам, что вы — истинные дьяволы, а отнюдь не виракочи, поскольку вы так со мной обращаетесь без всяких на то оснований».

Испанцы, однако, проигнорировали жалобы Манко. Они продолжали держать его в цепях, уверенные в том, что если бы Манко был освобожден, он немедленно попытался бы поднять народ на восстание против их режима. Они говорили ему:

«Манко Инка, извинения теперь тебе не помогут... Нам хорошо известно, что ты желаешь поднять восстание в этой стране... Нам сказали, что ты хочешь убить нас, и по этой причине мы заточили тебя. Если сведения, что ты хочешь поднять мятеж, не верны, то ты можешь прекратить жаловаться и дать нам еще золота и серебра — то, зачем мы явились сюда. Отдай сокровища нам, и мы освободим тебя».

Под конец Манко осознал, что в его судьбе все это не сыграло бы никакой роли. Сколько бы он ни дал испанцам золота и серебра, они всегда хотели еще. Давал бы он им сокровища или нет, предоставлял бы им женщин или нет, — их обращение с ним все равно ухудшалось бы день ото дня. Если до этого у Манко еще сохранялись какие-то иллюзии в отношении своих тюремщиков, то теперь они совершенно рассеялись. Манко, несомненно, увидел теперь, кем на самом деле являлись испанцы — фальшивыми виракочами, чужеземцами, единственным намерением которых было подвергнуть разграблению империю, которую создало его собственное семейство.

«Они забрали себе все, что он [Манко] имел, так что теперь у него не осталось ничего, — писал молодой испанский священнослужитель Кристобаль де Молина. — Они заточили его на много дней. Они обращались с ним очень оскорбительно — мочились на него, спали с его женами. Его очень угнетала сложившаяся ситуация».

В то время как Манко находился в унижительном заточении, большинству инкских вождей, присутствовавших на подпольном собрании, удалось бежать из Куско в ту ночь, когда император был схвачен. Они сразу же рассеялись по всем провинциальным областям, распространяя призывы Манко начинать подготовку восстания. В инкской системе государственного правления губернатору провинции подчинялись местные вожди (кураки), в свою очередь, у них в подчинении находилось от нескольких сотен до нескольких десятков тысяч семейств простых людей. Поскольку все еще функционировала инкская цепочка управления: император — губернатор — курака — простой обыватель, Манко продолжал сохранять достаточно ощутимую власть над вверенным ему населением. Система социальных приводов, составлявшая Инкскую империю, после длительного бездействия начала постепенно, со скрипом приходить в движение. Теперь, несмотря на смуту последнего времени, многие провинции начали реагировать на решительный приказ императора: «Готовьтесь — пришло время начинать войну против захватчиков».

Одним из наиболее значимых деятелей из числа тех, кому удалось бежать в ночь пленения Манко, был генерал Тисо, его дядя. Генерал Тисо немедленно направился в горную область Хауха, находящуюся примерно в двух сотнях миль к северу, — в этой области генерал Кискис воевал с испанскими войсками, прежде чем отступить в

Эквадор. Там Тисо и приступил к подготовке восстания. Также и другие вожди, вернувшись в свои провинции, занялись подготовкой к мятежу. Инкские лидеры уже по опыту знали, что с испанцами бороться трудно, поскольку те были хорошо вооружены и действовали крупными военными группами. Намного легче было бы уничтожать их тогда, когда они находились в отрыве от основных сил, и особенно в те моменты, когда конкистадоры отправлялись в свои энкомьенды, чтобы проконтролировать сбор податей.

В ноябре 1535 г. в области Кольяо в изолированно расположенных энкомьендах местными туземцами были убиты два энкомендеро — Мартин Домингес и Педро Мартин де Могер. Последний когда-то был моряком и присутствовал при захвате Атауальпы в Кахамарке. Он был одним из трех европейцев, направленных Писарро в Куско, для того чтобы проконтролировать сбор выкупа за Атауальпу. Могер позднее принял участие в дележе сокровищ Куско, и он был одним из тех 88 конкистадоров, что приняли решение остаться в этом городе, — он получил энкомьенду в провинции Кольяо. Явно не осведомленный о резком изменении политической обстановки в провинции, богатый энкомендеро отправился инспектировать свои владения. Там он и был убит. Путешествие Могера в Новый Свет, которое среди прочего включало в себя совершенно сказочную поездку на королевских носилках из Кахамарки в Куско, имело резкий, обрывистый конец.

После убийства Могера и Домингеса в Кольяо индейцы начали убивать и других испанцев подобным же образом, поджидая, пока какой-нибудь энкомендеро не выедет один из города. В области Кунтисуйю, лежащей к юго-западу от Куско, туземцы убили конкистадора Хуана Бесерриля. Последний не принимал участия в резне и грабежах в Кахамарке, однако он был сказочно богат, получив свою долю золота и серебра в Куско. Вскоре после этого местный курака сообщил испанцу Симону Суаресу, что на его энкомьенде туземцы собрали для него подати и что Суаресу следует поехать туда и забрать их. Суарес так и сделал — он угодил в засаду и был убит.

В разных регионах в центральной и южной частях Перу отряды мятежных индейцев продолжили осуществление своей тактики поджидания или выманивания ничего не подозревающих испанцев из безопасных для них городов. В течение нескольких месяцев с момента первого тайного собрания, организованного Манко, туземные

повстанцы убили более 30 испанцев — это количество превышало число погибших за весь трехлетний период завоевания.

В январе 1536 г., когда два самых младших брата Писарро отправились тушить очаги народного восстания, уже достаточно многочисленные, тридцатичетырехлетний Эрнан Писарро прибыл в Куско после своего двухлетнего отсутствия. Второй по старшинству из братьев Писарро, Эрнандо, сопровождал первую партию предназначавшихся для короля сокровищ — из Кахамарки в Испанию. Исключительно жадный, одержимый жаждой власти, Эрнан забрал себе значительную часть от семейной доли, полученной в ходе дележа сокровищ Атауальпы. Он пустил деньги в широкий оборот, купив облигации королевского казначейства, приняв участие в ряде предприятий, связанных с рентой, и приобретя значительное количество недвижимости — по большей части в родном городе Писарро, Трухильо, и в его окрестностях.

Посетив королевский двор в Вальядолиде, Эрнан имел беседу с королем, в ходе которой проявил изрядное дипломатическое искусство. В результате король Карл предоставил братьям Писарро право на беспошлинную отправку двухсот черных рабов на перуанские рудники, а также право на ввоз в Перу четырех белых рабынь, право на персональное освобождение от налогообложения импортируемых в Перу товаров и право для Франсиско Писарро назначать на пожизненный срок по три члена в каждый городской совет в Перу, — это позволяло братьям Писарро осуществлять постоянный политический контроль за ходом дел в стране. Эрнан, не проявляя чрезмерной скромности, подал также прошение о даровании ему титула рыцаря. Прошение было удовлетворено, и он получил титул рыцаря ордена Сантьяго. Кроме того, Эрнан попытался отговорить короля от предоставления губернаторства экс-партнеру его брата — Диего де Альмагро. Но тут Эрнану не повезло. Беседа между ним и королем представляла собой чистый образец взаимовыгодной сделки. Король хотел гарантировать себе процент от доходов, которые, как его уверяли, должны были продолжать поступать из Перу широким потоком. Писарро же желали для себя продвижения вверх по социальной лестнице и гарантии того, что они будут продолжать контролировать эксплуатацию обширной империи, только что ими

завоеванной. Король Карл был только рад факту создания законной структуры, которая приносила бы выгоду как Писарро, так и короне.

Вернувшись в Перу, Эрнан направился с побережья прямо в Куско. Он никогда не видел инкской столицы, поскольку за два года до этого он отправился в Испанию прямо из Кахамарки, соответственно он не принимал участия в последующем занятии Куско. Эрнан изрядно улучшил свое положение и положение своего старшего брата в плане политической устойчивости и усиления своего влияния. Но Эрнану не удалось принять участия в чрезвычайно доходном дележе золота и серебра в Куско. Он также отсутствовал, когда осуществлялось распределение энкомьенд, хотя, являясь братом губернатора, он мог быть уверен, что получит ее. При всем этом Эрнан был настроен навестать упущенное, что, в общем, означало собрать столько золота и серебра, сколько он только сможет.

Соответственно, прибыв в Куско, Эрнан первым делом навестил Манко Инку, правителя, которого его братья заточили и заковали в цепи. Он немедленно распорядился освободить Манко, после чего принес императору извинения за то, что с ним дурно обращались. Вскоре после этого Эрнан начал регулярно приглашать молодого императора вместе отобедать. Писарро делал все возможное, чтобы снискать расположение правителя, который, как он был уверен, должен был знать, где еще находятся инкские сокровища.

Хотя дружественное обхождение с Манко со стороны Писарро, несомненно, было в значительной степени мотивировано корыстолюбием испанца, Эрнан в данном случае также исполнял пожелания короля. Король Карл ясно дал ему понять, что с Манко Инкой следует обращаться как с суверенным императором, — он уже знал о той роли, которую сыграл Манко в деле умиротворения страны. Чего король желал более всего, так это ускоренного закрепления испанских позиций в Перу и политической стабилизации в стране. Эффективное извлечение богатств из новой колонии могло осуществляться только в условиях политической стабильности. Король считал, что если новый инкский император поможет ему достичь этой цели, то он должен быть всячески вознагражден за это. Суть директив короля, конечно, явно контрастировала с тем обращением, которому подвергли Манко младшие братья Писарро.

Вскоре после того, как прибыл Эрнан, в город вернулись и Хуан с Гонсало, они экспансивно заключили старшего брата в объятия. Потом они сообщили брату о вызывающих тревогу признаках волнений в провинции, о числе убитых испанцев и о том, какие меры были приняты в плане наказания виновных. Но когда братья узнали, что Эрнан освободил Манко Инку, они сильно расстроились. Почему он освободил туземного императора, который призывал к восстанию? Императора, который в любой момент может убежать из города и повести народ на бунт!

Эрнан лишь отмахнулся от слов своих братьев. Он сказал, что Манко заверил его в том, что никакого восстания организовывать не будет. Инкский император также поклялся в своей верности и дружеском расположении к Писарро и пообещал ему предоставить еще больше серебра и золота. Эрнан не видел никаких оснований не доверять ему.

В реальности все было, конечно, совсем по-другому. После того как Эрнан освободил Манко, к императору начала поступать секретная информация о том, какие имеются подвижки в плане организации восстания. Спорадические мятежи уже происходили тут и там, и теперь Манко планировал сформировать большую сильную армию и скоординировать ее действия с массовым народным восстанием. Еще когда Манко находился в заточении, верховный жрец Вильяк Уму занимался мобилизацией инкских войск в провинции. Теперь, когда Манко был на свободе, они вместе с Вильяком Уму продолжали разрабатывать планы по организации восстания, при этом они озаботились сокрытием всего мобилизационного процесса от глаз испанцев. Узнав от своих шпионов о том, что Франсиско Писарро занят строительством нового города на побережье, и зная, что Диего де Альмагро со своими войсками находится далеко на юге. Манко теперь просто ожидал конца сезона дождей, после чего можно было приступить к полномасштабному восстанию. На инкском языке рунасами февраль назывался «хатун пукуй», или «великое созревание», — поскольку в этом месяце обычно начинала созревать кукуруза. Март назывался «пака пукуй», или «созревание земли», — время, когда засеивали зерна кукурузы, апрель же назывался «айрихуа» — месяц, когда пятнадцать лам приносилось в жертву в честь первой лампы, появившейся на земле. По мере смены месяцев от хатун пукуйя

к айрихуа солнце с каждым днем перемещалось все дальше на север, и близился к концу сезон дождей. Все это время Манко обедал вместе с Писарро, притворно демонстрируя ему свою благодарность и дружеское расположение. Но к началу апреля отряды туземных повстанцев уже начали просачиваться по горным тропам, направляясь в сторону инкской столицы. Туземные солдаты в горных долинах тайным образом производили сбор оружия: дубинок, пращей, приспособлений для метания дротиков, щитов и даже луков и стрел, — все это собиралось с государственных складов, рассыпанных по всей территории империи.

По мере того как туземные воины приближались к столице, пришло время и самому Манко бежать из города. Для него настал момент взять на себя полный контроль над отрядами сопротивления. Выдав Эрнану Писарро местонахождение еще ряда тайников, где было сокрыто золото и серебро, Манко теперь просил Эрнана оказать ему ответную любезность. Император испрашивал себе позволения отправиться вместе с Вильяком Уму в долину Юкай, лежащую примерно в пятнадцати милях к северу от города. Они хотели провести там некие важные религиозные церемонии в честь отца Манко, Уайны Капака, чья мумия находилась в этих местах. Манко пообещал, что если Эрнан позволит ему отправиться туда, то он привезет из этих мест золотую статую в человеческий рост, которая некогда принадлежала его отцу. Эрнан, вечно мечтающий о том, чтобы заполучить еще больше сокровищ, сказал Манко, что, конечно, туда можно отправляться.

18 апреля 1536 г. двадцатилетний повелитель инкской империи и верховный жрец выехали из Куско в долину Юкай, — их несли на королевских носилках. Вскоре после того, как они покинули город, Хуан и Гонсало Писарро, несколько янакон и даже несколько родственников Манко, которых он отдалил от себя, составили делегацию, направившуюся во дворец Эрнана Писарро. Они сказали ему, что он совершил огромную ошибку. Вице-губернатор должен немедленно направить отряд, чтобы снова схватить Манко Инку. В противном случае Манко Инка, конечно, вернется, но во главе огромной, враждебно настроенной армии. Эрнан — единственный из братьев Писарро получивший военное образование и сражавшийся в чине капитана во время испано-французских войн в Наварре — не

обратил на их обеспокоенность никакого внимания. Он с уверенностью сказал, что Манко должен вернуться, поскольку дал соответствующее обещание. Вглядываясь в тревожные лица членов делегации и насмешливо качая головой, Эрнан сказал им, что они все боятся даже своей собственной тени. Им следует отправляться домой и ни о чем не беспокоиться — Манко Инка сдержит свое слово.

Два дня спустя в Куско прибыл один испанец, рассказавший, что, к удивлению своему, он встретил Манко и Вильяка Уму, направлявшихся в сторону области Ларес, находившейся на расстоянии примерно 15 лье, или 50 миль от Куско. Когда испанец спросил императора, куда они едут, Манко ответил, что их цель — забрать некоторое количество золота. Услышанная информация порадовала слух Эрнана: Манко ведь обещал, что он привезет золотую статую в человеческий рост. Он снова сказал своим братьям, чтобы они перестали беспокоиться. Но когда прошло еще несколько дней, а об уехавшем императоре не было ни слуху ни духу, в городе начал нарастать страх; на улицах стали собираться группы озабоченных испанцев, время от времени посматривавших в направлении холмов.

Наконец, накануне пасхального воскресенья, пришла новость о том, что Манко Инку видели вместе с большой группой туземных вождей в гористой области Ларес. Испанцам сообщили о том, что инкский император созвал тайное совещание, на которое съехались туземные вожди и военачальники из всех областей империи. Между тем в Куско начали появляться свидетели, которые рассказывали, что в ряде областей страны им довелось наблюдать явно пугающее зрелище: огромное количество вооруженных воинов, движущихся из провинций в сторону столицы. Теперь это стало очевидным для всех — и даже для отрезвленного Эрнана Писарро: Манко Инка определенно поднял восстание. Вот как рассказывал об этом кузен Писарро, Педро:

«Манко Инка нашел себе прибежище в Андах, — в той местности горные тропы были очень труднопроходимые, и лошади не смогли бы туда пробраться. Он направил большое число офицеров во все области королевства, с тем чтобы рекрутировать всех туземцев, способных держать оружие. Целью их было взять в осаду Куско и перебить всех нас, испанцев».

После того как Манко Инка — сын великого Уайны Капака и праправнук основателя Инкской империи Пачакути — пробыл на марионеточном троне чуть более двух лет, он официально объявил испанцам войну. Теперь он мог открыто приступить к истреблению чужеземцев.

9. ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ

«Испанцам в Перу следует воздерживаться от высокомерного, жестокого поведения по отношению к индейцам. Представьте себе, что было бы, если бы наши люди прибыли в Испанию и начали конфисковывать имущество, спать с вашими женщинами и девушками и втоптывать в грязь достоинство местного населения. Как бы тогда повели себя испанцы? И даже если бы они со смирением приняли свою участь, их уделом все равно стали бы тюремные подвалы и публичная порка. А если бы они восстали и попытались убить своих притеснителей, то их ждала бы верная смерть на виселицах».

Фелипе Гуаман Пома де Айяла, «Письмо к королю», ок. 1616

«Столь многочисленны были прибывшие [повстанческие] войска, что все эти полчища практически закрыли собой землю. К полудню поля вокруг города Куско приняли такой вид, словно там расстелили огромное черное полотно. Ночью зажглось такое количество костров, что окружающее пространство стало похоже на безоблачное небо, полное звезд».

Педро Писарро, «Донесение», 1571

«В наибольшей степени успех сопутствует тому мероприятию, которое сокрыто от врага до самого времени исполнения намеченного».

Никколо Макиавелли, «Искусство войны», 1521

Когда Манко Инка и Вильяк Уму прибыли на своих королевских носилках в инкский город Ларес, их уже ожидали там вожди из всех провинций Тавантинсуйю — они прибыли на намеченное Манко тайное собрание. На некоторых были особые альпаковые мантии, имевшие золотые или серебряные вставки — своего рода медали, полученные от предыдущих императоров за службу. В этом маленьком городе, расположенном примерно в 30 милях от Куско, собралась значительная часть элиты, управлявшей десятиллионным населением Перу.

Собравшиеся знали, что представителей некоторых областей империи, таких как Чачапоя и Канярис, находящихся далеко на севере, а также ряда этнических групп, живущих на побережье, на собрании нет не случайно: речь в данном случае шла либо о союзничестве с испанцами и выходе из инкской федерации, либо о решении занять нейтральную позицию. На собрании отсутствовали представители этнических групп, проживающих на территории современного Эквадора, — сообразно с обстоятельствами недавно закончившейся гражданской войны. Самый северный регион можно было считать отрезанным от инкского государства. Если империя в ее нынешнем состоянии напоминала лоскутное одеяло достаточно свободного пошива, в котором отсутствовали многие лоскуты, то задачей Манко на данный момент было использовать всю свою власть и влияние, для того чтобы как можно надежнее залатать это одеяло. Он намеревался использовать все этнические группы, признававшие его власть, для уничтожения испанцев; наказать племена, которые примкнули к испанцам, можно позднее.

В то время как собравшиеся представители знати беседовали друг с другом, Манко готовился изложить им свою новую стратегию, которая шла прямо поперек той установочной линии, которой он придерживался на протяжении последних двух лет. Для Манко имело большое значение то, что на собрании присутствовали самые блестящие военачальники империи — генералы Тисо и Кисо Юпанки, а также несколько полководцев — его родственник, Илла Тупак, и Пуйю Вилка. Слушать Манко собрался весь командный состав Инкской империи. Всем собравшимся здесь офицерам отводились ключевые роли в предстоящих крупномасштабных кампаниях.

Манко поднялся со своего низкого сиденья, собираясь начать речь. Разговоры утихли, все взоры обратились в его сторону. В первый раз с того времени, как он стал императором, Манко обрел возможность отдавать распоряжения, не имея над собой контроля испанцев. В двадцатилетнем возрасте он наконец заявил о своем статусе, определенном ему по праву рождения, — о статусе «Сапы Инки», «Единственного Инки», то есть божественного короля. Оглядывая толпу, Манко сказал:

«Мои возлюбленные сыновья и братья, я никогда не думал, что когда-нибудь придется сделать то, что я намереваюсь предпринять сейчас, поскольку я не мог даже предполагать, что бородачи, которых вы называете виракочами, — это именование я ввел в оборот, поскольку думал, что они явились к нам от [бога-создателя] Виракочи, — станут... источником всех моих бед... Но теперь... я вижу, что они вновь замышляют схватить и убить меня... И вы видели, как ужасно они обошлись со мной и как они отблагодарили меня за то, что я сделал для них, — тысячу раз оскорбив меня, а затем схватив и связав, как собаку, — и все это после того, как они дали мне слово, что у нас будет с ними сотрудничество на основе любви и дружбы...

Я не могу не напомнить вам о том, что вы много раз просили меня сделать то, что я намерен сделать сейчас, — указывая, что мне следует подняться на борьбу против них, и спрашивая меня, почему я допустил их на свою землю. Я не думал, что то, что творится сейчас, вообще может когда-нибудь произойти. [Однако] все это произошло, а поскольку их цель продолжать изводить меня, я буду вынужден предпринять такие же шаги в отношении них... Поскольку вы всегда выказывали мне столько любви и стремились доставлять мне только радость, я призываю вас объединиться всем как один и направить наших гонцов во все уголки нашей страны, с тем чтобы в двадцатидневный срок все прибыли в этот город. И сделать это надо так, чтобы бородачи ничего об этом не прознали. Я направлю Кисо

Юпанки в Лиму, с тем чтобы в тот день, когда мы атакуем испанцев здесь, он со своим отрядом атаковал их там. И совместными усилиями мы покончим с ними со всеми до последнего человека, покончим с тем кошмаром, который навис над нами».

Манко закончил свою речь следующим образом: «Я намерен не оставить на этой земле в живых ни одного христианина... и первым делом я хочу начать осаду Куско. Те из вас, кто хочет послужить нашему делу, должны будут поставить на кон свою жизнь. Пусть выпьют из этих сосудов только [те, кто готов присоединиться ко мне] на этих условиях».

После речи Манко слуги принесли два больших кувшина с чичей. Один за другим вожди выходили вперед, пили из кувшина и затем произносили клятву, подтверждая свою преданность императору и обязуясь уничтожить всех иноземцев, находящихся на перуанской земле. Воздержавшихся не было.

Вожди направляли гонцов часки в свои провинции. Гонцы имели на руках веревки с узелками кипу, содержащими указание для местного начальства начинать мобилизацию всех имеющихся в округе воинов. В этих донесениях указывалось, что Манко Инка приказал начать истребление всех фальшивых виракочей. Настало время готовиться к полномасштабной войне.

Между тем в Куско Эрнан Писарро также созвал собрание. Он наконец окончательно уяснил, что Манко Инка обманул его и в настоящий момент он, по всей видимости, должен был заниматься организацией восстания. Эрнан сообщил собравшимся испанцам о том, что поступили сообщения о крупномасштабных перемещениях туземных войск в долине Юкай, всего лишь в пятнадцати милях к северу от города. Согласно донесениям, император-рenegат обосновался в городе Калке, там под его наблюдением осуществлялось формирование воинских отрядов. Эрнан сказал, что он допустил ошибку, позволив Манко и Вильяку Уму покинуть город. Но сейчас непозволительно было тратить время на взаимные обвинения — жизнь всех испанцев была в опасности. Сейчас самой насущной задачей было рассеять стянутые войска врага и, если повезет, вновь захватить

императора. Эрнан сказал, что если Манко будет схвачен, то его можно будет принудить свернуть восстание. Если же это не удастся, то в любой момент можно ожидать, что многочисленная туземная армия начнет атаку на город.

Желая выяснить, насколько верны сообщения о перемещениях войск в близлежащей местности, Эрнан решил направить 70 всадников в город Калку, лежащий в долине Юкай, и во главе этого отряда он поставил своего двадцатитрехлетнего брата Хуана. Хуану было поручено прочесать всю местность в том районе и попытаться захватить Манко Инку. Кавалеристы были вооружены стальными мечами, кинжалами и четырехметровыми пиками. Начали непрерывно звонить колокола на недавно построенной испанцами церкви. Воздух был ясным, морозным и прозрачным. Всадники понеслись вскачь по дороге, ведущей на север.

Путь отряда Хуана пролегал через окраины долины Куско, далее они проехали мимо гигантской каменной крепости Саксауаман с ее серыми циклопическими стенами и тремя башнями. Она нависала над городом, похожая на некий диковинный средневековый замок. Затем отряд повернул и направился в сторону зеленых холмов, отделявших долину Куско от примыкающей к ней долине Юкай. Проехав в общей сложности с дюжину миль, всадники добрались наконец до границы плато — внизу протекала река Юкай (Вильканота). Испанцы осадили своих лошадей — перед ними открылось совершенно невероятное зрелище. Долина обрела бежевый цвет — цвет инкских туник. Словно ниоткуда в долине появилось огромное множество туземных солдат: издали все выглядело так, словно на землю высыпали гигантское количество крошечных игрушечных солдатиков. В этой широкой долине восстание, на протяжении последних нескольких месяцев проявлявшее себя в виде спорадических вспышек, теперь обрело концентрированную форму огромных воинских соединений. И эта армия находилась от Куско на расстоянии четырехчасового перехода.

Хотя поначалу Хуан Писарро и испытал шок, он храбро повел кавалеристов в долину: вдали сияли покрытые снегом пики горной цепи Паукартамбо. Далее отряд пошел в направлении города Калка, лежавшего на другой стороне реки Юкай. Тут местные информаторы сообщили Хуану, что Манко занят подготовкой восстания. Но Манко принял меры предосторожности. К тому времени, как испанцы

появились здесь, туземные войска уничтожили уже все мосты через реку. Индейские воины насмешливо кричали испанцам с противоположного берега, размахивая своими топорами и дубинками. Испанцы направили своих лошадей в холодную реку, в которой плавали куски льда. Туземные воины начали раскручивать свои шерстяные вараки, или пращи, и вскоре на отряд посыпался град каменных снарядов.

Добравшись до противоположного берега, испанцы пришпорили своих коней, направив их в сторону метателей, которые обратились в бегство. Испанцы пронзали их своими пиками и разрубали мечами. Отряды туземных солдат, в основном только что набранные из числа крестьян новобранцы, в спешном порядке отступили к холмам: командиры, вероятно, проинструктировали их, что на возвышениях испанцам будет сложно атаковать.

После ряда атак и отвлекающих маневров Хуан неожиданно дал отбой и направился со своим отрядом в сторону Калки. Там испанцы приступили к усиленному поиску Манко Инки. Напуганные женщины и дети стояли на улице у дверей своих домов, а испанцы обшаривали помещения. Но Манко к этому времени уже удалось скрыться. Поскольку император очень торопился, ему пришлось оставить в городе свои запасы золота и серебра, значительное число своих прислужниц и изрядное количество армейского провианта.

В течение трех следующих дней испанцы оставались в Калке, занимаясь выработкой своих дальнейших планов; инкские отряды также оставались на своих позициях на склонах холмов; повстанцы осыпали испанцев насмешливыми оскорблениями. Ночью инки вступали в короткие перестрелки с испанскими караульными. Число туземных воинов было очень велико, и испанцы были удивлены, что туземцы не предпринимают атаку. Казалось, инкских командиров вполне устраивает такое положение дел, что испанцы без всяких для себя неудобств продолжают находиться в Калке. Но через четыре дня после своего прибытия испанцы поняли, почему индейцы их не атакуют. Прибыл испанский всадник из Куско и привез донесение от Эрнана: отряду Хуана надлежало вернуться в Куско как можно скорее. Огромное количество туземных войск неожиданно появилось на склонах холмов, окружающих столицу. Если Хуан и его отряд не вернутся тотчас же, у Эрнана не хватит сил удержать город.

Хуан, не теряя времени, собрал всех своих людей и галопом помчался из города. Некоторые испанцы захватили с собой украденные золотые и серебряные предметы; но большинству пришлось оставить свою добычу. Выехав из долины на плато, испанцы заметили, что численность туземных войск все прибывает. Праццметатели доставили испанцам изрядное беспокойство — им пришлось с боем пробиваться к городу. После того как испанцы миновали крепость Саксауаман, их взгляду предстала чашеобразная долина Куско. На холмах вокруг города появилось бесчисленное количество туземных войск. Не было почти ни одной дороги, ведущей к городу, которая не была бы запружена ими.

Отряд конкистадоров стремительно ворвался в город. У испанских жителей упал камень с души — в их распоряжении оставалось всего десять лошадей. Ввиду того что без лошадей испанцы очень сильно теряли в своей боевой мощи, в случае атаки инкских войск Эрнан и 126 испанцев, остававшихся с ним, вполне вероятно, были бы сокрушены. И даже сейчас, когда общее число кавалеристов составило 86 человек, преимущество инков перед испанцами продолжало оставаться огромным. Педро Писарро, вернувшийся вместе с Хуаном из Калки, вспоминал:

«Когда мы вернулись, то обнаружили, что отряды туземных бойцов все продолжают прибывать и они становятся лагерем на самых крутых склонах вокруг Куско, поджидая прибытия остальных отрядов. Войска, подошедшие позднее, начали располагаться лагерем также и на равнинной местности. Столь многочисленны были прибывшие [повстанческие] войска, что все эти полчища практически закрыли собой землю. К полудню поля вокруг города Куско приняли такой вид, словно там расстелили огромное черное полотно. Ночью зажглось такое количество костров, что окружающее пространство стало похоже на безоблачное небо, полное звезд».

В последующие дни испанцы со все более растущим беспокойством наблюдали за тем, как увеличивается число

скапливающихся туземных войск. Испанцы, конечно, не ожидали, что восстание примет такой размах.

В Куско запертыми в ловушку оказались 196 испанцев. По словам Педро Писарро, из 110 испанских пехотинцев «большинство отличались исключительной худобой». На испанской стороне было также небольшое число африканцев, рабынь-мориск, несколько индейских наложниц, около 500 представителей племен чачапойя и канярис, союзничавших с испанцами, а также некоторое число янаконов, которые зачастую выполняли роль испанских шпионов, однако, в их преданности нельзя было быть до конца уверенным. Как ни странно, несмотря на то рискованное положение, в котором оказались испанцы, некоторые из представителей семейства Манко решили присоединиться к конкистадорам: тут в первую очередь надо назвать кузена Манко, Паскака, который в глазах Манко стал теперь предателем.

На холмах вокруг города расположилось великое множество инкских войск. И испанцы даже не имели представления, сколько их находится за пределами видимости. Оказавшиеся в западне, совершенно изолированные от внешнего мира, 200 испанцев, из которых почти половину можно было считать богатейшими людьми Нового Света, теперь могли рассчитывать только на свои силы.

Пока Манко Инка продолжал стягивать свои силы, Эрнан провел несколько кавалерийских вылазок в направлении окружавших город холмов, с тем чтобы прозондировать крепость инкских сил. Но каждый раз испанцев встречал настоящий ураган камней, выпущенных инками из пращей. Число инкских воинов уже настолько выросло, что у испанской кавалерии не было возможности осуществлять какие-либо осмысленные маневры. В ходе одной из таких вылазок Эрнан и его отряд из 8 человек неожиданно оказались отрезанными — со всех сторон его теснили легионы инкских воинов. В то время как Эрнан со своими бойцами старался пробить брешь в рядах врагов, один из его людей, Франсиско Мехиа, неожиданно оказался окруженным инками, протягивавшими к нему руки. Отчаянно размахивая своим мечом, Мехиа старался удержаться в своем седле, но «[они] стащили его с лошади своими руками, — писал один из выживших, — и отрубили голову ему и его лошади». Остальным испанцам все же как-то удалось пробить брешь в рядах инков, и кавалеристы помчались к городу.

Чтобы повысить мобильность войска и чтобы иметь возможность отражать атаки с разных направлений, Эрнан решил разбить кавалеристов на три группы. Во главе этих групп он поставил трех капитанов: Габриеля де Рохаса — опытного бойца, совсем недавно прибывшего в Перу: Эрнана Понсе де Леона — партнера Эрнана де Сото, и Гонсало Писарро, в свое время выкравшего жену Манко. Сам Эрнан сохранил за собой место главнокомандующего, а своего брата Хуана назначил заместителем.

Военная структура инкского войска, выстроенного против испанцев, была намного более многосложной, в основном ввиду гораздо большего числа инков. На вершине инкской военной пирамиды находился Манко Инка, глава государства, сын бога-Солнца. Рядом с ним находился Вильяк Уму, верховный жрец и главнокомандующий. Командование войсками, осадившими Куско, осуществлял генерал Инкилл, помогал ему его заместитель Паукар Гуаман. Во главе каждого из легионов были поставлены командиры. Титу Куси вспоминал:

«Кориатао, Куильяс, Таипи и многие другие [командиры] вошли в город с [северной] стороны Карменки. Гуаман-Килькана, Кури-Уальпа и еще многие другие зашли с [западной] стороны Кондесуйо [Кунтисуйю]... и закрыли брешь протяженностью более чем в пол-лье. Все были превосходно экипированы [и] находились в полной боевой готовности. Лликлик и еще ряд командиров зашли с [южной] стороны Колласуйо [Колласуйю] — их войско насчитывало огромное количество воинов, это была самая большая группа, принявшая участие в осаде. Анта-Аклла, Ронпа Юпанки и еще ряд командиров зашли с [восточной] стороны Антисуйю, завершив тем самым операцию по окружению».

Исполняя роль главного военного стратега. Манко Инка продолжал находиться в Калке, том самом городе, который недавно захватил Хуан Писарро и потом был вынужден покинуть. Находясь в Калке, Манко мог отдавать распоряжения и получать донесения, а также продолжать координировать всеобщую мобилизацию. В то

время как инкские легионы продолжали стягиваться к окраинам Куско, инкский полководец Кисо Юпанки повел одну из армий по направлению к Лиме. Манко приказал Кисо сделать все возможное, чтобы не позволить Франсиско Писарро направить подкрепление в Куско. Манко также направил во все концы империи гонцов, на руках у них были приказы, предписывавшие местному начальству хватать всех испанцев, которые могут находиться в разъездах, и уничтожать их на месте, а оружие их забирать.

Вильяк Уму настойчиво посоветовал молодому императору предпринять атаку на Куско немедленно, не ожидая дальнейшего подтягивания инкских войск. Но Манко не хотел начинать действия до тех пор, пока не подойдут все воинские подразделения. Он в свое время участвовал совместно с испанцами в боевых действиях против генерала Кискиса и хорошо представлял себе разрушительную силу испанского оружия и особенно кавалерии. Манко намеревался нанести такой сокрушительный удар по столице, чтобы испанцы не смогли от него защититься ни при помощи своего мощного оружия, ни при помощи кавалерии. После того как испанские войска были бы уничтожены. Манко смог бы взять под свой контроль центральную часть Перу. Потом он смог бы нанести удар по гарнизону Писарро в Лиме — по главной опорной силе испанских конкистадоров в Перу.

В то время как число испанцев оставалось неизменным, Манко за несколько недель удалось собрать боевую силу численностью от 100 000 до 200 000 человек — совершенно поразительное достижение в области логистики. Следует заметить, что речь идет о временно призванных на военную службу бойцах — в обычной жизни это были фермеры или пастухи. По большей части это были женатые люди в возрасте между двадцатью пятью и пятьюдесятью годами. Более молодые неженатые люди проходили службу не в качестве бойцов, а в качестве гонцов или носильщиков. Именовавшиеся «аука камаюк», воины из каждой провинции говорили на своем местном наречии. У них были свои вожди. Эти вожди подчинялись верховному инкскому военному командованию. Все это огромное воинство, собравшееся вокруг Куско, было, подобно самой Инкской империи, гетерогенным и многоязычным.

Помимо обычных хлопковых или альпаковых туник, на инкских воинах были плотные доспехи, подбитые хлопком, и шлемы,

сделанные из плетеного тростника или дерева. Несмотря на хаос последних лет, инкские склады на всем пространстве страны были доверху забиты оружием, униформой и разного рода военным снаряжением. Педро Писарро вспоминал, что когда он впервые прибыл в крепость Саксауаман, то он обнаружил, что многие склады на ее территории были заполнены военным снаряжением:

«Все эти помещения были забиты копьями, стрелами, дротиками, дубинками, индивидуальными щитами и огромными овальными щитами, которые для защиты могли использовать до сотни индейцев — во время штурма крепостей. Там было много морионов [шлемов] из тростников, сплетенных настолько туго, что голове в подобном морионе не мог угрожать никакой удар».

Туземные ремесленники произвели огромное количество оружия. И хотя в большинстве своем униформа была стандартизированной, отряды из различных провинций дополняли ее своими красочными элементами, чтобы командиры могли мгновенно распознавать свои войска. Отец Бернабе Кобо писал:

«Поверх этой защитной одежды на них были очень красочные богатые украшения и драгоценности; на головах у них были красивые разноцветные перья, а на груди и спине большие золотые и серебряные пластины, более бедные солдаты носили медные пластины».

Отряды лучников и пращеметателей, способные поражать врага на расстоянии, обычно шли впереди ударных подразделений, вооруженных дубинками и топорами.

«Их основным оружием... [является] праща... с помощью которой они могут запустить камень, который может убить лошадь, а иногда и всадника... Она производит почти такой же эффект, как аркебуза. Один раз я видел, как камень, запущенный из пращи, разбил надвое меч в руках человека, находившегося на расстоянии тридцати ярдов».

Войска со всех концов империи все прибывали и прибывали, так что вскоре выстраивавшиеся на склонах холмов отряды придвинулись уже вплотную к домам на окраине города. Днем и ночью со стороны войск доносился рев — бойцы то и дело выкрикивали на своих родных языках насмешливые оскорбления, направленные в сторону испанцев. Весь этот звуковой вал был своего рода психической атакой, и целью его было вывести из равновесия и запугать испанцев. «Оттуда доносились такие крики, что все мы были поражены», — вспоминал Педро Писарро. Туземцы постоянно выказывали свое насмешливое презрение, они поднимали свои туники и обнажали ноги, с тем чтобы продемонстрировать свое презрительное отношение. У инков обнажение ног представляло собой знак очень серьезного оскорбления. Давно уже не считая испанцев заморскими богами, туземные воины наглядно демонстрировали испанцам свое крайнее презрение.

В фокусе внимания Манко Инки были все аспекты готовящейся военной атаки. Он хорошо осознавал, что для победы религиозные аспекты не менее важны, чем диспозиция войск. Если бы боги отказались проявить свою благосклонность, перевес сил над врагом не имел бы никакого значения. Манко выступил распорядителем ряда торжественных церемоний и жертвоприношений, чтобы снискать себе божественную помощь.

Когда уже приближалось время решающей атаки, Манко организовал торжественную церемонию Иту. На протяжении двух дней перед этим император и все воины его армии соблюдали пост и воздерживались от сексуальной активности. Во время церемонии жрецы перерезали горло жертвенным ламам, торжественным строем проходили юноши, одетые в элегантные красные туники. Период поста закончился грандиозным торжеством и потреблением огромного количества чичи.

В субботу 6 мая 1536 г. Манко Инка начал свою тотальную атаку, приведя в действие сотни тысяч туземных воинов. Первые снаряды с характерным треском начали сыпаться на каменные мостовые и стены. Испанцы, застигнутые этим градом на улице, бросились искать укрытие. Легионы ударных войск начали медленно спускаться с холмов, далее они двинулись в сторону центральной площади столицы.

Туземная пехота двигалась тесным строем, в руках у пехотинцев были метровой длины дубинки, боевые топоры и щиты. На большинстве туземцев были плетеные шлемы, многие из которых были украшены экзотическими перьями алого, желтого, зеленого и голубого цветов. Стратегия Манко и его полководцев была простой: сначала они хотели загнать испанцев в центр города, а затем сокрушить их своими превосходящими силами.

По мере того как в город прибывало все большее и большее число туземцев, петля, в которую угодили испанцы, все более затягивалась. Каждый из них осознавал, что если они не найдут способ остановить наступление Манко, то они будут раздавлены. Тотальный поток стрел и снарядов уже заставил испанцев укрыться. На склоне холма, возвышающегося над городом, индейцы уже захватили крепость Саксауаман. Отсюда Вильяк Уму и многие из его командиров станут обозревать поле сражения и направлять донесения Манко Инке в Калку. Инкский отряд захватил стратегический район Кора Кора, примыкавший к северной оконечности главной площади. Педро Писарро вспоминал:

«Этот город Куско расположен рядом с холмом, на склоне которого находится крепость [Саксауаман], — с этой стороны индейцы спустились к домам, примыкавшим к площади, принадлежавшей Гонсало Писарро и его брату Хуану Писарро. С этих позиций инки нанесли нам серьезный урон своими камнями, запускаясь при помощи пращей, — мы ничего не могли с этим поделать... Позиции индейцев располагались на достаточно крутом склоне, они захватили и узкую тропинку, проходившую по нему, у нас не было никакой возможности по ней подняться... Стоял невообразимый шум, создаваемый громкими криками и производимый рожками и тыквами, использовавшимися индейцами, — казалось, что дрожит сама земля».

Под изничтожающим градом камней и других метательных снарядов испанцы, застигнутые этой атакой в разных местах города, отступали к главной площади, на которой располагались дворцы. Если инкская стратегия заключалась в том, чтобы окружить и уничтожить

своих врагов, то испанская состояла в том, чтобы продержаться в двух массивных каменных зданиях — Сунтур-Уаси и Хатун-Канча. Здания стояли друг напротив друга на восточной стороне площади. Испанцы превратили их в блиндажи, понадеявшись на то, что крыши и стены защитят их от нескончаемого града камней.

Заняв одно из зданий, Эрнан Писарро отдал второе под ответственность Эрнана Понсе де Леона. Настолько плотным был обстрел, что напуганные испанцы не могли даже выглянуть из зданий. В тусклых помещениях многие стояли на коленях и молились, в то время как по стенам и крышам зданий продолжали бить камни. Педро Писарро рассказывал:

«Эрнан Писарро вместе с офицерами неоднократно проводили совещания, чтобы обсудить дальнейшие действия. Одни говорили, что надо покинуть город и бежать, [тогда как] другие говорили, что надо укрыться в [большом зале] Хатун-Канчи — огромном помещении, где мы все могли разместиться. Там... была только одна дверь, и каменные стены были очень высокие... [Но] ни один из этих советов не был хорош, поскольку, если бы мы ушли из Куско, они перебили бы нас на здешних труднопроходимых дорогах... а если бы мы укрылись в указанном помещении, то они замуровали бы нас кирпичами и камнями».

Прежде чем Эрнан Писарро смог сделать выбор между двумя вариантами: оказаться в западне этих зданий и быть забитыми дубинками или же попытаться прорваться сквозь кольцо окружения, неожиданно возникла новая, еще более серьезная опасность — запольхали крыши многих домов в городе. Испанцы из своих зданий наблюдали сильнейший пожар, перекидывавшийся с одного здания на другое. Прежде чем испанцы уяснили причину произошедшего, они оказались запертыми в городе, по кварталам которого быстро распространялось пламя.

Манко Инка и его военные советники разработали хитроумный план: они решили организовать пожар в городе, надеясь выкурить испанцев из их укрытий либо сжечь их.

Вскоре задымилась и крыша здания Хатун-Канчи, где заперлись испанцы. Один из очевидцев писал:

«В тот день был очень сильный ветер, и, поскольку крыши домов были из соломы, в какой-то момент весь город уже стал представлять собой пылающую стихию. Индейцы кричали так громко, и огонь был такой густой, что люди не могли ни слышать, ни видеть друг друга».

Кристобаль де Молина писал: «Было столько дыма, что испанцы едва не задохнулись. Им пришлось очень тяжело, поскольку... было очень дымно и жарко».

О случившемся потом есть свидетельства разных источников. Некоторые испанцы указывают, что, в то время как весь город продолжал гореть, огонь на крыше Хатун-Канчи каким-то чудесным образом погас. Позднее некоторые из присутствовавших клялись, что сама Дева Мария предстала перед ними в развевающемся одеянии и загасила пламя. Но Титу Куси, который, вне всякого сомнения, слышал об этом происшествии непосредственно от своего отца, оставил более прозаическую версию: испанцы обязаны были своим временным избавлением африканским рабам, которых они еще раньше разместили на крыше. Несмотря на то что они обстреливались стрелами и закидывались камнями, африканцам удалось погасить огонь.

Понимая, что, оставаясь в двух зданиях, испанцы могут сгореть, Эрнан Писарро сделал для себя вывод, что у него и его людей есть только один выход: покинуть относительную безопасность своих укрытий и контратаковать.

«Им казалось, что лучше будет выйти, чем погибнуть там, — писал Сьеса де Леон, — и, несмотря на всю интенсивность града камней, они вышли вместе со своими индейскими друзьями и бросились в атаку на врагов на улицах». Летописец Гарсиласо де ла Вега добавлял:

«Когда эти [туземные воины] увидели сплотившихся всех вместе испанцев, они ринулись на них с великой яростью, надеясь сразу же сокрушить их. Кавалерия храбро остановила индейцев, и обе стороны сражались, выказывая

великую отвагу... Стрелы и камни сыпались на испанцев; но лошади и пики последних позволили им сдержать индейцев, после каждой [атаки] туземцы теряли поверженными 150–200 бойцов».

Когда горящие крыши начали рушиться по всему городу, туземные воины получили возможность вскарабкаться на самый верх стен домов — там они становились неуязвимыми для нападения конницы. Другие инкские воины сражались на земле, размахивая своими боевыми топорами и булавами и запуская из пращей камни в испанских пехотинцев. «Индейцы очень самоотверженно поддерживали друг друга, — писал один очевидец, — с величайшей решимостью они бросались в атаку и вступали в рукопашный бой с испанцами».

На протяжении всего дня длились яростные сражения; лишь с огромным трудом испанцам удалось предотвратить захват индейцами того крошечного участка Куско, который удерживали конкистадоры.

Когда уже приближалась ночь, испанцы получили некоторую передышку: инки преимущественно сражались днем. Так, когда солнце спустилось за холмы, индейцы постепенно свернули атаку. К этому времени воины Манко упрочили свои позиции в городе, возведя поперек захваченных ими улиц и аллей баррикады. Наблюдая, как возводятся баррикады, и сланцы все явственнее ощущали, как затягивается вокруг них петля. Титу Куси вспоминал:

«Той ночью, ввиду того что [испанцы] не видели для себя выхода из этой ситуации, они поспешили обратиться к Богу, — всю ночь в церкви [Хатун-Канчи] они на коленях молили Бога о помощи, и даже те [испанцы], кто стоял в карауле на площади, делали то же самое, равно как и многие индейцы [Чачапоя и Канярис], сражавшиеся плечом к плечу с испанцами».

Летописец Гуаман Помаде Айяла писал:

«Стоя на коленях, христиане молили о Божьей милости и обращались к Деве Марии и всем святым. Со слезами на глазах они громко молились: „Благослови нас, святой Яков!»

Благослови нас, Пресвятая Мария!“... Уничижено взывали они к своей Богоматери».

В тот вечер Эрнан Писарро созвал общее собрание. Хотя он в целом не пользовался любовью среди своих соотечественников из-за своего высокомерия, подозрительности и скупости, он имел задатки прирожденного лидера и выказывал редкостное хладнокровие в сложных обстоятельствах. Собравшиеся внутри помещения люди осознавали, что их судьба зависит от тех решений, которые примет этот приземистый человек.

«Господа, я хочу сказать вам, что мне кажется, что... индейцы все больше и больше позорят нас. Я думаю, что причина этого — выказанные некоторыми из вас нехватка подлинной силы и робость. Вот [почему] мы почти сдали этот город.

Я не хочу, чтобы обо мне говорили, что та земля, которую дон Франсиско Писарро, мой брат, завоевал и заселил, была потеряна из-за выказанного страха... Каждый, кто доподлинно знает индейцев, понимает, что продемонстрированная [с нашей стороны] слабость делает их только сильнее».

Расхаживая взад и вперед, Эрнан продолжал:

«Во имя Бога и нашего короля, защищая наши дома и наши поместья, мы, если понадобится, умрем... Давайте же укрепим нашу решимость осознанием того, почему мы должны драться, и тогда мы не будем чувствовать опасности, поскольку вы уже знаете, что, выказывая отвагу, можно достигнуть того, что кажется невозможным, а без оной даже простые преграды становятся неодолимыми. Я прошу, чтобы вы все поняли это — раздробленные внутри себя, мы потеряем все, даже не имея врага».

Единодушно испанцы поклялись, что они будут яростно сражаться, не думая о себе. «Уже прозревая свой конец, они молились нашему Господу и нашей Богоматери, говоря, что лучше выйти

наружу... и умереть сражаясь, нежели умереть здесь подобно свиньям». На холмах, окружавших город, туземные войска согревались у костров, при этом они продолжали изводить испанцев своим непрерывным ревом и насмешками.

В это время Вильяк Уму и его генералы, глядя на город из своей крепости Саксауаман, обсуждали планы сражения на следующий день. Продолжали потрескивать костры, извергая из себя всполохи искр и пламени.

Обе враждующие стороны должны были ощущать, что в тот день им частично повезло. Испанцам повезло, поскольку, несмотря на предпринятую ими ожесточенную атаку, никто из них до сих пор не был убит, и им удалось сохранить свои позиции. Инкам повезло, поскольку они захватили почти весь город и настолько туго затянули петлю вокруг неприятельских войск, что последние оказались блокированы в двух зданиях.

На следующий день, когда взошло солнце, со стороны холмов, где стояли стотысячные войска туземцев, поднялся страшный рев, и послышались звуки глиняных труб. Вновь орды туземных войск двинулись к городу. Они направились к главной площади, где, как они ожидали, испанцы будут ждать их. На площади и вокруг нее стояли испанские всадники и пехотинцы вместе с африканскими рабами и индейскими соратниками. Войска Манко начали поджигать крыши, которым удалось избежать пожара в предыдущий день; по мере того как город продолжал тонуть в огне и дыму, индейские воины бегали по стенам домов, метая дротики и камни из пращей. Опасаясь, что вновь будут предприняты попытки поджечь их два опорных здания, испанцы разместили на крышах смотрящих. В задачу последних входило тушить огонь, если будут запускаться раскаленные камни или горящие стрелы. Между тем на узких улицах внизу две противостоящие друг другу силы сошлись в яростном смертельном бою.

Ввиду того что теперь испанцы были очень ограничены в своих возможностях, они полагались на простую стратегию: три их кавалерийских отряда постоянно атаковали индейцев, с тем чтобы не допустить сдачи того пятачка, на котором удерживались конкистадоры. Они осознавали, что им лучше было встретить свой конец на открытом пространстве, чем быть накрытыми в одном из блиндажей. Никто не хотел быть загнанным в ловушку здания. Поэтому испанцы сражались

отчаянно — они протыкали врагов своими пиками и разрубали мечами. На улицах, перегороженных баррикадами и забитых трупами, испанская кавалерия теряла маневренность.

Когда двадцатитрехлетний Алонсо де Торо повел кавалерийский отряд по одной из узких улиц Куско, ширина которой позволяла проехать лишь двум лошадям в ряд, индейские воины неожиданно обрушили на них высокую стену. Выбитые из седла, Торо и ехавшие вместе с ним всадники были бы уничтожены, если бы их индейские соратники не подоспели им на помощь и не отогнали воинов Манко.

Между тем на холмах, окружавших город, войска Манко прибегли к дополнительной стратегии для нейтрализации испанской кавалерии. На террасах, имевших сельскохозяйственное назначение и располагавшихся на склонах холмов, туземные воины начали рыть ямы, создавая тем самым препятствия для кавалерийской атаки противника. В других местах индейцы разрушали акведуки, которые вели в город, так что происходило затопление террас, и создавались дополнительные препятствия для продвижения конницы. В самом Куско войска Манко продолжали возводить все новые и новые баррикады.

Воины Манко также задействовали еще одно оружие, которое они ранее применяли, только когда охотились на оленей и другую крупную дичь. Один из участников этого противостояния писал:

«У них много видов оружия... в частности копья, стрелы, дубинки, топоры, алебарды, дротики и пращи, а также еще один вид оружия, который они называют айллус: он представляет собой три круглых камня, зашитых в кожаные мешки, к которым привязаны веревки... длиной в ярд... Они метают их в лошадей и связывают таким образом их ноги, иногда этим оружием поражают всадника — и его руки оказываются привязаны к телу. Индейцы настолько хороши в этом искусстве, что подобным образом они могут свалить оленя».

Испанцы вскоре начали называть необычное оружие инков — «шары».

В ответ на предпринятые инками тактические шаги испанцы вскоре оказались вынуждены прибегнуть к контрстратегиям. Ввиду применения шаров испанским всадникам потребовались для сопровождения пехотинцы, которые бы разрезали веревки, в сетях которых могли оказаться кавалеристы. Между тем на улицах города испанские отряды кавалеристов и пехотинцев взялись за демонтаж баррикад — делать это им зачастую приходилось под градом камней. В это время индейцы канярис и чачапояя занимались засыпанием ям, вырытых воинами Манко для сдерживания лошадей. Индейцы этих племен также принялись за снос каменных террас на склонах холмов, чтобы предоставить кавалеристам и пехотинцам возможность для контратак.

Хотя до сих пор ни один из испанцев не был убит, многие получили ранения разной степени тяжести; все они осознавали, что без помощи их индейских союзников их положение было бы совсем плачевным. Гарсиласо де ла Вега писал:

«Дружественные индейцы оказывали испанцам очень значительную помощь, врачуя их раны и удовлетворяя самые разные их нужды... Видя это, многие испанцы говорили, что они не знали, как бы им пришлось выходить из ситуации, если бы не помощь индейцев, которые приносили им кукурузу, травы, при этом сами индейцы ограничивали себя в еде, заботясь лишь о том, чтобы могли поесть их хозяева. Индейцы исполняли для испанцев роль разведчиков и караульных, при помощи секретных знаков днем и ночью они предупреждали испанцев о намерении врагов».

Несмотря на все усилия инков, испанцам удалось убить несколько сот туземцев и при этом самим не потерять ни одного человека: правда, среди индейских союзников испанцев потери, вероятно, все же были. Инкские полководцы быстро поняли, что нанести испанцам урон в живой силе очень сложно. Только окружив всадника и сбросив его с лошади, индейцы могли убить его в ходе рукопашной схватки. Но вскоре инки обнаружили, что испанские всадники все время старались держаться вместе, приходили друг другу на выручку и очень внимательно следили за тем, чтобы не угодить в ловушки.

При том что у испанцев не было потерь, после двух дней атак противника их перспективы оставались мрачными. Испанцы очень сильно уступали в численности; они были изолированы от внешнего мира, и соответственно на помощь им не могло прийти подкрепление; их запасы продовольствия все уменьшались; к тому же к этому времени испанцы достаточно обессилели, в их рядах было много раненых. Эрнан и подчиненные ему капитаны решили: для того чтобы выжить в ходе этого столкновения, им необходимо тем или иным образом выбить воинов Манко из близлежащей крепости Саксауаман. Дело было не только в том, что эта крепость являлась командным пунктом всей наступательной кампании инков, — со склонов, прилегавших к этой крепости, инки разворачивали свои ударные атаки. Их войска спускались с крутых склонов и входили прямо в город, не опасаясь кавалерийских атак. В других местах, к примеру, в открытой долине на юге, им было затруднительно организовывать серьезные атаки, поскольку был риск нарваться на кавалерийскую контратаку. Если бы испанцам удалось вновь захватить крепость, они бы избавили себя от угрозы прямых атак на свой самый незащищенный фланг. Кроме того, они бы заполучили самый выгодный в стратегическом плане пункт на примыкающих к городу высотах.

После консультаций с капитанами Эрнан наконец решил, что захват Саксауамана был единственным средством снизить уязвимость позиций испанцев, хотя и при всей очевидной опасности фронтальной атаки на усиленно охраняемую крепость. Педро Писарро вспоминал:

«Эрнан Писарро согласился с тем, что нам следует попытаться захватить крепость, ибо оттуда нам грозила наибольшая опасность... До того как индейцы начали осаду, мы не задумывались о важности удержания этого стратегического пункта. После того как согласие было достигнуто, нам, кавалеристам, был отдан приказ готовить оружие и атаковать крепость; Хуан Писарро был поставлен во главе нашего отряда».

Для двадцатипятилетнего Хуана назначение его ответственным за выполнение такой важной миссии было свидетельством доверия к нему со стороны его старшего брата. В отличие от Эрнана Хуан

пользовался доверием среди испанцев. Вежливый в обращении, щедрый, он обладал также редкостным бесстрашием. К числу слабостей Хуана можно было отнести только его импульсивность и некоторую грубость в отношении к индейцам, которая, впрочем, была характерна для многих испанцев. Следует отметить, что ужасное обращение Хуана и его брата Гонсало с Манко Инкой явилось одной из основных движущих причин восстания.

Несколько ранее в этот день имело место следующее событие. Во время сражения кавалеристу Педро дель Барко большой камень угодил в шлем. Барко без сознания упал на землю. Увидев это, Хуан на своем коне ринулся ему на помощь. В то время как Хуан оттащивал своего упавшего товарища в безопасное место, индейский пращеметатель выпустил камень, который угодил ему прямо в челюсть.^[36] Хотя Хуан и был оглушен, ему удалось оттащить подальше своего товарища. Но к вечеру его челюсть настолько распухла, что он уже не мог носить шлем. Тем не менее двадцатитрехлетний капитан был готов повести атаку на Саксауаман.

Крепость, которую должен был штурмовать кавалерийский отряд Хуана, была по истине устрашающей. Выстроенный на каменистом холме со стороны северной оконечности города, Саксауаман был окружен с трех сторон крутыми склонами. Своей северной стороной, наиболее удаленной от города, крепость выходила на травянистую равнину. Поскольку крепость была уязвима только с этого направления, инки выстроили там ряд гигантских стен. Нотариус Санчо де ла Ос писал:

«С той стороны крепости, которая имеет наименьшую крутизну, возведены одна над другой три стены... Среди всех строений той земли самое красивое — эти стены, поскольку они выложены из настолько больших камней, что с трудом можно поверить, что их поместили туда человеческие руки, — эти камни огромны, как горные валуны... высота их составляет двадцать с лишним футов, а длина — еще более того... Эти стены изгибаются зигзагом таким образом, что фронтально обстреливать их [пушками] невозможно, но только под углом... Вся крепость представляла собой склад оружия: дубинок, копий, луков, топоров, щитов, а также

защитных одежд, проложенным хлопком, — все это собиралось со всех уголков империи».

Посоветовавшись с кузеном Манко, Паскаком, Хуан и Эрнан решили, что единственный способ штурмовать крепость — осуществить прорыв сквозь ряды инкских легионов, охранявших крепость со стороны северной оконечности города, потом заполучить контроль над дорогой, ведущей в Хауху, и затем, в случае, если все пойдет удачно, отправиться в восточном направлении по склонам холмов до самой травянистой равнины. С той стороны испанцам придется осуществить фронтальную атаку на гигантские стены крепости. Многим из тех, кто узнал о намеченном плане, вся эта затея показалась самоубийственной. Но испанцы осознавали, что, если им не удастся перехватить инициативу, они будут обречены оставаться блокированными в городе.

13 мая, рано утром, Хуан Писарро вместе с отрядом из 50 всадников «вышел из церкви [Сунтур-Уаси], всадники вскочили на своих лошадей. Кавалеристы прищипорили коней и на полном скаку прорвали вражеское оцепление, направившись затем на огромной скорости вверх по склону холма».

Кузен Хуана, Педро, вспоминал, как ему и его отряду приходилось пробиваться сквозь ряды индейского контингента, забрасывавшего их камнями, а затем, следуя извилистой траектории, подниматься по крутому склону холма, часто останавливаясь на привал, с тем чтобы индейцы из испанского отряда смогли расчистить путь.

«Мы направились вверх по Карменке, очень узкой дороге, с одной стороны которой шел холм, а по другую сторону было ущелье, в некоторых местах очень глубокое, и из этого ущелья они доставили нам значительный урон своими камнями и стрелами; и они [также] попортили дорогу в ряде мест и выкопали в ней множество ям. Мы продвигались по этой дороге с огромными трудностями, поскольку нам приходилось останавливаться и ждать, пока наши индейские союзники, шедшие с нами — числом менее ста человек, — засыпят ямы и приведут в должное состояние дороги».

Предположив, что испанцы пытаются бежать из города, инкские командиры послали хорошо бегущих солдат к далекой реке Апуримак, приказав им уничтожить большой висячий мост, отрезав таким образом путь к спасению. Но испанская кавалерия, прорвавшаяся в северо-западном направлении, неожиданно повернула на восток и начала быстро продвигаться в направлении крепости. Приложив весьма большие усилия для сноса земляных баррикад, которые возвели воины Манко, Хуан со своим кавалерийским отрядом в итоге добрался до травянистой равнины, раскинувшейся перед массивными северными стенами крепости.

После перегруппировки отряда испанцы начали обсуждать свой следующий шаг. Перед ними возвышались три стены длиной в 1000 футов, расположенные в ступенчатом порядке. Стены были выложены из огромных камней, самый большой из которых весил более 360 тонн и имел в высоту около 30 футов. Пространство позади каждой из стен инки заполнили землей так, чтобы по-над стенами образовались плоские террасы. Таким образом, туземцы могли находиться на террасах и на стенах одновременно и направлять оттуда на испанцев смертоносный дождь из камней, дротиков и стрел. Если бы атакующим удалось захватить одну из стен, обороняющиеся могли отступить назад и вверх к следующей стене и террасе, а потом — еще к одной стене. От подножия первой стены до верхней кромки третьей стены расстояние по вертикали составляло по меньшей мере 60 футов. На широком пространстве по-над стенами находился лабиринт из зданий, промеж которых возвышались три каменные башни. Центральная башня была самой высокой, она имела коническую форму и составляла около 75 футов в диаметре; две башни по обе стороны от нее имели почти такую же высоту и были прямоугольными. Под башнями проходил лабиринт потайных тоннелей, доходивших по меньшей мере до оконечности оборонительных стен. Построенная в предыдущем столетии, Саксауаман — «(крепость) удовлетворенного сокола» — была настолько обширной, что в случае необходимости все население Куско могло найти себе убежище в пределах ее периметра. Теперь ее обороняли по меньшей мере 35 000 инкских воинов, их усилия направлял непосредственно Вильяк Уму. 50 испанских всадников и по меньшей мере 100 их туземных союзников оказались лицом к лицу с

непосильной задачей: они должны были найти способ пробить стены и затем захватить крепость.

Брат Хуана, Гонсало, и Эрнан Понсе де Леон провели несколько фронтальных атак. Бросаясь в атаку через травянистую равнину по направлению к крепости, испанцы сразу же попадали под смертоносный заградительный огонь из дротиков, стрел и камней из пращи. Чем ближе испанские всадники приближались к стенам крепости, тем плотнее был град снарядов. Во время своей последней атаки воинам Манко удалось убить пажа Хуана Писарро, который был сбит с ног камнем, выпущенным из пращи, предположительно он попал испанцу в лицо. Также были убиты два африканских раба, у которых, по всей вероятности, латы отсутствовали.^[37] В ходе этой отчаянной атаки были ранены многие испанцы и их лошади. Отступив к скалистому холму, находившемуся на противоположной стороне равнины, испанцы спешили и стали решать, что делать дальше. Внизу в городе слышались звуки подков лошадей на мостовых и гром сражений — находившиеся в городе испанцы явно атаковали туземцев. Собравшиеся на скалистом холме испанцы чувствовали себя изолированными и уязвимыми перед нападением индейцев. Когда солнце начало садиться, Хуан Писарро решил предпринять последнюю атаку; на этот раз он приказал своим людям сконцентрировать удар на главных воротах в первой стене. Перед воротами находились баррикады и защитная яма.

Будучи не в состоянии носить шлем ввиду ранения головы, полученного за день до того, Хуан тем не менее повел свой отряд в атаку через травянистую равнину: на испанцев со свистом полетели камни. Остановившись перед главными воротами и защищаясь щитами, испанцы слезли со своих лошадей и затем бросились в направлении плетеного барьера, перегораживавшего путь к воротам. Прорвавшись через него, они помчались по каменной лестнице, которая вела к первой террасе.

Индейцы бросились блокировать возникшую брешь, при этом град камней, запускаемых сверху, усилился. Яростная контратака туземцев вынудила испанцев отступить вниз по лестнице и отойти назад на равнину. Призывая своих людей собраться с силами, Хуан вновь ринулся вперед, яростно размахивая своим мечом и буквально

пробивая себе путь сквозь поток индейцев. Кузен Хуана, Педро, вспоминал:

«С террасы, шедшей вдоль одной из сторон внутреннего двора, они начали поливать нас таким количеством камней и стрел, что мы были не в силах защищаться, — соответственно Хуан Писарро приказал нескольким своим пехотинцам направиться к террасе... которая была низкой, так что испанцы смогли взобраться на нее и вытеснить оттуда индейцев... Хуан... не заботился о том, чтобы прикрывать свою голову щитом, и, ввиду того что град камней был очень плотным, один из них попал ему в голову и раскроил череп».

Обливаясь кровью, шедшей из полученной раны, Хуан тем не менее продолжал драться, пока испанцам и их туземным союзникам не удалось закрепиться на первой террасе. Когда наступила темнота, испанцы, непрерывно обстреливаемые камнями с двух стен, возвышавшихся над ними, были вынуждены вновь отступить и перейти назад через равнину: некоторые вскочили на своих лошадей. Воины Манко пошли в наступление, выкрикивая оскорбления и задирая свои туники, чтобы обнажить ноги.

Достигнув холма, где он был в относительной безопасности, Хуан совсем обессилел. Туземные союзники понесли испанского лидера вниз по склону холма — назад в город. Смертельно раненный, Хуан на протяжении нескольких следующих дней пребывал в относительном сознании. Через три дня после атаки на Саксауаман двадцатипятилетний капитан продиктовал свое завещание, которое должным образом заверил нотариус-конкистадор, отдав его затем Хуану на подпись. Текст его таков:

«Я, Хуан Писарро, житель этого великого города Куско королевства Новая Кастилия, сын [капитана] Гонсало Писарро и Марии Алонсо, которые оба скончались (да упокоит Господь их души), пребывая в больном теле, но будучи в здравом уме... ввиду того что я нездоров и не знаю, что Господь предуготовил для меня, хочу сделать это

последнее завещание... Во-первых, я вверяю свою душу Богу, который сотворил и искупил ее своей драгоценной кровью и телом...[и] я требую, чтобы мое тело, в том случае, если Господь приберет меня к себе, было погребено в главной церкви в этом городе — до того времени, пока мои братья Эрнан Писарро и Гонсало Писарро не перевезут мои кости [назад] в Испанию в город Трухильо и не похоронят их там, где сочтут это уместным... Я повелеваю, чтобы в день моей смерти была исполнена заупокойная месса и чтобы эту мессу исполняли в каждый из следующих девяти дней...

Следующее мое распоряжение связано с индейской женщиной, которая оказывала мне сексуальные услуги и которая родила мне девочку. Я не признаю последнюю своей дочерью... тем не менее, помня об услугах, доставленных мне ее матерью, я настаиваю на том, чтобы в том случае, если эта девочка достигнет брачного возраста и выйдет замуж по благословию моего брата Эрнана Писарро, ей были предоставлены 2000 дукатов на бракосочетание. В том же случае, если она умрет до заключения брака и у нее не будет наследников... эти 2000 дукатов следует вернуть моим наследникам... так чтобы они не достались ее матери... Я назначаю... моим единственным наследником, которому отойдет все то, что я имел в этой жизни, моего брата Гонсало Писарро... Это завещание было сделано в присутствии свидетелей и нотариуса и заверено последним... в указанной столице Куско 16 мая одна тысяча пятьсот тридцать шестого года от времени рождения нашего Спасителя Иисуса Христа».

Через две недели после получения ранения Хуан Писарро умер, не признав ни индианку, которая «оказывала ему услуги», ни свою собственную дочь смешанных кровей, в отношении которой он настоял на том, чтобы она считалась незаконной. Хуан определил свое состояние в 200 000 золотых дукатов своему и так уже баснословно богатому брату, двадцатидесятилетнему Гонсало. Но, несмотря на последнюю просьбу Хуана, его останки никогда не будут возвращены в Испанию. Хуан был первым из пяти братьев Писарро, кто погиб в ходе

завоевания Тавантинсуйю. Его кости навсегда останутся захороненными в Перу.^[38]

Не имея времени заботиться о своем раненом брате, — и так уже имея легион раненых вокруг себя, — Эрнан Писарро приказал своему брату Гонсало возглавить штурм Саксауамана. На следующий день после ранения Хуана туземная пехота, защищавшая крепость, контратаковала: сражение уже велось за пределами крепостных стен, на каменистом холме, на котором со вчерашнего дня расположился Гонсало со своим кавалерийским отрядом. «Там была ужасная неразбериха, — писал один свидетель, — все кричали, все там запуталось и переплелось... [в ходе битвы] за высоту. Все выглядело так, словно все люди на земле сошлись во взаимной борьбе».

Получая постоянные донесения о развитии ситуации и осознавая, насколько поворотным является сражение за Саксауаман для всей кампании, Манко распорядился, чтобы к месту битвы подошли еще 5000 человек. В свою очередь, Эрнан Писарро, имея подобную же мотивацию, но значительно меньшие ресурсы, распорядился направить еще 12 кавалеристов из города в качестве подкрепления сражавшимся; он сделал это, несмотря на жалобы оставшихся в городе испанских всадников, число которых теперь составляло менее двух дюжин и которым приходилось отражать постоянные атаки туземцев. «В городе, — писал один очевидец, — индейцы предприняли такую яростную атаку, что испанцы думали, что теперь им уже точно конец».

Весь день в Куско продолжались сражения, вновь сотни индейских бойцов были убиты, ввиду того что у испанцев были лошади и намного более качественные доспехи и оружие; тем не менее индейцы не ослабляли натиска. Горами мертвых тел были завалены улицы инкской столицы. На равнину перед Саксауаманом прибыли новые индейские войска, и они начали теснить Гонсало и его отряд — «испанцы оказались в очень сложной ситуации, поскольку им пришлось иметь дело со свежими вражескими силами, атаковавшими с большой решительностью». Лишь удвоив свои усилия, испанцы смогли избежать уничтожения.

Будучи уже до крайности обессиленными, испанцы тем не менее подготовили ночью новый план. Осознавая, что на следующий день Манко мог прислать дополнительные войска, испанские

военачальники решили предпринять ночную атаку на крепость. Испанцы знали, что для войск Манко такая атака станет неожиданностью, потому что индейцы не любили сражаться ночью, особенно в новолуние, которое как раз было сейчас. Несмотря на то что днем испанцам пришлось участвовать в изматывающих сражениях, они смогли смастерить приставные лестницы.

Под покровом темноты Эрнан Писарро и значительное число испанских солдат, прибывших из города, вскарабкались по крутому склону холма и присоединились к конкистадорам, находившимся наверху. Перед ними находилась инкская крепость. Испанцы начали высматривать самые темные участки стен.

Взобравшись на первую стену, испанцы внезапно атаковали часовых — индейцы даже не успели понять, каким образом захватчикам удалось очутиться здесь. Быстро перерезав индейский отряд, испанцы завладели террасой, находившейся на высоте первой стены. Их индейские союзники забралась следом за ними, втянув потом наверх лестницы. Вскоре прозвучал сигнал тревоги, и на испанцев полетели камни, но испанцы успели приставить лестницы к следующей огромной стене и вскарабкаться на нее.

Захваченные врасплох, войска Манко оказались вынуждены уйти с двух нижних террас, — они собрались на третьей. За их спиной виднелись силуэты трех башен. В распоряжении индейцев осталась только одна стена, поэтому они приготовились отчаянно биться за нее. Один из испанцев, принимавших участие в атаке, рассказывал:

«Я могу сказать, что это была самая страшная и жестокая война в мире; во время сражений между христианами и маврами проявлялась некоторая доля милосердия, оставшиеся в живых имели некоторую надежду, поскольку за них мог быть дан выкуп. Индейцы же не проявляли ни сострадания, ни рассудительности, ни страха Божия, они убивали нас так жестоко, как только могли».

С яростью испанцы размахивали мечами и отражали своими щитами град летящих камней. В ту ночь особенно ярко проявил себя один эстремадурец из города Бадахос. Эрнан Санчес был одним из 12 кавалеристов, направленных Эрнаном в качестве подкрепления. Этот

боец одним из первых взобрался на третью стену. Затем Санчес влез в окно одного из зданий и обнаружил там изумленных индейцев. Работая мечом, он заставил индейцев бежать вверх по лестнице, ведущей на крышу. Санчес помчался за ними и обнаружил, что находится у основания центральной башни. Он увидел, что с вершины башни свисает веревка. Закрепив щит на спине, он полез наверх. Находившиеся на верху башни индейцы бросили в него огромный камень. Санчес успел сделать рывок вперед, и камень ударил в щит. Санчес достиг верхнего окна и прыгнул туда, оказавшись в окружении индейских воинов.

На протяжении всей ночи длилась схватка. Несмотря на все усилия испанцев, индейцы продолжали удерживать три башни, испанцы же со своими союзниками овладели террасами внизу. Вильяк Уму и полководец Паукар Гуаман продолжали руководить действиями обороняющихся. Саксауаман имел одну слабую сторону: там не было источников воды. Запасы камней, дротиков и стрел на складах начинали иссякать. «Они упорно сражались весь день и всю ночь, — вспоминал очевидец. — С наступлением рассвета позиции индейцев пошатнулись: у них истощился запас камней и стрел».

Вильяк Уму и Паукар определили, что воды и оружия уже совершенно недостаточно. Назначив заместителем командира одного знатного инку, Вильяк отдал обороняющимся приказ прорвать ряды испанцев, чтобы, таким образом, позволить убежать верховному жрецу и Паукару. Добравшись до Калки, два военачальника стали просить Манко направить к крепости дополнительные войска, надеясь на то, что контратака свежими силами позволит разгромить испанцев.

К этому времени обороняющиеся индейцы отступили к трем башням. Исполняющий обязанности командира, имевший при себе захваченное у испанцев оружие, продемонстрировал такие блестящие бойцовские качества, что обеспечил себе место в испанских летописях. Вот что рассказывал о его поведении Педро Писарро:

«Действия орехона были настолько мужественными, что его можно было сравнить с некоторыми римскими бойцами в давние времена. Этот орехон держал в одной руке овальный щит и дубинку, а в другой — меч. На голове у него был морион. Он забрал это оружие у испанцев, погибших на

дорогах империи. Этот орехон двигался, как лев, по всему периметру самой верхней части башни, не давая испанцам взобраться туда по приставным лестницам... Когда один из его людей предупредил этого полководца, что какой-то испанец поднимается на одном участке башни, индейский командир со своим мечом и щитом бросился на него, как лев».

Эрнан Писарро распорядился, чтобы лестницы установили у стен всех трех башен и чтобы испанцы начали одновременный их штурм. Педро Писарро рассказывал об этом:

«Индейцы, находившиеся рядом с этим орехоном, к этому времени уже пали духом. Он один продолжал сражаться. Эрнан Писарро приказал поднимавшимся наверх испанцам не убивать этого индейца, но взять его живьем. Он поклялся, что не убьет его, если заполучит живым. Взбираясь на одну из башен, испанцы достигли вершины с двух или трех сторон».

Другой очевидец повествовал:

«В это время они поразили его двумя стрелами, [однако] он почти не обратил на это внимания. Видя, что его люди держатся все хуже и что повсюду испанцы на своих приставных лестницах, он бросил свой боевой топор, который держал в руке, в христиан, и, взяв в ладони пригоршни земли, он набил ею рот и стал тереть лицо с выражением такой муки... что это едва можно описать. Не будучи в состоянии пережить захват крепости и осознавая, что ее потеря означала его неминуемую смерть, — с учетом данных [Манко] Инке обязательств, — он закрыл свою голову накидкой и бросился вниз с башни высотой более чем в сто эстадо^[39] и разбился. Эрнан Писарро был очень разочарован тем, что этого человека не удалось захватить живым».

«С его смертью индейцы совсем утратили боевой дух, — писал один летописец, — уступая свои позиции Эрнану Писарро и его людям, которые, не колеблясь, предавали всех обороняющихся мечу». Многие индейцы предпочитали прыгнуть вниз со стен, нежели

принять верную смерть от рук испанцев. Немалое число индейцев в результате разбилось. Другие, падая на горы трупов, все же выживали, но их потом забивали дубинками или закалывали мечами испанцы. Один из испанских участников штурма Алонсо Энрикес де Гусман писал:

«Мы... осуществили штурм крепости, убив 3000 человек. Они убили нашего полководца Хуана Писарро... а во время сражения в городе они убили четырех христиан, также они убили более тридцати испанцев на фермах индейских вождей во время сбора податей у последних».

Как это обычно имело место в асимметричных сражениях между индейцами и испанцами, с инкской стороны погибли тысячи человек, у испанцев же потери были незначительные. Но этому асимметричному соотношению вскоре суждено будет поменяться.

10. СМЕРТЬ В АНДАХ

«Вы уже знаете, как я стремился воспрепятствовать вам причинить вред тем злым людям, которые... пришли в мое королевство... [Но] что сделано, то сделано... Отныне берегитесь их, поскольку... они наши худшие враги, а мы всегда будем их врагами».

Манко Инка, 1536

«О войне идет речь в случае явной необходимости; оружие допустимо, когда ни на что другое уже нет никакой надежды».

Никколо Макиавелли, 1511

Франсиско Писарро узнал о мятеже, поднятом Манко Инкой, лишь 4 мая 1536 г., за два дня до того, как Манко предпринял массированную атаку на испанский бастион в Куско. Встревоженный, он написал послания своему брату Эрнану и нескольким другим жителям Куско, дав им знать, что он пришлет подкрепления в самом скором времени. Содержание только одного из этих писем дошло до нас. Оно было адресовано дону Алонсо Энрикесу де Гусману, кавалеристу аристократического происхождения, который три недели спустя примет участие в отчаянном штурме Саксауамана:

«Достопочтенный сеньор!

Сегодня я прибыл в этот Город Царей [Лиму] после посещения городов Сан-Мигель и [недавно основанного] Трухильо — с намерением отдохнуть после столь многих трудностей и опасностей. Но мне сразу передали несколько писем от вас и от моих братьев, — меня информировали о восстании, поднятом этим предателем Инкой [императором]. Все это очень беспокоит меня ввиду того ущерба, который наносится нашим трудам во славу императора, и той

опасности, в которой вы находитесь. Мое сердце утешает тот факт, что вы держитесь там в Куско и... если на то будет воля Божья, мы вызволим вас. Я молю нашего Господа, чтобы Он помог вам.

4 мая 1536 г.

Франсиско Писарро».

За четыре месяца до этого Писарро заложил Город Царей, именуемый так, поскольку он был основан в день праздника Богоявления, называемого также праздником Трех Царей. Город был отграничен рекой Римак. Слово «римак», на языке рунасами означавшее «говорящий», с течением времени исказилось и стало звучать как «Лима» — нынешнее название города. Область, облюбованная Писарро, была заселена уже за тысячи лет до прихода испанцев; на этом месте стояли пирамиды из необожженного кирпича, которые за столь долгий срок настолько источились, что теперь напоминали своим видом холмы.

Писарро принялся распределять энкомьенды среди своих испанских товарищей. Он также занялся возведением зданий вокруг городской площади, используя для этого труд испанцев, туземцев и африканских рабов. Проведя блестящую военную кампанию, начавшуюся с пленения Атауальпы в Кахамарке и закончившуюся коронацией Манко Инки в Куско, Писарро поставил затем перед собой цель закрепить свои военные победы установлением прочного мира. Никто лучше, чем Писарро, не осознавал необходимости укрепить позиции испанцев на территории только что завоеванной империи.

Через четыре года после своего прибытия в Тавантинсуйю Писарро имел в своем распоряжении менее 600 испанцев, обосновавшихся в центральной части Инкской империи, общее население которой составляло, по всей видимости, более 5 миллионов человек. Это означало, что численное соотношение туземцев и испанцев в Перу составляло примерно 10000:1. К настоящему моменту около 200 испанцев обосновались в Сьюдад-де-Лос-Рейес (Городе Царей), несколько десятков их жило в Хаухе, небольшое число — в Сан-Мигеле и в Трухильо, и 190 человек попало в западню в Куско — в том числе двое братьев Писарро, Эрнан и Гонсало. Испанский отряд

из 140 человек под водительством капитана Алонсо де Альварадо находился к этому моменту достаточно далеко — в лесах северо-восточной части Перу, где осуществлял покорение цивилизации Чачапояя. В распоряжении бывшего партнера Писарро, Диего де Альмагро, имелось в распоряжении 500 человек, но этот отряд находился очень далеко на юге, на территории современного Чили, увязнув в собственной отчаянной борьбе с местным населением.

Подотчетный Писарро капитан Себастьян де Беналкасар имел в своем отряде 200 человек. Этот отряд осуществил завоевание северной территории, ныне соответствующей современному государству Эквадор. Но потребовалось бы несколько месяцев, чтобы послание с просьбой о помощи дошло до Беналкасара. И еще большее время потребовалось бы его отряду, чтобы прийти на помощь. В реальности испанцы контролировали лишь крошечные зоны в Перу, и до сих пор они полагались на союзничество с Манко Инкой, чтобы расширить свою зону влияния. С крушением испанско-инкского союза Писарро и его испанцы явили себя тем, кем они в действительности были: крошечной группой находящихся в отчаянном положении завоевателей. В настоящий момент единственный отряд, который Писарро мог направить в Куско в качестве подкрепления, был тот, что находился вместе с ним в Городе Царей.

Писарро до сих пор в точности не знал, как развивалось восстание, и каков был его размах. Но в общем, основной мотив восстания инков особого значения для испанцев не имел. Единственное, что сейчас было важно, это положить восстанию конец, прежде чем оно распространится дальше. Если Манко Инке удастся захватить Куско, то, помимо того что будут уничтожены братья Писарро и около половины его наличных сил, придется по новой начинать завоевание Перу. На этот раз инков уже не получится так легко обдурить обещаниями добрососедства и сотрудничества.

В течение недели после получения известий о восстании Манко Писарро направил в Куско первый отряд подкрепления. Это был кавалерийский отряд из 30 человек, возглавляемый тридцатитрехлетним капитаном Хуаном Морговехо де Киньонес. Писарро приказал Морговехо идти в восточном направлении по инкской дороге, поднимавшейся от побережья в Анды, а затем держать направление в сторону Вилкасуамана, стратегического перекрестка

четырёх инкских дорог, находящегося примерно в 100 милях к западу от Куско. Захват Вилкасуамана не позволит инкским войскам на севере идти на юг в сторону Куско. Вместе с тем силы Манко не смогут расширить зону, охваченную восстанием, на север.

После отправки отряда Морговехо Писарро снарядил второй отряд подкрепления из 70 кавалеристов, во главе которого был поставлен родственник Писарро, Гонсало де Тапия. Этот отряд направился по другой дороге. Тапия должен был направиться на юг по дороге, шедшей вдоль побережья и, пройдя около сотни миль, свернуть на восток, на тропу, поднимающуюся в Анды. В результате этот кавалерийский отряд должен был выехать на ту же магистральную инкскую дорогу, капак нян, на которой должен был уже стоять Морговехо.

Чего не знали ни Писарро, ни командиры двух его отрядов, так это то, что Манко уже направил в северном направлении отряд под водительством генерала Кисо Юпанки. Кисо было приказано сковать силы Писарро в Лиме и таким образом воспрепятствовать приходу свежих сил на помощь осажденной горной столице. Это позволило бы Манко решить «испанскую проблему» в Куско всецело по своему усмотрению. Помимо всего прочего, командиры двух отрядов подкрепления пребывали в полном неведении относительно масштабов восстания. Они не осознавали, что, как только они покинули пределы Лимы, они вступили на вражескую территорию. Восстание Манко, как круги по воде от брошенного камня, дошло на юге уже до города Коляо, находящегося на берегу озера Титикака. В северном же направлении оно дошло до границ города Хаухи. Как только испанские отряды вышли из Лимы, туземные гонцы начали доставлять информацию об их местонахождении генералу Кисо.

Теперь испанские силы в Лиме, Хаухе и Куско пребывали в полном информационном неведении. Они совершенно не имели возможности общаться друг с другом. Инкам не только удалось перерезать линии коммуникации испанцев. Они имели намерение также перекроить военную тактику врага. По прошествии трех с половиной лет оккупации инкские полководцы уже кое-что знали о сильных и слабых сторонах испанской военной тактики. Схватка с испанской кавалерией на плоской поверхности была равнозначна самоубийству, вне зависимости от того, какое количество туземных

войск было задействовано. Индейцы помнили, что успеха они до сих пор добивались лишь на неровной поверхности, которая позволяла нейтрализовать превосходящую мобильность и скорость испанских кавалеристов. Тщательно оценивая всю информацию, которая была ему известна о захватчиках, генерал Кисо выстраивал свои планы. «[Их стратегия] заключалась в следующем, — писал летописец XVI в. Агустин де Сарате, — они хотели дождаться, пока испанцы войдут в глубокое, узкое ущелье, и, блокировав вход и выход из него, перебить испанцев камнями и валунами, так что с врагом даже не пришлось бы вступать в рукопашную».

Тактика, взятая на вооружение инками, заключалась в том, чтобы превратить изрезанные контуры Анд в своего союзника, обратить топографию во врага испанцев. Вскоре это стало центральной стратегией всей кампании генерала Кисо Юпанки.

Отряд генерала Гонсало де Тапия, состоявший из 70 человек, первым испытал на себе новую военную тактику инков. До сих пор испанцы считали, что их кавалерия является практически непобедимой и совершенно не важно, сколь многочисленны туземные войска, выступившие против нее. Отряд Тапия вскоре вышел на королевскую инкскую дорогу, протянувшуюся вдоль Андского хребта — от Кито на юг, на расстояние примерно в 3000 миль. Повернув на юг, к магистральной дороге, испанцы пересекли высокогорные луга (пуны) Уайтара, отмеченные стадами длинношерстных альпак. Высоко над отрядом парили кондоры — огромные черные птицы с белыми отметинами. Затем отряд пересек по мосту реку Пампас и вышел в узкий каньон с высокими зубчатыми стенами. Пространство каньона было заполнено шумом реки.

И испанцы, и их лошади к этому времени уже устали и ощущали на себе воздействие высокогорного разреженного воздуха. Медленно, в полудреме поднимаясь вверх по каньону, они оказались совершенно не готовы к встрече с индейским отрядом, появившимся словно ниоткуда. Войска Кисо бросились на испанскую колонну, пращники начали поливать всадников градом камней. Захваченный врасплох, Тапия приказал своим людям поворачивать назад; отряд помчался вниз по каньону. Но испанцы обнаружили, что мост через реку исчез; туземные воины разобрали его сразу, как только испанцы пересекли его.

Будучи окруженными отвесными стенами каньона и имея перед собой непроходимую реку, испанцы оказались в ловушке. В это время раздался оглушительный звук, словно выстрел пушки. Огромный валун упал на землю, раздавив несколько всадников и лошадей, а других окатив смертоносной шрапнелью из камней. Взглянув наверх, испанцы в ужасе увидели, что туземцы, стоящие наверху стен каньона, сталкивают вниз другие глыбы.

Все новые валуны летели на землю, погребая под собой многих всадников и их лошадей. Раненые лошади ржали, испанцы хрипло кричали в обстановке всеобщей неразберихи и смятения. Несколько всадников попытались спастись бегством, пустив своих лошадей вверх или вниз по каньону, но они немедленно попадали под град камней и стрел. Несколько испанцев понеслись на своих лошадях прямо в толпу индейцев, рубя туземцев своими мечами. Но вскоре всадников окружил лес рук и стянул их с лошадей.

По окончании бойни Кисо приказал, чтобы те несколько испанцев, которым удалось выжить в ходе мясорубки, были отправлены к Манко Инке в качестве дара.

Между тем генерал Кисо уже узнал от часки, что в округе находился еще один испанский отряд и он сейчас направлялся прямо к месторасположению инков. Это был отряд из 60 пехотинцев под водительством капитана Диего Писарро, который, несмотря на то что он имел такую фамилию, не приходился родственником братьям Писарро. Пехотинцы вышли из города Хаухи; их целью было нанести удар по отряду инкского генерала Тисо, занимавшегося подстрекательством местного населения к мятежу. Разведчики Кисо донесли, что 60 испанских солдат в настоящее время движутся на юг вдоль реки Мантаро — по направлению к инкскому городу Уаманге, находящемуся примерно посередине между Хаухой и Куско. Никто из пехотинцев не знал о том, что поблизости была практически полностью уничтожена испанская кавалерийская колонна.

В еще одном узком высокогорном каньоне, к северу от Уаманги, Кисо устроил новую засаду. Там инкский полководец захватил врасплох испанский пехотный отряд и буквально раздавил его лавиной валунов; оставшихся в живых туземцы забили дубинками.

«Инкский [генерал Кисо] набрал множество ценных вещей, которые испанцы привезли с собой из Испании: парчу и шелка... другую богатую одежду, большое количество вина и съестных припасов... мечи и пики, которые они позднее использовали против нас, у них в результате оказалось более сотни лошадей, и они [также] захватили значительное число артиллерийских орудий... и аркебуз».

Намереваясь продолжать свою методичную тактику истребления испанцев, генерал Кисо направился со своим отрядом на север, по направлению к городу Хаухе: там еще продолжали проживать несколько десятков энкомендеро. Годы военного успеха и природное высокомерие взлелеяли в жителях Хаухи ложное чувство собственной безопасности. Полагая, что их пехотный отряд все еще боеспособен, энкомендеро проигнорировали донесения их напуганных слуг-янакон о том, что к городу приближается многочисленная инкская армия. Вот как описывает все это летописец Мартин де Муруа:

«[Испанцы] получили донесение о том, что они [туземные воины] идут сюда убивать их, но они не придали этому никакого значения, говоря: „Пусть эти собаки придут сюда, мы их ждем и порубим всех на куски, даже если их число будет вдвое большим, чем есть на самом деле...“ И соответственно они не собирались предпринимать никаких мер предосторожности — укрепляться в центральном районе, выставлять дозорных, размещать шпионов на дороге, которые могли бы известить о приближении индейцев».

Войска Кисо ночью незаметно прокрались в долину и окружили город. На рассвете следующего утра инкский полководец дал своим войскам сигнал к атаке, захватив испанцев врасплох. Оказавшись окружены, те испанцы, что успели, собрались в центре города, намереваясь стоять до конца; те же, что были захвачены поодиночке в своих домах, были убиты. Сражение за Хауху продолжалось от рассвета до заката. Постепенно индейцы одолели испанцев. К наступлению ночи «индейцы убили всех испанцев, а также их лошадей

и их черных рабов». Лишь одному испанцу удалось спастись. Этому единственному выжившему удалось спуститься с Андских гор и добраться до Лимы, где он поведал обо всем случившемся Писарро.

Известие о потере Хаухи пришло слишком поздно: к этому времени Писарро уже направил два дополнительных отряда в город в качестве подкрепления. Он ничего не знал о той катастрофе, что постигла кавалерийский отряд, и о занятии инками Хаухи. Один из направленных Писарро отрядов состоял из 20 кавалеристов, его возглавлял капитан Алонсо де Гаете. В его задачу входило доставить в город нового инкского императора — одного из братьев Манко Инки, Куси-Римака. Писарро надеялся, что, поместив этого марионеточного правителя на троне, он сможет расколоть инкскую элиту, ослабив таким образом силу инкского восстания. Писарро провел спешную коронацию — третью со времени убийства Атауальпы (первым императором был недолго проживший Тупак Уаллпа, а вторым Манко Инка) и затем направил нового марионеточного императора в Хауху, вместе с испанским эскортом и несколькими слугами из числа туземцев.

Поскольку Хауха располагалась довольно далеко на севере от очага восстания в Куско, Писарро полагал, что город будет безопасным местом, где Куси-Римака сможет постепенно начать утверждать свою власть. Но вскоре после отправки отряда Писарро решил, что кавалерийский эскорт слишком немногочислен. Он распорядился, чтобы еще 30 пехотинцев под командованием капитана Франсиско де Годоя присоединились в качестве подкрепления к отряду Гаете. Ни Писарро, ни два подчиненных ему военачальника не знали, конечно, что город, куда они направлялись, был захвачен генералом Кисо, что жители города были перебиты, а также то, что два испанских отряда были уничтожены практически полностью.

Писарро опасался, что эскорт нового императора может быть уязвим, но он и заподозрить не мог, что Гаете и его люди будут атакованы теми самыми туземцами, которых испанцы эскортировали. Оказалось, что марионеточный император Куси-Римака вовсе не собирался становиться ренегатом. Он уже некоторое время состоял в секретном общении с силами генерала Кисо. В каньоне на пути к Хаухе армия Кисо устроила засаду колонне Гаете. Прежде чем испанцы осознали, что происходит, Куси-Римака и его сторонники — те

самые люди, которым Гаете со своим отрядом обеспечивал охрану, — направили свое оружие против конкистадоров. Результатом стала еще одна бойня. Объединившиеся туземные боевые группы убили испанского капитана и 18 из 20 испанцев. Только двум человекам удалось уцелеть, у одного из них была сломана нога; они выбрались из каньона на муле.

Двое выживших повстречали испанский отряд подкрепления из 30 пехотинцев под командованием капитана Годоя. Выслушав известие о разгроме, изрядно встревоженный Годой решил повернуть назад в Лиму, взяв с собой испанцев из разбитого отряда. В это время генерал Кисо направил Манко донесение об одержанных за последние дни победах; наряду с донесениями он послал императору испанскую одежду, оружие «и также двух живых испанцев, черного раба и четырех лошадей». Куси-Римак направился на юг для встречи со своим братом. Он будет союзником Манко на всем протяжении восстания.

Три испанских отряда были разбиты, так что теперь в центральных Андах оставался только один испанский отряд, состоявший из 30 кавалеристов. Это был отряд, который Писарро изначально послал для освобождения Куско. Генерал Кисо вскоре загнал в ловушку этот отряд под командованием Морговехо и обошелся с ним так же, как с тремя предыдущими. Оставшиеся в живых — практически единственные выжившие из всего боевого состава четырех разрозненных отрядов — добрались до Лимы и сообщили Писарро очередную порцию плохих новостей. За два месяца — май и июнь 1536 г. — военная фортуна изменила испанцам, тогда как к инкам удача повернулась лицом. Впервые с того момента, как испанцы прибыли в Перу, инкскому полководцу удалось уничтожить не один, а целых четыре отряда — три из которых были кавалерийские. Генералу Кисо к этому моменту удалось уничтожить около 200 «непобедимых» виракочей — число, почти равное количеству людей, осажденных в Куско, и превышающее численность бойцов, участвовавших в пленении Атауальпы в 1532 г.

Всего лишь за два месяца до этих событий под командованием Франсиско Писарро было 500 испанцев, и он имел послушного ему инкского императора на троне. Теперь эта марионетка возглавила народное восстание, которое уже уничтожило треть боевых сил Писарро. Пять испанских капитанов были убиты — в их числе брат

Франсиско, Хуан. Кроме того, более сотни лошадей были либо захвачены индейцами, либо убиты, Хауха была подвергнута разграблению, а ее жители вырезаны. Куско находился в осаде, и были убиты почти все испанские энкомендеро на пространстве между Куско и Лимой. Один летописец оставил такую запись:

«Губернатор был очень обеспокоен, увидев, как плохо пошли дела, — погибло четыре подчиненных ему капитана и почти двести солдат, а также большое число лошадей; и он также был уверен в том, что этот город [Куско] либо находится в большой опасности, либо уже сдан, [в последнем случае] его братья и все остальные испанцы должны были уже погибнуть. Осознавая все это и видя, как мало людей остается рядом с ним, он находился в состоянии отчаяния, опасаясь утраты этой земли, — не было и дня, когда бы кто-то не явился к нему сообщить о том, что „такой-то вождь поднял восстание“ [или] что „в таком-то районе столько-то испанцев погибло, отправившись на поиски продовольствия“».

Слишком поздно Писарро понял, что инки нашли способ уничтожать кавалерийские отряды, которые еще несколько месяцев назад считались неуязвимыми для вражеских атак. Писарро пришлось взглянуть в лицо тому невеселому факту, что он имел в своем распоряжении не более 100 бойцов. Вдобавок в городе циркулировали слухи, что инки вот-вот предпримут атаку на город, что, несомненно, означало массовую резню.

Опасаясь, что его братья Эрнан, Гонсало и Хуан могли уже погибнуть, отчаявшийся Писарро направил срочное послание ряду испанских губернаторов обеих Америк. 9 июля 1536 г. — к этому моменту уже два месяца в империи полыхало восстание — Писарро в нехарактерном для него просящем тоне обратился к Педро де Альварадо, который был заместителем Эрнана Кортеса в их бытность в Мексике. Сейчас де Альварадо был губернатором Гватемалы.

«Достопочтеннейший сеньор!

...Инка [император Манко]... осадил Куско, и мне ничего не известно о судьбе находящихся в нем испанцев... Стране нанесен сильнейший урон, ни один туземный вождь более не служит нам. Туземцы одержали много побед над нами... Все это является источником снедающей меня великой печали и [страха] утратить губернаторство... Я молю вас оказать мне помощь. Этим вы не только окажете огромную услугу Его Величеству, но [также] сделаете одолжение мне и спасете жизни тех... кто находится здесь в Лиме... Могу вас заверить в том, что если мы не спасемся, то Куско будет утрачен... и все оставшиеся в стране испанцы погибнут: нас мало, и у нас почти нет оружия, индейцы же являют бесстрашие... В заключение скажу лишь, что вам составит очень мало труда оказать эту услугу нашему Королевскому Величеству, услугу, о которой просит вас наше королевство и я лично. И даже если помощь христианам будет стоить вам значительных трудов, вам все будут очень признательны за это.

Да наградит вас Господь таким процветанием, о каком вы только мечтаете.

Франсиско Писарро».

Постепенно письма Писарро с сообщениями о массовом инкском восстании достигли центральноамериканского перешейка, потом Карибского бассейна и затем Испании. Так, император Карл V узнал о поднятом мятеже. Тревожащие новости подразумевали под собой тот факт, что с причитающимися королю 20 процентами от поступавшего из Перу золота и серебра было покончено. Направляя депеши с тревожными новостями в Совет по делам Индии, в Санто-Доминго, а также королю, испанец Паскуаль де Андагойя^[40] писал следующее:

«Повелитель королевства поднял восстание. Мятеж начал распространяться из одной провинции в другую, пока все не восстали. Мятежные вожди подошли уже на расстояние в 40 лье от Города Царей. Губернатор [Писарро] просит о помощи, отсюда ему будет послано все, что только

возможно. Мы пошлем к нему человека с достаточной суммой денег, и мы просим, чтобы губернатору в помощь было послано столько людей, сколько это возможно, а также большое число единиц артиллерии, аркебуз и арбалетов».

В то время как Писарро в отчаянии рассылал послания с просьбой о помощи, Манко Инка праздновал победу генерала Кисо в своей новой штаб-квартире, расположенной в 30 милях к северо-западу от Куско. Манко покинул свою прежнюю штаб-квартиру в Калке, расположенную всего лишь в 12 милях от столицы. Он полагал, что она слишком уязвима для атаки. Мятежный император переместился дальше — вниз по течению реки Вильканоты, в оборонительно-храмовый комплекс Оллантайтамбо. В этом месте долина Юкай сужалась. На ее северной стороне, над круто поднимавшимися одна над другой террасами, имевшими сельскохозяйственное назначение, возвышался обнесенный стеной комплекс Оллантайтамбо, крепость, позволявшая контролировать входы в долину Юкай и в примыкавшую к ней еще одну долину.

Переместившись в Оллантайтамбо, Манко собрал индейских вождей и полководцев на важное совещание, на котором пошла речь о выказанной неспособности удержать крепость Саксауаман. За те три месяца, что прошли с момента побега Манко из Куско, молодой император очевидно возмужал. Манко обратился к аудитории со следующими словами:

«[Мои] сыновья и братья!

По опыту предыдущих бесед... вы уже знаете, что я пытался отвлечь вас от причинения вреда этим злым людям, которые посредством своего обмана, заявлений о том, что они являются сыновьями [бога-создателя] Виракочи, проникли в мое королевство. Я дозволил им это, и я помогал им, отдавая им все, что у меня было, — серебро и золото, одежду и кукурузу, лам и альпак, мужчин, женщин и детей и бесчисленное множество других вещей. Они схватили меня, били меня и унижали, хотя я этого совсем не заслужил, они даже попытались убить меня... Меня сильно опечалил тот факт, что вас так много, а их так мало, но им удалось уйти от

вашего возмездия. Возможно, им помогал Виракоча: вы говорили мне, что они каждую ночь молятся на коленях... Если Он не помог им, то как им удалось избежать возмездия от ваших рук, когда вас так много? Но что сделано, то сделано... Отныне берегитесь их... они наши худшие враги и вечно будут таковыми. Я хочу укрепить свои позиции в этом городе и выстроить здесь такую цитадель, в которую никто не сможет проникнуть. Помогите мне в этом, ведь однажды она может нам понадобиться».

Тем временем часки продолжали приносить Манко донесения об одержанных генералом Кисо победах на севере. Титу Куси вспоминал:

«В этот период... прибыли гонцы... [с донесениями] о произведенных разрушениях в... Лиме и... Хаухе, где имели место сражения между индейцами и испанцами, из которых индейцы выходили победителями. Гонцы принесли моему отцу множество голов испанцев, также они доставили двух живых испанцев, негра и четырех лошадей. Эти донесения и дары очень подняли наш дух».

Имея сведения о том, что генерал Кисо очистил центральные Анды от испанских захватчиков и разбил четыре отряда испанцев, Манко отдал распоряжение генералу Кисо захватить Лиму.

Между тем Эрнан и Гонсало Писарро с еще 190 испанскими воинами, попавшими вдовушку в Куско, продолжали находиться в очень сложной ситуации. Хотя им и удалось захватить крепость Саксауаман, они потеряли убитыми Хуана Писарро и еще четырех бойцов, многие солдаты получили ранения, съестные запасы подходили к концу, боевой дух достиг низшего уровня, и за все те четыре месяца, что длилась осада, они не получали никаких известий из внешнего мира. Перекинулось ли восстание Манко через Анды и достигло ли оно побережья? Они не имели об этом представления. Какова судьба Франсиско Писарро и других испанцев, находящихся в Городе Царей? Этого никто не знал. Как можно было объяснить то, что никаких отрядов подкрепления не прибыло? Некоторые думали, что Писарро мог остаться в живых, а отряд подкрепления, который он,

возможно, послал, вероятно, не смог добраться до города. Не имея достоверных сообщений извне, испанцы не представляли, что происходит в других областях Перу.

После захвата Саксауамана Эрнан оставил в крепости пятьдесят пехотинцев, а сам с остальной частью своего отряда продолжал держать оборону в двух зданиях на главной площади. Ежедневно силы Манко продолжали атаковать испанцев и их туземных сподвижников. Несколько военачальников подали Эрнану идею собрать небольшой отряд из лучших кавалеристов, который попытается вырваться из города и найти помощь на побережье. Там кавалеристы выяснили бы, жив ли Франсиско Писарро и остальные испанцы из его гарнизона и существует ли возможность набрать там отряд подкрепления.

По мнению некоторых других, попытки подобного рода будут равносильны самоубийству. Прежде чем отряд достигнет относительной безопасности прибрежных равнин, ему придется пробираться по высокогорным тропам, где можно легко угодить в засаду. Если отряд погибнет, то осажденные в Куско будут располагать еще меньшими боевыми силами. Эта вторая группа капитанов настаивала на том, что прорываться из окружения следует всем вместе, — либо все должны оставаться в городе. По их мнению, разделение боевых сил, и так значительно уступающих противнику в численности, означало бы неминуемую катастрофу.

Пребывая в западне без всякой надежды на спасение и осознавая, что контакт с братом Франсиско в Лиме давал шанс на отправку сил подкрепления к осажденным, Эрнан все-таки решил, что следует предпринять попытку вырваться из окружения. Он, конечно, не знал, что совсем недавно крупные кавалерийские отряды были уничтожены войском Манко. Видя, что другого выхода из тупика нет, Эрнан отобрал 15 самых доблестных всадников для миссии, которая многим представлялась обреченной.

Кавалерийский отряд практически уже готов был отправиться, как вдруг неожиданно инки предоставили осажденным испанцам известия из внешнего мира. Эти новости пришли в виде отрубленных голов и кипы вскрытых писем. Вот что рассказывал об этом Алонсо Энрикес де Гусман:

«За день до того, как испанцы должны были выступить, сразу же после мессы, послышались крики индейцев на прилегающих холмах... они оставили на дороге пять голов христиан и более тысячи вскрытых писем. Индейцы убили тех христиан, что губернатор отправил для освобождения города, и захватили письма... Индейцы принесли все это — так, чтобы мы могли все это видеть и знали, что случилось. Они хотели этим привести нас в еще большее отчаяние. [Но, напротив], это прибавило нам сил и бодрости... Благодаря этим письмам мы узнали то, что нас интересовало, — то, что губернатор и его люди живы... и мы также узнали о победе, одержанной императором [Карлом V против мавров] в ходе битвы за взятие Туниса... Я нашел также письма, адресованные мне... — с моей родной земли и от губернатора [Писарро]».

По-видимому, авторство идеи выложить письма вместе с отрубленными головами принадлежало одному из узников Манко. Этому человеку как-то удалось провести инкского императора — внушить ему, что испанцы будут сокрушены при виде этих «беспольных» [вскрытых] «говорящих страниц» не менее, чем при виде отрубленных голов боевых товарищей. По-видимому, даже проведя три года в окружении испанцев, Манко не составил себе представления, как работает система письма. Так, даже не осознавая этого, Манко доставил осажденным ценную информацию — письма, забранные у испанских воинов, погибших в Андах.

Ободренный известием о том, что его брат Франсиско жив, Эрнан расстался с мыслью достичь побережья и вместо этого решил, что ему и его отряду следует попытаться сокрушить инкское восстание одним храбрым ударом. Шпионы-янаконы информировали Эрнана о том, что Манко Инка перенес свою штаб-квартиру в Оллантайтамбо, находящийся в 30 милях к северо-западу от Куско. Если Эрнан сможет пленить или убить императора, то будет нанесен удар по движущей силе восстания. Тогда можно будет посадить на трон кузена Манко, Паскака, продолжавшего сражаться на стороне испанцев. Оставив 50 пехотинцев держать оборону Саксауамана и еще 40 в городе, Эрнандо повел отряд, состоящий из 70 кавалеристов и 30 пехотинцев, за

пределы города. Цель Эрнана была простая: захватить или убить лидера национального восстания — самого Манко Инку.

Эрнан со своим отрядом добрался до узкой долины Юкай и далее проследовал вдоль по течению протекающей по ней реки. В процессе продвижения испанцам приходилось пять или шесть раз пересекать реку вброд. Долина все более сужалась. Сопровождавшие испанцев индейцы неожиданно остановились и стали на что-то показывать. На вершине огромного отрога, выступавшего из каменной стены долины, как контрфорс, испанцы увидели храм-крепость Оллантайтамбо. Педро Писарро вспоминал:

«Когда мы подъехали, мы обнаружили [Оллантай]тамбо настолько хорошо укрепленным, что это произвело на нас впечатление ужаса, — это совершенно неприступное место с очень высокими террасами и очень большими и хорошо укрепленными стенами. Оно имеет только один вход, расположенный напротив очень крутого холма. И... [на холме] стояло множество воинов с валунами, и они готовы были их сбросить, как только испанцы осмелятся войти в крепостные ворота».

Испанцы стояли пораженные видом высоких стен и десятков тысяч туземных воинов, стоящих на огромных, расположенных в шахматном порядке террасах, которые поднимались к командному центру крепости. Вскоре испанцы заметили, что рядом с инкскими воинами находились индейцы из другой племенной группы. Это было племя антис, обитавшее в лесистых областях на востоке.

Испанцам раньше уже приходилось встречаться с тем, что инки включали амазонских воинов в свою армию, но сейчас конкистадоры с удивлением обнаружили, сколь большое число этих туземцев присутствовало здесь. В отличие от обитателей Анд многие антис раскрашивали свои лица красками. Когда испанцы подъехали слишком близко к крепостным стенам, множество стрел с заостренными бамбуковыми и пальмовыми наконечниками поднялось в воздух. Эрнан вскоре обнаружил, что антис стреляют из луков очень метко.

Писарро подъехал для разговора к одному седовласому конкистадору. Один очевидец писал:

«Эрнан... сказал пожилому человеку, рядом с которым он находился: „Ну что ж, молодые не отваживаются приблизиться и что-либо сделать, так давай мы, старики, прощупаем индейскую оборону“. И он взял седовласого человека с собой, и они помчались к стенам, — пиками они проткнули двух индейцев. Было удивительно видеть тот водопад стрел, который сыпался на них, когда они возвращались назад, и слышать весь тот рев [индейцев]».

Такие качества Эрнана, как высокомерие, жадность и эгоизм, сделали его непопулярным в среде испанцев, однако никто не мог обвинить его в трусости. Продемонстрированная им сейчас редкая храбрость заставила остальных испанцев устыдиться, и несколько молодых всадников прищипорили своих лошадей и попытались достичь ведущих в крепость ворот, которые индейцы заложили камнями. Но туземные воины в мгновение ока отразили атаку, как писал Педро Писарро, они «бросали вниз столько валунов и запускали столько камней из пращей, что если бы там нас, испанцев, было даже намного больше, они бы убили нас всех». В ходе этой первоначальной стычки воины Манко убили большое число индейских сподвижников испанцев и ранили нескольких конкистадоров.

Солдатам Эрнана пришлось отступить и произвести перегруппировку, воины Манко в это время начали спускаться с крепости, с тем чтобы начать преследование испанцев. «У индейцев, есть одна особенность, — вспоминал Педро Писарро, — когда победа на их стороне, они гонятся за тобой, словно демоны, когда же им приходится убегать, они ведут себя, как мокрые курицы. Поскольку на этот раз победа сопутствовала им, они преследовали нас с огромной решимостью». Испанцы обнаружили, что особенно яростно атаковали амазонские лучники: «В инкской армии было множество... [амазонских туземцев], которые не знают, что значит бежать, — писал один испанец, — они продолжают выпускать стрелы, даже когда смертельно ранены».

Испанские пехотинцы и их туземные сподвижники сошлись в схватке с начинавшими демонстрировать все большую лихость инкскими войсками. В то время как противостоящие друг другу силы сошлись в битве, испанцы вдруг обнаружили, что равнину, на которой

они сражаются, начала загадочным образом затоплять вода. Оказалось, что Манко Инка разработал тайное оружие. Вдоль протекавшей поблизости реки Патаканчи, впадавшей в Юкай, инкские инженеры выстроили ряд каналов. Теперь Манко подал сигнал открыть их, чтобы затопить единственную равнину, на которой испанские всадники могли маневрировать. Согласно одному сообщению, появился сам Манко Инка — оседлав испанского коня, он призывал своих воинов идти в атаку. Вскоре вода поднялась так высоко, что уже доходила до уровня стоявших лошадей. Способность испанцев атаковать была начисто парализована. Педро Писарро писал:

«Индейцы повернули реку в сторону равнины, где мы находились. И если бы мы прождали дольше, мы бы погибли. И когда он понял, какой трюк индейцы провернули в отношении нас, и, осознав, что деревню занять в настоящий момент не представляется возможным, Эрнан Писарро приказал отступать. Когда уже совсем стало темно, он направил нескольких пехотинцев вперед. Эрнан отправил вперед багаж — вместе с несколькими конниками, которые должны были охранять его. Сам же он с оставшимися войсками занял позиции, готовясь обороняться. Эрнан приказал своему брату Гонсало Писарро и еще нескольким кавалеристам подтянуть тыл. Так мы начали отступление».

На протяжении всей ночи испанцы были вынуждены отступать, их индейские помощники помогали им отбиваться от орд индейцев, неожиданно возникавших из темноты со своими дубинками. Каким-то образом Эрнану и его людям удалось пробиться в долину и достичь высот на противоположной ее стороне. Там они разбили на ночь лагерь в покинутой индейской деревне. На следующий день уставшие, павшие духом испанцы двинулись назад в Куско. Несмотря на все усилия испанцев, результатом их храброй атаки явилось множество раненых в их стане и большое число погибших лошадей. Сорванная кампания, закончившаяся отступлением испанцев, по-видимому, лишь приободрила Манко и его бойцов.

В это время Франсиско Писарро с тревогой и нетерпением ждал подкрепления из-за границы. Его беспокоила мысль: живы ли его братья в Куско? Он получал донесения от напуганных шпионов-янаконов о том, что вблизи города крупные подразделения инкской армии готовятся к атаке.

Писарро жил в Городе Царей в течение последних полутора лет. Вместе с ним проживала его семнадцатилетняя любовница донья Инес. Она была дочерью великого Уайны Капака и сестрой Манко Инки. У Франсиско и доньи были двухлетняя дочь и годовалый сын. Город, заложенный Писарро, располагался вокруг главной площади в традиционном испанском стиле. На ней были выстроены разнообразные типы зданий, а также масса палаток, навесов и традиционных индейских жилищ, в которых проживали слуги испанцев и недавно прибывший отряд африканских рабов.

На защиту Города Царей могли встать только 100 испанцев. В их число входило 80 кавалеристов и 20 пехотинцев. Также Писарро мог рассчитывать на помощь примерно 70 тысяч туземцев — в основном на представителей племен Чачапойя, Канярис и выходцев из класса янаконов. В отряде также было 14 испанских женщин — единственные в Перу, и большое число индейских любовниц испанцев плюс к этому мориски, рабыни исламского происхождения. Выстроенный на бесплодной песчаной почве, Город Царей располагался примерно в 12 милях от побережья Тихого океана. К востоку, северо-востоку и юго-востоку от города возвышались круглые холмы с крутыми склонами — последние напоминания об Андах.

Атмосфера страха и тревоги охватила жителей города ввиду слухов о приближении вражеской армии и осознания несоразмерности противостоящих друг другу сил. Жители города знали, что занятой испанцами Хаухи более не существовало, что ее энкомендеро были уничтожены. Куско могла постигнуть такая же судьба. Также ничего не было слышно о Диего де Альмагро, чей отряд из 500 человек год назад отправился обследовать королевство Новое Толедо, как был назван этот край. Этот отряд также мог быть уничтожен, о его судьбе ничего не было известно. Несмотря на все отчаянные мольбы Писарро, обращенные за границу, корабли с отрядами подкрепления так и не пришли к нему на выручку. До сих пор Писарро не получил ответа.

Наконец в конце зимы новости о том, что все находятся в тяжелом положении, принес один испанец.

«[Конкистадор Диего де Агуэро] добрался до Города Царей, [и] он сообщил, что индейцы поднялись с оружием; проезжая через их селения, он подвергался смертельной опасности. Приближалась огромная армия, известия об этом сильно напугали горожан, тем более что в городе осталось совсем мало испанцев».

Вслед за тем последовали еще более плохие новости.

«Явились [союзные] индейцы из окрестностей Города Царей, — они сообщали, что движется огромное количество индейских воинов с гор, чтобы убить всех горожан, их женщин и детей. Губернатор направил Педро де Лерму с кавалерийским отрядом из 20 человек, с тем чтобы разведать, что происходит на самом деле, — все описанное имело место на расстоянии трех лье, на равнине... [Лерма] выехал той ночью, и на расстоянии двух лье от города он вдруг обнаружил, что окружен пятьюдесятью тысячами индейских воинов».

Жители города поняли, что слухи о надвигающейся атаке подлинные. Генерал Кисо на протяжении нескольких месяцев формировал свои отряды. К этому времени он приобрел уже большой опыт в плане борьбы с испанскими войсками, как с пехотой, так и с кавалерией. Используя изрезанную топографию Анд и постоянно собирая информацию о дислокации и перемещениях вражеских войск, он сумел разгромить испанские кавалерийские отряды, которые до этого считались непобедимыми. При этом сам Кисо потерял очень мало человек. Однако испытанный полководец хорошо осознавал границы своих возможностей: до с их пор ни он и никто другой в инкской армии не обнаружили эффективных средств борьбы с испанской конницей на равнинной местности; в данном случае численное превосходство индейских войск не играло роли. Стоящему над Кисо главнокомандующему — Манко Инке — еще предстояло усвоить этот урок.

За несколько месяцев до последних событий Манко, узнав о целой серии одержанных полководцем побед, направил к Кисо одну из своих сестер, «которая была очень красивой», с тем чтобы он взял ее себе в жены. Манко также послал Кисо королевские носилки, которые являлись статусным атрибутом. Манко сделал все возможное для повышения статуса и уровня полномочий своего самого успешного генерала, чему способствовало и заключение кровных родственных связей. Дары, однако, были вручены вместе с твердыми указаниями: Кисо должен был атаковать прибрежный город Писарро «и уничтожить его, не оставив целым ни одного дома, и убить всех испанцев, каких он только обнаружит». Писарро, при благоприятном стечении обстоятельств, следовало взять живым и отправить затем к Манко. Всех индейцев, которые помогали испанцам, следовало уничтожить. После разграбления и разрушения города Кисо должен был вернуться со своей армией в Куско, где он вместе с Манко довершил бы истребление остающихся в Перу испанцев.

Генерал Кисо осознавал, что мощь и скорость испанской конницы могут быть нейтрализованы только за счет неровностей топографии. Контролируя высоты, Кисо имел явное преимущество.

Между тем Педро де Лерма, обнаруживший, что армия Кисо находится уже совсем близко от города, решил атаковать. Несмотря на значительные потери в своих рядах, инкские войска все продолжали и продолжали наступать — новые воины занимали место убитых. Инкам удалось убить одного испанца и ранить нескольких; потом метко пущенный из пращи камень попал в лицо Лерме. Тот покинул поле боя, и вскоре его войска отступили в Лиму.

По тщательном изучении местности генерал Кисо решил атаковать город Писарро с трех сторон — с севера, востока и юга. Разделив армию на три части, Кисо приказал дивизии, в которую входили представители племен Тарама, Атабильо, Уануко и Уайла, атаковать с севера. Вторая дивизия, в которую входили представители племен Уанкас, Ангарес, Яуйос и Чауиркос, должна была атаковать с юга. Сам же Кисо должен был возглавить третью дивизию и повести атаку с востока. Войска Кисо начали занимать свои позиции, и в первый раз жители города имели возможность увидеть их. «Губернатор, увидев такое множество воинов, — писал один

испанец, — решил, что партия, безусловно, проиграна». Генерал Кисо дал команду к атаке.

Три дивизии Кисо пересекли равнину под звуки традиционной инкской военной музыки: звуков раковин, глиняных труб и барабанов. Сверху все это выглядело как трехсторонний зажим, медленно и неуклонно сдавливавший городу горло. Писарро к этому времени разместил свой кавалерийский отряд в укрытии внутри городской черты. Когда дивизии Кисо начали наступление, и общая совокупность индейских войск стала хорошо видна на равнине, Писарро дал сигнал к атаке.

Неожиданно появился отряд стрелков из аркебуз. Затем в ход пошла кавалерия. Вооруженные пиками и мечами, испанцы галопом понеслись на передние линии атакующих и врезались в них. Туземные союзники испанцев, намного более многочисленные, чем конкистадоры, также контратаковали инкские войска камнями и дубинками с бронзовыми наконечниками. Завязалась яростная схватка, и, как обычно, дубинки и пращи оказались слабым оружием против закованных в доспехи испанцев с их пятисоткилограммовыми лошадьми и стальным оружием. Хотя войскам Кисо удалось достичь предместий города, организовать успешную атаку они не смогли, — испанские пехотинцы и кавалеристы, а также их индейские сподвижники самоотверженно отстаивали город.

Всю вторую половину дня длилась яростная битва, в ходе которой испанская кавалерия нанесла огромный урон войскам Кисо. Наконец инкский генерал приказал своим войскам отступить на холмы, окружающие город, зная, что крутые склоны обезопасят индейскую армию от дальнейших кавалерийских атак. Кисо со своей дивизией отступил на высокий бурый холм, ныне носящий название Сан Кристобаль, которой возвышается над Лимой. Две другие дивизии заняли холмы с северной, западной и южной сторон, практически взяв город в кольцо.

На протяжении следующих пяти дней индейский полководец держал в осаде Город Царей, испанцам приходилось яростно сражаться, чтобы отстоять свой город. Но на шестой день наступил поворотный момент. Манко приказал своему испытанному полководцу взять штурмом город, разрушить его и всех испанцев предать смерти. Зная, что воины Манко все еще продолжают держать в осаде Куско, но

глубоко увязли в этой ситуации, не достигая полной победы, инкский генерал чувствовал, что нужно довершить дело здесь на побережье и затем прийти на помощь императору, пытающемуся овладеть инкской столицей. Но каждый день на своем наблюдательном пункте, находящемся на вершине холма, Кисо наблюдал, как испанская кавалерия наносит атакующей инкской армии сокрушительные потери. И он решил, что единственная его возможность пробить брешь в обороне Писарро заключается в том, чтобы нанести окончательный, сокрушительный удар по городу: и на этот раз сам Кисо должен был возглавить атаку.

Кисо созвал офицерское собрание. Постепенно подтянулись военачальники на своих носилках. Когда все собрались, инкский генерал встал и жестом показал на испанский город. С веской интонацией он произнес, что намерен войти в город и взять его силой или же умереть. «Я намереваюсь войти сегодня в город и убить всех испанцев, находящихся там, — сказал Кисо, — те, кто пойдет вместе со мной, должны осознавать, что если я умру, то и все умрут, и если я поверну назад, то и все вместе со мной должны повернуть назад».

Узнав от своих шпионов о том, что в городе присутствуют испанские женщины, Кисо пообещал военачальникам, что вознаградит их этими женщинами, так чтобы две расы смогли смешаться, и появилась бы сильная генерация воинов. Генерал также напомнил командирам, что если им повезет, то ненавистные оккупанты лишатся последнего своего плацдарма на побережье и вскоре вся Тавантинсуйю будет освобождена отложных виракочей. Ближе к вечеру, после того как полководцы вернулись к своим войскам, была предпринята последняя атака на Город Царей. Один летописец писал:

«Вся [туземная] армия двинулась строем с огромным количеством знамен, — испанцы сразу почувствовали решимость и волю наступавших. Губернатор [Писарро] разбил всю имевшуюся у него в распоряжении кавалерию на два эскадрона. Он лично возглавил один из них и устроил засаду на одной улице. Другой эскадрон организовал засаду на другой улице. К этому времени враг уже пересекал открытую равнину вблизи реки. Надвигающиеся войска

выглядели величественно — все они были отборные. Генерал [Кисо] шел впереди войск — с копьем наперевес».

Одно из самых существенных различий между инкским и испанским методами ведения военных действий заключалось в том, что инкский генерал и подчиненные ему боевые командиры зачастую лично вели войско в атаку. Многоязычная туземная армия была привычна к тому, что полководец всегда держится впереди шеренг войск. Видя своего командира впереди себя на носилках, туземцы сражались с большей решимостью. Если же военачальники оказывались сраженными, то атака зачастую захлебывалась. Соответственно ахиллесовой пятой инкской военной стратегии была привычка определять командный центр на самое острие атаки. Испанские командиры, наоборот, руководили сражением, находясь в тылу своих войск. За исключением операции с пленением Атауальпы, Писарро всегда посылал подчиненных ему полководцев, например, Диего де Альмагро и Эрнана де Сото, руководить атакой. Если бы с ними что-то случилось, то Писарро сохранил бы контроль над общей ситуацией. Один летописец писал:

«[Генерал Кисо] пересек оба рукава реки [Римак] на своих носилках. Видя, что [вражеские воины] начинают заполнять улицы города и некоторые из людей Кисо уже взобрались на самый верх стен, [испанская] кавалерия ринулась вперед и атаковала с такой огромной решимостью, что она в один миг разгромила врага наголову, — этому способствовало также то, что испанцы сражались на плоской местности. На месте погиб генерал [Кисо], а с ним еще сорок командиров и вождей. Хотя могло показаться, что наши люди специально нацелились на их уничтожение, индейские командиры были убиты, поскольку они находились впереди своего войска и первый удар испанцев пришелся прямо на них. Испанцы продолжали преследовать и уничтожать индейцев до самого подножия холма [Сан Кристобаль], но там, на месте оборонительных укреплений инков, конкистадоры столкнулись с самым ожесточенным сопротивлением».

Вечерняя тьма накрыла поле боя, усеянное телами туземцев и окровавленными носилками павших инкских командиров. На следующее утро, проснувшись, испанцы обнаружили, что вся туземная армия исчезла так же неожиданно, как появилась. Психологически сокрушенные потерей своего генерала и столь большого числа своих командиров, войска Кисо отступили к Андам. И вновь закованная в доспехи испанская кавалерия, которая имела пространство для маневра, оказалась решающим фактором. Это в сочетании с фатальной инкской стратегией выдвигать командиров в авангард своих войск в одночасье раздавило атаку инков на прибрежный город Писарро.

Через три дня после смерти Кисо запыхавшийся часки прибыл в Оллантайтамбо, в лагерь Манко. Император с мрачным выражением лица слушал, как часки повторял текст донесения, которое по эстафете поочередно передали 60 гонцов. В сообщении речь шла о недавней катастрофе на побережье; генерал, которому Манко даровал свою сестру в качестве жены, погиб, равно как еще большое число блестящих инкских командиров; армия Кисо в беспорядке отступила в горы. Испанский город не удалось взять. Франсиско Писарро остался в живых, его кавалерия не пострадала.

На Манко известие о поражении, которое потерпел Кисо, произвело сокрушительный эффект. Погиб самый блестящий генерал империи, на которого возлагалось столько надежд. Манко возложил на победоносного генерала роковую миссию. Инкский император, очевидно, проигнорировал фундаментальную причину предыдущих успехов Кисо: эффективное использование андской топографии для нейтрализации испанской кавалерии, — и вместо этого приказал генералу атаковать на открытой равнине, где эту кавалерию остановить не было никакой возможности. Вероятно, Кисо понимал, что ему была поручена миссия, которая с большой долей вероятности могла стать для него фатальной. Но, получив прямой указ от своего божественного императора, Кисо ничего не мог поделать, ему оставалось только атаковать.

Некоторые испанские источники утверждали, что генерал Кисо был сражен пулей аркебузы, другие — что он погиб в результате того, что удар пики попал ему прямо в сердце. Так или иначе, великий воин погиб. Ввиду того что армия Кисо оказалась рассеяна, Манко уже не мог помешать тому, чтобы кавалерия Писарро отправилась на

освобождение Куско. Но вскоре Манко получил еще более страшное известие: отряд из 400 закованных в доспехи испанских солдат возвращается в Перу — и во главе его идет бывший партнер Писарро, Диего де Альмагро.

11. ВОЗВРАЩЕНИЕ ОДНОГЛАЗОГО ЗАВОЕВАТЕЛЯ

«Хотя на протяжении многих лет отношения между Писарро и Альмагро основывались на дружбе и братском чувстве, своекорыстие сильно притупило их, жадность застлала взор Писарро. Властные амбиции подточили отношения, которые были бы намного более стойкими и продолжительными, если бы они формировались в условиях нищеты и нужды, если бы этим двум людям не довелось ступить на эту богатую землю, — но, увы, в наличных обстоятельствах их взаимоотношения оказались омрачены завистью, обманом и другими недостойными явлениями».

Педро де Сьеса де Леон

«Желание приобретать, по всеобщему признанию, является самым естественным и обычным делом; люди, занимающиеся этим, скорее удостоиваются похвалы, нежели осуждения. Но когда у них отсутствует возможность делать это и тем не менее они стремятся приобрести любой ценой, они заслуживают всяческого осуждения».

Никколо Макиавелли, «Государь», 1511

Несмотря на факт гибели генерала Кисо, Манко Инка был настроен продолжать осаду Куско, надеясь на то, что ему удастся измором взять людей Эрнана Писарро. На протяжении четырех месяцев после гибели Кисо Манко продолжал осаду инкской столицы, используя в качестве штаб-квартиры близлежащую крепость Оллантайтамбо. Хотя войско Манко не имело возможности помешать

испанцам обеспечивать себя провизией, оно было достаточно мощным и крепким, чтобы не позволить отряду Эрнана вырваться из города.

В январе или феврале 1537 г., примерно через девять месяцев после начала осады, в штаб-квартиру Манко прибыл часки. Гонец сообщил, что большой отряд испанцев, численностью примерно в 400 человек, прибыл в инкский город Арекипу, находящийся примерно в двух сотнях миль к югу от крепости. Вместе с отрядом прибыл брат Манко, Паулью, а также давний партнер Писарро, Диего де Альмагро. Манко вдруг осознал, что, несмотря на все его усилия, баланс сил вдруг резко нарушился — словно произошло новое пачакути, переворачивание мира. Диего де Альмагро вернулся в Перу.

Шестидесятиоднолетний Альмагро покинул Куско примерно двадцать месяцев назад. Членам его экспедиции на протяжении этого периода приходилось не раз испытывать голод. Они постоянно подвергались атакам со стороны местных индейских племен; примерно в 200 милях к югу от современного Сантьяго они столкнулись со свирепыми арауканами. Последние вынудили испанцев повернуть назад.

К своему великому разочарованию, Альмагро постепенно убедился в том, что губернаторский статус, пожалованный ему королем, не принес ему никаких богатств. Диего осознавал, что Франсиско Писарро досталась самая богатая часть Перу, он же получил лишь жалкие остатки. После длительного, очень изнурительного возвращения на север, в ходе которого погибло большое число людей и лошадей, экспедиция достигла города Арекипы, расположенного в южной части Андской горной системы. За время всей экспедиции погибло по меньшей мере 100 испанцев, большое число африканских рабов и более половины лошадей. Большинство участвовавших в походе туземцев (число которых насчитывало 12 000), либо погибли, либо покинули экспедицию. Ввиду того что мечты участников экспедиции найти второе Перу, полное городов, богатых угодий и рудников, разбились вдребезги, члены отряда Альмагро, большинству из которых не посчастливилось получить сокровища во время дележей в Кахамарке и Куско, теперь имели одну цель: вернуться в Перу и захватить те богатства, которые удастся там обнаружить.

Таково было положение дел, когда Альмагро впервые получил известия о том, что молодой инкский император Манко Инка поднял восстание, и что несколько сот испанцев оказались заперты в Куско, городе, который Диего мечтал заполучить уже давно. Паулью, принимавший участие в экспедиции, велел гонцу доставить письмо Альмагро в лагерь Манко.

В письме, адресованном Манко, говорилось:

«Когда я был в Чили... до меня дошли известия о том, что христиане дурно обращались с тобой, отняли у тебя твое имущество и дом и увели твоих любимых жен, — все это сильно удручает меня, особенно ввиду того, что я уверен, что все это шло вразрез со всякой справедливостью. И поскольку я с почтением и любовью отношусь к тебе и почитаю тебя своим истинным сыном и братом, то, услышав обо всем этом, я решил прийти тебе на помощь со своим тысячным отрядом христиан, с тем чтобы вернуть тебе все то, что у тебя было отнято, и наказать тех, кто был ответственен за столь дурное обращение с тобой».

Альмагро намеренно преувеличил численность своих войск, с тем чтобы выставить себя более могущественным. Конкистадор продолжал:

«Тот факт, что ты поднял восстание, был обусловлен дурным обхождением с тобой с их стороны. И хотя ты должен испытывать удовлетворение, наказав их, я хочу внести свой вклад — надеть на них оковы и представить королю, который прикажет казнить их, — мне представляется, что мое прибытие придаст тебе уверенность... И хотя войска, находящиеся со мной, столь многочисленны и столь боеспособны, что они могут подчинить себе огромные территории, — это при том, что я со дня на день жду прибытия еще двух тысяч человек, — я не намереваюсь приступать к чему бы то ни было без твоего одобрения и совета, также ты можешь быть уверен в том, что мое отношение к тебе будет самым дружеским и

благожелательным, каким оно всегда и было... Я могу лишь надеяться на то, что... ты явишься для встречи со мной, если это возможно; ты можешь полностью доверять мне... поскольку я даю тебе свое слово. Очень хотел бы знать о твоём здоровье, которым, надеюсь, Бог не обделяет тебя».

Вслед за этим письмом Альмагро направил к инкскому императору двух эмиссаров. Альмагро осознавал, что ныне позиции Франсиско Писарро в Перу намного слабее, чем они были два года назад. Уязвимое положение Писарро открывало неожиданные возможности для Альмагро, который хотел проверить, можно ли использовать нынешнюю сумятицу в Перу себе на пользу. Он полагал, что, предприняв верные дипломатические шаги, он сможет договориться о перемирии с Манко, при этом обвинив братьев Писарро в том, что их действия привели к мятежной ситуации. Альмагро мог таким образом усилить свои позиции, что впоследствии могло бы оказать свое влияние на решение короля относительно того, кому доверить управление Куско. Таким образом, Альмагро решил направиться на север, к долине Юкай, где находилась штаб-квартира Манко Инки, вместо того чтобы отправляться вызволять осажденных испанцев, которые до сих пор оставались в неведении относительно возвращения Диего.

Испанские эмиссары вскоре достигли долины Юкай. На протяжении всей дороги их встречали угрюмые взгляды инкских воинов, — последние, однако же, расступались, давая испанцам возможность проехать. Эмиссары наконец подъехали к высокому гранитному отрогу, на котором находилась крепость Оллантайтамбо. Их тепло встретил Манко Инка, который уже получил письмо Альмагро. Эмиссары повторили предложение Альмагро. Они сказали, что губернатор был шокирован недостойным обхождением с Манко со стороны испанцев в Куско; что Альмагро обязательно подвергнет виновных тому наказанию, которое они заслуживают; и что в том случае, если Манко свернет свое восстание, то Альмагро гарантирует дарование прощения со стороны короля в отношении Манко, позволившему себе напасть на Писарро и их войска.

«[Ваше Величество]

Направленные губернатором (Альмагро) с дипломатической миссией, которая заключалась в том, чтобы мирными средствами отворотить [Манко Инку от поднятого им восстания] и сообщить ему о дружеском к нему расположении со стороны губернатора [Альмагро], а также о том гневе, который вызвал у него факт дурного обращения с Манко со стороны испанцев, которое шло вразрез с указаниями Вашего Величества... [мы хотим сообщить Вам], что Инка принял нас очень хорошо и выслушал наше сообщение и ответил следующим образом:

„Как это получается, что великий правитель Кастилии приказывает им [испанцам] отбирать моих жен, надевать мне на шею цепь, и мочиться на меня, и плевать мне в лицо? [Как это получается], что Гонсало Писарро, брат старшего правителя [Франсиско Писарро], украл мою жену и продолжает держать ее у себя? И то, что Диего Мальдонадо угрожал мне [смертью] и требовал у меня золота, говоря, что он тоже правитель?“

И он [Манко] также жаловался на Педро дель Барко и Гомеса де Макуэло, граждан этого города [Куско], и на тех, кто мочился на него, когда он находился в заточении, по его словам, это были Алонсо де Торо и [Грегорио] Сетиель, и Алонсо де Меса, и Педро Писарро, и [Франсиско де] Соларес, — все это граждане [энкомендеро] этого города. И он также поведал, что они сожгли ему брови свечой. Наконец он закончил словами: „Передайте моему отцу, Альмагро, что если послание, которое он отправил мне, истинно и он не лжет, то я явлюсь к нему с открытым сердцем и мирным расположением... и я прекращу убивать всех тех христиан, которые причиняли мне зло“.

...Да пребудет над Вами защита Божья, и да расширит Он христианскую вселенную...

Ваши покорные слуги,

Педро де Оняте и Хуан Гомес де Мальвер».

В то время как Манко принимал эмиссаров Альмагро, в его лагерь прибыл еще один посланец из Куско: это был туземный сторонник испанцев, направленный Эрнаном Писарро. До испанцев в Куско наконец дошли слухи, что Диего де Альмагро вернулся в Перу с большим войском. Поначалу осажденные испанцы не поверили слухам, поскольку они уже на протяжении месяцев слышали разные апокрифические истории о тех или иных отрядах подмоги, и ни одна из них не подтвердилась. Но однажды, проснувшись, испанцы обнаружили, что туземные отряды рекрутов, осаждавшие до сих пор город, были отведены. Направив небольшой отряд с целью разведки на местности, которому предположительно удалось захватить несколько туземных информаторов, Эрнан выяснил, что Альмагро действительно вернулся из Чили и теперь находится примерно в 12 милях к востоку, в городе Уркосе. Он также узнал, что, вместо того чтобы идти на подмогу осажденным, Альмагро вступил в секретные переговоры с инкским императором.

Большинство испанцев в Куско с великой радостью встретили сообщение о прибытии Альмагро, надеясь на то, что наконец их мучения закончатся. Но Эрнан Писарро насторожился, узнав, что Альмагро вступил в переговоры с Манко, вместо того чтобы направляться прямо в Куско. Кто дал Альмагро право вести переговоры о чем-либо в королевстве его брата? Будучи по природе своей недоверчивым, Эрнан помнил о том жестком конфликте, который был у его братьев с Альмагро относительно прав на Куско: в то время Эрнан находился в Испании. Предчувствуя назревание такого конфликта, Эрнан попросил короля расширить предполагаемые границы губернаторства его брата еще дальше на юг, с тем чтобы Куско был в них включен. Король так и сделал, предоставив Франсиско Писарро дополнительные 70 лье (245 миль) в южном направлении. Король, однако, не обозначил четко, как должны отмеряться владения Писарро: по прямой линии с севера на юг или же по диагонали, вдоль побережья. Эта неопределенность в сочетании с трудностью проведения географических измерений в Перу XVI в. привела к тому, что Куско оказался на какое-то время «на ничейной земле», а Писарро и Альмагро оказались вновь в состоянии борьбы за контроль над инкской столицей.

Не доверяя Альмагро, Эрнан написал письмо Манко, — это стало первой попыткой конкистадора начать переговоры с инкским императором с того момента, как Манко поднял восстание. Эрнан сообщал инкскому императору, что он, Писарро, готов простить и забыть все то, что произошло за последний год; в то же время испанец настоятельно советовал Манко не доверять ничему из того, что может сказать ему Альмагро. Эрнан настаивал на том, что король назначил Франсиско Писарро, а не Альмагро губернатором этой области и что если Альмагро будет говорить что-то иное, то это будут слова лжеца и предателя.

Теперь в крепости Оллантайтамбо представители трех сил — двух испанских и одной инкской, стремились утвердить свои позиции. На протяжении почти целого века предки Манко управляли территорией центральных Анд. Теперь император оказался в конфронтации с двумя испанскими группировками: обе они предлагали ему разделить власть вместе с ним, но лишь в том случае, если он встанет на сторону одной группировки против другой. Но как мог он узнать, говорят правду или лгут представители этих группировок? И как он мог выведать, не сотрудничают ли они тайным образом друг с другом, имея своей целью уничтожить его и подавить восстание?

Подозревая возможное двуличие, Манко попросил эмиссаров Альмагро доказать свою искренность. Он сказал, что если они отрубят руку туземному гонцу Эрнана, то это явится доказательством того, что Альмагро действительно ненавидит братьев Писарро. В глазах Манко гонец в любом случае являлся предателем, поскольку он помогал испанскому отряду, на протяжении длительного времени отбивавшемуся от инков. Воины Манко жестко закрепили руку гонца на плоскости и вручили меч одному из испанцев. Испанец медленно занес меч над вытянутой рукой. Эмиссар опустил меч, аккуратно срезав четыре пальца. Явно удовлетворенный, Манко позволил испанским эмиссарам вернуться в лагерь Альмагро, попросив их договориться о его встрече с губернатором в городе Калка, находившемся в 12 милях от крепости. Направленный назад к Эрнану Писарро гонец так же недвусмысленно продемонстрировал настрой мыслей Манко.

Когда испанские эмиссары направили своих лошадей назад в долину, им повстречался еще один испанец, Руи Диас, который решил

лично переговорить с инкским правителем. Диас был в хороших отношениях с Манко еще до того, как отправился с экспедицией Альмагро в Чили; сейчас он полагал, что если ему удастся договориться о мирном соглашении, которое положило бы конец восстанию, то он, несомненно, будет удостоен энкомьенды или какого-то другого вознаграждения.

Соответственно Диас решил направиться прямо в штаб-квартиру Манко. Педро Писарро писал:

«Когда Руи Диас прибыл в резиденцию Манко Инки, [Манко] принял его очень хорошо... и Диас пробыл у Манко два дня. По словам Руи Диаса, на третий день Манко задал ему вопрос: „Скажи мне, Руи Диас, если бы я дал королю огромное количество сокровищ, то он увел бы всех христиан с этой земли?“ Руи Диас в ответ спросил: „А сколько бы вы предложили?“ По словам Руи Диаса, Манко высыпал тогда кучу кукурузных зерен на землю. Из этой кучи он взял одно зернышко и сказал: „Христиане нашли [лишь] вот столько золота и серебра; то, что они не нашли, столь же велико, как эта куча, из которой я взял зернышко“... Руи Диас [тогда] сказал Манко Инке: „Даже если бы все эти горы были из золота и серебра и вы бы дали все это королю, он и тогда не увел бы испанцев с этой земли“. Когда Манко услышал это, он сказал ему: „Тогда уходи, Руи Диас, и скажи Альмагро, чтобы он шел, куда ему заблагорассудится, поскольку мой народ и я готовы отдать свои жизни, если это понадобится для того, чтобы избавиться от христиан“».

Не отступаясь от своей цели, Диас сделал все возможное, чтобы попытаться убедить Манко в том, что он может доверять Альмагро, поскольку Альмагро теперь враг Писарро. Диас сказал, что если Манко свернет свое восстание, то тогда король простит его и Альмагро восстановит Манко на троне. Желая убедиться в том, что Диас говорит правду, Манко решил проверить честность испанца так же, как до этого проверял искренность предыдущих визитеров. За несколько дней до этого войска Манко захватили в плен четверых людей Эрнана Писарро, — они были схвачены во время выполнения ими

разведывательного задания в окрестностях Куско. Манко тогда распорядился, чтобы привели четверых заключенных; он затем попросил Диаса удостоверить неприязнь Альмагро к братьям Писарро посредством убийства этих людей. Для испанца одно дело было отрезать пальцы туземцу и совсем другое — убить своего соплеменника. Диасу дали трофейный испанский кинжал; четверо заключенных в этот момент стояли связанные веревками. Несколько минут Диас и четверо заключенных смотрели друг на друга. Диас в итоге бросил кинжал на землю и в свое оправдание привел несколько мотивов, по которым он не может убить этих людей. Манко, демонстрируя явное отвращение к нему, приказал схватить Диаса, начавшего громко протестовать, и заключить его под стражу вместе с остальными.

Решив поначалу выяснить, можно ли каким-то образом эксплуатировать возможный конфликт между Альмагро и Писарро, Манко в итоге решил, что нельзя доверять ни одной группировке испанцев. Ныне Манко уже не был тем неопытным семнадцатилетним юнцом, который повстречал Франсиско Писарро в окрестностях Куско и которому последний пообещал столь многое. Почти четыре года общения с испанцами ясно продемонстрировали ему, что эти бородачи являются обычными людьми, а отнюдь не богами. Соответственно, — как это имеет место в любом человеческом сообществе, — одни конкистадоры явно хуже других. Манко ненавидел Хуана Писарро, который дурно обращался с ним, а также Гонсало Писарро, который увел его жену. С другой стороны, он испытывал безусловную симпатию к Альмагро и к Эрнану де Сото. Манко даже неплохо ладил с Франсиско Писарро, который в свое время старался хорошо обращаться с Манко — по политическим мотивам. Но в конечном счете Манко осознавал, что в целом испанским захватчикам доверять нельзя, поскольку все они до единого жаждут заполучить то, чем обладала инкская элита: землю, уголья, рудники, туземных крестьян, индейских наложниц, самые роскошные здания в Куско.

Манко также, видимо, получил тревожные сообщения о еще одном большом испанском отряде, который уже достиг Хаухи, лежащей на севере, и теперь двигался на юг в направлении Куско. Отчаянные мольбы Франсиско Писарро о помощи, очевидно, возымели свое действие: один из испанских капитанов, Алонсо де

Альварадо, прервал завоевание земель индейцев племени Чачапойя на далеком севере Перу и повернул назад в Лиму. Отряд Альварадо насчитывал более 500 человек.

Не будучи в силах одолеть 200 испанцев в Куско после почти целого года неустанных попыток со стороны туземной армии, численность которой насчитывала несколько сот тысяч человек, Манко осознал, что его планам по формированию дополнительных войск, которые наводнили бы Куско, пришел конец. Вскоре более 1000 испанцев и около 500 лошадей окажутся здесь в Куско, всего лишь в 30 милях от цитадели. Имея такого грозного врага под боком, невозможно было дальше оставаться в Оллантайтамбо. Манко осознавал, что испанцы представляют собой намного более могучую силу, чем он себе первоначально представлял. И к несчастью, эта сила все прирастала и прирастала.

Узнав, что Манко согласился встретиться с ним, Альмагро направился со своим отрядом через долину Юкай в направлении Калки, условленного места встречи. Но там произошло следующее: на склонах холмов, окаймляющих местность, появились 5000 туземных воинов, и они всей ордой понеслись вниз на испанцев. Хотя Альмагро удалось организовать контратаку, в результате мощного натиска индейцев ему пришлось вывести свои войска из города. Испанскому войску с трудом удалось вторично пересечь реку Юкай, ставшую полноводной в результате только что прошедших дождей.

Раздосадованный недавним поворотом событий. Манко излил свой гнев на находящегося у него в заточении Руи Диаса, чей отказ убить людей Эрнана являлся для Манко свидетельством того, что перед ним шпион и лжец. Летописец Съеса де Леон писал:

«Они обращались с ним очень жестоко, как... варвары, они обмазали его своими смесями и с радостью наблюдали, в каком ужасном виде он предстал перед ними. Они заставили его выпить огромное количество их вина, или чичи, которую они сами потребляют, и, привязав его к столбу, они стали обстреливать его из пращей гуавами, доводя его таким образом... Затем они обрили ему бороду и состригли волосы, желая превратить его из добропорядочного капитана и испанца, каким он был, [в обнаженного индейца]».

И Эрнан Писарро, и Диего де Альмагро ясно поняли послание Манко: Инка продолжал вести войну, и инкское восстание отнюдь не было свернуто. Возможно, Манко в течение какого-то времени обдумывал идею переговоров с Альмагро, с тем чтобы вернуть себе власть в Куско, но в итоге он решил, что может выбрать только один путь. Став лидером мятежа, в результате которого было убито несколько сот испанцев, в том числе один из братьев Франсиско Писарро, Манко теперь не имел возможности повернуть назад. Писарро все равно никогда бы не простили ему этого. Кроме этого, Манко не желал более исполнения роли марионеточного короля и соответствующих этому его положению оскорблений и унижений со стороны даже самых низкопоставленных испанцев.

Между тем Диего де Альмагро, которому так и не удалось вступить в переговоры с инкским императором, сместил фокус своего внимания на вопрос Куско. Ему к этому времени было уже известно, что Манко, несмотря на его многомесячные усилия, так и не удалось завладеть столицей. Альмагро также знал, что Эрнан Писарро, которого Альмагро презирал, продолжал удерживать город. Глубоко разочарованный к этому времени даром короля — убогим южным королевством с непокорным, воинственным населением, Альмагро теперь становился все более и более одержим одной идеей: захватить Куско и прилегающие области. Он не знал, что король уже расширил границы королевства Писарро в южном направлении, поэтому полагал, что у него имеется хороший шанс заключить Куско в пределы своего губернаторства. Подойдя со своим войском на расстояние в несколько миль от инкской столицы, Альмагро остановился и разбил палаточный лагерь. Затем конкистадор направил двух гонцов «в город Куско, которые должны были приветствовать Эрнана Писарро и сообщить ему, что Альмагро не обнаружил в чилийских провинциях того великолепия, о котором ему рассказывали индейцы [в Перу]...также гонцы должны были передать, что Альмагро получил известие о том, что все королевство Перу охвачено мятежом, и что индейцы начали войну против служения Его Величеству. Эти известия, равно как и факт прибытия депеши, сообщавшей о назначении Альмагро губернатором королевства Толедо, явились причиной его возвращения. Таким образом, не было нужды беспокоиться, и [его прибытие] не должно было вызвать какие-либо тревожения, поскольку

единственным предметом мысли [Альмагро] было служение Богу и королю и наказание мятежных индейцев... Он [Альмагро] почувствовал огромную скорбь в тот момент, когда узнал о тех великих трудностях, с которыми пришлось столкнуться губернатору [Франсиско Писарро] и присягнувшим ему испанцам».

Далекий от того, чтобы испытывать «огромную скорбь» в связи с трудностями, выпавшими на долю Писарро, Альмагро маскировал свои истинные намерения и одновременно стремился выведать настроения Эрнана Писарро. Но Эрнан к этому времени был уже изрядно разозлен тем фактом, что Альмагро тайным образом посетил долину Юкай, вступил в переговоры с Манко Инкой и лишь теперь побеспокоился о том, чтобы проинформировать Писарро о своем прибытии. Он прекрасно увидел, что, несмотря на всю демонстрацию дружеского расположения и готовности к переговорам со стороны Альмагро, его действия гораздо ярче свидетельствуют о сути его намерений, чем его слова. По мнению Эрнана, гонцы Альмагро имели задание произвести разведку на местности, с тем чтобы собрать информацию о подготовленности города к обороне. Заявление Альмагро о том, что он «не обнаружил в областях Чили того великолепия, о котором ему рассказывали», вне всякого сомнения, служило вполне достаточным свидетельством того, что он вернулся с юга с пустыми руками и что теперь намеревается объявить Куско своей вотчиной. Но Эрнан не для того сражался на протяжении девяти месяцев в условиях колоссального неравенства сил, чтобы кротко уступить город Альмагро.

Подавляющее число людей в отряде Эрнана составляли богатые энкомендеро, которые были обязаны своим привилегированным положением непосредственно Франсиско Писарро. Если бы Альмагро захватил город, то он мог бы аннулировать их право на энкомьенды, которое им пришлось отстаивать в жестокой борьбе, и эти поместья перешли бы в руки сторонников Альмагро. Люди Эрнандо получили энкомьенды силой оружия, и силой оружия энкомендеро готовы были защищать их.

Но часть находившихся в городе испанцев, особенно те, у кого не было энкомьенд, испытывала смешанные чувства. Возможно, рассуждали они, Куско подпадал под юрисдикцию Альмагро. В этом случае, если бы они присоединились к нему, то у них появлялся

хороший шанс заполучить энкомьенды. Кроме того, во время пребывания рядом с ним в исключительно тяжелых условиях почти целый год многих из них стана крепнуть неприязнь к Эрнану Писарро, сформировавшаяся у них скорее всего еще задолго до этого.

Эрнан Писарро, как и прежде, славился своим высокомерием, жадностью, своекорыстием и оскорбительным отношением к другим; он делал все, чтобы выставить свой статус напоказ, соответственно почти всех окружающих он третировал как людей низшего сорта. Известно, что император Атауальпа как-то заметил, что ни один испанец не походил в такой степени на инкского повелителя, как Эрнан Писарро: у них был схожий стиль правления: оба они демонстрировали открытое презрение к подчиненным. Но в случае императора такое поведение было культурно обусловленным: демонстрация презрения входила в набор обязательных правил инкского стиля правления. В случае же Эрнана подобный тип поведения вызывал явно негативную реакцию в среде его сподвижников и рассматривался как явный дефект. На протяжении ряда лет Эрнан называл незаконнорожденного Альмагро «обрезанным мавром» — одно из самых болезненных оскорблений, которые испанец в XVI в. мог использовать в отношении своего соплеменника. Эрнан также часто оскорблял и унижал и других своих земляков. Так что не приходится удивляться, что не только Диего де Альмагро, но и многие из сподвижников Эрнана ненавидели последнего.

С того времени, как Манко снял осаду Куско, испанцам уже не приходилось более отсиживаться в двух зданиях на главной площади. Многие из них вернулись в свои дома — в те, которые не пострадали от поджога. Эрнан вновь въехал в бывший дворец Уайны Капака на восточной стороне главной площади: этот дворец был известен под названием Амару-Канчи.^[41] Эрнан, Гонсало и еще около 20 испанцев, верных Писарро, установили пушки в дверных проемах дворца и приготовились обороняться. Хотя некоторые думали, что подозрения Эрнана в отношении Альмагро слишком преувеличены, этим подозрениям суждено было оправдаться.

Ночью 18 апреля 1537 г. сильный холодный дождь ударил по спящему городу. Диего Альмагро, опытный командир, выбрал точный момент для атаки — когда она менее всего была ожидаема. Альмагро и его отряд вошел в город и быстро занял церковь Хатун-Канчи на

главной площади, одно из двух зданий, в которых люди Эрнана укрывались во время осады. Были также взяты под контроль главные улицы города, — в акции было задействовано более 280 кавалеристов. Заместитель Альмагро, Родриго Оргонес, — человек, обошедший Эрнана де Сото в борьбе за это место, — возглавил отряд, который окружил дворец Амару-Канчи, где все еще продолжали спать братья Писарро.

И лишь когда инкская столица уже находилась под контролем Альмагро, Эрнан и его люди поняли, что творится что-то неладное. Вскочив, Эрнан, Гонсало и 20 бойцов из их отряда схватили свое оружие и начали яростно отбиваться от атакующих, которые к этому времени уже захватили маленькие пушки, установленные в дверных проемах, и теперь старались пробиться внутрь здания. Родриго Оргонес, раздосадованный тем, что ему никак не удастся попасть внутрь помещения, прокричал, что если Эрнан сдастся сам, то с ним обойдутся хорошо. Эрнан, как всегда, высокомерный, резко ответил на это: «Я не буду сдаваться простому солдату, каковым ты являешься!» — на что Оргонес заметил, «что он имел чин генерал-капитана правительства Нового Толедо, он же [Эрнан Писарро] являлся всего лишь вице-губернатором Куско; так или иначе, Оргонес являлся высокопоставленной персоной, и Писарро не следовало столь пренебрежительно относиться [к мысли] сдать ему».

Когда Эрнан и его сподвижники наотрез отказались выходить, Оргонес приказал поджечь дворец. Часть крыши Амару-Канчи была из твердой высококачественной древесины бордового цвета, а часть — была соломенной. Несмотря на дождь, людям Альмагро вскоре удалось поджечь соломенную часть крыши. Вверх начали подниматься языки пламени. По мере того как распространялся огонь, из-под перекрытий дверей повалил дым. Люди Альмагро в это время с предвкушением ожидали конца действия; к их удивлению, люди Эрнана даже не предприняли попытки сдаться. Вот как описывает все это Сьеса де Леон:

«Эрнан Писарро был настроен не сдаваться людям Альмагро, и он сказал находившимся рядом с ним, что он предпочтет быть сожженным заживо, нежели повиноваться приказам штурмующих; и он сам стал в дверном проеме и

оборонялся так яростно, что никто не мог войти. Там было столько дыма, что ночь стала еще темнее из-за него. Оргонес... был настроен не выпустить живыми людей, оказавшихся в ловушке, если... только они не сложат оружие и не сдадутся. Тут неожиданно начали валиться большие балки, на которых держалась крыша, к этому времени пламя уже уничтожило соломенную часть крыши. Видя, что... они вот-вот погибнут, находившиеся внутри испанцы стали настойчиво просить Эрнана Писарро покинуть это опасное место и сдаться атакующим, — ведь, в конце концов, они были христианами. Тут с грохотом начал валиться весь дом, и испанцы, большинство из которых получили ожоги и задыхались от дыма, бросились наружу навстречу пикам своих врагов... Капитаны [Эрнан и Гонсало Писарро] сошлись в рукопашной схватке с врагом, но в результате были схвачены, и с ними обошлись отвратительно:...их избивали и подвергали всяческим надругательствам, что было несправедливо... поскольку они были братьями губернатора дона Франсиско Писарро».

Такой оказалась встреча — с избиениями и всяческими надругательствами — двух отрядов испанцев, которые находились далеко друг от друга на протяжении двух лет и оба все это время отчаянно боролись за собственное выживание в разных частях обширной инкской империи. Теперь люди Альмагро связали, заковали в цепи и бросили за решетку обоих братьев Писарро вместе с 20 их сторонниками. На следующий день Альмагро переместил их в храм Солнца — одно из самых священных мест империи, ныне усилиями испанцев превратившееся в темницу.

В то время как Альмагро вплотную занялся захватом Куско, Манко Инка созвал собрание вождей в Оллантайтамбо. Индейские шпионы сообщили своему императору о том, какую борьбу устроили испанцы за Куско, а также о том, что, когда город был захвачен, большинство людей Эрнана перешло на сторону Альмагро. Шпионы донесли императору, что Альмагро захватил Куско уже полностью, — в захвате города принимали участие 600 испанцев и 4000 их туземных

союзников. Манко также был осведомлен о том, что второй испанский отряд численностью почти 500 человек довольно быстро движется к Куско с севера. Если обе эти группы, или даже одна, решат атаковать его в Оллантайтамбо, то на этот раз он будет не в состоянии отразить их атаку. На собрании Манко сообщил вождям, что его давно уже приглашали антис нанести им визит, и сейчас пришло время это сделать. Он призвал собравшихся заботиться о себе и о своих близких и выказывать повиновение его сыну, Титу Куси Юпанки.

Речь, вне всякого сомнения, была торжественной и доходчивой, поскольку, несмотря на слова Манко о том, что он всего лишь собирается «несколько дней» побыть у своих грозных амазонских союзников, смысл доклада был понят всеми присутствующими. Манко Инка, сын солнца, император Тавантинсуйю, отказывался от контроля над западной, южной и северной частями империи. Он отказывался от контроля над побережьем. Он отказывался от контроля над Андами. Он отказывался от контроля над Куско, города его детства и столицы его империи, — при том, что он почти год вел за нее сражения. Он отказывался от контроля над Калкой, долиной Юкай и Оллантайтамбо. Одним словом, император отрекался от большей части той обширной империи, которую он унаследовал и которую основали его предки. Теперь Манко собирался найти себе прибежище в маленькой восточной области, которую инки называли Антисуйю.

Манко полагал, что только в Антисуйю, где господствовала пересеченная местность, он сможет укрыться со своими соратниками от возможных атак. Прочие же его подданные — многие миллионы человек — должны будут подчиниться воле захватчиков.

Присутствовавшим на собрании туземным вождям было очевидно, что вскоре их города и деревни будут принесены в жертву решениями Манко. Некоторые вожди решились выразить свое беспокойство по этому поводу.

Манко заверил вождей, что они вскоре увидятся, и что он будет поддерживать контакт с ними посредством гонцов. Но Манко предостерег вождей, чтобы они не доверяли бородатым чужестранцам и не «верили ни единому слову, которое они произносят, поскольку они много лгут».

Приняв твердое решение по поводу своих дальнейших действий, Манко начал спешно организовывать свое бегство. В то время как

вожди начали разъезжаться по своим родным провинциям, увозя с собой обескураживающее послание императора, Манко исполнил роль распорядителя на последних религиозных церемониях, которые призваны были обеспечить безопасность ему и его свите в земле антис.

Когда церемонии закончились и все собрались — тысячи носильщиков, лучники из племени антис, их жены и дети, — Манко подал знак, и процессия двинулась. Он восседал на королевских носилках. На других носилках ехали прочие представители инкской элиты. В составе процессии были жрецы, прорицатели, астрологи, ткачи, каменщики, чтецы кипу, счетоводы, архитекторы, фермеры, пастухи и даже один оракул — одним словом, все те люди, благодаря усилиям которых функционировало инкское государство. Здесь были также Руи Диас и еще 5 испанских узников, связанных веревками и охраняемых туземными воинами.

Экспедиция медленно продвигалась на север, вдоль берегов реки Патаканчи, притока реки Юкай, и, наконец достигнув тропы Пантикальи, начала спускаться по восточному склону Анд.

12. В ЦАРСТВЕ АНТИС

«Земля [антис]... представляет собой сильно пересеченную местность со множеством высоких пиков и ущелий, соответственно там много труднопроходимых троп, которые лошади не в силах одолеть, если только не замостить эти тропы кирпичом-сырцом, что сопряжено с огромными усилиями... Вся лесистая область... очень обширная, [и]... на севере она спускается к морю».

Педро Писарро, «Донесение», 1571

«Те, кто обитает на другой стороне земли, за горными вершинами, сродни дикарям, у которых почти нет собственности. У них нет ни домов, ни кукурузы. В тех местах обширные леса, и люди там живут почти исключительно на фруктах. Там нет поселений в собственном смысле этого слова. В той области протекают крупные реки. Земля там совершенно бесплодна».

Педро Санчо де Ла Ос, «Донесение», 1543

После пятичасового подъема процессия наконец одолела тропу Пантикаля. Взгляду путников открылось бескрайнее море облаков, до самого горизонта простиралась сказочная земля антис. Нисходящие отроги, словно аркбутаны огромного собора, постепенно исчезали в обволакивающем тумане, их высящиеся гребни были покрыты черными гривами деревьев.

Зачастую Манко просил специалистов по чтению кипу рассказать ему об истории этой области. Чтецы кипу сообщили Манко, что его прадед Пачакути завоевал Антисуйю, но однажды Тупаку Инке пришлось отвоевывать ее заново. После своего прихода к власти Тупак Инка созвал в Куско собрание, на которое съехались вожди из всех

областей империи, в том числе из Антисуйю. Император приказал вождям засвидетельствовать свое почтение инкским богам, после чего они должны были начать доставлять из своих областей древесину пальмы, из которой инкские ремесленники изготавливали бы копья, кирасы и дубинки. «Антис, которые не желали прислуживать инкам, рассматривали такой приказ как стремление впрячь их в рабское ярмо, — писал летописец Педро Сармьенто де Гамбоа. — По возвращении домой они подняли свою область на борьбу за свободу».

В ответ Тупак Инка собрал мощное войско и направил его вниз по восточному склону Анд. Хотя солдаты Тупака Инки по ходу своего продвижения прорубали просеку, они вскоре потеряли ориентацию в пространстве, отдельные группы не могли найти друг друга, им приходилось взбираться на высокие деревья, чтобы заметить дым костров, разводимых их товарищами. Привыкшие к андскому высокогорью, откуда открывались широкие дали с легко узнаваемыми ориентирами, в темном тропическом лесу инки стали испытывать клаустрофобию, продвижение вперед стало практически невозможным. Сармьенто рассказывал:

«Леса были очень густыми, и в них было много труднопроходимых мест, так что инки не могли продвигаться дальше, они также не знали, по какому направлению идти, чтобы достичь местных поселений, сокрытых зарослями растительности. Чтобы обнаружить их, инки вскарабкивались на самые высокие деревья и показывали на те места, где виднелся дым костров. Так, по этим ориентирам инки прокладывали дорогу».

Несмотря на то что экспедиция двигалась почти на ощупь, Тупак Инка тем не менее был настойчив в своем упорстве. Он достиг реки Тоно, и далее экспедиция пошла вдоль ее берега. По ходу отряд завоевал четыре племени, обитавших в джунглях, — маносуйус, маняри, чунчос и опатарис. Используя как оружие, так и обильные дары, Тупак Инка сумел добиться заключения военных союзов и установления торговых отношений с этими сача руна, или «лесными людьми». По сравнению с той легкостью, с которой инкам удалось завоевать жителей других территорий, здесь они наткнулись на

упорное сопротивление и не смогли заставить племена Антисуйю выплачивать дань. Инки вместо этого торговали с местными племенами, выменивая свои медные и бронзовые топоры и ножи, одежду тонкой выделки и столь ценимую туземцами соль на твердую древесину экзотических пород, какао, маниок, перья птиц, шкуру ягуара, черепаший жир (который инки использовали для своих ламп) и другие богатства природы.

Чтобы стимулировать торговый обмен, инки проложили достаточно удобную дорогу с высокогорья в Антисуйю, вдоль отрогов, ответвлявшихся вниз. Позднее инки выстроили в новой провинции города с типичными для их административных центров площадями, складами, казармами и святилищами. Для усиления своей власти в регионе они заселили ключевые области Антисуйю митмакуна — колонистами, переселенцами из других регионов. Интенсивно практиковавшие социальную инженерию, инки использовали митмакуна на всем пространстве империи. Некоторая часть митмакуна представляла собой законопослушных граждан, которых инкская знать переселяла в мятежные провинции с целью содействовать нормализации политической атмосферы. В числе митмакуна были также жители этих самых мятежных провинций — на новом месте жительства эти митмакуна оказывались в окружении населения, уже подчинившегося инкскому правлению.

Поскольку переселенцы оказывались оторванными от своей родины, им предоставлялась компенсация за перенесенные трудности — митмакуна обеспечивали одеждой, женщинами, наркотическими листьями коки (обычно приберегавшимися для инкской элиты), также митмакуна на время освобождали от выплаты трудовых налогов. На лесистых угорьях с теплым климатом колонисты выращивали кокаиновые кусты и хлопчатник, торговали с антис и служили своего рода культурным и военным буфером на восточном фланге империи.

К одной из таких колоний и пробирался сейчас отряд Манко Инки. Следуя вдоль реки Лукумайю, он достиг долины Амайбамба, где сделал остановку, чтобы обдумать свой следующий шаг. После некоторого периода нерешительности Манко пересек реку Урубамбу по мосту Чукичака, и далее отряд двинулся в долину Вилькабамба. Там он решил сделать остановку в Виткосе, областной столице, где

находилась местная королевская резиденция. Виткос, расположенный на высоте около 10 000 футов, был основан его прадедом Пачакути.

Стоя на возвышенности, откуда была хорошо видна восточная граница, где колонисты вели торговые расчеты с антис, Манко решил, что Виткос отныне станет столицей его усеченной империи. Хотя Виткос находился всего лишь в 70 милях от Куско, их соединяла только очень крутая, извилистая тропа, которая по приказу Манко в ряде мест была блокирована. В тех местах находились либо валуны, сброшенные сверху туземными рабочими отрядами, либо заграждения из поваленных деревьев. Манко знал, что испанцы всегда демонстрировали непредсказуемость, и мог только надеяться на то, что эти защитительные меры позволят остановить его самого опасного врага.

Между тем в Куско у Диего де Альмагро были свои проблемы. После того как он захватил город и заключил под стражу Эрнана и Гонсало Писарро, ему пришлось теперь иметь дело с угрозой появления отряда Франсиско Писарро, насчитывавшего 500 человек. Туземные разведчики с каждой стороны изложили своим командующим собранные сведения о противнике: Алонсо де Альварадо понял, что отданный ему приказ освободить осажденных в Куско испанцев оказывается уже неуместен. Альварадо узнал, что Альмагро силой захватил Куско, заключил под стражу двух братьев губернатора и открыто пошел на нарушение юрисдикции, которой обладал Франсиско Писарро в отношении южного Перу. Теперь перед Альварадо стоял вопрос: что со всем этим делать?

Альмагро принял решение удерживать Куско любой ценой и назначил Родриго Оргонеса своим заместителем. Проведя два года впустую в южной области Тавантинсуйю и теперь прочно укрепившись в Куско, он отнюдь не был настроен сдавать город армии, которая присягнула на верность Писарро. Альмагро уже перешел свой Рубикон, заключив под стражу двух братьев Писарро. Отныне пути назад не было.

Родриго Оргонес находился в подчинении Альмагро уже на протяжении пяти лет. Сын бедных еврейских обувщиков, которые были принуждены перейти в христианство, Оргонес бежал из своего родного города Оропесы в Испании из-за одного серьезного скандала,

в котором был замешан. Зачисленный в королевскую армию, отличился своей храбростью во время итальянских войн, которые вела тогда Испания: Оргонес был в том отряде, который взял в плен французского короля Франциска I во время битвы при Павии, когда французская армия была разгромлена. Вернувшись домой героем, он вскоре обнаружил, что его продвижение по социальной лестнице заблокировано низким статусом его рождения. Амбициозный молодой человек вскоре нашел удачный выход из затруднительного положения: он отказался от фамилии своего отца Мендеса и «позаимствовал» фамилию у местного аристократа Хуана Оргонеса. Родриго сделал все возможное для того, чтобы убедить удивленного аристократа в том, что последний каким-то образом приходится ему биологическим отцом. Получив новую фамилию, Оргонес со своим братом Диего Мендесом отправился в Вест-Индию, надеясь поправить там свое финансовое положение.

Оргонес прибыл в Перу вместе с Диего де Альмагро в апреле 1533 г. и принял участие в экспедиции, направившейся вниз вдоль горной цепи Анд и захватившей Куско. Оргонес в одночасье разжился там золотом и стал одним из первых энкомендеро Куско. Но он жаждал получить главную награду, о которой мечтал каждый конкистадор, — губернаторский пост.

Но надежды Оргонеса на получение губернаторства в южных областях пошли прахом, как и вся экспедиция. Теперь, вернувшись в Куско, он надеялся отхватить что-нибудь от богатого королевства Новая Кастилия, как называлось губернаторство Писарро, и вернуть себе свою энкомьенду. Человек, некогда принимавший участие в пленении французского короля, а ныне заточивший под стражу двух братьев Писарро, теперь имел под своим началом армию в 430 человек. Оргонес знал: он должен делать все возможное, для того чтобы удержать город, который он вместе с Альмагро захватил силой оружия.

Блестящий военный стратег, Оргонес разработал план ночной атаки на вражескую армию, надеясь, что ему удастся захватить ее врасплох. В ходе почти бескровного сражения, в котором приняли участие почти 10 000 туземцев, воевавших на стороне Оргонеса, последний наголову разгромил войска Альварадо.

Одержавший победу Оргонес вернулся в Куско, потребовав от Альмагро немедленно казнить обоих братьев Писарро. Оргонес знал, что, Эрнан Писарро был исключительно злопамятным человеком и что, в случае, если ему представится шанс, он отомстит за свое унижение. Оргонес также настаивал на том, чтобы Альмагро позволил ему атаковать Лиму; там он мог бы захватить Франсиско Писарро, и тогда королевство Перу полностью перешло бы под их контроль. Но Альмагро, понимая, что если он направит свои войска в Лиму, то Манко Инка сможет вновь предпринять атаку на незащищенный Куско, решил, что Оргонесу следует сначала захватить или убить инкского лидера, таким образом устранив угрозу атаки. После того как Манко будет устранен, Оргонес сможет повести свою армию против Писарро. Но Альмагро сказал, что хочет оставить Эрнана и Гонсало Писарро в живых, чтобы потом обговаривать для себя более выгодные условия на переговорах.

В середине июля 1537 г. Родриго Оргонес выбрался из Куско с 300 испанскими всадниками и пехотинцами. На этот раз он ехал на поиски Манко Инки, который, по сообщениям шпионов из числа туземцев, нашел себе прибежище в земле антис. Оргонес испытывал внутренний подъем. У его отряда был хороший шанс захватить драгоценности, которые Манко Инка прихватил с собой в большом количестве. Ему уже донесли, что Руи Диас и еще несколько испанцев, которых захватил Манко, пока еще живы. Оргонес был уверен в том, что если ему удастся захватить или убить Манко Инку, доставить сокровища и привезти испанских пленников, то Альмагро и король вознаградят его в должной мере за приложенные усилия.

Оргонес и его войско спустились в долину Юкай, пересекли реку и миновали опустевшую крепость Оллантайтамбо. Всего лишь год назад Манко Инка отразил здесь ряд последовательных атак со стороны Эрнана Писарро и отсюда осуществлял руководство блокадой Куско. Ныне Манко пришлось покинуть Андское высокогорье, он теперь занимал положение беженца в Антисуйю. Возглавляя отряд, в два раза больший по численности того, что захватил в плен брата Манко, Атауальпу, Оргонес повернул из долины на север — в направлении тропы Пантикальи. Но вскоре испанцы обнаружили препятствия на своем пути: огромные валуны и поваленные деревья.

Вынужденные искать обходные тропы, испанцы положились на помощь своих туземных союзников.

В это время Диего де Альмагро, желая расколоть инкское единство и таким образом еще больше ослабить местную элиту, решил короновать Паулью. Поначалу Паулью был верным соратником своего брата. Но Паулью провел вместе с Альмагро два года в Чили. Следует сказать, что без поддержки Паулью Альмагро и его отряд едва ли выдержали бы все трудности длительной экспедиции.

Паулью и Манко были примерно одного возраста, у них был один отец, Уайна Капак, но разные матери. Мать Паулью, Аняс Кольке, была дочерью не инки, одного вождя из провинции Уайлас в северном Перу. Таким образом, Паулью не был чистокровным королевским отпрыском. Напротив, мать Манко, Мама-Рунту, была родной сестрой Уайны Капака; соответственно Манко имел преимущество в плане обладания законных прав на престол. Хотя в свое время Паулью отправился в Чили по просьбе Манко, он вернулся в сожженную столицу, в которой 200 испанцев вместе со своими туземными союзниками сумели выдержать яростную атаку 200 000 воинов Манко. Паулью быстро усвоил преподнесенный урок. Когда его брат направил ему ряд посланий из Виткоса, в которых предлагал Паулью присоединиться к мятежникам, последний отверг приглашение. Вот что говорит по этому поводу летописец Сьеса де Леон:

«Каждый день они посылали гонцов к Паулью, призывая его приехать и присоединиться к стану мятежников, — ведь он имеет достаточно большой опыт совместных боевых походов с христианами. Но Паулью в деликатной форме отвечал, что он является другом этим людям [испанцам], которые настолько отважны, что во всех своих начинаниях они всегда оказываются победителями. Когда в городе Куско было только 200 испанцев, против них двинулось войско из 200 000 индейцев, и единственным прибитком для последних стало то, что они оставили многих детей без отцов, а многих женщин сделали вдовами. Согласно его сведениям, более 50 000 человек погибло в той войне... Паулью настойчиво советовал гонцам передать

своим соратникам его призыв не поднимать оружия против испанцев».

Паулью, похоже, был оппортунистом, предпочитая статус императора в столичном городе статусу подчиненного лица в изгнании. Неудивительно, что брат его пришел в ярость, — Манко так никогда и не простил брату этого предательства. Ныне, во второй уже раз за десятилетие, два сына Уайны Капака одновременно носили маскайпачу — священную бахромку, атрибут инкского императора. Точно так же, как это раньше имело место в ситуации с их братьями Атауальпой и Уаскаром, у Манко и Паулью были свои группы сторонников, и, таким образом, еще больше ослаблялись соединительные звенья в инкской иерархии, что, собственно, и предусматривал Альмагро в своих планах.

Но на тот момент у Манко были и другие поводы для беспокойства: гонец прибыл к нему с донесением о том, что большой испанский отряд движется вдоль реки Лукумайю к долине Амайбамба, где остановился император. Гонец сказал, что если Манко сию минуту не покинет это место, то испанцы определенно схватят или убьют его. Манко последовал совету, он сел на свои королевские носилки, и его перенесли через реку по висячему мосту в Чукичаке: оставшемся в городе отряду были оставлены инструкции касательно оборонительных действий. Вскоре после этого прибыл отряд Оргонеса, обнаруживший огромное количество туземных воинов, изготовившихся оборонять город. Вот какое описание этих событий дает Сьеса де Леон:

«Оргонес приказал стрелкам из арбалета выпустить множество стрел... с тем чтобы индейцы, увидев, какой урон им причинен, поняли, что им лучше покинуть форт. Индейцы проявил и достаточную храбрость и решимость, защищая форт. С их стороны было выпущено множество дротиков и камней. Но испанцы настолько вымотали их, что они были вынуждены покинуть это место, обратившись в бегство. Испанцы посеяли великий хаос в их стане, многих убив и ранив».

Испанцы гнались на лошадях за убежавшими индейцами. В то время как воины Манко и бойцы Оргонеса сражались на городских улицах, неожиданно из одного здания появилась группа грязных, оборванных испанцев и стала взывать к своим соотечественникам: это были Руи Диас и еще несколько узников, которых захватили в плен примерно год назад. Это оказались практически единственные выжившие из тех испанских отрядов подкрепления, разгромленных генералов Кисо в Андах.

На следующее утро Оргонес со своим войском пересек мост через реку Урубамба и поднялся в долину Вилькабамба, добравшись наконец до Виткоса, новой столицы Манко. Город стоял на вершине холма, откуда его жителям открывался вид на глубокие долины на востоке и западе. Когда испанцы заняли холм, разразился ад крошечный: огромное количество туземцев бросилось бежать. Но вместо того чтобы резать здешних жителей, испанцы устремились в каменные дворцы, крытые соломенными крышами; оттуда они появлялись с золотыми сосудами, блюдами и идолами, грудями богатой одежды кумпи, настолько тонкой, что на ощупь ее фактура походила на шелковую, а также с ювелирными изделиями и прочими сокровищами.

В этот момент Манко Инка держал путь в горы. Из близких людей инкский император взял с собой лишь свою главную жену, Куру Окльо (ту самую койю, которую отобрал у него Гонсало Писарро, но которой потом каким-то образом удалось бежать и соединиться с Манко во время поднятого им восстания). Стремясь уйти от вероятной погони. Манко Инка и Кура Окльо сошли с королевских носилок, их поочередно несли на руках 20 самых быстрых бегунов из племени Лукана. Оргонес, обнаружив, что Манко Инка бежал, тотчас же направил вслед за ним четырех самых быстрых всадников, а чуть позже еще 20 кавалеристов. Несмотря на то что поиски продолжались всю ночь, Оргонес не обнаружил следов мятежного императора. Манко Инка исчез.

Во время разграбления города Оргонес обнаружил пятилетнего мальчика в хорошей, дорогой одежде. Оказалось, что это сын Манко, Титу Куси, и Оргонес взял его с собой. Вдобавок к золоту, серебру, высококачественной одежде и драгоценностям испанцы вскоре обнаружили почти столь же ценное сокровище: большое количество окровавленной испанской одежды и доспехов. Инкские воины сняли

одежду с тел 150 испанцев, которые были убиты в разных частях Перу в предыдущем году. Привезенные из далекой Испании, доспехи и одежды являлись буквально целым состоянием для отделенных от цивилизованного мира испанцев. Альмагро позднее поделил пожитки погибших среди своих соратников, многие из которых носили одну и ту же, истрепанную одежду на протяжении ряда лет.

Вскоре достигший своей цели отряд Оргонеса повернул назад в Куско.

Если не брать во внимание того факта, что экспедиции Оргонеса не удалось захватить в плен Манко Инку, можно было считать, что она в целом завершилась тотальным триумфом. Все испанцы в Куско, а также новый марионеточный король Паулью Инка были восхищены результатами предприятия. Становой хребет инкского восстания был сломлен, теперь у Манко едва ли осталось сколько-нибудь значительное число подданных, чтобы осуществлять государственное управление, не говоря уже о том, чтобы вести военные действия. Куско, отныне неофициальная столица королевства Альмагро Новое Толедо, оказалась наконец в безопасном положении.

Но было ли это так в действительности? Хотя фактически Альмагро со своими 800 бойцами контролировал город, инкская столица все еще не обрела четко определенный юридический статус. Эта правовая неопределенность была обусловлена тем фактом, что никто не мог утвердительно сказать, находится Куско в пределах королевства, пожалованного Писарро, или же в пределах королевства, дарованного Альмагро. Писарро же, находившийся в Лиме и уже знавший, что Альмагро захватил Куско и заключил под стражу двух его братьев, решил, что лучшим вариантом будет попытаться начать переговоры со своим бывшим партнером. Учитывая то, какой мощной силой обладал Альмагро, у Писарро было немного шансов. Он отрядил на переговоры своего старого знакомого — адвоката по имени Гаспар де Эспиноса.

В ходе переговоров Альмагро сразу заявил не только о том, что он имеет законные права на Куско, но и о том, что северную границу его губернаторства следует передвинуть на север, доведя ее почти до самой Лимы. Ведь это он прорвал блокаду, организованную Манко, и спас находившихся там испанцев. Если бы он не вернулся в Перу, то весь регион находился бы теперь под властью императора-ренегата.

Несмотря на упорство Альмагро, Эспиноса не терял надежды на то, что удастся заключить хотя бы временное соглашение относительно границ между двумя королевствами — любых границ, — и в таком случае в дальнейшем уполномоченные короля смогут осуществить надлежащие измерения и произвести окончательную делимитацию границ. По мнению Эспиносы, основная проблема заключалась в том, что братья Писарро могут возжаждать реванша; в этом случае текущий конфликт имел бы шансы развиться в полномасштабную гражданскую войну. Выслушав внимательно Альмагро, Эспиноса затем посетил импровизированную тюрьму, устроенную испанцами в храме Солнца. Там адвокат встретился с Эрнаном и Гонсало Писарро. Тепло поприветствовав обоих братьев, Эспиноса обратился к Эрнану, надеясь внести ясность в текущий конфликт, представив его в более широкой перспективе:

«У меня есть опыт работы в Индиях^[42], [и я знаю, что] когда губернаторы ссорятся по поводу существующих у них расхождений во взглядах, они теряют свое имущество и не только оказываются лишенными того, на что претендуют, но зачастую терпят великие невзгоды, проводят длительные периоды заключения в тюрьме и даже погибают, что всего печальнее. Таким образом, я могу пообещать вам, что если губернатор [Писарро] не заключит мирного соглашения с Альмагро... то никто не избежит великих невзгод. Когда Его Величество узнает об этих конфликтах, он будет вынужден форсированно искать решение для этого королевства, которое принадлежит ему, и он направит людей, с тем чтобы они навели здесь порядок, устранив со своих постов тех, кто занимал их на момент конфликта... Когда... [королевские уполномоченные]... ступят на территорию новосозданного королевства, то его правители навсегда утратят свою власть... Я говорю это, поскольку — с учетом моей роли посредника в переговорах — я хочу организовать заключение соглашения между губернаторами, с тем чтобы отныне между ними были мир и согласие, — именно в этом будет заключаться успех переговоров. Я говорю вам это, поскольку вы не относитесь к тому типу людей, которые

скоры на заключение соглашений, — напротив, скорее, к тому типу личностей, которые будут долго помнить то, что им довелось перенести и... захотят отомстить за свои пережитые невзгоды... которые захотят начать войну. Соответственно желательно, чтобы вы вели себя, как человек, который желает мира, а не так, как человек, желающий лишь побыстрее освободиться, с тем чтобы развязать войну».

Эрнан Писарро, чье природное высокомерие было несколько умерено пребыванием в тюремном заключении, внимательно выслушал Эспиносу и в конечном итоге согласился начать переговоры. В это же время находящиеся в подчинении Альмагро офицеры — особенно Родриго Оргонес — продолжали убеждать Альмагро в необходимости казнить братьев Писарро, настаивая на том, что никому из них нельзя доверять. Оргонес утверждал, что если братья будут освобождены, то они обязательно вернутся и попытаются вновь захватить Куско. Так или иначе, переговоры между Эспиносой и Альмагро затянулись на несколько месяцев, — в течение всего этого времени в распоряжение Писарро продолжали приходить все новые и новые отряды, и у него сформировался весьма мощный гарнизон. В этот период Гонсало Писарро каким-то образом удалось бежать из тюрьмы; он добрался до Лимы, где присоединился к своему брату Франсиско, которого не видел уже почти два года.

Между тем адвокат Эспиноса делал все возможное, чтобы убедить Альмагро не ввергать страну в открытую гражданскую войну, которая не только приведет к разрыву отношений с Франсиско Писарро, но и поставит под угрозу отношения с королем. Обращение Эспиносы к Альмагро изобиловало различными примерами из римской истории.

Шестидесятитрехлетний Альмагро был впечатлен этими экскурсами в историю. Жизнь Альмагро была полна трудностей, сейчас он чувствовал свой немолодой возраст, в последнее время его одолевали различные недуги. Осознавая, что он не обладает должными властными полномочиями для захвата Куско или для осуществления атаки на отряд Писарро, Альмагро понял, что в случае расправы с Эрнаном, — на чем настаивали некоторые офицеры из его отряда, — он мог лишиться благосклонности короля. Помимо этого, казнь Эрнана

означала объявление войны его бывшему партнеру; тогда гражданская война стала бы неизбежной.

Альмагро распорядился освободить Эрнана Писарро в том случае, если последний пообещает, что будет вести свою политику в мирном русле. Родриго Оргонес, человек, который выкурил Эрнана из его дворца и который все еще был зол на Эрнана из-за многочисленных оскорблений, отпущенных последним в его адрес, чувствовал себя униженным этим известием. «Подняв голову, он [Оргонес] схватил себя за бороду левой рукой, а правой сделал такое движение, как будто он перерезает себе горло, сказав при этом: „Какой позор, Оргонес, что из-за твоей дружбы с Альмагро твое горло будет перерезано!“» Вскоре вполне предсказуемым образом переговоры между Писарро и Альмагро зашли в тупик, и была развязана гражданская война, которой так опасался Эспиноса. Оргонес был прав: Писарро были последними людьми на земле, которые забудут или простят.

На рассвете 26 апреля 1538 г., в День святого Лазаря, на болотистой местности, носящей название Лас Салинас, примерно в двух милях к западу от Куско, сошлись лицом к лицу две испанские армии. Шестидесятилетний Франсиско Писарро остался в Лиме, он дал задание своему тридцативосьмилетнему брату Эрнану отвоевать бывшую инкскую столицу. С учетом нескольких отрядов подкрепления, прибывших в Лиму, — в частности, один отряд был прислан из Мексики Кортесом, — Эрнан имел теперь под своим командованием армию, насчитывавшую 800 испанцев и несколько тысяч туземцев.

В отряде Эрнана было по меньшей мере 200 кавалеристов, облаченных в доспехи и вооруженных пиками и мечами. Их Эрнан разделил поровну и поместил на обоих флангах. 500 пехотинцев с щитами и мечами находились в середине. В первых рядах стояли стрелки из аркебуз. Ружья к тому времени приобрели популярность в Европе, свинцовые пули, которыми они стреляли, могли пробивать самые прочные доспехи, в результате чего отпадала необходимость в рукопашном бое.

По другую сторону равнины в напряжении ждали отряды Альмагро — 500 человек против 800 человек Эрнана. В составе войска Альмагро было 240 кавалеристов и около 260 пехотинцев. Помимо этого, там было также 6 000 туземных воинов, вооруженных

дубинками и пращами. Индейцев предоставил недавно коронованный император Паулью Инка. Альмагро приказал Паулью разместить своих воинов по краям равнины.

Слишком слабый и больной, чтобы держаться в седле, Альмагро поручил командование армией своему заместителю, маршалу Родриго Оргонесу.

Эрнан между тем обратился к своим солдатам, многие из которых совсем недавно прибыли в Перу и теперь оказались вынуждены сражаться не против туземных инсургентов, ради борьбы с которыми они и были вызваны, а со своими соотечественниками. Так или иначе, находившиеся по обе стороны испанцы осознавали, что если они победят в этот день, то вознаграждением им станут земли и разнообразные материальные богатства. Все собравшиеся в этом месте конкистадоры понимали, что в королевстве Перу можно пожить еще очень многим.

Для губернатора Альмагро было установлено сиденье на склоне близлежащего холма, откуда он мог наблюдать за ходом разворачивающегося сражения. На других окаймляющих поле битвы холмах собрались толпы туземных зрителей, ожидающих зрелища, подобного которому они до сих пор не видели: две армии иноземных захватчиков приготовились сражаться друг с другом.

Маршал Оргонес объезжал свои войска, подбодряя их. Ветеран итальянских войн, Оргонес был уверен, что Эрнан не начнет атаку, даже имея под своим началом более многочисленное войско, поскольку дол жен представлять себе, какого масштаба мясорубка последует тогда. Оргонес сказал своим офицерам, что войска Эрнана наверняка уклонятся от битвы в последний момент и попытаются обогнуть войско Альмагро с флангов, надеясь быстро добраться до Куско и захватить его.

Изготоваясь к сражению, всадники подняли свои пики, остальные обнажили свои мечи. Все ожидали сигнала к атаке.

Стрелки из аркебуз выстрелили, подняв над равниной облачка сине-серого дыма. Стрелки из арбалетов в войске Эрнана, в свою очередь, выпустили град стрел с металлическими наконечниками в направлении армии противника. Стоящие за ними ряды двинулись во фронтальную атаку.

Оргонес был ошеломлен тем, что Эрнан атакует, вместо того чтобы попытаться избежать сражения.

Две армии сошлись одна в другую; пехотинцы с мечами или копьями, кавалеристы с пиками, хрипло крича: «Сантьяго!» или «Да здравствует король!». Воздух наполнили звуки металлического лязга, крики людей, ржанье лошадей и выстрелы аркебуз. Сильно прореженные в результате массированного обстрела со стороны армии Эрнана, войска Альмагро поначалу отчаянно сражались, не сходя с места. Затем под напором превосходящего своей численностью противника они постепенно начали отступать. Вскоре пуля свалила и коня Оргонеса.

Вскочив на ноги, Оргонес продолжил сражаться, орудуя мечом. Но вскоре шесть человек из войска Писарро окружили его. Когда Оргонеса несколько раз проткнули мечом, он упал. Неграмотный сын еврейских сапожников, присвоивший себе чужую благородную родословную и надеявшийся стать однажды правителем своего королевства, успел увидеть, как сбывается самое худшее из его предсказаний, сделанных им в свое время относительно собственной судьбы. Вскоре один из солдат, поваливший его, потянул бороду маршала вверх и перерезал ему горло. Солдат поднял окровавленную голову на своем мече, так чтобы все враги Писарро смогли увидеть ее. Строй войск Альмагро нарушился, и солдаты бросились бежать врассыпную, отчаянно надеясь спасти свои жизни.

В какой-то момент во время всеобщей потасовки Паулью Инка — его войска сражались на стороне Альмагро — неожиданно решил поменять себе покровителей.

Он сориентировался, кому здесь суждено стать проигравшей стороной, и приказал своим воинам избивать дубинками людей Альмагро.

Понимая, что битва проиграна, Диего де Альмагро оседлал бесхозного мула, забредшего сюда, и подался на нем в Куско.

Альмагро направился прямо в Саксауаман. Добравшись до одной из трех башен, конкистадор вынул из ножен свой меч и приготовился к последней схватке. Остатки его разбитого войска бросились назад, в направлении Куско, люди Эрнана устремились в погоню за ними. В числе убитых оказался Руи Диас, который до недавнего времени находился в заключении у Манко Инки.

Битва в местечке, получившем впоследствии название Лас Салинас, вылилась в полный разгром войска Альмагро: 120 человек из его отряда было убито, тогда как войско Эрнана потеряло лишь 9 человек. Эрнан отрядил кавалерийский отряд в Саксауаман на поиски Альмагро. Не имея при себе ни еды, ни воды и понимая, что пушки могут разнести башню, в которой он укрывался, в щепень, Альмагро в итоге принял решение сдаться. Солдаты препроводили губернатора в город, в инкский храм Солнца. Там они поместили его в ту самую камеру, где он держал в заключении Эрнана.

Через несколько дней Эрнан Писарро прибыл навестить Альмагро — человека, с которым он всегда вел соперничество за власть и которого презирал. Находившийся в угнетенном состоянии духа, Альмагро спросил Эрнана, не собирается ли Франсиско Писарро прибыть в Куско, чтобы старые партнеры смогли уладить существовавшие между ними разногласия. Эрнан, прекрасно понимая, что ныне судьба Альмагро находится в его руках, — продемонстрировал несвойственное ему великодушие в отношении старого конкистадора; он заявил, что его старший брат наверняка прибудет и что даже если он по какой-то причине задержится, то Альмагро сам сможет навестить маркиза в Городе Царей. Но, выйдя из тюрьмы, Эрнан дал указание своим нотариусам начать судебное дело против Альмагро — первый шаг к подготовке будущей казни.

На протяжении следующих нескольких недель Эрнан продолжал уверять Альмагро, что Франсиско Писарро обязательно посетит его. Также Эрнан распорядился, чтобы с узником хорошо обращались. Альмагро, веря в то, что отношения между ним и его бывшим партнером смогут каким-то образом наладиться и что Эрнан окажется не столь уж мстительным, с нетерпением ожидал прихода старшего Писарро. Дни растянулись в недели, недели — в месяцы, а старый губернатор все продолжал ждать в своей холодной камере. Вот как описывал происходящее один летописец:

«[Эрнан Писарро]... предварительно собрав большой отряд вооруженных солдат в своем доме... вошел в тюремную камеру... губернатора дона Диего де Альмагро... [и] уведомил его о вынесении смертного приговора. Когда несчастный человек это услышал, он счел это ужасающим

деянием, идущим вразрез с законом, справедливостью и здравым смыслом. Он был поражен и ответил, что он... будет апеллировать к королю... Эрнан... ответил, что ему [Альмагро] суждено вверить свою душу Богу, поскольку приговор непременно будет исполнен. Тогда несчастный старик упал на колени и произнес: „Командир Эрнан Писарро, удовлетворьтесь тем возмездием, которое вы уже осуществили в отношении меня. Подумайте: помимо предательства по отношению к Богу и императору, вы и по отношению ко мне поступаете несправедливо, — ведь я был первой ступенькой на лестнице, по которой вы и ваш брат [Франсиско] поднялись к власти. Помните... что, когда вы находились в моем положении и члены моего совета просили меня отрубить вам голову, я один высказался за то, чтобы пощадить вашу жизнь“».

Эрнан, как всегда высокомерный, теперь почувствовал еще большее презрение по отношению к Альмагро, поскольку последний вел себя откровенно унижительно. «Прекрати вести себя столь презренно, — сказал Писарро, собираясь уже уходить, — умри так же храбро, как ты жил. Сейчас твое поведение не соответствует поведению рыцаря».

8 июля 1538 г., в месяц, когда инки приносили жертвы уаке Токори, духу, повелевавшему ирригационными водами долины Куско, дон Диего де Альмагро в последний раз исповедовался Священнику, после чего продиктовал свое завещание нотариусу, которого привели в камеру к узнику. Ветеран сотен битв теперь сделал распоряжения относительно распределения тех богатств, которые он накопил с момента своего прибытия в Новый Свет. В своем завещании Альмагро указывал, что он обладал сотнями тысяч кастильяно «в виде золота и серебра, драгоценных камней, жемчугов и кораблей». Своему единственному сыну, восемнадцатилетнему Диего де Альмагро-младшему, которого Альмагро произвел на свет вместе со своей панамской любовницей и который сопровождал его в Чили, он оставил 13 500 кастильяно; своей дочери доне Изабелле он оставил 1000 кастильяно и просил ее, чтобы она стала монахиней. «Он многое оставил своим слугам и монастырям», — писал один свидетель.

Наконец, значительную часть своего имущества Альмагро завещал королю Карлу — возможно, в надежде, что тот однажды осуществит возмездие.

Алькальд (глава города) Куско Антонио де Торако вошел в камеру Альмагро в сопровождении городского глашатая и палача. Все еще надеясь спасти свою жизнь, Альмагро решил попытаться как-то отговорить этих людей от выполнения приказа Эрнана:

«Сеньоры, разве вся эта земля не принадлежит королю? Тогда почему вы хотите убить меня после того, как я оказал столько услуг Его Величеству? Остерегайтесь, поскольку если вы думаете, что Его Величество [в настоящее время] далеко, то вскоре окажется, что его властные полномочия достигают и этих мест. И даже если вы не верите во властные полномочия короля, то вам следует поверить в то, что есть Бог, который наблюдает за всем этим».

Слово взял алькальд, заявив, что они ничего не могут сделать. Было отдано приказание, чтобы Альмагро был казнен, и он должен быть казнен. Эти трое людей просто выполняли приказание. Но Альмагро настойчиво потребовал, чтобы ему в последний раз предоставили возможность поговорить с Эрнаном Писарро. Алькальд согласился; он ушел и через некоторое время вернулся вместе с Эрнаном.

«Сеньор, видя вашу настроенность на то, чтобы уничтожить мое тело, я прошу вас не уничтожать мою душу, а также вашу честь... поскольку вы говорите, что вы убеждены в том, что я заслуживаю смерти, [то] препоручите меня суду императора. Препоручите мою персону королю либо вашему брату, губернатору... Если вашими действиями руководит... страх относительно того, что дарование мне жизни создаст вам проблемы и явится для вас источником угрозы, то я готов дать вам любые гарантии, которые только пожелаете... [Вы знаете, что] у меня более нет реальной власти, поскольку мой заместитель Родриго Оргонес вместе

со многими офицерами был убит в ходе сражения, а те, кто уцелел, теперь являются вашими узниками».

Эрнан в резкой форме приказал своим людям исполнять приказ. Он вышел из тюремной камеры и направился в сторону дворца Амару-Канчи. А палач уже закреплял гарроту на шее Альмагро. Тот, не в силах поверить в то, что после того, как он помог Писарро завоевать крупнейшую туземную империю, обнаруженную в Новом Свете, теперь должен таким вот образом закончить свою жизнь, «стал кричать: „Вы тираны! Вы крадете королевскую землю, а меня убиваете ни за что!“»

На улице некоторое время были слышны эти крики, а затем они стихли. Вскоре после этого из тюрьмы спешно вышел городской глашатай, а за ним следом шел священник в длинной черной сутане. Оба направлялись к главной площади. Вскоре глашатай возвестил жителям города, что дон Диего де Альмагро — правитель Королевства Новое Толедо и уроженец Эстремадуры — мертв.

13. ВИЛЬКАБАМБА: ПОВСТАНЧЕСКАЯ СТОЛИЦА

«Будучи готовы отправиться [на поиски Манко, они]... получили известия о том, что Инка [император] отправился в сторону... [Антисуйю]... представляющую собой труднопроходимую местность, где от использования лошадей мало толку, по этой причине поиски Инки прекратились».

Кристобаль де Молина, «Донесение», 1553

«Первоначальная задача бойца повстанческого отряда — уберечь себя от уничтожения... Когда эта цель достигнута, [повстанцы], заняв позиции, недостижимые для врага, либо собрав столь мощные боевые силы, что враг будет лишен возможности предпринять успешную атаку, должны перейти к постепенному ослаблению врага. Это в первую очередь должно быть осуществлено в тех районах, где против партизанского отряда ведутся активные действия, а затем партизанскую деятельность следует переносить все глубже и глубже на вражескую территорию, подвергая атаке его коммуникации, а затем атакуя его оперативные и центральные базы, тотально изматывая противника, для чего следует использовать все наличные возможности партизанского движения».

Эрнесто Че Гевара, «О партизанской войне», 1961

«Контрповстанческие действия следует начинать сколь можно раньше. По мере эскалации

повстанческого движения разгром его становится все более сложным делом».

«Руководство по ведению контрповстанческих действий министерства армии США^[43]», 2004

После осуществления казни Диего де Альмагро новости о смерти губернатора сразу понеслись в направлении Антисуйю. Манко Инка определил свою новую штаб-квартиру в провинциальном городе, расположенном на высоте 4900 футов и окруженном густыми джунглевыми зарослями и плантациями коки. Это была Вилькабамба, столица свободного инкского государства: любой испанец, появившись он здесь, был бы автоматически убит.

Хотя Вилькабамба находилась на расстоянии всего лишь 30 миль от предыдущей столицы Манко, Виткоса, новая штаб-квартира по высоте располагалась на 6000 футов ниже, расстояние от нее до Куско составляло более 100 миль. Виткос оказался слишком уязвим для возможных испанских атак; Манко убедился в этом на собственном опыте. Он впервые произвел опыт по переселению своих соратников-горцев в совершенно иной край: они спустились по склонам Анд, достигнув места, где самая длинная горная цепь на планете пересекается с самыми обширными джунглями в мире.

Название новой инкской столицы составлено из инкских слов «уилка», что означает «священный», и «пампа», означающего «равнина» или «долина». Соответственно образованное слово означает «Священная Равнина» или «Священная Долина». Здесь в теплой по климату, плодородной долине, расположенной между двух рек — Консевидаюк и Чонтабамба, — дед Манко, Тупак Инка, основал типичный инкский административный центр; вскоре он заселил его митмакуна (колонистами) из этнической группы пилкосуни. Летописец Хуан де Бетансос писал:

«Когда по провинции начали распространяться слухи о том, как Инка [Тупак Инка Юпанки] проводил ее завоевание, ряд вождей туземных племен явились к Инке договариваться о мирном сосуществовании. Это земля залежей золота.

Туземцы также подарили Инке сладкий тростник, наполненный медом, и разукрашенные луки и стрелы. Гостей, обязавшихся повиноваться верховному повелителю, одарили солью, которую они особенно ценили. Видя, что местные жители ходят обнаженными, инки предоставили им туники и накидки и заставили их надеть. Весь день туземцы носили эти одежды, вечером же они разошлись по своим хижинам. На следующее утро они предстали перед Инкой обнаженными, император только рассмеялся... Так Инка исходил эти области... осуществляя завоевание тех, кто вел себя воинственно, и вполне дружелюбно обращаясь с теми, кто вел себя мирно».

В Вилькабамбе переселенные пилкосуни и пришлые обитатели высокогорья в рамках своей повинности мита в короткий срок вырубали заросли джунглей в этой местности, расчистили подлесок и затем приступили к возведению традиционного инкского города — с его прямоугольными каменными домами, хранилищами, центральной площадью, фонтанами, водопроводами, правительственными и культовыми зданиями. Рядом с городом инки устроили плантации коки — священного растения, листья которого дозволялось употреблять только членам инкской элиты. Но в нынешних условиях, учитывая те трудности, которые довелось перенести колонистам в ходе переселения, митмакуна также дозволили жевать листья священного растения, содержавшие небольшое количество кокаина и способные утолять и голод, и боль.

Торговля между инкскими войсками и местными племенами продолжала развиваться, и со временем колонисты установили факторию, которая превратилась в важный узел обширной торговой сети, протянувшейся глубоко в джунгли. Из высокогорных районов начали регулярно прибывать караваны лам с такими товарами, как соль, одежда, бусы, бронзовые и медные топоры. Они обменивались на золото, перья, мед, древесину твердых пород, черепашьи яйца и другие местные продукты. Вскоре целые семьи туземцев, принадлежащих к разным этническим группам, начали посещать инкскую факторию, принося товары на своих спинах либо привозя на каноэ. Они в изумлении смотрели на каменный город, выросший в их краях, и на

экзотические товары, импортированные из далекой, холодной, безлесной области, которая, как им рассказывали, лежала высоко в горах.

Манко Инка прибыл в факторию Вилькабамбы примерно в 1538 г. Вместе с ним прибыла его сестра Кура Окльо. В скором времени Манко начал преобразовывать приграничный город в столицу самостоятельного государства. Да, он оказался вынужден покинуть высокогорье, но тем не менее Манко был убежден, что здесь, в глубине Антисуйю, он сможет сохранить суверенность инков. По иронии судьбы Антисуйю была одной из первых областей, которые завоевали его прадед Пачакути и его дед Тупак Инка. Империя, которую они создали, теперь сжалась до ее истоков. И в задачу двадцатидвухлетнего наследника Пачакути входило предотвращение ее окончательного крушения.

Но Манко видел своим долгом не просто сохранение инкского государства. Несмотря на свои недавние неудачи, он был настроен продолжить свою борьбу, направленную на изгнание захватчиков из Тавантинсуйю. Хотя его нынешняя штаб-квартира находилась практически на периметре некогда обширной империи, которой правили его предки. Манко удалось наладить линии коммуникации, уходившие из Вилькабамбы на запад. Он хорошо знал, что при всем при том, что его брат Паулью исполнял роль правителя в Куско, многие инки и представители других этнических групп продолжали видеть лидера в персоне Манко, считая его единственным законным сыном Солнца. Имея за своей спиной массовую поддержку туземцев, продолжавших считать его божественным воплощением, и обретя новое убежище, где Инка чувствовал себя в безопасности, он полагал, что ему по силам возобновить борьбу против тех, кто узурпировал верховную власть в империи.

Таким образом, Манко приступил к трансформированию захолустного приграничного города в новую королевскую столицу, он создал новый командный центр для борьбы против испанцев. Под руководством Манко Вилькабамба вскоре превратилась в штаб-квартиру национального сопротивления против наглых захватчиков. Из своей новой столицы Манко начал рассылать сообщения в южном, северном и западном направлениях. Он говорил своим

последователям: «Сопровитляйтесь, испанцы не виракочи, а простые смертные, убивайте их и присоединяйтесь к моей борьбе против них».

Хотя Франсиско Писарро получал значительные подкрепления из-за границы, испанцы тем не менее контролировали лишь горстку городов: Кито, Тумбес, Сан-Мигель, Трухильо и Кахамарку на севере; Хауху и Лиму в центральной части; и Куско на юге. Обширные области, в особенности сельская местность, вся южная половина империи, протянувшаяся от озера Титикака до середины современной территории Чили, и почти вся восточная область Антисуйю находились вне зоны испанского контроля. К 1538 г., через шесть лет после пленения Атауальпы, общая численность испанцев в Перу достигала не более 2000 человек — в их числе было примерно 100 женщин. К тому же большая часть испанцев была сконцентрирована в Куско и Лиме. Общая же численность туземцев в стране, ныне известной как Перу, продолжала насчитывать по меньшей мере 5 000 000 человек.

В современной военной теории существует такое положение: для того чтобы осуществлять адекватный контроль завоеванной территории, на 1000 местных жителей должно приходиться от 10 до 20 солдат оккупационной армии. Для того чтобы управлять 5 миллионами жителей этой части Тавантинсуйю, испанцам требовалось от 50 000 до 100 000 воинов. Даже с учетом помощи со стороны Паулью Инки численность испанских войск многократно уступала численности войск противника, так что неудивительно, что испанцы редко совершали вылазки в сельскую местность. Они предпочитали жить в городах, где концентрировались их боевые силы, то есть фактически выполняли роль военных гарнизонов. Именно эту слабую сторону противника — недостаточное испанское присутствие в сельской местности при повышенной его концентрации в нескольких городах — и намеревался использовать Манко Инка.

Когда до Вилькабамбы дошло известие о смерти Диего де Альмагро, решимость Манко Инки только окрепла. Одно время он надеялся на то, что между испанцами начнется гражданская война, и они уничтожат друг друга. Но когда Альмагро погиб, Манко перестал лелеять подобные надежды; он теперь понял, что может рассчитывать только на свои собственные ресурсы. На севере его родственник Илла Тупак, один из высокопоставленных полководцев, который принимал

участие в восстании 1536 г., продолжал командовать местным войском и оставался верным Манко Инке. Манко отдал генералу Тупаку распоряжение возобновить восстание. Вскорости Тупак поднял на восстание племена, обитавшие на севере области Уануко, в верховьях реки Мараньон, и повел их вниз по склонам Анд к прибрежному городу Трухильо. Этот отряд убивал всех встречавшихся на его пути испанцев, африканских рабов и примкнувших к конкистадорам индейцев.

Сам Манко вернулся в Анды и, пройдя на север от города Куско, стал лично организовывать повстанческие отряды. Небольшие мобильные группы повстанцев начали устраивать засады на испанских энкомендеро, торговцев и прочих путников, которым случалось появляться на главной инкской дороге, шедшей над Куско. По словам летописца Сьесы де Леона, Манко начал практиковать в отношении испанцев настоящий террор:

«Король Манко Инка... обосновался в горной крепости [Антисуйю] вместе с орехонами и полководцами, уже имевшими опыт ведения войны с испанцами. И когда... торговцы из Лимы и других областей везли свои товары в Куско, индейцы атаковали их и, забрав товары, либо убивали их владельцев, либо уводили их с собой... По возвращении в... [Антисуйю] индейцы подвергали христиан пыткам в присутствии женщин своего племени, так мстя за те страдания, которые туземцы претерпели от конкистадоров... Индейцы засовывали пленникам палки в задний проход, пока те не выходили у них изо рта. Сообщения об этом вызывали такой панический страх, что многие испанцы, которых понуждали в дорогу личные или даже государственные дела, не отваживались отправляться в путь без оружия и охраны».

Франсиско Писарро чувствовал нараставшее беспокойство в связи с сообщениями об усиливающихся волнениях. Он находился в Куско с ноября 1538 г., прибыв туда через четыре месяца после казни Диего де Альмагро. Известие о смерти бывшего партнера должно было вызвать в душе Писарро смешанные чувства: его связывали с Альмагро длительные, разносторонние отношения. По словам Сьесы де Леона:

«Когда он [Писарро] прочел донесение, он довольно долго простоял с опущенными долу глазами... казалось, что он охвачен горем. Писарро даже проронил несколько слез. Было ли все это разыграно напоказ или нет, знает только наш Господь Бог... Надо сказать, что я также слышал от тех, кто находился в тот момент рядом с губернатором, что, после того как он услышал эту новость, вскорости трубы заиграли бравурную мелодию».

Какие бы эмоции ни испытывал в тот момент Писарро, уничтожение Альмагро и его отряда позволило ему вновь взять власть в Куско. Получив донесение о том, что Манко Инка вернулся в Анды и вновь принялся убивать христиан, Писарро не стал понапрасну терять время; он направил кавалерийский отряд численностью не менее 200 человек под командованием капитана Ильяна Суареса де Карвахала с заданием захватить или убить инкского лидера, которого сам Франсиско некогда короновал.

Суарес вскоре поехал на запад из Куско — в город Андауайлас, находящийся на расстоянии 100 миль. Там шпионы из числа туземцев сообщили ему, что опорная база Манко лежит в северо-западном направлении, и он организует атаки со стороны холмов. Суарес принял решение окружить Манко, чтобы у того не было возможности бежать. Он начал с того, что направил свой отряд к западному флангу позиций Манко, дабы блокировать его возможное передвижение в этом направлении.

Затем Суарес направил отряд из 30 человек, включавший 7 лучников и 5 стрелков из аркебуз, под командованием капитана Вильядиего к восточному флангу позиций противника с целью полностью окружить его. Река Вилкас (Пампас) должна была послужить естественной преградой к бегству в направлении Антисуйю, переправиться через нее можно было только по одному-единственному мосту. Вильядиего было приказано взять под свой контроль мост и оставаться там, пока Суарес не определит местонахождение Манко и не начнет атаку.

Вильядиего захватил в плен несколько туземцев, охранявших мост, и посредством пыток вызнал у них местонахождение Манко. Пленники поведали ему, что император находится в городе Онкой,

находящемся на вершине холма. Манко участвует в празднествах, устроенных в его честь. Вместе с ним там должно находиться около 80 воинов, то есть он не сильно защищен. Молодой испанский капитан, желавший стяжать себе славу человека, захватившего в плен инкского короля, решил проигнорировать приказы своего командира и атаковать немедленно. Поэтому Вильядиего покинул мост и повел своих людей по тропе, шедшей из каньона вверх, к городу на вершине холма.

День был жаркий, и испанцы были вынуждены взбираться по круто поднимавшейся тропе пешими, ведя своих лошадей под уздцы. Жена и сестра Манко, Кура Окльо, первой увидела конкистадоров. Она немедленно предупредила о надвигающейся опасности своего мужа. Манко приказал, чтобы для него и еще для троих инкских аристократов приготовили четырех лошадей, захваченных в свое время у испанцев. Затем Манко повелел находившимся в городе женщинам выстроиться на склоне холма и начать размахивать захваченными у испанцев пиками, — предполагалось заставить конкистадоров поверить в то, что рядом с ним находится значительно более многочисленный отряд. Сев на лошадь и взяв в руку длинную пику, Манко во главе своего войска направился вниз по склону холма.

Испанцы, взбиравшиеся по тропе, вдруг увидели многочисленные силуэты на вершине холма. Выстроенные там люди потрясали пиками. Вскоре испанцы увидели, как навстречу им несутся четыре туземца на конях с пиками наперевес, а за ними следует большое число пеших воинов. Захваченные врасплох на крутом склоне, 7 лучников изготовились стрелять из своего оружия, стрелки из аркебуз спешно пытались зажечь фитили. Люди Манко начали метать в испанцев камни из пращей и дротики: несколько аркебуз наконец выстрелили, один туземец упал, но к тому времени воины Манко уже врезались в гущу испанцев, начав молотить их булавами. Натиск был таким интенсивным, что многие испанцы со своими лошадьми просто полетели вниз по склону. Манко и находившиеся рядом с ним кавалеристы в полную силу использовали свои пики, протыкая уцелевших испанцев, которым до сих пор не приходилось испытывать на себе конной атаки со стороны туземцев.

Битва закончилась сокрушительным поражением испанцев. Капитан Вильядиего, весь в ранах, с рукой, перебитой топором туземца, был повален на землю. Его добила булава. В своем

стремлении обрести славу человека, захватившего Манко, молодой капитан совершил две фатальные ошибки: он позволил захватить себя врасплох на крутом склоне, где испанцы не имели возможности развернуть своих лошадей, и он предоставил индейцам возможность атаковать себя сверху. Из 30 человек Вильядиего 28 либо были напрямую убиты, либо разбились при падении. Только двум человекам удалось спастись. Они добежали до реки, прыгнули в нее и поплыли на другую сторону. Сын Манко, Титу Куси, вспоминал, какие торжества последовали за этой победой:

«Люди моего отца, достигнув этой победы, забрали с испанцев всю одежду и все оружие. Собрав все это, они отправились в город Онкой. Мой отец и [его люди]... очень ликовали, они устроили в честь победы торжества, длившиеся пять дней».

Несмотря на свой успех, Манко, вне всякого сомнения, понимал, что текущая военная ситуация сильно отличается от той, что имела место всего лишь несколько лет назад. Он уже более не имел под своим командованием бесчисленные войска, которые некогда поднял на осаду Куско. Теперь под его началом были небольшие воинские отряды, которым ввиду их малочисленности приходилось избегать прямых столкновений с крупными испанскими соединениями. Но воины Манко вполне успешно устраивали засады на испанские колонны с провиантом, уничтожали небольшие воинские контингенты, забирали оружие и лошадей и затем исчезали в горах.

Вскоре после гибели Вильядиего и его людей разгневанный Франсиско Писарро повел кавалерийский отряд из 70 человек из Куско на поиски мятежного императора. При всем том, что войска Писарро прочесали всю прилегающую местность, им не удалось отыскать неуловимого Манко в этих диких местах с сильно пересеченной поверхностью. На самом деле шпионы Манко предупредили индейского императора о появлении кавалерийского отряда; так что он благоразумно решил пересечь реку Апуримак и отойти в Антисуйю, сохранив свои силы для последующего сражения. Расстроенный Писарро был вынужден вернуться в Куско, где продиктовал письмо королю Карлу.

«Куско, 27 февраля, 1539 г.

Ваше Императорское Величество!

...После того как я совершил переход по Инкской дороге, до меня дошли письма из этого города о том, что Манко Инка переместился на расстояние в 25 лье и предпринял разграбление ряда городов, он направил гонцов во все уголки той области с призывами подниматься на восстание... Мы отрядили людей с миссией наказать его... [но], поскольку он располагает докладывающими ему обо всем шпионами... он избегает открытых мест и прячется в лесах. Когда наступит лето, у него не будет возможности противостоять мне... Я заполучу его живым или мертвым».

Манко Инка между тем уже направил дополнительные послания своим последователям на юге Перу, в частности своему верховному жрецу Вильяку Уму, скрывавшемуся в труднодоступных горах в области Кунтисуйю, к юго-западу от Куско. Получив приказ Манко, Вильяк Уму со своими последователями немедленно начал предпринимать атаки против испанцев в своей области и побуждать местных туземцев к поднятию мятежа. Еще дальше к югу, на возвышенности, примыкающей с западной стороны к озеру Титикака, послания Манко возымели такой же эффект на местные племена Лупака, которые решили поднять восстание. За относительно короткий период времени пространство, протянувшееся более чем на 1000 миль, от Кахамарки на севере до берегов озера Титикака на юге, вновь оказалось охвачено туземным восстанием. Напуганные испанские торговцы и энкомендеро были вынуждены перемещаться по магистральным инкским дорогам в сопровождении вооруженного конвоя.

Когда испанцы осознали тяжесть сложившейся ситуации, они немедленно пустили в ход карательные акции против повстанческого движения, готовые до конца отстаивать свои привилегированные позиции на вершине сформированной социальной пирамиды Перу. Эрнан и Гонсало Писарро немедленно выступили из Куско во главе большого кавалерийского отряда, направившись в область обитания мятежного племени Лупака. Переправившись на плотках вместе с лошадьми через озеро Титикака, испанцы наголову разгромили

туземцев, взяли в плен и затем убили вождя племени Лупака, а его деревню сожгли дотла.

Испанцы также двинулись в северном направлении — Гонсало Писарро возглавил кавалерийский отряд из 70 человек, направившийся в сторону Кольяо. В результате яростного сражения против союза племен консора, покона и чича испанский кавалерийский отряд вновь вышел победителем, убив тысячи индейцев. Неожиданным успехом этой кампании явилась сдача инкского генерала Тисо, самого блестящего полководца в войсках Манко.

Для того чтобы подавить очаг восстания в Кунтисуйю, лежащей к юго-западу от Куско, Франсиско Писарро направил еще один испанский отряд, дополнительно укомплектованный туземными союзниками. Целью этой экспедиции было выявить местонахождение и уничтожить Вильяка Уму и его армию. Несмотря на то что этой кампании суждено было продлиться восемь долгих месяцев и у нее были свои взлеты и падения, в конечном итоге испанцам удалось вынудить Вильяка Уму сдаться.

Хотя подчиненный Манко генерал Илла Тупак продолжал контролировать большую область на севере вблизи Хаухи, и его сил сражаться хватило бы еще на долгий период, испанцы не замедлили направить на север мощную волну террора, посылая один за другим карательные отряды в мятежные провинции. Например, в плодородной долине, примыкающей к Кордильере-Бланкае, в ущелье Уайласе, примерно в 400 милях к северо-западу от Куско, местные туземцы убили двух энкомендеро. Городской совет Лимы направил кавалерийский отряд под командованием капитана Франсиско де Чавеса, чтобы потребовать возмещения. Чавес со своим отрядом провел в этом районе три месяца, совершая рейды на туземные деревни, кроша на куски их жителей и предавая огню их дома и поля.

Проводящие свои карательные рейды испанцы не делали различий между мужчинами, женщинами и детьми. «Война была настолько жестокой, что, опасаясь, что все они будут убиты, индейцы запросили мира», — писал Сьеса де Леон. Но прежде чем объявить свою карательную кампанию завершенной, Чавес — классический эстремадурец из родного города Писарро, Трухильо, — убил более 600 младенцев в возрасте до трех лет.

В южном направлении, в области Уануко, индейцы также ответили на призывы Манко, убив несколько испанцев. Вскоре и в этот регион был отряжен кавалерийский отряд. По ходу дела испанцам довелось войти в один инкский город, Тарму, отстоявший на расстоянии 100 миль к югу от места их назначения: это был мирный город, не поднимавший восстания. Тем не менее испанцы провели там семь месяцев, «поедая местную кукурузу и овец [лам и альпак], отбирая у местных жителей все их золото и серебро, забирая их жен... многих индейцев заковывая в цепи и превращая их в рабов, и... крайне жестоко обращаясь с ними и выведывая пытками [у индейских вождей] [местонахождение] их золота и серебра». Конечно, разграничения между такими понятиями, как «завоевание», «умиротворение», «оккупация», «требование возмещения» и «совершение набегов», истончились настолько, что стали почти неразличимы; все эти лозунги дня приводили местных жителей в трепет.

В апреле 1539 г., по ходу того как карательная кампания на севере продолжалась, руководители испанцев, Франсиско, Эрнан и Гонсало Писарро, собрались в Куско, чтобы обсудить свои планы дальнейших действий в плане завоевания Перу. Ввиду осложнений, вызванных казнью Альмагро, Франсиско полагал, что для Эрнана лучше всего будет вернуться в Испанию и попытаться восстановить свою репутацию. Франсиско исходил из того, что к этому времени у Эрнана накопилось уже слишком много врагов и кто-нибудь из них обязательно шепнет нужное слово королю, в результате чего тот начнет действовать против Эрнана и против всей семьи Писарро. Если же Эрнан возьмет с собой только что составленную хронику событий, живописующую его героические деяния во время индейской осады, и плюс к этому новую партию золота для Карла, то, по мнению Франсиско, у его брата будут веские аргументы для короля.

Гонсало же, которому к этому времени исполнилось двадцать семь лет, считал этот план негодной идеей. По его мнению, для Эрнана лучше всего было бы оставаться в Перу — с оружием наготове. В Испании он оказался бы во власти своих врагов, и никто из его семьи не смог бы помочь ему там. Эрнан на это «сердито ответил, что Гонсало еще мальчик и не знает короля». В любом случае Эрнан уже принял решение: он вернется в Испанию и встретится там с королем.

После того как вопрос касательно казни Альмагро будет улажен, Эрнан попросит у короля о дополнительных милостях.

В день отбытия Эрнана Франсиско Гонсало и еще небольшая группа конкистадоров проехали вместе с ним небольшое расстояние за пределы города и потом спешили, чтобы попрощаться. Эрнан обнял обоих своих братьев, после чего высказал Франсиско свои мысли о потенциальной опасности сторонников Альмагро: они участвовали в чилийском походе, а затем сражались против Писарро, в результате чего лишились всего. Педро Писарро писал:

«Эрнан Писарро, покидая своего брата-маркиза, сказал ему: „[Ты знаешь], что я уезжаю в Испанию и что, кроме Бога, мы все зависим только от тебя. Я говорю это, поскольку участники чилийского похода ведут себя очень непочтительно. Если бы я оставался здесь, бояться было бы нечего (и он говорил правду, поскольку они очень боялись его). Сдружитесь с ними, давайте немного еды тем, кто выкажет такое желание, [но] не позволяйте [даже] небольшому количеству тех, кто не выражает никаких желаний, собираться вместе на расстоянии менее чем 50 лье от того места, где вы находитесь, поскольку в противном случае... они обязательно убьют вас“... Эрнан Писарро произнес эти слова громко, и мы все слышали их, и, обняв маркиза, он отправился в путь».

Эрнан взял с собой караван золота и серебра для короля, письма и просьбы, составленные Франсиско для короля, и длинный список энкомьенд, которые Эрнан желал заполучить лично. Глядя на весь этот объемный багаж своего брата, ни Франсиско, ни Гонсало не думали о том, что Эрнана они видят в последний раз.

До отъезда Эрнана три брата условились об одном: Манко Инка должен быть уничтожен. До тех пор, пока мятежный император остается в живых, он ставит под угрозу власть Писарро над Перу. Так, вскоре после отъезда Эрнана Гонсало Писарро начал организовывать экспедицию с целью захватить или уничтожить Манко Инку. Шпионы уже доложили Писарро о том, что Манко расположился в местечке, называемом Вилькабамба; оно запрятано в густых лесистых местах в

низинах, и там император находится под защитой лучников из племени антис. Единственным средством тут было отследить перемещение инкского императора в его укрытие и там — подобно ядовитому вредителю — уничтожить его.

Будучи на тридцать четыре года моложе Франсиско и на одиннадцать лет моложе Эрнана, Гонсало Писарро прибыл в Перу, когда ему было всего двадцать лет, и он всегда находился несколько в тени своих старших братьев. В отличие от своего брата Хуана, который был на год старше его, Гонсало получил чин капитана не ранее начавшихся боевых действий во время осады Куско, и то лишь потому, что смерть Хуана предоставила ему такую возможность. Однако во время осады Гонсало выказал себя одним из лучших защитников города. Высокий, чернобородый и поразительно красивый, Гонсало был превосходным наездником и исключительно метким стрелком — как из лука, так и из аркебузы. Также он был баснословно богат; как и его братья, Гонсало получил значительную долю золота и серебра во время дележа в Кахамарке и Куско.

Типичный эстремадурец, обладающий многими неустранимыми чертами уроженца этого региона — жесткий, замкнутый, подозрительный к чужакам и крайне скупой, Гонсало умел как заводить себе хороших друзей, так и наживать жесточайших врагов. Его амбиции были неутолимы; Гонсало стремился занять свое губернаторство, и он без всякого стеснения говорил об этом другим. Импульсивный и донельзя развратный, Гонсало в свое время отобрал у Манко его жену, Куру Окльо. Вне всякого сомнения, одного этого деяния было достаточно, чтобы дать искру инкскому восстанию, которое уже стоило жизни одному из его братьев и несколькими сотням его соратников.

Осознал ли когда-либо Гонсало свою ответственность в плане разжигания индейского восстания — остается неизвестным. Но Гонсало знал, что если ему удастся захватить или уничтожить мятежного инкского императора, то губернаторство очень отчетливо замаячит на горизонте его судьбы. Но сейчас требованием момента было усмирить это королевство. Педро Писарро писал: «Сошлись во мнении, что если [Инка] будет окружен, то у него не останется никаких иных шансов, кроме как быть убитым или взятым в плен, и

тогда порядок восстановится на этой земле. Но пока это не будет достигнуто, все будет оставаться в подвешенном состоянии».

Добровольное желание присоединиться к Гонсало изъявили 300 испанцев — как пехотинцы, так и кавалеристы; все они страстно желали отличиться. Многие из кавалеристов являлись энкомендеро, так что они жаждали заполучить Манко в свои руки; им было известно только одно средство перенаправить дань туземцев, которая сейчас текла к Манко, — в свой карман. В числе других добровольцев были недавно прибывшие конкистадоры — бывшие сапожники, портные, плотники, каменщики и прочие ремесленники, приехавшие в Перу со своим собственным оружием и теперь жаждавшие сколотить себе состояние. Гонсало было хорошо известно о том, что, когда два года назад Родриго Оргонес подверг разграблению Виткос и едва не захватил в плен Манко Инку, испанцы из его отряда нашли на месте огромное количество золота, серебра, а также красивейших храмовых девственниц. Окажись удача на стороне Гонсало, его могла ожидать такая же добыча.

По ходу того как люди Гонсало готовились к экспедиции, Паулью Инка организовал крупный контингент туземных союзников. На этот раз он сам был готов сопровождать испанцев. Паулью был готов принять активное участие в битве против своего брата: вне всякого сомнения, для того, чтобы отстоять свой правящий статус «Сапы Инки», или «Единственного Инки», — на настоящий момент положение было двойственным. Хотя Паулью знал, что Манко был вынужден скитаться в глуши Тавантинсуйю и жить среди варваров-антис, он тем не менее представлял для него реальную угрозу. Если бы Манко когда-нибудь удалось заключить перемирие с испанцами и вернуться в Куско, то Паулью был бы автоматически смещен с поста императора.

Уже убедившись в том, что испанцы являют собой непобедимую силу, Паулью, находясь в столице, занялся примериванием на себя самой разнообразной испанской одежды: шелковых чулок, изящных плащей, европейских шляп самых разных фасонов. Паулью также высказался в том плане, что подумывает о принятии испанской религии. Человек, проживавший в инкском дворце, где его ежедневно ожидала свита красивых наложниц, — хотя два года назад у него не было практически никаких шансов стать императором, — конечно, не

был склонен отказываться от своего нового роскошного стиля жизни. Если он должен был убить своего брата, для того чтобы сохранить свое настоящее положение, то он готов был это сделать. Кроме того, согласно инкской традиции, на вершину власти в итоге поднимался самый сильный наследник на престол. У инкской аристократии бесспорным девизом было: «Победитель получает все».

В солнечный день 1539 г. экспедиция из 300 испанцев и большого числа их туземных помощников двинулась в путь; за ними следовал караван из лам, груженных провизией. Когда испанцы покинули город и начали взбираться на настоящий в северной стороне холм, многие из них окинули взглядом инкскую столицу — было очевидно, что она претерпевает изменения. После того как Манко поджег Куско в ходе осады, большая часть соломенных крыш бесследно исчезла. Ныне черепица земляного цвета украшала остроконечные крыши ряда зданий; испанские строители стремились привить отдельные архитектурные особенности своей страны на инкской почве.

Ныне во второй раз за два года большой отряд конкистадоров направился вниз по восточной стороне Анд, — испанские лошади шли все по той же выложенной камнями инкской тропе, осторожно ступая, чтобы удержаться на зачастую мокром скользком покрытии. Экспедиция несла трое носилок; одни занимал Паулью, двое других — Уаспар и Инкилл. Двое последних были единокровными братьями Манкой Паулью. Подобно своему брату, Паулью, они перешли из стана Манко в стан испанцев — в полной уверенности в том, что в борьбе за Тавантинсуйю Манко Инка в итоге окажется проигравшим.

После трехдневного перехода экспедиция достигла моста Чукичаки, перекинутого через реку Урубамбу; это его Родриго Оргонес со своим отрядом захватил на пути в Виткос два года назад. Висячий мост теперь никем не охранялся, и, не встречая сопротивления, испанцы поднялись в долину Вилькабамба. Пройдя мимо стоящей на вершине холма цитадели Виткоса, когда-то разграбленной Оргонесом и покинутой Манко, экспедиция направилась далее к проходу Колпакаса, находящемуся на высоте 12 500 футов. Изрезанные очертания холмов, покрытые густой растительностью, тянулись теперь внизу длинными складчатыми гребнями. Экспедиция начала медленный спуск по выложенной камнями тропе вдоль реки

Пампаконас — мимо деревьев, с которых свисал мокрый мох, мимо водопадов, которые вскоре превращались в стремительные потоки.

Облака затрудняли дыхание, люди теряли из виду начало и конец колонны, кавалерия неожиданно превратилась в расплывчатые силуэты в шлемах, призрачно вырисовывавшиеся в светло-сером тумане. Капли воды, подобно поту, появлялись на доспехах испанцев, сливаясь потом в ручейки и скатываясь вниз, словно крошечные струйки ртути. Наконец, после трех дней спуска по этой дороге, растительность стала такой густой, что испанцы были вынуждены спешиться и оставить своих лошадей. С мечами, аркебузами и луками на изготовку испанцы последовали одной растянувшейся шеренгой за своими туземными проводниками — в темную, неведомую преисподнюю амазонского дождевого леса — сельвы.

Воздух здесь стал теплым и душным, повсюду жужжали комары, атакуя незащищенные участки кожи испанцев. Люди сильно потели под своими доспехами и хлопковыми одеждами. На некотором расстоянии от них доносились звуки, которые испанцы никогда до сих пор не слышали: глубокие, полнзвучные львиноподобные рыки, которые для испанцев были словно крики стражей ада, — и все это вкупе со странными трелями, просверливающими мокрый лес. Испанцам уже приходилось слышать от своих туземных гидов достаточно басен о том, что антис едят человеческое мясо, и о том, что испанцы должны предстать перед ними настоящими гастрономическими деликатесами. Гиды все же не стали слишком пугать пришельцев и объяснили причину зловещих трелей, показав на вершины гигантских деревьев, чьи основания составляли в диаметре более 20 футов. Гиды ответили, что источники звуков — «уру-кусиллукуны», или паукообразные обезьяны. Львиноподобные рычания также издавали обезьяны, но проводники называли их другим словом. Сами проводники, несомненно, нервничали, слишком хорошо зная, что враг находится близко и в любой момент может броситься в атаку. Вопрос был не в том, будет ли отряд атакован, а в том, как, где и когда. Священник-иезуит Блас Валера писал:

«Те, кто живет в... [Антисуйю]... едят человеческое мясо, они свирепее тигров, они не знают ни Бога, ни закона, они не знают, что такое добродетель. Они не имеют идолов и

никакого их подобия. Они поклоняются дьяволу, когда он представляет себя в форме какого-нибудь животного или змеи и разговаривает с ними. Если они в ходе военных действий захватят пленного... и им будет известно, что это человек низкого ранга, то они четвертуют его и отдадут конечности своим друзьям и слугам в пищу или продадут на мясном рынке. Но если это будет человек благородного происхождения, то вожди соберутся со своими женами и детьми и, подобно служителям дьявола, разденут его, привяжут его живым к столбу и разрежут на куски кремневыми ножами и лезвиями, — не с тем чтобы отрезать конечности, но для того, чтобы извлечь мясо из самых мясистых частей: из икр, бедер, ягодиц и мясистых частей рук. Мужчины, женщины и дети окропляют себя кровью, и все они очень быстро пожирают мясо, совершенно никак его не готовя и даже не прожевывая. Они заглатывают его полным ртом — так чтобы несчастная жертва могла видеть, как ее поедают живьем».

Хотя каннибализм и существовал на отдельных участках Атлантического побережья Бразилии, рассказы священников об индейцах племени антис представляли собой чистую небылицу — все эти домыслы сочинялись о народе, чей характер и уклад были настолько чуждыми и высокогорным инкам, и испанцам, что у них поневоле возникали страх и отвращение. Так или иначе, у испанцев не было разумных причин воспринимать эти апокрифические истории как истинные. Как далеко простирался этот лес и сокрыты ли в нем были богатые империи, изобилующие золотом, — этого никто не знал. В конце концов, большая часть континента являла собой терра инкогнита, и о лабиринтных пространствах этой ничейной земли можно было только догадываться. Впереди могут лежать новые империи, наполненные таким богатством, которое превзойдет любое воображение, а может поджидать и смерть столь жуткая, что испанцам придется воочию наблюдать, как их соотечественников поедают живьем. Об этом может быть известно только Богу на небе либо дьяволу в аду.

Продвигаясь вперед гуськом, испанцы подошли к узкому каньону, через который протекали два потока. Перейдя через два моста, сооруженных совсем недавно, они попали на участок земли, расчищенный от деревьев и кустарников. Педро Писарро позднее вспоминал:

«[Когда] около 20 испанцев... [пересекли мост], спрятавшиеся заранее индейцы начали бросать в них... валуны с гор. Эти валуны скатывались с огромной скоростью. Они превратили трех испанцев в месиво. Те испанцы, которые уже успели углубиться в лес, обнаружили там множество индейских лучников, которые начали стрелять в них, ранив многих, и если бы испанцы не обнаружили узкую тропку, ведущую к реке, они все были бы перебиты, поскольку они не могли... [схватиться в рукопашной] с теми индейцами, которые попрятались среди деревьев».

Испанцы попали в явную западню. По словам Титу Куси:

«[Мой отец] узнал от шпионов, которых он расставил на дорогах, о том, что Гонсало Писарро... и многие другие ринулись преследовать его; с Гонсало были и трое его братьев... [И] он [Манко] направился сюда и нашел здесь я не знаю сколько испанцев, — лес был такой густой, что их нельзя было сосчитать... [и] он яростно дрался с ними на берегах реки».

Оказалось, что мосты, которые пересекли испанцы, были недавно возведены воинами Манко, с тем чтобы увести испанцев с обычной тропы и направить их в ту область, где их можно было уничтожить скатывающимися валунами. Подобного же рода западню генерал Инки Манко, Кисо, с успехом использовал в Андах. Но в этот раз вместо того, чтобы подождать, пока большая часть испанцев пересечет мост, воины Манко поторопились сбросить валуны, сокрушив переднюю часть испанской колонны, при этом позволив оставшейся части испанцев вернуться назад на тропу.

Так или иначе, организованная засада заставила испанско-инкскую колонну резко остановиться. Яростные сражения длились в течение всего дня, и антис оказывались практически невидимы для своего испанского противника — настолько умело туземцы (Амазонки) использовали укрытия своего леса. Испанцы наконец отступили. Ночью Гонсало и его люди при свете факелов отошли к тому месту, где оставили своих лошадей; надо было осуществить перегруппировку и решить, что делать дальше: «многие испанцы были ранены, и многие утратили присутствие духа». В ходе дневного сражения испанцы потеряли 36 человек.

Деморализованные своими недавними потерями и встречей с неуловимыми антис, которые были в состоянии осыпать врага градом стрел и при этом оставаться незамеченными, испанцы послали в Куско за подкреплением. Между тем Гонсало Писарро, надеясь предотвратить появление новых засад до того, как придут новые силы, послал Инкилла и Уаспара, с тем чтобы они попытались вступить в переговоры со своим братом. Братья должны были известить Манко о том, что если он сложит оружие, то будет спасен; испанцы также передавали через братьев, что они готовы предоставить Манко энкомьенды.

Манко же, в свою очередь, дал приказ, согласно которому все туземцы, сотрудничавшие с испанцами, должны быть немедленно казнены. Он был хорошо осведомлен о том, что испанский отряд достаточно многочислен и хорошо вооружен и что три его единокровных брата занимают там главенствующие позиции. Манко также был зол на Паулью за то, что тот отверг предложение принять участие в восстании, а также за то, что тот согласился принять королевскую бахрону и прошел процесс коронации. Так что, когда его братья Инкилл и Уаспар прибыли в его лагерь, Манко совершенно не был расположен ни к изъявлению любезностей, ни к ведению переговоров. Вот как описывал все Титу Куси:

«Мой отец настолько разгневался на то, что [Уаспар] явился к нему, что эта попытка завязать переговоры стоила его брату жизни. Видя, что мой отец хочет убить его в приступе гнева, Кура Окльо попыталась остановить его, поскольку она очень любила его [своего брата]. [Но] мой

отец, невзирая на ее просьбы, отрезал и голову Уаспара, и его старшего брата Инкилла со словами: „Пусть лучше я отрежу их головы, чем они отправятся с моей“».

Жена Манко, в свое время похищенная и изнасилованная Гонсало Писарро, а затем каким-то образом спасшаяся бегством, теперь в полном опустошении созерцала перед собой тела двух своих братьев с отрезанными головами. Помимо Паулью и Манко, это были еще два сына ее отца, великого Уайны Капака. Ныне пять ее братьев были мертвы — в их числе Атауальпа и Уаскар, — все они погибли в результате борьбы, последовавшей после смерти ее отца, предположительно вызванной европейской оспой. По словам сына Манко, Кура Окльо «была настолько удручена смертью своих братьев, что она отказывалась уходить с места их казни».

Но у Манко было мало времени беспокоиться о горе своей жены. Имея перед собой сотни вооруженных испанцев, находившихся в нескольких милях от его столицы и, по донесениям шпионов, получивших свежее подкрепление из Куско, Манко оставалось только придумать способ, как уничтожить своих врагов или же настолько осложнить им жизнь, чтобы они отказались от своих планов и вернулись в Анды. Между испанским отрядом и его новой столицей оставалась одна естественная граница — каньон, в котором объемное обнажение каменных пород являло собой естественную баррикаду для испанцев. В области каньона высокие горные гряды были сокрыты густой растительностью, покрывавшей обе стороны. Сами инки обычно преодолевали эту естественную баррикаду при помощи приставных лестниц, которые сейчас они, конечно, убрали. Помимо того, Манко распорядился возвести на вершине баррикады каменную стену, оставив в ней маленькие отверстия наподобие окошек.

Вскоре Гонсало Писарро решил повести фронтальную атаку на баррикаду, направив отряд с приказом захватить ее. Когда испанцы начали вскарабкиваться на обнаженные каменные породы, увенчанные стеной, Манко решил продемонстрировать свои последние военные инновации. Неожиданно раздались громкие взрывы, и из отверстий в стене повалил дым. В свое время испанские пленники показали воинам Манко, как стрелять из аркебуз, захваченных у убитых испанцев. Как раз ради этой цели Манко распорядился проделать

маленькие отверстия в верхней части стены. Оправившись от шока, испанцы начали тщательно осматривать стену: они увидели множество стволов произведенных в Испании аркебузе направленными на них прицелами. По словам Педро Писарро, инструкции, которые получили воины в плане использования пороха и перезарядки ружей, были далеки от идеала:

«У входа в этот узкий [каньон]... [Манко] соорудил каменную стену с отверстиями в ней, через которые они стреляли в нас из четырех или пяти аркебуз, которые... они отобрали у испанцев. И поскольку они не умели заряжать аркебузы, они не причинили нам особого вреда, — они помещали [свинцовую] пулю у самого дула аркебузы, так что пуля просто выкатывалась на землю».

Так или иначе, после нескольких дней перестрелок, в ходе которых испанцам никак не удавалось пробить брешь в баррикаде Манко, конкистадоры почувствовали, что загнаны в угол. Но наконец из Куско прибыли отряды подкрепления, и, имея у себя под рукой свежие войска, Гонсало продумал новый маневр. Приказав половине своего войска продолжать выдохшуюся было атаку против войск Манко, защищавших каменные баррикады, Гонсало дал распоряжение остальной части своего отряда незаметно пробраться по задней стороне горной гряды, с тем чтобы попытаться овладеть высотами. Когда ружейные выстрелы дали сигнал к атаке баррикады, вторая группа Гонсало начала карабкаться по склону, покрытому густой растительностью: зачастую воинам приходилось прорубать себе дорогу топорами. В итоге испанцы достигли вершины горной гряды незамеченными. Теперь туземцы, стремившиеся отбиться от испанской атаки, идущей снизу, неожиданно оказались в незавидном положении: их теперь и сверху обстреливали из аркебуз и луков. Вот как рассказывал об этом Педро Писарро:

«Видя, что испанцы уже ведут атаку сверху, индейцы направились в форт к Манко Инке сообщить ему об этом... и ввиду складывающейся ситуации трое индейцев взяли его под руки и спешно перенесли его через реку... которая

протекала вблизи этого форта, и они пронесли его на некоторое расстояние вниз по течению реки и спрятали его в джунглях. Оставшиеся индейцы растеклись в самых разных направлениях, ища прибежища в лесу».

Испытывая чувство фрустрации ввиду своей неспособности удержать баррикаду, Манко, находясь на другой стороне реки, прокричал в сторону узурпаторов: «Я Манко Инка! Я Манко Инка!» — словно говоря: «Да как вы осмеливаетесь?!» Один из испанских воинов, участвовавших в атаке, Мансио Сера де Легисамон, запомнил также высказывание Манко, что «он вместе со своими индейцами убил до и после восстания в общей сложности более двух тысяч испанцев, и что он намерен убить их всех и удержать землю, которая принадлежала ему и была унаследована им от его предков». Так или иначе, не в силах более препятствовать испанцам продвигаться к его новой столице, Манко бежал в сопровождении своих сподвижников из числа антис.

Гонсало и его войска двигались теперь по мощной дороге, которая наконец привела их к Вилькабамбе, городу, о котором они до сих пор слышали лишь легенды. Испанцы обнаружили новую инкскую столицу растянувшейся на расстояние более чем в милю; она располагалась на участке, расчищенном от леса. Город выглядел совершенно опустевшим: его испуганные жители бежали. Испанцы спустились в город по длинной каменной лестнице, вслед за ними на носилках пронесли Паулью Инку. В воздух все еще поднимался дым покинутых костров, на которых готовилась еда. В отдалении были слышны вибрирующие трели паукообразных обезьян. Возбужденные испанцы тут же приступили к разграблению города; с мечами наголо они врвались в дома и в хранилища, появляясь затем оттуда с золотыми и серебряными блюдами и, кубками и идолами. Несколько испанских офицеров и их туземных помощников отправились на поиски исчезнувшего императора, однако им удалось найти только жену Манко, Куру Окльо. Все еще находясь в потрясении от гибели двух своих братьев, убитая горем женщина не предприняла никаких попыток бежать.

В июле 1539 г., после двухмесячных бесплодных поисков мятежного императора, Гонсало Писарро оставил свои попытки, и

совместная испанско-инкская экспедиция двинулась обратно в Куско. Испанцы везли с собой награбленное добро, пленников — и в их числе Куру Окльо, королеву инков, обвязанную веревками. Гонсало позволил своим испанским соратникам сколь угодно грубо обходиться с плененной койей — женщиной, которую несколько лет назад он сам возжелал столь сильно, что, уведя ее от мужа, в конечном счете способствовал началу кровавого национального восстания. По словам Титу Куси, примерно в 30 милях от Вилькабамбы, в деревне Пампаконас, испанцы попытались изнасиловать Куру Окльо.

«Она дала отпор, защищаясь так яростно, как только могла; она даже прибегла к тому, чтобы покрыть свое тело мерзкой, зловонной субстанцией, с тем чтобы вызвать тошноту у пытавшихся изнасиловать ее. Она защищалась так неоднократно на протяжении всей поездки, пока они не достигли [Оллантай]тамбо».

В то время как экспедиция сделала остановку в Оллантайтамбо, Франсиско Писарро, находясь в Куско, получил сообщение от Манко Инки, в котором тот выражал желание обсудить условия его, Манко, сдачи. Надеясь раз и навсегда положить конец восстанию, Писарро поспешил в Оллантайтамбо, где содержалась Кура Окльо, и оттуда он послал Манко ряд даров, в том числе великолепного пони и целый комплект шелковых одежд. Один африканский раб и двое крещеных туземцев направились с дарами в джунгли. Но вместо того чтобы принять дары Писарро, Манко убил трех посланников, а также и пони, поскольку «Инка в грош не ставил ни дружбы испанцев, ни того, что они обещали ему».

Испытывая ярость ввиду категорического отказа Манко, а также несомненную досаду по поводу того, что после трехлетних военных действий и сотен испанских смертей Манко Инка все еще продолжал находиться на свободе, Писарро решил излить свой гнев на самую удобную для этого персону — инкскую королеву. «[Поскольку] Инка [Манко] не шел на заключение мира, то самым сильным ударом, который можно было нанести по нему, должно было стать убийство его жены, которую он любил более всего», — писал Съеса де Леон. Испанцы вывели перед ним Куру Окльо, дочь великого Уайны Капака,

раздели ее, затем привязали к столбу, который был установлен специально для этой цели. Все действие разыгралось перед глазами Писарро и его офицеров: представители племени канярис — исторические враги инков — начали избивать ее, — при этом инкская королева не произнесла ни слова. Затем они взяли на изготовку свои луки, установили стрелы с бамбуковыми наконечниками на тетивах, натянули тетивы и начали обстреливать королеву, целясь ей в конечности. Многие из присутствовавших испанцев — а это были закаленные конкистадоры — были потрясены таким изощренным и мучительным убийством инкской королевы. Один летописец прокомментировал это так, что это было деяние, «совершенно недостойное нормального христианина»; иными словами, это было наказание за восстание, «в котором не было никакой ее вины». Тем не менее мучительное убийство продолжалось, в то время как Писарро и его люди — все крещеные христиане — продолжали наблюдать за этим действием, не предпринимая никаких попыток, чтобы остановить это.

Юная королева, пронзенная стрелами, однако продолжавшая держаться с вызовом, сказала своим мучителям: «Вы изливаете свой гнев на женщину?.. Так поторопитесь же и прикончите меня, так чтобы вы смогли удовлетворить все ваши желания». Это был единственный выплеск чувств, который гордая инкская женщина позволила себе, — к немалому удивлению тех, кто собрался лицезреть это действие. Педро Писарро писал:

«В своем гневе... маркиз распорядился убить жену Манко Инки. Индейцы из племени канярис привязали ее к столбу и затем начали избивать ее и пускать в нее стрелы, пока она не погибла. Присутствовавшие там испанцы сказали, что эта индейская женщина не произнесла ни единого слова сожаления, она продемонстрировала исключительно сдержанное поведение. Можно только восхищаться женщиной, из уст которой не вырывается ни слов, ни стонов, какую бы боль ей ни причиняли смертельные раны!»

Чтобы еще больше наказать Манко, Писарро приказал погрузить расчлененное тело королевы в большую корзину и пустить вниз по течению реки Вильканоты, чтобы в итоге его смогли подобрать люди Манко. Через несколько дней Манко показали тело Куры Окльо, и он «был охвачен крайним горем ввиду смерти его жены. Он рыдал и метался над ее телом: он очень ее любил. В итоге он направился [с ее телом] к Вилькабамбе».

Но гнев Писарро, вызванный поднятым Манко восстанием, еще не насытился. Вернувшись в Куско, он узнал, что Вильяк Уму и некоторые другие инкские предводители, ныне содержащиеся в инкской темнице, жестко осудили казнь их королевы. Писарро приказал, чтобы верховного жреца и прочих высокопоставленных инкских деятелей привели на главную площадь Куско, где они все были сожжены. Затем Писарро выволок генерала Тисо, последнего из выдающихся инкских полководцев, сдавшегося за девять месяцев до этого, и также сжег его живьем.

Искоренив по большей части очаги второго восстания Манко — в ходе серии жестоких карательных кампаний, — шестидесятиоднолетний Франсиско Писарро вскоре вернулся в свою столицу на побережье, в Город Царей, где он должным образом приступил к своим обязанностям губернатора. Но вскоре пожилой маркиз столкнулся с новой проблемой, не менее серьезной, чем та, что была вызвана восстанием Манко. По улицам города циркулировали слухи о том, что его испанские жители давно уже устраивают тайные встречи и планируют на них убийство маркиза.

14. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПИСАРРО

«[Испанские энкомендеро] излучают вокруг себя ауру успеха, переходя от карточных игр к обеденным застольям, — все они имеют обычай облачаться при этом в роскошные шелковые одежды. Их деньги растрачиваются на все эти роскошества самым наилегчайшим образом, поскольку они не стоят им какого-нибудь труда... [Они] и их жены позаимствовали у верховного Инки обычай передвигаться на носилках — словно они изваяния святых. Эти испанцы являют собой абсолютных повелителей, лишенных страха Бога или возмездия. В их собственных глазах они являются судьями над народом, которого они припасли для своих собственных нужд или удовольствий».

Фелипе Гуаман Пома де Айяла, «Письмо королю», ок. 1616

«И ты, Брут?»

Уильям Шекспир, «Юлий Цезарь», ок. 1600

В июне 1541 г. Франсиско Писарро все еще был таким же достаточно непретенциозным человеком, каким он впервые прибыл в Новый Свет тридцать девять лет назад. Хотя Писарро провел более двух третей своей жизни в Америке, шестидесятитрехлетний конкистадор все еще продолжал нести на себе неискоренимый отпечаток периода своего становления в сельской части Эстремадуры. Сын прославленного капитана кавалерии, Писарро воспитывался в семье своей матери — девушки из крестьянской семьи. Трое братьев Франсиско по отцу — Эрнан, Хуан и Гонсало, — будучи произведенными на свет значительно позднее, воспитывались в семье своего отца, а Эрнан, будучи самым старшим среди них, получил,

среди прочего, формальное образование и унаследовал поместье своего отца.

Если бы Писарро обладал меньшими амбициями, то его будущее в Испании, вне всякого сомнения, было бы predetermined обстоятельствами его рождения и семейного воспитания. Но Писарро имел амбиции, то есть его представление о себе и о своем будущем не совпадало с соответствующими ожиданиями его земляков в отношении его. Эти амбиции — в сочетании с наложенным на Франсиско бесчестным пятном незаконнорожденности и, возможно, подсознательным детским желанием воспитываться в более высокопоставленной семье своего отца, нежели в семье своей матери, — несомненно, послужили тем двигателем, который погнал его через океан и через другой континент. Вне всякого сомнения, эта побудительная мотивация и подвигла в конечном счете Писарро на завоевание самой крупной туземной империи в Новом Свете.

Посредством этого завоевания Писарро в каком-то смысле обеспечил себе статус законнорожденности. Ввиду завоевания Писарро богатой Инкской империи король Карл посмотрел сквозь пальцы на его незаконнорожденность и сделал его рыцарем. Но так или иначе, в испанских королевствах XVI в. занимавший высокое положение сеньор обычно имел целый перечень титулов и «расширительных указаний», предшествовавших его письменному имени. Для любого интересующегося достаточно было лишь проглядеть этот перечень, чтобы точно понять, какое положение занимает этот человек в обществе, насколько богата или бедна его родословная.

В 1541 г. Франсиско Писарро обрел наконец тот статус и общественный вес, о котором он всегда мечтал: он стал рыцарем ордена Сантьяго, губернатором, командующим войсками и маркизом королевства Новая Кастилия, принадлежавшего Его Величеству. Став губернатором, — а этот пост был эквивалентен посту вице-короля, — Писарро обрел завидное положение человека, лично назначенного королем представлять испанскую власть в Перу и управлять миллионами новых вассалов, которых король заполучил посредством продемонстрированной Писарро военной доблести и военной мощи. Если бы кто-то из врагов Писарро решил задать вопрос о его плебейском происхождении, то Писарро на это легко смог бы ответить

теми же словами, которыми примерно два столетия спустя незаконнорожденный Вольтер ответит на вопрос одного высокомерного французского аристократа: «Я только начинаю свой род, а вы свой род уже заканчиваете».

Но, несмотря на все титулы, непомерное богатство и власть, юношеские крестьянские годы оставили свой неизгладимый отпечаток на вкусах испытанного конкистадора. Хотя многие богатые энкомендеро, которым Писарро предоставил в услужение туземцев, поспешили избавиться от своих доспехов и поменяли их на шелковые чулки, шляпы с плюмажем и другие роскошные импортные европейские одежды, копируя поведение знати в Испании, Писарро предпочитал носить простую одежду без оборок. Летописец Агустин де Сарате писал:

«Маркиз... [обычно] носил черный кафтан с завышенной талией, внизу доходивший ему до щиколоток, белые ботинки из оленьей кожи, белую шляпу и меч со старомодным эфесом. Когда в праздничные дни слуги убеждали его надеть соболиную мантию, которую маркиз дель Валье [Эрнан Кортес] прислал ему из Новой Испании [Мексики], то он обыкновенно снимал ее после мессы и... [возвращался к своей обычной одежде]. Писарро имел обыкновение носить полотенце, обвязанное вокруг шеи, чтобы вытирать им поте лица, поскольку... [когда в стране сохранялось мирное положение] он проводил большую часть дня за игрой в шары (баулз) или в пелоту^[44]».

Писарро предпочитал простоту не только в отношении одежды; в эпоху, когда соответствующим образом воспитанная испанская аристократия увлекалась выездкой и разными видами охоты — эквивалент того времени для современных тенниса, гольфа и яхтинга, — Писарро предпочитал спорт и азартные игры рабочего класса. Сарате писал:

«Оба капитана [Писарро и Альмагро] обладали очень высокой физической выносливостью, в течение длительного времени они могли не обращать внимания на чувство голода.

Маркиз демонстрировал свои редкие физические качества во время игр, в ходе которых очень немногие молодые люди могли сравниться с ним по уровню. Он был гораздо более склонен к разного рода играм, чем аделантадо^[45] [Альмагро]. Иногда он мог весь день играть в шары, не обращая никакого внимания на то, с кем он играет, — это мог быть даже простой моряк или рабочий мельницы. Писарро также никому не позволил бы в виде услуги поднести ему мяч или вообще пытаться проявлять какой бы то ни было пиетет, который по идее должен был быть выказан высокопоставленной персоне.

В редких случаях какое-либо дело могло заставить его бросить игру, особенно если он проигрывал. Исключением могли быть только какие-то новые беспорядки в среде индейцев, — в подобных случаях он был очень скор, надевал на себя доспехи, хватал пику и щит и мчался через весь город к месту беспорядков, не дожидаясь людей из своего отряда, — им потом требовалось мчаться во весь опор, чтобы нагнать его».

Неудивительно, что человек, в детстве росший в беднейшей части города, предпочитал плебейскую компанию аристократической, проводя значительную часть времени среди моряков, мельников, погонщиков мулов, ремесленников и представителей других профессий, зарабатывавших ручным трудом. Писарро мог часами играть с ними в карты и другие азартные игры, хотя из-за своей природной скаредности «он забирал то, что выигрывал, и оставлял невыплаченным то, что проигрывал».

Порой занятые поисками губернатора современники Писарро находили состоятельного маркиза в поле в окрестностях Лимы — совместное местным туземным населением он занимался жатвой импортированной из Европы пшеницы: «Он делал то, что ему нравилось, то, что было его естественным ремеслом». В Испании ни один уважаемый аристократ не позволил бы себе подобного рода деятельность. Когда на берегу реки Римак вблизи Лимы начали возводить две мельницы, нотариусу приходилось доставлять на стройку важные бумаги: «Он [Писарро] проводил на месте их

строительства все свободное время, постоянно подгоняя и понукая строивших их рабочих». Подобным же образом, когда подошло время к отлитою первого бронзового колокола для собора Лимы, который Писарро посвятил Непорочному Зачатию Пресвятой Девы Марии, губернатора опять же можно было застать не почивающим в своей резиденции, а в кузнице — собственноручно занятым кузнечными мехами.

В то время как Писарро всецело посвятил себя управлению туземной империей — воплощенной целью всей своей жизни, его тридцативосьмилетний брат Эрнан прибыл в Испанию, с тем чтобы оправдаться перед королем за казнь губернатора Диего де Альмагро. Но один из подчиненных Альмагро офицеров, Диего де Альварадо, прибыл еще до него и немедленно выдвинул обвинения против Эрнана по поводу убийства Альмагро. Но Эрнан рассчитывал использовать к своей вящей выгоде доставку сокровищ из Перу. Однако, к своему немалому удивлению, не получив даже аудиенции у короля, он был арестован и брошен в тюрьму. Вскоре и другие сподвижники Альмагро вернулись в Испанию и также стали свидетельствовать против Эрнана, среди них был и такой влиятельный и именитый деятель, как дон Алонсо Энрикес де Гусман. Хотя последний сражался плечом к плечу с Эрнаном во время продолжавшейся почти год осады Куско, совместный боевой опыт не сблизил этих людей. В письме, направленном в Королевский Совет, Энрикес де Гусман без всяких обиняков дал характеристику этому высокомерному человеку, к которому начал испытывать уже настоящую ненависть.

«Достопочтенные сеньоры!

Я, дон Алонсо Энрикес де Гусман, рыцарь ордена Сантьяго... гражданин города Севильи, был назначен исполнителем воли дон Диего де Альмагро... И в силу этих своих обязанностей... я обвиняю Эрнана Писарро в совершении преступных деяний...

Аделантадо дон Диего де Альмагро, губернатор... королевства Новое Толедо, находящегося на территории Индий Южного моря, трудился на службе Вашего Величества, он завоевал множество королевств и провинций на этой земле, обратив туземцев на службу нашему Господу

Богу и в нашу святую католическую веру. В то время как он [Альмагро] продолжал таким образом трудиться на Вашей ниве, вышеупомянутый Эрнан Писарро, движимый завистью, ненавистью и злой волей... равно как и жадностью и своекорыстием, подвигнул Манко Инку — короля и повелителя той земли — поднять восстание против Вашего Величества; ранее же аделантадо [Альмагро] удалось склонить Манко к сотрудничеству и побудить его служить Богу и Вашему Величеству... Король Манко поднял восстание, и поэтом причине данное королевство было для нас утеряно и оказалось полностью разрушено, и Ваше Величество потеряли более четырех миллионов [песо] в золоте (имея в виду причитающуюся ренту), а также еще ряд статей дохода. В результате случившейся смуты туземцы убили более шестисот испанцев, [я и] Эрнан Писарро... долгое время находились в осажденном городе Куско...

Не удовольствовавшись совершением этих преступлений... Эрнан Писарро... поднял армию и... двинул ее против губернатора Альмагро, организовав сражение вблизи стен этого города Куско и убив двести двадцать два человека... [Позже], забыв великую милость, полученную им от губернатора, освободившего его в свое время из заключения, [Эрнан] самым бесчестным образом задушил аделантадо дона Диего де Альмагро, при этом опозорив его... сказав, что тот является не аделантадо... а кастрированным мавром. И для того, чтобы сделать оскорбление еще более сильным, он приказал совершить казнь негру, произнеся при этом слова: „Пусть этот мавр не думает, что я казню его таким же образом, каким он хотел казнить меня, — то есть путем обезглавливания...“ Затем он сказал: „Если б палач собирался отрезать мне голову ножом, и врата ада были открыты, и... [сам дьявол] был готов принять мою душу, то я бы все равно сделал то, что [я собираюсь сделать сейчас]...“

[Эрнан Писарро] незаконно казнил [Диего де Альмагро], не имея на то никаких полномочий... и за свои жестокие и порочные преступления, среди которых числится и

предательство, он заслуживает сурового наказания по гражданской и военной части в отношении его собственной персоны и его имущества — в назидание другим».

Обвинения, часть из которых преувеличенные, а иногда и совершенно вымышленные, имели тем не менее под собой фундамент истины: Эрнан убил Диего де Альмагро, несмотря на то что тот в свое время освободил его. Так, несмотря на то что Эрнан подал свое дело в самую квалифицированную судебную комиссию в Испании, ему пришлось провести следующие свои двадцать три года в тюрьме в окрестностях Мадрида. К тому времени, когда он вышел оттуда в 1561 г. в возрасте шестидесяти лет, это был уже преждевременно состарившийся человек, частично утративший зрение. Никто из тех, кому доводилось лицезреть этого скрюченного, седого старика, передвигавшегося при помощи трости, не мог бы даже предположить, что это был тот самый высокомерный и хвастливый человек, который некогда исходил более тысячи миль в гористой части Перу, вступал в сражение с туземными армиями, насчитывавшими сотни тысяч человек, и обладал таким статусом, богатством и властью, что однажды воистину поверил в то, что является практически неприкосновенным и недостижимым для кого бы то ни было, даже для самого короля. Эрнан явно переоценил свои силы и в результате потерял почти все. Второй по старшинству брат из семейства Писарро прожил еще семнадцать лет, ему довелось пережить всех четырех своих братьев, и он умер в 1578 г. в возрасте семидесяти семи лет. Но ему так больше и не пришлось увидеть кого-либо из своих братьев и ступить вновь на землю Перу.

Число сподвижников Альмагро, вернувшихся в Испанию, было достаточным, чтобы склонить мнение короля в свою сторону — против Эрнана; но большинство альмагристов, находившихся в Перу, кое-как зарабатывали себе на существование. Испанцы, лишь недавно прибывшие в Перу, могли оправдать свою нищету словами о том, что они прибыли слишком поздно, чтобы поучаствовать в дележе перуанских богатств; сподвижники же Альмагро не могли утверждать подобного. Большинство из них впустую потратили два года в Чили в экспедиции Альмагро, которая не принесла им ничего, кроме

трудностей и нищеты. Позднее, после того как альмагристы успешно захватили Куско и у них появилась реальная надежда на то, что они вскоре станут богатыми энкомендеро, им вскоре пришлось лишиться своих иллюзий в результате поражения в сражении при Лас Салинас. Хуже того, Диего де Альмагро — лидер, ради которого они рисковали своей жизнью в ожидании будущих вознаграждений, был ныне мертв. Оставался только единственный сын Альмагро — Диего де Альмагро-младший, который был рожден от туземной любовницы из Панамы. Хотя младшему Альмагро уже исполнилось девятнадцать лет, он «был таким инфантильным, что ему еще нельзя было доверить управление людьми или [командование] войсками».

Конечно, альмагристы «поставили не на ту лошадь». Не имея возможности занимать высокие должностные функции и не имея других видов службы, несколько сот последователей Альмагро с трудом зарабатывали себе на жизнь. Но самое тяжелое в данной ситуации было осознание ими того факта, что они и дальше будут пребывать в такой нищете. Ведь они боролись против Писарро, а те были известны тем, что ничего не забывают и ничего не прощают. Ведь испанское Перу представляло собой лишь крошечный мир; соответственно, если ты боролся против Писарро, это было равносильно тому, что ты теперь ходишь с каиновой печатью на лбу. «Жители [Лимы], — писал Педро де Съеса де Леон, — испытывали такое равнодушие, что, даже видя их [альмагристов] умирающими с голоду, они не помогали последним совершенно ничем, они не хотели даже... дать им хоть чуть-чуть еды».

Ожесточение альмагристов в отношении Писарро было таким, что многие из них даже не снимали шляпы при появлении губернатора на улице, что являлось безусловным оскорблением. Писарро же, в свою очередь, вел себя так, словно последователей Альмагро вообще не существовало. «Жалкие черти, — порой говорил он, — им так сильно не повезло: ныне они пребывают в постыдном, нищем состоянии. Лучше всего оставить их в покое». Писарро надеялся, что в скором времени они все перемрут. В одном альмагристы были убеждены: пока Франсиско Писарро будет управлять Перу, они будут пребывать в нищете без проблесков надежды на лучшее будущее.

В июне 1541 г., примерно через три года после смерти Альмагро, группа альмагристов в Лиме приняла судьбоносное решение. По их

мнению, единственным способом улучшить свое положение в Перу было отстранение Франсиско Писарро от власти; это, безусловно, означало его убийство. Если бы Писарро был устранен, то и перспективы династии Писарро на длительное правление почти наверняка сошли бы на нет. Король тогда оказался бы вынужден назначить нового губернатора, и тогда, по мнению альмагристов, у них мог появиться шанс улучшить свое положение.

Заговорщики — числом примерно 20 человек — выбрали 26 июня днем покушения: он должен был стать днем освобождения от незаконной тирании Писарро и от бесконечной нужды и лишений, в которых жили альмагристы. Эрнан Писарро предупреждал Франсиско как раз об этой опасности: «Не позволяйте [даже] небольшому количеству... [последователей Альмагро] собираться вместе», при этом побуждая своего брата быть с ними щедрым, с тем чтобы они не стали в будущем источником проблем. Но Франсиско Писарро все делал как раз наоборот: он позволял альмагристам собираться вместе в любое время и при этом не предпринимал никаких попыток проложить мост, который соединил бы края пропасти, разделяющей два лагеря.

Ввиду того что неудовольствие и ненависть альмагристов было трудно скрыть, слухи о возможном заговоре с целью убийства циркулировали по Лиме уже на протяжении нескольких лет. Но Писарро — это было характерно для него — уделял им мало внимания, передвигаясь по городу совершенно свободно, в полной уверенности в силе своей власти и в своей способности защитить себя. Сьеса де Леон писал:

«Индейцы говорили, что приближается последний день маркиза и что он будет убит участниками чилийского похода... и некоторые индианки повторяли эти слова своим любовникам-испанцам. Также говорили, что... [конкистадор] Гарей Диас слышал эти слова от индианки и соответственно предупредил маркиза. Писарро рассмеялся и сказал, что не следует придавать внимания всем этим индейским сплетням».

26 июня было воскресенье. Писарро обычно выходил из своего дома утром и направлялся, пересекая площадь, в церковь, на мессу.

Для альмагристов большую важность имело то обстоятельство, что Писарро в тот момент, по всей вероятности, не был вооружен. Но главное, что заговорщикам было неизвестно, это то, что один из их числа — человек по имени Франсиско де Эренсия — уже раскрыл план заговора за день до этого в ходе исповеди священнику. Церковник, в свою очередь, предупредил Писарро. Хотя Писарро отнес эту историю на счет «индейских сплетен», он тем не менее решил не ходить утром на мессу и попросил священника прийти к нему на дом. Он, однако, решил не отменять свое традиционное полуденное застолье, на которое обычно приглашались гости.

Утро 26 июня задалось холодным и серым, что было типично для этого времени года. Июнь — это начало зимы в Южном полушарии, и Лима в этом месяце окутывается своеобразным туманом с мелким дождем, именуемым гаруа, который может длиться до шести месяцев. В короткие зимние месяцы солнце больше напоминает луну, полупрозрачный серебристый диск, медленно движущийся в холодном сером тумане. Всю ночь заговорщики нетерпеливо ждали наступления дня. Когда раздался звон колокола, призывавшего горожан на службу и причастие, неожиданно в дом заговорщиков явились информаторы из числа альмагристов и сообщили о том, что Писарро не покидал своего дома и не пошел на мессу. Информаторы доложили, что губернатор, по слухам, болен и соответственно, вероятно, пробудет дома весь день.

Заговорщики, вполне естественно, заподозрили, что кто-то раскрыл их план. Теперь следовало принять быстрое решение, поскольку если бы их план стал известен всем, то их, несомненно, арестовали бы, а потом бросили в темницу или казнили. Собравшиеся в доме сына Диего де Альмагро мятежники обратились к лидеру группы, Хуану де Эрраде, который предложил им суровый выбор:

«Сеньоры... если мы проявим достаточную решимость и изобретательность, чтобы убить маркиза, то мы отомстим за смерть аделантадо [Альмагро] и... [получим] то вознаграждение, которого заслуживает наша служба во славу короля в его королевстве. Если же мы не уйдем отсюда и не выполним нашей цели, то завтра уже мы будем висеть на виселицах на площади. Пусть же каждый из вас сам решит, как ему поступить».

Альмагристы согласились с тем, что у них есть только один выбор — убить Писарро, как они первоначально и планировали. Вооруженные алебардам и, двумя лукам и, аркебузой и несколькими мечами, они высыпали на улицу и направились к центральной площади, выкрикивая: «Да здравствует король!» и «Смерть тиранам!». Изумленные прохожие на улице наблюдали затем, как группа людей стремительно пересекает площадь и направляется прямо к дому Писарро. Это двухэтажное здание с просторными помещениями для слуг, стражей, секретаря, мажордома, пажей и камергеров губернатора отделяли от дома заговорщиков два двора. Здание находилось на площади, прямо напротив собора.

Писарро уже прослушал мессу. В этот момент он обедал со своим единокровным братом Франсиско Мартином де Алкantarой и еще примерно с 20 гостями в большом обеденном зале на втором этаже. Когда в отдалении послышались крики группы людей, в комнату резко ворвался паж Писарро с криком: «Хватайте все свое оружие! Хватайте оружие! Люди из чилийского отряда направляются сюда, с тем чтобы убить маркиза!» Почти сразу же гости повскакивали со своих мест, испытывая замешательство в отношении того, что им делать дальше. В возникшей суматохе Писарро и несколько его компаньонов бросились к лестнице, ведущей во внутренний двор, чтобы посмотреть, что там происходит; как раз в этот момент толпа альмагристов вошла во внешний двор, размахивая своим оружием.

Одному из пажей Писарро, работавшему на внешнем дворе, довелось первому встретить заговорщиков — они моментально закололи его. Те из гостей Писарро, кто видел это нападение, поняли, что и их собственная жизнь в опасности, и бросились назад в обеденный зал, демонстрируя «величайшую трусость и убегая самым жалким, отвратительным образом», как написал Педро Сьеса де Леон двенадцать лет спустя в своей книге «Война при Чупасе». В то время как альмагристы поднимались по главной лестнице, криком призывая Франсиско Писарро показаться, заместитель губернатора — человек, который еще совсем недавно заверял Писарро насчет того, что он может рассчитывать на него в любой кризисной ситуации, — пролез через окно, перелез на балюстраду и оттуда уже выбрался в сад. Часть гостей последовала за большинством, некоторые даже попытались спрятаться под предметами мебели.

Но Писарро и его брат Франсиско Мартин вместе с двумя пажами губернатора и одним из его гостей были настроены принять бой. Они бросились в одну из ближайших комнат, чтобы вооружиться, и начали спешно застегивать на себе нагрудники кирасы. Писарро между тем крикнул еще одному из гостей, Франсиско де Чавесу, чтобы тот закрыл дверь в обеденный зал, чтобы помешать нападавшим ворваться туда. Но Чавес, очевидно, желая повлиять на настрой заговорщиков, прошел через дверь и оставил ее после себя открытой. Всего лишь два года назад Чавес возглавил жестокую карательную экспедицию против мятежных туземцев в Кальехоне Уайласе. В ходе этой кампании он убил около 600 детей туземцев. Теперь, рассчитывая вступить в переговоры с убийцами, Чавес совершил фатальную ошибку. Его последние слова были: «Не убивайте своих друзей», прежде чем, по словам Педро Писарро, «они убили его на лестнице, нанеся ему множество ударов своими мечами».

Альмагристы к этому времени уже достигли обеденного зала, где взялись за поиски Писарро, размахивая своими мечами и выкрикивая: «Где тиран? Где он?» Находясь в смежной комнате, Писарро все никак не мог закончить с застежкой нагрудника кирасы, и в конце концов ему пришлось оставить его застегнутым только наполовину. Он схватил свой большой меч и приготовился вступить в бой с заговорщиками.

Завязалась яростная схватка: на одной стороне было от 15 до 20 альмагристов, на другой — Писарро и 4 его товарищей. Двое нападавших упали, пронзенные мечами; они старались зажать свои раны, из которых на пол струей била кровь. Их сотоварищи между тем не смогли прорваться через дверной проем — там их встретили пять мечей обороняющихся. Раздосадованные невозможностью добраться до Писарро, альмагристы прибегли к отчаянной мере: они стали проталкивать сквозь дверной проем одного из членов своей команды, используя его в качестве щита, остальные двинулись вперед под его прикрытием. Писарро пронзил этого человека, но в результате он уже не мог действенным образом пользоваться своим мечом как раз в тот момент, когда альмагристы прорвались в комнату с обеих сторон. В ходе схватки атакующим наконец удалось пронзить Франсиско Мартина, брата Писарро. Смертельно раненный, он рухнул на пол. Трое других компаньонов Писарро также были сокрушены под градом ударов мечами.

Не имея возможности уклониться от непрерывно наносимых ударов кинжалами и мечами, Писарро, весь израненный, в итоге также тяжело рухнул на пол. Лежа на спине и сильно истекая кровью, губернатор пальцами обеих рук перекрестил свой рот и затем тяжело выдохнул слово «исповедь», что означало, что он хотел исповедаться в своих грехах Богу. Но один из атакующих, Хуан Родригес Барраган, схватил большую вазу с водой, высоко поднял ее и затем со словами «Можешь отправляться в ад... исповедоваться!» разбил этой вазой голову Писарро. При подобных обстоятельствах — в городе, который он основал, и в стране, которую он завоевал, — шестидесятитрехлетний конкистадор Франсиско Писарро испустил свой дух.

Известия о смерти Писарро и о последующих политических событиях — о прибытии в Перу представителя короны, Ваки де Кастро, о показательном разгроме сил Диего де Альмагро-младшего в битве при Чупасе и об общем хаосе, охватившем Перу после гибели Альмагро и Писарро, — постепенно дошли до Манко Инки в его мятежной столице Вилькабамбе. Манко внимательно следил за изменением положения дел в стане испанцев, постоянно сохраняя надежду на то, что его враги в итоге перережут друг друга, и его страна будет спасена от беды. Во время сражения при Чупасе в 1542 г. ряд сподвижников Манко наблюдали затем, как по меньшей мере 1200 испанцев устроили образцовую мясорубку, стремясь определить, кто же из них будет управлять Перу. Но вновь последователи Альмагро были разгромлены: более 200 человек погибло во время сражения, и еще большее число было повешено после битвы. После того как состоялось повешение лидеров мятежных альмагристов, летописец Сьеса де Леон отметил в своих записях: «Ров под виселицами был полон мертвых тел... к немалому удовольствию туземцев, хотя они были изумлены, узнав, что многие из... [убитых] были офицерами и высокопоставленными должностными лицами. Туземцы сообщили известия обо всем этом своему королю, Манко Инке».

Не приходится удивляться тому, что по прошествии года с небольшим после убийства Писарро 15 из 20 альмагристов, участвовавших в убийстве маркиза, были уже мертвы. Двое из нападавших были убиты непосредственно во время атаки. Еще 12

человек погибли во время сражения при Чупасе или были повешены после него. Одним из немногих выживших убийц Франсиско Писарро был человек по имени Диего Мендес, единокровный брат Родриго Оргонеса, бывшего заместителя Диего де Альмагро. Этот самый Родриго Оргонес едва не захватил Манко Инку в Виткосе в 1537 г., он же помог отвоевать Куско у Эрнана и Гонсало Писарро. Год спустя Эрнан разгромил войско Оргонеса и казнил его в окрестностях Куско, выставив затем его голову на всеобщее обозрение на главной площади. Вполне понятно, что по прошествии трех с небольшим лет Диего Мендес оказался в числе убийц Писарро — он мстил за смерть своего брата.

После поражения альмагристов в сражении при Чупасе Диего Мендес и Диего де Альмагро-младший бежали в Куско, надеясь избежать пленения роялистскими войсками. Но младший Альмагро вскоре оказался схвачен и по истечении короткого времени казнен — примерно через четыре года после казни своего отца. Диего Мендес также был схвачен и обвинен в том, что был в числе убийц Писарро. Но Мендесу каким-то образом удалось бежать. Он направился в единственное место, где, по его ощущениям, испанская юриспруденция не имела возможности добраться до него, — в мятежное королевство Манко Инки, в Вилькабамбу.

Манко Инке к этому времени исполнилось уже двадцать семь лет. Несмотря на успешные карательные кампании испанцев против его войск в Андах, Инка продолжал обучать своих воинов тактике повстанческих боевых действий и организовывать налеты на испанские отряды при каждом удобном случае. Когда Диего Мендес неожиданно появился в предместье маленького королевства и попросил убежища, инкские военачальники, естественно, хотели казнить его. Но Манко, которому, вне всякого сомнения, доложили о том, что Мендес был одним из главных заговорщиков против Франсиско Писарро, радушно принял испанца и предложил ему убежище. Император подобным же образом поступил и с шестью другими альмагристами, которые пришли с высокогорья и теперь искали защиты и безопасности в запрытанном инкском королевстве.

Но Манко все же принял некоторые предупредительные меры в отношении своих потенциально опасных гостей; вместо того чтобы предоставить испанцам возможность жить в его столице Вилькабамбе,

он разместил их в Виткосе, примерно в 30 милях от Вилькабамбы. Как позднее вспоминал Титу Куси,

«Мой отец приказал подчиненным ему офицерам не причинять им [испанцам] вреда, строить для них жилища... Он держал их при своем дворе на протяжении многих лет, очень хорошо с ними обращаясь и обеспечивая их всем, в чем они нуждались. Он даже давал распоряжения своим женам готовить испанцам пищу. Он... ел вместе с ними... приятно проводя с ними время, словно они были его собственными братьями».

Взамен испанские перебежчики обучали Манко и его воинов тонкостям европейского военного искусства, учили, как правильно пользоваться захваченными аркебузами и другой боевой техникой, как подковывать лошадей и ездить на них. Между тем убийца Писарро, Диего Мендес, постепенно сделался конфидентом Манко, информируя императора о текущих конфликтах в испанском Перу, о жизни и политике в Испании и Европе и о многом тому подобном. Одним словом, 7 испанских перебежчиков стал и советниками инкского руководства по всем вопросам, касающимся испанского мира; это помогало Манко глубже понять природу его врагов, чтобы когда-то обрести возможность разбить их. Со своей стороны, ренегаты, оказавшись в добровольной ссылке в инкском королевстве, терпеливо ждали благоприятного момента. Альмагристы проводили все свои дни отдыхая, играя в разнообразные игры и лелея надежду, что однажды они смогут оставить свою добровольную ссылку и стать полноправными членами испанского общества.

Прошло еще почти два года, прежде чем политические изменения в Перу предоставили испанским беженцам подобный шанс. В условиях образовавшегося вакуума власти, вызванного убийством Писарро, король Карл направил своего первого вице-короля — дона Бласко Нуньеса Велу — взять на себя управление страной. Новый вице-король представлял собой именно такую фигуру, на которую возлагали надежды убийцы Писарро. Но лишь одному из них — Диего Мендесу — удалось дожить до его прибытия. В настоящий же момент Мендес и его компаньоны решили, что настало время для их

следующего шага. Гости Манко осознали, что теперь они могут предложить нечто сверхценное новому вице-королю — смерть Манко Инки. Ведь незавоеванное королевство Манко все еще продолжало угрожать испанской власти в Перу; оно также служило своеобразным маяком для туземной повстанческой борьбы. И вице-король, и король стремились как можно быстрее положить ему конец.

Если бы Мендес и его люди смогли бы каким-то образом убить мятежного императора, то это, по мысли Мендеса, положило бы конец инкскому восстанию. Мендес и его компаньоны могли рассчитывать на снисхождение испанской власти и на собственную реинтеграцию в испанское Перу. Вообще если бы они сыграли верными картами, то они смогли бы даже получить энкомьенды от благодарного нового вице-короля. Семь перебежчиков приняли решение: точно так же, как Мендес в свое время принял участие в убийстве Франсиско Писарро, так теперь он со своими товарищами по изгнанию организует убийство Манко Инки. Затем они должны будут бежать в Куско и сообщить о смерти Манко как о свершившемся факте.

Но для того чтобы заговорщики смогли осуществить свой план, они должны были дожидаться, когда Манко нанесет один из своих нередких визитов в Виткос из своей столицы. Когда ничего не подозревавший Манко прибыл наконец вместе со своим четырнадцатилетним сыном Титу Куси, семь перебежчиков приготовили свое оружие, лошадей и стали ждать.^[46] Одним из любимых видов времяпрепровождения у Манко была игра в «подковы» — каждый участник игры старался бросить подкову так, чтобы она коснулась или оказалась наброшена на стержень, воткнутый в землю. Стоя на вершине холма, сын Манко наблюдал, как его отец начинает играть в «подковы» со своими испанскими гостями. Неожиданно, как раз тогда, когда Манко должен был сделать свой очередной бросок, Диего Мендес вытащил припрятанный нож и жестоко ударил императора сзади. Сын Манко позднее вспоминал:

«Мой отец, чувствуя, что ранен, попытался защититься... но, поскольку он был один, а их было семеро, он не выдержал схватки и в итоге упал на землю, весь израненный, — они ушли, сочтя его погибшим. Я был маленьким мальчиком, и, видя, что с моим отцом поступили

таким образом, я решил броситься туда, помочь ему. Но они повернулись с грозным видом ко мне и метнули в меня копьё... которое едва не убило меня. В ужасе я бежал в лес, простирившийся внизу... [и] хотя они отправились искать меня, им не удалось меня найти».

Ударив несколько раз ножами императора, Мендес и его компаньоны бросились к лошадям, вскочили на них и понеслись галопом. Увидевшие императора женщины начали кричать, вокруг поверженного Манко собралась толпа. Вскоре офицеры Манко направили гонцов в том направлении, куда ушли испанцы, с тем чтобы предупредить окрестные поселения о случившемся, а также о том, что напавшие на императора ныне стремятся скрыться.

Всю вторую половину дня убийцы на полной скорости двигались в направлении Куско. Когда наступила темнота, они все равно продолжали свой путь, то верхом, то ведя лошадей под уздцы. Но в крайней спешке испанцы допустили роковую ошибку, выбрав неверную тропу на развилке. Когда забрезжил рассвет, беглецы поняли, что им, возможно, придется поворачивать назад. Измученные дорогой, они решили некоторое время отдохнуть во встреченном ими жилище, покрытом соломенной крышей.

В то время как испанцы спали, отряды лучников из племени антис обнаружили это жилище и окружили его. Вскоре они запалили крышу. Когда пламя начало подниматься и дым пошел из двери, убийцы Манко начали один за другим выбираться из дома, одежда на них была охвачена огнем, — одни в отчаянии пытались бежать, другие пытались вскочить на лошадей. Но лесные лучники не замедлили выпустить град стрел в спасавшихся испанцев, в то время как другие туземные воины окружили лошадей и начали стаскивать с них всадников, протыкая их насквозь и забивая дубинками. «Всех их они убили очень жестоко, а некоторых даже сожгли», — вспоминал Титу Куси. В течение короткого промежутка времени туземные воины убили всех семерых участников нападения на Манко, в том числе убийцу Писарро, Диего Мендеса.

Известие о том, что напавшие на императора были схвачены и убиты, быстро достигло Виткоса и было передано Манко, который был еще в сознании, но уже находился на пороге смерти от полученных

ран. Манко уже назначил преемника — своего девятилетнего сына Сайри Тупака Инку. Несмотря на все отчаянные усилия местных целителей, через три дня после нападения испанцев двадцатидевятилетний инкский император скончался. Правитель, которого Франсиско Писарро короновал десятилетием раньше, в итоге пережил испанца на три года, оставив после себя своих жен и троих маленьких детей. Манко также оставил после себя крошечное мятежное королевство, чьи потрясенные жители устроили траур по поводу кончины своего лидера. Император, который обладал такой силой характера и такими способностями, что сумел организовать самое крупное туземное восстание против европейцев на территории Нового Света, совершил одну фатальную ошибку: Манко доверился испанцам не единожды, а дважды, — и в результате он потерял и империю, и свою жизнь.

С учетом того, что Манко Инка и трое из пяти братьев Писарро ныне были мертвы — Франсиско, Хуан и Франсиско Мартин, а Эрнан Писарро отбывал свой тюремный срок в Испании, в Перу остался только один член семейства Писарро, тридцатидвухлетний Гонсало. Самому младшему из братьев Писарро, Гонсало, было только восемнадцать лет, когда он со своими братьями участвовал в пленении старшего брата Манко, Атауальпы, в Кахамарке; двадцать три года, когда он украл жену Манко Инки, и двадцать семь лет, когда он возглавил экспедицию, разграбившую Вилькабамбу.

Обладавший эффектной, красивой внешностью, сказочно богатый, великолепный наездник, Гонсало при всем этом отличался мстительностью и импульсивностью, по его убеждению, люди, окружавшие его, могли быть ему либо добрыми друзьями, либо злейшими врагами. С момента гибели трех своих братьев и заключения в тюрьму четвертого склонность Гонсало видеть мир в черно-белых красках, вне всякого сомнения, лишь усилилась. Оказавшись перед лицом неприятной перспективы жить под пятой правления нового вице-короля — человека, не принимавшего никакого участия в завоевании Перу и, таким образом, ничем не рисковавшего, Гонсало самым предсказуемым образом пошел на поводу у своего характера: его импульсивность сразу поместила вице-короля в самое

начало списка злейших врагов, после чего Гонсало объявил себя новым губернатором Перу.

Осуществленный Гонсало захват власти был одновременно актом и импульсивности, и измены. Вскоре ему было суждено ввергнуть Перу в новую тотальную гражданскую войну. «Возможно ли, — спрашивал раздосадованный вице-король, узнав о мятеже Гонсало, — чтобы нашему повелителю великому императору [королю Карлу], который внушает страх во всех провинциях Европы и к которому даже турки, хозяева всего Востока, не осмеливались проявлять враждебность, теперь бросает вызов и отказывается повиноваться какой-то убудок, не желающий повиноваться установленным законам?» Увы, это было возможно, более того, это был уже свершившийся факт. Неграмотный Гонсало Писарро не только отказывался исполнять законы короля; он даже отказался признать назначенного королем вице-короля. Гонсало, может быть, и был неграмотен, подобно своему брату Франсиско, но он также инстинктивно понимал законы власти и политики. Ему представлялось очевидным то, что король посредством своего нового вице-короля пытается завладеть королевством, которое завоевали братья Писарро, рискуя своей жизнью, — и он был полон решимости предотвратить новый поворот событий. «Желания Испании... хорошо понятны, несмотря на весь напущенный ею туман лицемерия, — язвительно писал Гонсало офицерам, решившим встать на его сторону. — Она... [желает] воспользоваться тем, за что мы... проливали свой пот, и взять чистыми руками то...[за что мы проливали] свою кровь. Но сейчас, когда они обнаружили свои намерения, я обещаю показать им... что мы принадлежим к тому сорту людей, который может отстоять свое».

В разговоре с эмиссаром, которого вице-король послал для переговоров с Гонсало, Писарро раскрыл еще более глубокую свою мотивацию: свою безусловную страсть к власти. «Смотрите же, я должен быть губернатором, поскольку мы здесь не верим больше никому, даже моему брату Эрнану Писарро... Меня ни на йоту не интересует ни мой брат Эрнан, ни мои племянники и племянницы, ни 8000 песо, которые у меня есть в Испании... Я должен умереть правителем!.. Таков мой ответ, и говорить тут больше не о чем».

Как небольшая трещина в леднике мало-помалу разламывает его, превращаясь в ширящуюся расщелину, так и испанское Перу

постепенно расколосось на тех, кто поддерживал мятежного Гонсало Писарро, и тех, кто стоял за короля. Почти на всю ночь Перу стало исключительно опасным местом для находившихся там испанцев. В ярости на всех тех, кто был в оппозиции к нему или хотел остаться нейтральным, Гонсало принялся казнить подряд всех тех испанцев, которые отказались его поддержать. И все это несмотря на тот факт, что многие из этих людей были богатые энкомендеро, сражавшиеся плечом к плечу с Писарро еще со времен пленения Атауальпы. Без всякой жалости Гонсало казнил примерно 340 своих соотечественников — это число превышало количество испанцев, которых инкам удалось убить за все годы восстания.

Несмотря на свое импульсивное поведение, Гонсало поначалу имел большой успех в плане захвата верховной власти; он приказал начать преследование вице-короля, в итоге схватил его, казнил и отрезал ему голову, выставив ее на железной пике на всеобщее обозрение. Однако корона вскоре перешла к другому королевскому представителю в Перу, Педро де ла Гаске, который постепенно собрал новое войско и двинул его на поиски человека, которого король ныне считал предателем.

9 апреля 1548 г. на высокой холодной равнине близ города Хакихауана, находящегося в нескольких милях к западу от Куско, Гонсало и около 1500 его тяжеловооруженных бойцов выстроились для сражения с роялистскими войсками, насчитывавшими примерно такое же количество человек. Импозантно выглядевший Писарро, не проигравший еще ни одной битвы ни туземцам, ни испанцам за шестнадцать лет своего пребывания в Перу, «выглядел очень величественно на своем мощном гнедом коне; на нем была кольчуга и эффектный нагрудник, на голове у него был золотой шлем с защитным ограждением подбородка», — писал летописец Гарсиласо де ла Вега. Надменный владелец ряда золотых и серебряных рудников, обширных энкомьенд, последний знаменосец фамилии Писарро, Гонсало поставил все на исход этой самой важной для него битвы.

На результат сражения при Хакихауане, как его впоследствии стали называть, в конечном счете повлияли политические, а не военные действия. В критический момент многие из воинов Гонсало, которым еще до сражения тайным образом было сообщено о даровании им прощения со стороны нового представителя короля,

дезертировали и перешли на сторону роялистов. Всегда непреклонный, храбрый и пылкий, Гонсало отказался бежать с поля боя, хотя он знал, что если его схватят, то, несомненно, казнят. Было очевидно, что его армия разгромлена, но конкистадор спокойно направился к роялистским войскам и сдался. На следующий день «они приговорили его к обезглавливанию, было отдано распоряжение, чтобы его голова была помещена в специально изготовленную для этого оправу и чтобы эта оправа висела на королевской виселице Города Царей». Тридцатишестилетний Писарро, который на протяжении трех с половиной лет вкушал власть, которой обычно пользовались только короли, в последний раз кинул взгляд на страну, в завоевании которой он принимал участие, после чего спокойно положил голову на деревянную колоду. Палач высоко поднял стальной топор и затем опустил его, четко отделив голову от тела — она тяжело скатилась на землю. Чуть позже голова самого импозантного и красивого из братьев Писарро «была помещена в железную сетчатую оправу, над оправой была установлена табличка: „Это голова изменника Гонсало Писарро, который поднял мятеж в Перу против Его Величества и сражался против Его королевского войска в долине Хакихауане“. Помимо этого, было отдано распоряжение, чтобы все имущество Гонсало было конфисковано и чтобы все его дома в Куско были разрушены и посыпаны солью, а на этих местах были установлены соответствующие таблички обличительного содержания. Все это было сделано в тот же день».

Спустя примерно шестнадцать лет после своего прибытия в Новый Свет погиб последний из четырех братьев Писарро, которым было суждено закончить свою жизнь в Перу.

Он и его братья при помощи совершенно крошечных военных сил сумели завоевать баснословно богатую туземную империю. Однако в итоге их действия привели к вспышке мощного национального восстания, а затем и междоусобной войны, и лидеры движения погибли в том самом хаосе, который сами же и создали. Писарро недолго пришлось наслаждаться вкусом богатства и власти. Правление Франсиско Писарро в Перу продолжалось примерно восемь лет — значительная часть этого периода была омрачена восстанием Манко Инки; Гонсало правил королевством своего брата лишь три с

половиной года — это был период постоянной кровавой смуты. В тот день, когда Гонсало Писарро был казнен, в живых оставался лишь один из братьев Писарро, Эрнан. Ему суждено было оставаться в темнице еще тринадцать лет. Между тем в то время как слуги короля посыпали землю солью вокруг дворца Гонсало и устанавливали там табличку: «Здесь жил изменник и мятежник Гонсало Писарро», — далеко на севере, в крошечном мятежном королевстве Вилькабамба инки наблюдали за происходившими событиями и терпеливо ждали своего часа.

15. ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ СОПРОТИВЛЕНИЯ СО СТОРОНЫ ИНКОВ

«О богах, в которых мы верим, и о людях, которых мы знаем, нам известно, что повсеместно они правят в соответствии с естественным законом своей природы. И мы не первые, кто устанавливает этот закон или начинает действовать согласно ему: мы обнаружили, что он существовал до нас, и он будет существовать вечно и после нас: все, что мы делаем, это пользуемся им, зная, что вы или кто бы то ни было еще, имей он такую же власть, какой обладаем мы, поступал бы точно таким же образом, как и мы».

Фукидид, «История Пелопоннесской войны», V в. до н. э.

В десятилетия, последовавшие за убийством Манко Инки и казнью Гонсало Писарро, Испания постепенно стала усиливать и укреплять свое правление в бывшей Инкской империи Тавантинсуйю, по мере того как в страну стало прибывать все большее число губернаторов, управляющих и прочих испанских должностных лиц. Частное предприятие по захвату чужой территории, которое было организовано небольшой независимой группой предпринимателей, многие из которых позднее превратились в энкомендеро, ныне стало полностью поднадзорно их родной стране, чьи управляющие щупальца все более и более множились в числе и разбухали. В 1532 г. в Инкскую империю, насчитывавшую примерно десять миллионов жителей, вторглись 168 испанцев. Четыре года спустя, когда Манко Инка поднял восстание, в разных уголках империи насчитывалось уже около 1500 испанцев, — Манко удалось уничтожить порядка двух сотен человек, то есть менее пятнадцати процентов. Ко времени

гибели Манков 1544 г. число испанцев выросло до 5000 человек, и они привезли с собой две-три тысячи африканских рабов, которые должны были помогать осуществлять процесс колонизации. К 1560 г., менее чем через двадцать лет, испанское население удвоилось, достигнув 10 000 человек, а африканское население удвоилось до 5000 человек. Перу продолжало управляться вице-королем — под контролем со стороны испанской короны.

По мере того как все большее количество испанцев прибывало в Перу, с большей интенсивностью начали строиться новые города, установился строгий контроль за добычей ценных металлов, сбором урожая и взиманием налогов. Более тяжелой стала трудовая повинность, возложенная на местное население, сменившее одного хозяина — инков на другого — христианских виракочей. Однако замена была совсем неравноценной, поскольку туземцы, теперь платившие дань испанцам, имели намного меньше прав, размер дани сильно вырос, и получали туземцы намного меньше, чем во времена правления инкской элиты. Можно сказать, что местные жители Тавантинсуйю ныне не получали практически ничего от своих новых феодалов — от этих пятисот испанских энкомендеро, составлявших всего лишь пять процентов от всего испанского населения Перу. Один обозреватель указывал:

«Дань и налоги, которые они вынуждены платить... сопряжены для них с огромными тяготами. У них не только ничего не остается, [что позволяло бы им] откладывать про запас... [но у них также нет ничего], что позволяло бы им хоть как-то перенести периоды нужды и болезней, накормить и вырастить своих детей. Они живут в нищете и отсутствии всего необходимого, и они никогда не выберутся из долговой и налоговой ямы. Эти тяжелейшие обстоятельства приводят к очень быстрому их физическому истреблению».

Другой очевидец тех событий писал:

«Горе и страдания их проистекают из нищеты и рабства, в которых они находятся... Даже во время празднеств они рыдают... и их песни полны тоски, поскольку дань, которую

они платят испанцам, совершенно лишила их сил и работоспособности. Они начали думать, что пока они и все их потомки обитают на этой земле, они будут обязаны работать на испанцев».

Туземцы, продолжавшие пасти свои стада, возделывать землю и работать в шахтах, отдавали производимый излишек непосредственно новой испанской элите, которая использовала часть этого сырья для покупки производимых в Испании товаров. Энкомендеро также использовали денежную сумму, образовавшуюся у них в результате сбора дани с туземцев, для покупки еще большего числа африканских рабов, а также для приобретения разного рода продукции и услуги испанских торговцев, врачей, адвокатов, нотариусов и ремесленников, приехавших в Перу. Как и во времена правления инков, вся могучая колониальная структура была ориентирована на бесконечную эксплуатацию дешевого труда туземных трудящихся — управление этим эксплуататорским механизмом и являлось изначальной мотивацией завоевания испанцами Перу.

Но на большом расстоянии от прибрежных городов с их постоянно загружавшимися и разгружавшимися кораблями, вдали от центральных Анд с их новыми испанскими колониальными городами, в далеких джунглях, уходивших в низины, продолжало существовать независимое инкское королевство Вилькабамба. Здесь, среди жарких влажных лесов, населенных полчищами стрекочущих обезьянок, жители Вилькабамбы продолжали свою традиционную практику почитания Инти, или бога-Солнца, и его представителя на земле Сапы Инки, или Единого императора.

Это было очень небольшое королевство, включавшее в себя горстку городов. И на этой изолированной территории продолжали нести заботу о порядке в инкских храмах мамаконы, или «девы Солнца», также продолжали проводиться традиционные празднества, делались астрономические наблюдения, совершались культовые обряды, каждое утро из храма выносился символический золотой диск солнца, пунчао, а вечером он возвращался на свое место. Поскольку изначальная империя «четырех объединенных частей» — бескрайняя Тавантинсуйю — более уже не находилась под управлением всевластного инкского императора, крошечное королевство

Вилькабамба пыталось сохранить в себе уменьшенную копию того огромного государства. Все, что требовалось для экспансии этого государства, — это очистка Анд и побережья от белых чужеземцев и их рабов.

В 1559 г., примерно через пятнадцать лет после гибели Манко Инки, в Испании после сорокалетнего правления умер король Карл. Королем стал его сын Филипп II. А в 1560 г. был коронован сын Манко, Титу Куси, чье двойное имя означало «великодушный» и «удачливый». Хотя после смерти Манко его трон унаследовал брат Титу Куси, Сайри Тупак, ему на тот момент исполнилось только девять лет. Поэтому на протяжении двенадцати лет Вилькабамбой правили регенты. Когда же Сайри Тупак был наконец коронован в возрасте двадцати двух лет, он принял судьбоносное решение покинуть Вилькабамбу и вернуться в Куско, где испанцы пообещали даровать ему ряд энкомьенд и предоставить относительно беззаботную жизнь. К этому времени в Куско умер брат Манко, Паулью Инка; соответственно было покончено с длившейся несколько десятилетий ситуацией, когда оба соперничающих друг с другом инкских императора носили императорскую бахромку. Но уже через год после переезда в Куско Сайри Тупак заболел и умер — возможно, он был отравлен неким туземным вождем, одержимым завистью. Соответственно вставал вопрос: кто станет его преемником?

К большому разочарованию испанцев, трон унаследовал Титу Куси, возобновивший управление отдаленным инкским королевством, из которого, по мысли испанцев, инкский правитель был удален окончательно. Хуже того, новый император имел все основания затаить на испанцев злобу: ведь они убили его отца, Манко Инку, и в свое время похитили и вывезли из Виткоса самого Титу Куси и его мать.^[47] На протяжении четырех лет мальчик, которому суждено было в дальнейшем стать королем, жил в Куско, где ему, вне всякого сомнения, довелось увидеть выставленную на всеобщее обозрение голову пленившего его Диего Оргонеса. Позднее Титу Куси и его матери каким-то образом удалось бежать из Куско в Вилькабамбу. Несколько лет спустя Титу Куси находился рядом со своим отцом Манко, когда на последнего было совершено нападение; юному принцу на тот момент было только четырнадцать лет, однако до конца его жизни на ноге у него остались рубцы после той организованной

атаки. Когда наконец Титу Куси в тридцатилетнем возрасте был коронован в Вилькабамбе в 1560 г., головы семи испанцев, убивших его отца, все еще были выставлены на всеобщее обозрение в близлежащем Виткосе, где было совершено убийство.

Человек могучего телосложения, у которого, по свидетельству некоторых очевидцев, на лице были рубцы, — возможно, от перенесенной оспы, — Титу Куси не стал медлить с возобновлением повстанческой борьбы против испанцев, которую начал его отец, но которая приутихла во время правления регентов. Вскоре вдоль дороги Куско-Хауха и в области Уаманга к северо-западу от Куско туземные повстанческие войска вновь организовали серию налетов на испанские поселения и на одиноких испанских путников. По словам одного из летописцев, Титу Куси «взял на себя задачу наносить христианам максимально возможный урон; он совершал атаки на долину Юкай и многие другие места, совершая убийства встречавшихся путников; соответственно окрестности Куско и Уаманги стали небезопасными местами, и без вооруженного сопровождения невозможно было добраться из одного места в другое».

Новый император оказался также причастен к сильнейшим вспышкам мятежа, разразившимся на территории нынешней Чили, и к заговору вблизи Хаухи, в центральной части Перу, где испанцы обнаружили туземную секретную оружейную фабрику, которая произвела десятки тысяч дубинок, боевых топоров и пик. Оружие было заготовлено для использования против испанцев в ходе запланированного крупномасштабного восстания. Во время правления Титу Куси Вилькабамба вновь превратилась в центр вооруженного сопротивления — это был своего рода эквивалент современного государства, ориентированного на подрывную деятельность и занимающегося экспортом террора с политической целью. В свое время испанцы, конечно, сами развернули массовый террор с целью завоевания Инкской империи. Ныне крошечные остатки той империи возобновили свою повстанческую деятельность, направленную против оккупации инкской земли. Испанский режим в Перу, получая все новые и новые сообщения о повстанческой деятельности, осознал, что у него не останется иного выбора, кроме как нейтрализовать или уничтожить и Титу Куси, и его инкское королевство.

Испанские власти Перу направили к новому императору эмиссаров с предложением презентовать ему богатые энкомьенды в том случае, если он покинет Вилькабамбу и переселится в долину Юкай, находящуюся вблизи Куско. Понимая, что его королевство не обладает достаточным количеством воинов, чтобы сопротивляться испанской оккупации, Титу на протяжении ряда лет искусно вел с испанцами переговоры, постоянно оставляя им надежду на то, что в один прекрасный момент он примет их условия; но дело не двигалось с мертвой точки. При этом Титу следил за тем, чтобы, кроме этих эмиссаров, никто другой из испанцев не мог проникнуть в его королевство.

Но в 1569 г., — к этому времени Титу Куси правил уже девять лет, — герметично закрытая дверь в Вилькабамбу вдруг распахнулась. За два года до этого, ввиду все нараставших испанских угроз, Титу Куси наконец-таки согласился подписать мирный договор с испанскими властями. В обмен на то, чтобы ему предоставили возможность править независимой Вилькабамбой, не опасаясь испанского вторжения, Титу Куси согласился допустить на свою территорию миссионеров; он также согласился положить конец повстанческой войне.

Два специально отобранных монаха — Маркос Гарсия и Диего Ортис — знали, что ни один испанец не ступал на территорию Вилькабамбы с того момента, как в 1539 г. Гонсало Писарро подверг город разграблению. У монахов появился шанс попасть в заповедную зону инкской религии, где до сих пор не доводилось побывать еще ни одному христианскому миссионеру. Монахи осознавали, что у них вскоре появится шанс уничтожить ложных идолов и вообще поклонение дьяволу, каковым в их представлении являлась инкская религия. Вот как видел ситуацию испанский священник Бернабе Кобо:

«Индейцы Перу были до такой степени погружены в идолопоклонничество, что они почитали почти любую созданную вещь словно Бога. Поскольку они не получали озарений свыше, они впадали в те же самые заблуждения, что и другие языческие народы, — и по этим же самым причинам и перуанцы, и другие язычники были неспособны отыскать истинного Бога. Именно ввиду того, что они были

настолько глубоко погружены в эту стихию пороков и грехов, они были уже совершенно не в состоянии обрести тот чистый свет, что освещает знание о нашем Творце... [Дьявол] крепко держал их в рабстве, лишая их того счастья, которого он и сам не заслуживал. Обнаружив плодородную почву в бесхитростности и невежестве этих дикарей, он правил ими на протяжении многих веков, пока наконец сила Креста не начала отбирать у него былую власть и не начала вытеснять его с этой земли точно так же, как и из других регионов Нового Света».

Поскольку инки практиковали религию, отличную от христианской, они уже по определению считались язычниками, и соответственно испанцы считали их поклоняющимися дьяволу. Ныне два скромных испанских миссионера получили блестящую возможность изменить такое положение дел.

Эти два монаха очень сильно отличались складом своего характера. Монах Гарсия во время проповедей имел склонность запугивать паству адскими муками; у него был вспыльчивый характер, и он был крайне нетерпимым. К примеру, обнаружив, что туземные мальчишки, которым он начал проповедовать христианство, втайне продолжают молиться одновременно и своим богам, монах «наказал их... десятком ударов хлыста», что, понятное дело, возмутило отцов мальчишек. Последние пожаловались императору, и Гарсия вскоре оказался вынужден извиниться — под угрозой быть изгнанным из королевства. Приходя в ужас от инкских религиозных празднеств, представлявших ему крайне разгульными и непристойными, монах, чей образ жизни был связан со строгими воздержаниями, начинал в своей крайне вспыльчивой манере живописать пьяным веселящимся инкам христианские картины ада и вечного проклятия — и это запугивание имело свой эффект. И даже сам Титу Куси не оказался огражденным от правоверной критики монаха: когда Гарсия узнал, что император имеет несколько жен, «слуга Бога подверг его [Титу Куси] осуждению с поистине апостольским пылом». И нельзя сказать, что апостольский пыл был недооценен императором, напротив — он последнего сильно раздражал.

Проповеднический стиль монаха Диего Ортиса, напротив, был намного менее жестким и суровым, и в результате он завоевал симпатию со стороны Титу Куси. В отличие от своего соотечественника Ортис был приветливым, гибким по своему характеру человеком и вообще производил намного более приятное впечатление. Уже через короткое время в герметичном инкском королевстве начали действовать две крошечные христианские церкви: брата Гарсии в маленьком городе Пукиура и брата Ортиса в Уаранкалье. Церкви были расположены в 11 милях друг от друга, от них приходилось три дня добираться до столицы Вилькабамбы, куда монахам не было дозволено въезжать.

Но однажды Титу Куси удивил монахов, пригласив их посетить город, который они давно уже надеялись повидать. «Я хочу взять вас в Вилькабамбу, — сказал им император, — поскольку никто из вас не видел этого города. Я предлагаю вам поехать вместе со мной». В начале 1570 г., в самый разгар сезона дождей, Титу Куси, его ближайшее окружение и два монаха отправились в путь, императора несли на его носилках, а монахи сопровождали его пешим шагом. По словам Антонио де Каланчи, летописца, принадлежавшего к ордену августинцев, монахи «давно уже старались добраться до Вилькабамбы, чтобы заняться там проповедничеством, поскольку это был крупнейший город, и это был центр идолопоклонства, со множеством обитавших там колдунов и знахарей, больших специалистов во всякого рода мерзостях». Но до сих пор монахам не удавалось добиться этой цели. Теперь же наконец, упаковав свои Библии, распятия и свою одежду, они были готовы добраться до главной религиозной цитадели инков — места, где наверняка должен был обитать сам сатана.

В течение следующих нескольких дней монахи пробирались по круто поднимающимся и спускавшимся тропам, многие из которых были до такой степени затоплены реками, что монахам приходилось то и дело наткаться на погруженные под воду скалы. Каланча писал:

«Не привыкшие к таким дорогам, они все время оскальзывались и падали, и никто не приходил им на помощь. Они держали друг друга за руки, в то время как кощунственно настроенные туземцы громко смеялись над ними... Священники одолели таким образом два лье, славя

Господа и распевая псалмы... Когда они достигли твердой суши, она оказалась заморожена и покрыта грязью».

Наконец, пройдя известное расстояние по проложенной инками дороге вдоль реки, а затем через густой дождевой лес, монахи подошли к окрестностям Вилькабамбы. Когда монахи уже были готовы войти в столицу, им сообщили неприятную новость. Их известили о том, что император изменил свое решение. Титу Куси запретил монахам вхождение в столицу. Титу Куси позднее объяснял:

«Монахи никого не крестили здесь [в городе Вилькабамбе], поскольку представления и понятия, касающиеся Божьего закона и Божьих заповедей, все еще слишком новы для людей, населяющих эту землю. [Однако] я буду стараться шаг за шагом обучать их этому».

Но летописец Каланча, который самостоятельно провел детальное изучение этого вопроса, дает другое объяснение внезапной перемене решения со стороны императора: он полагает, что Титу Куси не позволил монахам въехать в Вилькабамбу просто потому, что не хотел, чтобы они увидели «те формы культа, ритуалы и церемонии, которые Инка [император] и его полководцы практиковали ежедневно вместе со своими шаманами». Возможно, предчувствуя, что монахи сурово отреагируют на многочисленных идолов и на языческие храмы в инкской столице, и желая также избежать конфронтации между монахами и своими собственными жрецами, Титу Куси вновь объявил инкскую столицу недоступной для посещения ее иноземцами.

Разочарованные, миссионеры направились назад в деревню Пукиура, где находилась церковь брата Гарсии. Раздосадованные решением императора, монахи, очевидно, решили, что настал удобный момент очистить свои местные приходы от ложных богов, которым все еще поклонялись туземцы. Монахи слышали, что в лежащем неподалеку местечке Чукипальпа рядом с источником находится огромная, светлого цвета скала. Инки поклонялись многим источникам, скалам, холмам, пещерам и другим деталям своего пейзажа, и это место у них также считалось священным, они построили там храм Солнца. Но по словам Каланчи, это место явно

было посвящено культу дьявола, поскольку там «находился храм Солнца, а внутри его была белая скала над источником, где появлялся дьявол. Данное место было особо почитаемо туземцами-идолопоклонниками, поскольку в тех лесах это было главное мочадеро. Этим словом обозначались у индейцев их культовые места... Внутри белой скалы, называвшейся „Юракруми“, восседал дьявол... Дьявол был крайне жесток — если туземцы на несколько дней прекращали поклоняться ему, то он убивал их или приносил им иной вред».

Убежденные в том, что сатана и его приспешники намеренно отвлекают туземцев от слова Божьего, монахи привели к инкскому святилищу нескольких членов своей конгрегации, там ими были произнесены соответствующие слова молитвы. Затем монахи подожгли храмовый комплекс, при этом произнося определенные молитвенные слова, при помощи которых Люцифер должен был быть изгнан отсюда. После того как вся эта работа была завершена, монахи покинули тлеющие руины и вернулись в деревню Пукиуру.

Слух о совершенном монахами кощунстве быстро распространился по крошечному королевству, и реакция была почти мгновенной. «Подчиненные инкскому императору полководцы были в ярости, они были готовы воздеть монахов на свои копья, — писал Каланча. — Они прибыли в город [Пукиуру], желая дать выход своему гневу». Монахи, вызвавшие бурю народного гнева, в одночасье лишились бы своей жизни, если бы не вмешательство их местной конгрегации. Народная ярость была столь велика, что вскоре на своих королевских носилках прибыл император Титу Куси; он сразу взял ситуацию под свой контроль. Уже по горло сытый мессианским рвением монаха, император немедленно изгнал Гарсию из своего королевства. Но Титу Куси позволил остаться монаху Ортису, который смиренно возвратился в свою церковь в Уаранкалье.

Хотя Ортис и избежал наказания, он приобрел себе перманентных врагов в Вилькабамбе — многие из них так никогда и не простили ему кощунственной природы его действий. Так или иначе, жители Вилькабамбы хорошо помнили о том, что им пришлось стать переселенцами не по своей воле, о том, что испанцы изгнали их из высокогорной империи и на протяжении последних тридцати четырех

лет они в основном находились в состоянии войны с конкистадорами. Теперь же испанец, который находился на правах гостя в их королевстве, совершил действие, равнозначное сожжению местной церкви. Ортису требовалось проявить немалое дипломатическое мастерство, чтобы вновь завоевать доверие туземцев.

В течение следующего года Титу Куси пришлось проявить максимум мастерства, чтобы благополучно провести корабль своего маленького государства по бурным водам нынешней постконкисты. Император продолжал обмениваться дипломатическими письмами с испанскими правителями в Куско, постоянно подавая им сигнал надежды — в том плане, что однажды Титу Куси может принять решение покинуть Вилькабамбу. В мае 1571 г., через двадцать шесть лет после убийства Манко, его сорокаоднолетний сын решил посетить священную усыпальницу в Пукиуре, в том месте, где был убит Манко. По описанию Каланчи, Титу Куси «провел там весь день, почитание памяти отца было обставлено различными языческими обрядами. К концу дня он занялся... [фехтованием], которому обучился у испанцев, со своим секретарем Мартином Пандо. Титу Куси сильно вспотел и соответственно переохладился. Он закончил день распитием слишком большого количества вина и чичи, быстро запьянел. Проснулся он с болью в боку и сильно бурлящим желудком. Все было заблевано, все несло на себе знаки перепоя».

Той ночью у императора неожиданно пошла кровь из носа и изо рта, при этом он жаловался на сильную боль в груди. На следующее утро ему стало еще хуже. Когда двое его помощников дали ему одно медицинское снадобье, чтобы попытаться остановить кровотечение, Титу Куси, к их ужасу, парализовало. После чего он моментально испустил дух.

Присутствовавшие при всем этом туземцы были и охвачены горем и ужасом; вдруг им пришла в голову мысль, что к этому должен быть как-то причастен монах Ортис. В конце концов, он был испанцем, и почти на этом самом месте другие испанцы убили отца Титу. Кроме того, лишь год назад монах осквернил одно из инкских святилищ. Хотя Ортиса не было рядом с Титу Куси, когда ему стало плохо, этот факт не мог иметь большого значения для населения, которое часто увязывало болезнь с колдовством; известно было, что колдуны могут убивать на расстоянии. Ортис часто оказывал помощь больным, исполняя некие

странные на вид ритуалы и говоря на языках (латинском и испанском), которые туземцы не понимали. Ортис соответственно был сочтен туземцами колдуном, или омо.

Разбушевавшаяся толпа схватила монаха, заломила ему руки и связала их за спиной так сильно, что у него оказалась вывихнута кость. Сорвав с монаха одежды, толпа начала кричать, что Ортис убил Сапу Инку; туземцы стали избивать его руками и дубинками. Той же ночью туземцы оставили обнаженного избитого монаха на холодной земле, периодически поливая веревки, чтобы те разбухли и причиняли монаху еще большие мучения.

На следующий день мучители Ортиса поволокли его в Пукиуру, в церковь, которую выстроил монах Гарсия. Поскольку оба монаха часто заявляли, что их Бог имел силу возвращать мертвых к жизни, туземцы потребовали теперь от Ортиса, чтобы он вернул к жизни Титу Куси. Освобожденный от веревок, обнаженный монах еле-еле добрал до церкви, надел на себя какие-то одежды и затем начал читать обедню, надеясь как-то успокоить все еще разъяренную толпу. Вдали от Куско и от своих соотечественников, окруженный толпой враждебно настроенных туземцев, рядом с телом Титу Куси, монах Ортис многократно взывал к Господу, вне всякого сомнения, надеясь получить от Него какую-то помощь. Туземцы между тем нетерпеливо ожидали появления признаков жизни со стороны тела умершего императора, грозя убить Ортиса, если Титу Куси не пошевелится. Когда туземцы увидели, что монах закончил читать обедню, перекрестившись во имя Отца и Сына и Святого Духа, и при этом Титу не пошевелился, они в возмущении вновь схватили монаха и связали ему руки, требуя от него ответа, почему Бог Ортиса не вернул императора к жизни. Монах из ордена мерседариев^[48] Мартин де Муруа писал:

«Он [Ортис] ответил, что Творец всего сущего, каковым является Бог, мог сделать это, но что [Титу Куси] не вернулся, поскольку на это не было воли Господа, — что [Бог], вероятно, не захотел, чтобы Инка возвращался в этот мир».

Ответ монаха явно был не таким, какой хотели услышать туземцы; они поволокли Ортиса к большому кресту, стоявшему вблизи церкви, привязали монаха к нему и начали сечь. Затем они заставили несчастного монаха проглотить отвратительное пойло, содержащее мочу, смешанную с другими непотребными веществами. Вне всякого сомнения, помня о том, что за убийство Ортиса, возможно, придется отвечать, толпа решила отвести монаха в Вилькабамбу — город, куда испанцам доступ был закрыт по распоряжению Титу Куси. Прodef шнур через отверстие, сделанное туземцами в кости нижней челюсти Ортиса, туземцы потащили обнаженного монаха за собой. В Вилькабамбе младший брат Титу Куси, Тупак Амару, должен был решить судьбу монаха. Ныне Тупак Амару стал новым инкским императором.

Если предыдущий поход Ортиса в Вилькабамбу был ужасным, то нынешний был еще многократно хуже. Опять был сезон дождей, и измученный и израненный монах, как только мог, старался держаться на своих кровоточащих ногах, еле передвигаясь по скользкой тропе, постоянно падая на колени и восклицая: «О Боже!» На протяжении двух дней туземцы гнали человека, подозреваемого в убийстве императора, по труднопроходимой тропе, останавливаясь на отдых только ночью. Наконец на третий день в деревне Марканай, в нескольких милях от столицы, процессия остановилась; туземцы отрядили несколько представителей, с тем чтобы они обсудили ситуацию с Тупаком Амару, от которого зависела судьба пленника.

Тупаку Амару — это имя означает «Королевская Змея» — на тот момент было двадцать восемь лет. Это был очень консервативный и религиозный человек. Например, он никогда не соглашался с политикой своего старшего брата Титу, позволявшего чужеземным миссионерам ступать на землю их королевства. Когда Тупаку сообщили, что испанца, убившего его брата, привели в близлежащую Марканай, император отказался даже взглянуть на этого человека, практически предопределив таким образом участь монаха. Когда туземцы получили послание Тупака Амару, один боец выступил вперед и одним ударом топора положил конец страданиям несчастного монаха.

В 100 милях отсюда, в Куско, испанцы понятия не имели о произошедших переменах в близлежащем мятежном королевстве: о том, что Титу Куси умер, о том, что испанский монах был убит, и о том, что другой сын Манко Инки только что стал императором. Новый испанский вице-король Франсиско де Толедо прибыл в Куско за три месяца до этого, проведя к тому времени в Перу уже около полутора лет. Пятидесятишестилетний Толедо был деловым, решительным человеком, сторонником строгой дисциплины, которому король доверил реорганизацию дел в далекой колонии и разрешение проблемы туземных мятежей в Перу.

В течение предшествующих пятидесяти лет испанские священнослужители и философы спорили о том, какими правами должны пользоваться туземцы Нового Света, если они вообще могут иметь какие-то права. Одни утверждали, что Испания не имела права лишать местных правителей их королевств и империй и вообще покорять обитателей Нового Света. Другие даже настаивали на том, что Испания должна вернуть уже завоеванные империи их изначальным правителям или же их наследникам. А некоторые понимали дело так, что жители Нового Света, будучи язычниками, в моральном и интеллектуальном плане стоят ниже европейцев и, подобно несмышленным, непослушным детям, нуждаются в управлении ими со стороны христиан. Последние могли одарить язычников не только словом Божьим, но также и теми преимуществами и усовершенствованиями, которыми богата европейская цивилизация.

Вице-король Толедо, безусловно, принадлежал к этой последней группе. По его представлениям, туземцы Перу относились к низшим народам; и соответственно их судьбой должна была управлять высшая цивилизация — испанцы, которым Богом было препоручено организовать деятельность туземцев на благо и той и другой стороны. Жители Перу должны были быть обращены в христианство, единственную истинную веру, и, безусловно, их следовало принудить отказаться от своих идолопоклоннических верований. По мысли Толедо, не менее важно было нейтрализовать власть предыдущих властителей туземцев — инков, которые продолжали править маленьким королевством и все еще продолжали оказывать влияние, как моральное, так и духовное, на многих индейцев, живших уже под

испанской юрисдикцией. Толедо заключал, что независимое инкское королевство Вилькабамба продолжает оказывать свое пагубное влияние, уже создававшее в прошлом неисчислимые проблемы. Если этому влиянию ничего не противопоставить, оно, безусловно, станет источником еще больших проблем в будущем.

С тем чтобы лучше понять предыдущих правителей этой земли, то есть своих врагов, Толедо вскоре после своего прибытия в Перу серьезно занялся изучением истории инков. Он систематично опрашивал старых туземцев, а также кипукамайоков — специалистов, которые еще умели читать инкские кипу. Обнаружив, что инки создали свою обширную империю посредством завоевательных походов лишь относительно недавно, Толедо заключил, что инкская элита обладала отнюдь не большим правом править многочисленными этническими группами Перу, чем испанцы, которые, таким образом, получали оправдание в плане массированного использования оружия против инков. В итоге Толедо заключил, что единственным решением текущего «инкского вопроса» было уничтожение или нейтрализация все еще продолжавшего править инкского монарха. Испанцы полагали, что это все еще был Титу Куси.

Таковым было положение дел в июле 1571 г., через несколько месяцев после смерти Титу Куси, когда вице-король Толедо направил официального посланника в Вилькабамбу. Посланник прибыл на берега реки Апуримак вместе с группой туземных вождей; четверым из них он поручил переправиться через реку, с тем чтобы договориться о получении разрешения на въезд в королевство. Вожди переправились через реку, но потом все они загадочным образом исчезли. Три недели спустя посланник сделал вторую попытку, направив на другой берег еще двоих туземцев. Но назад вернулся только один из них — раненый, истекающий кровью, он сообщил, что они были атакованы.

Испанцам все виделось так, словно странная завеса безмолвия опустилась на королевство Вилькабамбу; послания от инкского императора более не приходили, испанские посланцы в Вилькабамбу не допускались. Нетерпеливый Толедо направил второго посланника, своего близкого друга Атилано де Анаю, на этот раз с письмом, в котором вице-король обращался непосредственно к Титу Куси:

«Если вы имеете веру и преданность Богу и моему повелителю королю, о чем вы собственноручно заявляли, то покажитесь, дайте свое согласие на встречу с ними [посланниками] и выслушайте то, что им велено передать от имени моего повелителя, Его Величества короля, и от моего имени. В противном же случае у нас, конечно же, рассеются какие бы то ни было иллюзии на ваш счет, и мы будем решать, как нам действовать дальше».

Одновременно Толедо направил письмо королю Филиппу, стремясь разузнать мнение монарха относительно возможности организации неспровоцированной войны против последних остатков инкской империи.

«Ваше Величество, безусловно, понимает, что удобно будет покончить с этим делом раз и навсегда таким образом, чтобы результатом стало обеспечение надежного мира, — в противном же случае все эти дебаты должны будут закончиться войной. Но так или иначе, в провинции Вилькабамбе будет основан город испанцев, чьи [военные] силы [на] границе отныне будут стоять на страже мира... Было бы интересно узнать мнение Вашего Величества... следует ли начинать против него [Титу Куси] войну или нет... [следует заметить, что] если он не хочет появляться и идти с нами на переговоры, то дело войны будет оправдано».

Посланник Анайя прибыл на берег реки Урубамба, к висячему мосту Чукичака, где Гонсало Писарро в свое время сражался с войсками Манко. Углядев на другой стороне туземных воинов, Анайя спросил у них разрешения, можно ли переправиться на другой берег. Воины ответили, что испанец может проехать. Но как только он оказался на другом берегу реки, инки убили его. Инки, очевидно, опасались того, что посланник может выведать о смерти Титу Куси, и таким образом испанцы узнают о том, что ныне королевство находится в ослабленном состоянии.

Для вице-короля убийство Анайи явилось последней каплей. Не желая ждать еще восемь месяцев ответа короля, Толедо вскоре начал

приготовления к началу вторжения в инкское королевство и захвату или убийству Титу Куси: вице-король намеревался на этот раз преуспеть там, где провалились две предыдущие испанские экспедиции. К маю 1572 г. Толедо собрал грозное войско, состоявшее из двух подразделений. Первому, насчитывавшему 250 закованных в доспехи испанцев и примерно 2000 их туземных союзников, Толедо приказал войти в королевство Вилькабамбу через мост Чукичака и далее прорываться к столице. Второму отряду, в составе которого было примерно 70 испанцев, он приказал вторгнуться на территорию королевства Вилькабамбы с противоположной стороны — через реку Апуримак, зажав таким образом город в клещи. Толедо решил, что на этот раз у инкского императора не будет шанса бежать.

Где-то в начале июня главный экспедиционный корпус под командованием генерала Мартина Уртадо де Арбьето пересек мост Чукичака и начал продвижение вверх по долине Вилькабамба. Проводниками Арбьето были три конкистадора, которые сражались еще под знаменами Франсиско Писарро, и которым теперь было уже за шестьдесят: Алонсо де Меса, Эрнан Солано и Мансио Сера де Легисамон. Но большая часть войска относилась, конечно, к более молодому поколению: многие из них были владельцами энкомьенд, доставшихся им от отцов-завоевателей. Все они, конечно, были заинтересованы в том, чтобы уничтожить последний оплот инкского сопротивления.

Несмотря на всю храбрость оборонявшихся туземцев, исход битвы был предрешен. Вторгшаяся армия была хорошо оснащена и вооружена и имела решительный настрой. На ее стороне были такие преимущества, как множество пушек, лошадей, аркебуз и мечей. И хотя отряды императора Тупака Амару сами навязывали испанцам сражения, устраивая на конкистадоров засады на опасных долинных тропах, инкам вновь пришлось убедиться в том, что их деревянные булавы, дубинки и даже луки со стрелами совершенно не могут сравниться в боевой силе с испанскими лошадьми и стальным оружием. Для нападавших же главным был только один вопрос: решит ли инкский император бежать — ведь это создаст в будущем вероятность нового этапа войны.

Испанцы в самое короткое время захватили Виткос, город, который некогда разграбил Диего Оргонес и в котором едва не был

схвачен Манко Инка. Они затем одолели проход Колпакасу, после чего двинулись вдоль реки Пампаконас, время от времени вступая в стычки с инкскими отрядами. Наконец во вторник, 24 июня 1572 г., в окрестностях столицы Вилькабамбы

«генерал Мартин Уртадо де Арбьето приказал всем испанским воинам разбиться на отряды с их военачальниками во главе, а индейским союзникам — на свои отряды... во главе со своими полководцами... [И] подняв знамена... они двинулись, взяв [с собой] артиллерию... В десять часов утра они вошли в город Вилькабамбу — все пешие, поскольку им пришлось передвигаться по очень труднопроходимой местности, где не было никакой возможности использовать лошадей».

Испанцы обнаружили, что сокрытая от чужих глаз столица ныне лежала в пепле, всеми покинутая. В отчете, позднее представленном испанским генералом вице-королю Толедо, Арбьето указывал, что он и его люди «обнаружили [Вилькабамбу] покинутой; около четырехсот стоявших в городе домов и святилищ находились в нетронutom состоянии. Мы обнаружили, что были сожжены только дома инкских [императоров]... и все... индейцы — воины, равно как и крестьяне, — бежали куда только можно». Летописец Муруа поражался тому, что когда испанцы явились в город, они увидели следующее:

«Весь город был разграблен [настолько тщательно], что если бы этим пришлось заняться испанцам и их индейским союзникам, то они бы едва достигли столь впечатляющих результатов... Все индейские мужчины и женщины бежали и спрятались в джунглях, взяв с собой все, что они только могли. Они предали огню оставшуюся часть кукурузы и прочего продовольствия... находившегося в хранилищах... так что, когда экспедиция прибыла, все еще дымилось. Был сожжен и храм [Солнца], где [находился] главный идол инков. [Инки] проделали в свое время то же самое, когда Гонсало Писарро... вошел в город, и тогда отсутствие продовольствия вынудило... [экспедицию Гонсало] покинуть

страну, оставив ее во власти правившего тогда императора. [Инки] точно так же ожидали, что и сейчас, когда испанцы не обнаружат ни еды, ни иных жизненно необходимых припасов, они не останутся здесь и уйдут, — по этой причине индейцы бежали, предав огню все, что они не могли унести с собой».

К этому времени испанцы уже узнали, что Титу Куси скончался и что был коронован новый император, Тупак Амару. Но город покинули все, кто населял его: и новый император, и его слуги, и храмовые жрецы и жрицы, и рядовые его жители. Испанцы, совершавшие свои разыскания в тлеющем городе, в числе прочего обнаружили, что не все остроконечные крыши были покрыты традиционной соломой; некоторые крыши были выложены черепицей — наподобие крыш в Куско, которые, в свою очередь, имитировали испанский стиль. Муруа дает достаточно подробное описание того, что осталось в городе:

«Город имел протяженность в пол-лье [1,75 мили] в ширину, как и Куско. Протяженность в длину его была значительно больше. В городе инки разводили попугаев, кур, уток, кроликов, индеек, фазанов, краксов и еще тысячу других разных видов птиц самой разнообразной окраски, порой очень красивой... Крыши домов и хранилищ были покрыты качественной соломой. В городе произрастало множество гуав, орехов-пеканов, лукум, папай, авокадо и многих других окультуренных и диких деревьев. Дворец инкского императора имел несколько уровней. Крыша его была покрыта черепицей; весь дворец был покрыт изнутри традиционными инкскими росписями — очень приятными для глаза. В городе была площадь, достаточно большая, чтобы вмещать там толпы людей, имевших обыкновение устраивать там празднества или даже скачки. Двери дворца были сделаны из кедра, отличавшегося сильным благоуханием. Он произрастает в той земле в большом количестве, — [некоторые] крыши домов сделаны из того же кедра. Инки едва ли ощущали недостаток характерных некогда для Куско роскоши и богатства — в этой далекой,

чужой для них земле. Ведь все, что им нужно было извне [Вилькабамбы], туземцы для них привозили, и инки услаждали себя привычными предметами роскоши».

Генерал Арбьето отрядил несколько небольших, мобильных отрядов с указанием двигаться в разных направлениях и найти инкских военачальников, прежде всего их императора Тупака Амару, который, по слухам, бежал со своей беременной женой. Одним из отрядов командовал молодой амбициозный капитан Мартин Гарсия де Лойола, очень желавший как-то проявить себя. Его отряд состоял из 40 отборных солдат. В прошении, позднее направленном королю, Гарсия де Лойола ясно указал, что побудило его и многих других испанцев присоединиться к экспедиции, организованной Арбьето:

«[Когда] вице-король организовал войну против инкского [императора], который в провинции Вилькабамбе вел подрывные действия против власти Вашего Величества... от Вашего Королевского имени участникам военных действий были обещаны самые разнообразные вознаграждения, и, в частности, доход в 1000 песо [ежегодный] (из суммы податей, выплачиваемых индейцами) — человеку, который возьмет в плен Инку».

Другими словами, человеку, который захватит в плен инкского императора, будет дарована энкомьенда вкупе с таким количеством туземцев, чтобы ее хозяину был пожизненно гарантирован ежегодный доход в 1000 песо (около 10 фунтов золотом), потом это пожалование могло перейти на пожизненный срок к наследнику этого человека. Таким образом, ставки с обеих сторон были максимально высоки: получение огромного состояния золотом и благополучный отход от дел — против пленения и заточения или убийства инкского императора. Испанцы также хотели на корню пресечь вероятные в будущем народные восстания, вбив осиновый кол в последний очаг инкского сопротивления.

Соответственно преследовать инкского императора испанцы взялись со всей решимостью. Спускаясь вниз по реке Масауай (вероятно, ныне это реки Косирени и Урубамба), Гарсия де Лойола со

своим отрядом одолел более 100 миль, углубившись в регион обитания индейцев маньяри, этнической группы, по всей видимости, родственной нынешнему племени кампа либо мачигенга. Испанцы сплавлялись на плотах вниз по течению в глубь девственных верхнеамазонских лесов. Путь им показывали туземные проводники. По обеим сторонам реки возвышались огромные деревья, у одних кроны были усыпаны цветами, у других — экзотическими фруктами.

Сплавляясь по реке, испанцы периодически отлавливали туземцев, плывших на своих плотах или каноэ, с целью добыть информацию о местонахождении бежавшего инкского императора. Испанские «охотники за удачей» вскоре узнали, что «Тупак Амару находится в долине Момори, в надежном [как представлялось] убежище, куда добраться было невозможно из-за совершенно непроходимой местности». Воодушевленные известием, что они движутся в верном направлении, Гарсия де Лойола и его отряд продолжили свой путь, храбро одолевая водопады и стремнины, и в итоге добрались до Момори. Там испанцы, к своей радости, узнали, что расстояние между ними и бежавшим императором все более сокращалось:

«Пять дней назад он [Тупак Амару] покинул это место... и отбыл на каноэ в [землю] пилкосуни, провинцию, находившуюся еще дальше в амазонских дебрях. Жена Тупака Амару была напугана и находилась в подавленном состоянии, поскольку в течение ближайших дней она должна была разрешиться от бремени. Император ее очень любил и на всем протяжении пути все время помогал ей — двигались они очень медленно».

Ускорив свое продвижение, испанцы перестали делать ночные привалы. Наконец, одолев в общей сложности около 200 миль, они заметили небольшой костер, мерцавший в лесу. Осторожно двигаясь вперед с обнаженными мечами, Гарсия де Лойола и его люди вышли на очищенный от деревьев и кустарников участок — там они обнаружили Тупака Амару и его беременную жену, жавшихся друг к другу вблизи бивачного костра. Так, глухой ночью, в глуши амазонских дождевых лесов, подошла к концу длившаяся тридцать

пять лет испанская кампания по изничтожению мятежной провинции Вилькабамбы и захвату последнего инкского императора.

21 сентября 1572 г., в отмечавшийся испанцами День святого Матфея, увенчавший себя победой отряд генерала Арбьето подошел к воротам Куско. Тупак Амару и другие высокопоставленные туземные пленники испанцев шли впереди кавалерии — связанные веревками и закованные в цепи. Практически все испанское и местное население города вышло на улицы, чтобы посмотреть на триумфальное завершение экспедиции, продолжавшейся около четырех месяцев. Арбьето и его воины ехали верхом, их туземные союзники шли рядом с многочисленными чернокожими рабами испанцев. Победители несли захваченные сокровища, в частности, золотое пунчао, или священный образ солнца, обнаруженный ими в лесах в окрестностях Вилькабамбы; также они несли мумифицированные тела Манко Инки и Титу Куси — двух мятежных лидеров, которые в свое время принесли столько невзгод испанцам.

В то время как Тупак Амару и подвластные ему военачальники были заточены в темницу, испанцы организовали празднования, которые длились в ту ночь допоздна. В течение последовавших нескольких дней были проведены судебные процессы против военачальников Тупака Амару: им вынесли обвинительный приговор и казнили. Их преступление, очевидно, заключалось в том, что они обороняли Вилькабамбу от иноземных захватчиков. Их главной виной было, конечно, то, что они ожесточенно сопротивлялись окончательному покорению Тавантинсуйю испанцами. Между тем несколько испанских священников, владевших рунасами, сделали все возможное, чтобы убедить Тупака Амару принять христианство, — они надеялись, что император все же решит спасти себя в духовном плане, даже если окажется невозможным сделать это физически.

Тридцатилетний император, который за свой короткий, шестнадцатимесячный период правления сделал все возможное, чтобы усилить влияние инкской религии в Вилькабамбе, в итоге согласился перейти в христианство. Вне всякого сомнения, сильной мотивацией для него стало то, что ему сообщили, что против него готовится судебный процесс, где на кону окажется его жизнь. Тупака Амару обвиняли, в первую очередь, в том, что он является лидером

мятежного государства, которое организовывало набеги на подконтрольное Испании Перу, а также за то, что он позволял в своем королевстве языческие религиозные практики. Эти набеги устраивал, конечно, не Тупак Амару, а его старший брат Титу Куси и его отец Манко Инка. Но оба императора начали организовывать эти акции лишь в ответ на то, что испанцы напали на Тавантинсуйю и оккупировали ее, на что, с инкской точки зрения, испанцы не имели никакого права. «Языческие же религиозные практики», в которых обвинялся император, являлись составной частью собственной инкской религии, которую они исповедовали с незапамятных времен, задолго до прибытия испанцев.

Сам Тупак Амару не владел испанским и не был знаком с испанской юриспруденцией, также у него не было предусматриваемого законом адвоката, который защищал бы его. Таким образом, все это являлось просто пародией на суд. Но даже если бы инкскому императору предоставили самых лучших адвокатов из Испании и если бы они стали заявлять, что у испанцев не было никакого законного права вторгаться в инкскую империю, вряд ли результаты суда были бы иными. Сторона обвинения, вне всякого сомнения, выдвинула бы тот тезис, что сам Бог дал папе право передать Тавантинсуйю королю и королеве Испании и что испанцы, таким образом, просто выполняли Божью волю. Соответственно со стороны инков сопротивление подобному указанию свыше представляло собой одновременно богохульство и предательство — это были действия, очевидным образом направленные против Божьей воли. И даже хотя Тупак Амару ныне обратился в христианство, он тем не менее до сих пор являлся духовным лидером языческой религии, в которой поклонялись ложным идолам, да и он сам почитался наряду с этими лжебогами.

Таким образом, вердикт был предрешен. Никогда ни испанцы, ни инки не позволили бы существования на завоеванной ими территории независимого, враждебного анклава, также они не потерпели бы присутствия на политическом горизонте влиятельного лидера сил сопротивления, который внушал бы гражданам завоеванной страны нелояльность к властям. Законы империи всегда жестоки и неумолимы, — и инки, и испанцы это всецело понимали. Да и вообще две империи не могут сосуществовать одновременно в одном регионе;

более сильная всегда разгромит более слабую, так что в итоге она одна останется править в регионе.

И неудивительно, что после длившегося три дня судебного процесса судья, назначенный вице-королем, приговорил Тупака Амару к смерти. И хотя несколько религиозных лидеров в Куско обратились к вице-королю с просьбой пощадить жизнь императора, Толедо настоял на том, чтобы приговор был немедленно приведен в исполнение. Вице-король был намерен очистить новую колонию Испании от последних следов инкской автономии и навеки вечно пресечь возможность новых туземных мятежей. Соответственно он настаивал на том, что нельзя допустить, чтобы Тупак Амару остался в живых.

24 сентября 1572 г. конвойный отряд вывел императора из тюрьмы и провел по улицам к главной площади. Это была та самая площадь, где тридцать семь лет назад Франсиско Писарро и его конкистадоры разбили лагерь в первый день их прибытия в Куско. Теперь в центре площади был выстроен обычный эшафот. Один летописец писал:

«Такое множество туземцев желало увидеть казнь их короля и повелителя, что, по словам присутствовавших, протолкнуться на улицах можно было лишь с огромным трудом. И поскольку стоячих мест уже не осталось, индейцы взбирались на стены и крыши домов. Индейцы собрались даже на тех больших холмах, что окружали город».

На виду у собравшихся испанцев, африканских рабов и туземцев Тупак Амару ехал на «муле, обернутом в черную бархатную ткань; сам император был одет в траурные одежды». Руки императора были связаны веревкой, другая веревка была обвязана вокруг его шеи.

«Инку забрал из крепости и провел по улицам города конвойный отряд, состоявший из четырехсот индейцев канярис — с копьями в руках... По обе стороны от Инки шли два монаха... Они говорили разные утешительные для его души, слова пока не достигли эшафота, который был воздвигнут на возвышении в центре главной площади, напротив собора».

По некоторым свидетельствам, перед тем как Тупак Амару взошел на эшафот, его сестра Мария Куси Уаркай неожиданно появилась в окне и прокричала ему:

«„Куда ты направляешься, мой брат, принц и единственный король четырех суйю?“ Она выбежала на улицу и попыталась протиснуться [сквозь толпу], но священнослужители остановили ее... Тупак Амару в течение всего этого времени имел очень смиренный вид. Балконы были забиты людьми, там было много [испанских] высокопоставленных дам, которые, движимые состраданием, рыдали, видя, как несчастного молодого человека уводят на казнь».

Тупак Амару поднялся на эшафот, который был задрапирован в черную ткань.

«Множество индейцев... совершенно заполонивших [площадь], наблюдали это скорбное зрелище [и, осознавая], что их повелитель сейчас должен будет погибнуть, буквально оглушили небо своим плачем и криками, заставив его отозваться ответным эхом... Родственники [Тупака Амару], находившиеся рядом с ним, со слезами взирали на разворачивавшуюся перед ними трагедию».

Стоя рядом со своим палачом — индейцем из племени канярис и соответственно врагом инков — и со священником, облаченным в черную рясу, Тупак Амару оглядел безбрежную толпу и медленно поднял правую руку. Затем он «опустил ее. Он один сохранял величественное спокойствие, и тогда шум сменился такой пронзительной тишиной, что ни один человек не шелохнулся — ни среди тех, кто стоял на площади, ни среди тех, кто находился на расстоянии». Затем, когда все голоса затихли и все напрягли свой слух, чтобы услышать, что скажет последний законный наследник четырех суйю, Тупак Амару произнес следующие слова:

«Господа, вы [прибыли] сюда из всех четырех суйю. Да будет всем известно, что я христианин, они крестили меня, и

я хочу умереть под законом Божьим — и я должен умереть. И все, что мои предки, инки, и я говорили вам до сих пор, — что вы должны почитать бога-Солнце Пунчао, святилища, идолов, камни, реки, горы и священные предметы, — все это совершенная ложь. Когда мы обычно говорили вам, что мы входили в [храм], чтобы иметь разговор с солнцем, и что потом мы якобы передавали вам его указания, — все это... [было] ложью. Поскольку это не оно говорило, а мы говорили, — это золотой предмет, и он не может говорить. И мой брат Титу Куси указывал мне, что, если я хочу чего-то добиться от индейцев, я должен один войти в [храм Солнца] Пунчао и меня никто не должен сопровождать... и что после этого я должен выйти и сказать индейцам, что я имел разговор с богом-Солнцем, и сослаться на его указания, поскольку индейцы лучше исполняют указания того, кого они чтят, — а самым почитаемым богом у них был бог-Солнце».

«...И... Тупак Амару... [попросил людей] простить его за то, что он до сих пор обманывал их, и молиться за него Богу. [И] все это было произнесено им... с подлинно величественным, монаршим видом, это не казалось каким-то ухищрением или искусственным ходом, но все выглядело очень естественно... несмотря на его очень тяжелое положение узника».

Произнеся эту удивительную речь на языке рунасами, — так что очень немногие испанцы, за исключением нескольких священников, поняли ее, — «Инка выслушал слова отцов церкви, находившихся рядом с ним, и, попросившись со всеми, он положил голову на плаху, слово агнец. Палач вышел вперед и, взяв его за волосы левой рукой, отрубил ему голову ножом с одного удара и затем высоко поднял ее, чтобы все ее видели. Когда отрубили голову, начали звонить колокола собора, а за ними — колокола всех монастырей и приходских церквей города. Казнь явилась источником великой скорби в народе, у всех на глазах были слезы».

Так, 24 сентября 1572 г., через тридцать шесть лет после того, как Манко Инка организовал свое великое восстание, закончил свою

жизнь последний инкский император Тупак Амару.

16. ПОИСКИ «ЗАТЕРЯННОГО ГОРОДА ИНКОВ»

*Что-то еще не открыто,
Иди посмотри, иди и найди!
Там за горами что-то сокрыто,
Но ожидает тебя. Иди!*

*Редьярд
«Исследователь», 1898* Киплинг,

8 июня 1911 г. — 339 лет спустя после состоявшейся казни Тупака Амару — пароход компании «Юнайтед фрут компани» стоял на причале Нью-Йорка, готовясь к отбытию. Матросы отдали швартовы, и пароход медленно направился в сторону статуи Свободы и далее — в открытый океан. Пароход направлялся в Панаму, где в это время как раз строили трансокеанский канал; его строительство будет завершено через три года. Некоторая часть пассажиров на борту намеревалась затем пересечь Панамский перешеек и на Тихоокеанском побережье сесть на пароход, направляющийся в Перу. Целью Бингхема было отыскать инкскую столицу Вилькабамбу — легендарный город, утерянный для истории на более чем трехсотлетний срок. Бингхем к этому времени уже знал, что испанцам потребовалось около сорока лет ведения военных действий и контрповстанческих операций для уничтожения последней мятежной столицы Инкской империи. По мере того как испанцы и португальцы наращивали свое присутствие в Южной Америке, все более непроницаемым становилось покрывало секретности, заброшенное колонизаторами на континент. На протяжении более двух столетий Испания и Португалия воспрещали иностранным ученым въезжать на территорию колоний, чтобы помешать внедрению туда могущественных европейских конкурентов. Таинственная столица Вилькабамба постепенно превратилась в легенду. История правления последних мятежных инкских

императоров и их героического сопротивления перешла в фольклорные сказания, передававшиеся изустно потомками инков.

И лишь на рубеже XVIII и XIX вв. — в 1799–1805 гг. — одному иностранному ученому было дозволено приступить к изучению Южной Америки.^[49] Прусский исследователь Александр фон Гумбольдт посетил берега Амазонки и Анды. Он первым картографировал некоторые из инкских развалин. Работы Гумбольдта способствовали возрождению интереса к инкской истории и последним инкским правителям. История о затерянном инкском городе, который надлежало найти, разожгла воображение немалого числа ученых XIX в. К 1911 г., когда Хирам Бингхем отправился на поиски Вилькабамбы, единственные древние развалины, которые удалось обнаружить в древней инкской провинции Вилькабамбе, находились в местечке Чоккекирау, расположенном примерно в 60 милях к западу от Куско. Некоторые исследователи полагали, что развалины Чоккекирау как раз и представляли собой следы мятежной столицы Манко Инки. Но Хирам Бингхем и еще один перуанский историк были убеждены в том, что эти предположения ошибочны.

Несмотря на провал предпринятой в детстве попытки бежать из дома на Гавайях, Бингхем никогда не покидала мечта об осуществлении откровенно рискованного, авантюрного предприятия. Он просто откладывал его на потом. Надо сказать, что Бингхем был большим поклонником британского писателя XIX в. Редьярда Киплинга — «Исследователь» был его любимым стихотворением. Одержимый желанием порвать с полунищими, жалкими условиями существования, в которых прошли его детство и юность, — или, как он сам определял это, «завоевать себе право на ослепительную вершину», — Бингхем женился на наследнице состояния дома Тиффани. В Йельском университете ему удалось получить ученую степень доктора философии. Предметом изучения для Бингхема стала современная история Южной Америки, начиная с войн за независимость в начале XIX в., когда наконец южноамериканские колонии окончательно освободились от своей привязки к Испании. Но уже к 1908 г. тридцатитрехлетний Бингхем почувствовал, что его тяготит скучная работа в должности адъюнкт-профессора. Его также явно беспокоил тот факт, что он до сих пор не сделал себе в ученом мире имени. Когда Бингхем узнал, что в 1908 г. намечается проведение

научного Панамериканского конгресса в столице Чили Сантьяго, он ухватился за эту возможность. Быстро оформив отпуск, он отправился на эту конференцию. Вскоре после окончания конгресса Бингхем морским путем и по железной дороге проделал путь в Куско — он впервые посетил древнюю столицу инков. «Мое изучение южноамериканской истории до тех пор преимущественно было ограничено фактографией испанского колониального владычества, войн за независимость и прогресса, которого добились республики в постколониальный период. Археология лежала за пределами моего научного интереса, и об инках я знал очень мало, если не считать прочитанную мной совершенно удивительную книгу [Уильяма] Прескотта „Завоевание Перу“».

Бродя по Куско и с большим интересом рассматривая остатки инкских дворцов, камни, вырезанные с удивительным искусством, Бингхем был поражен той ручной работой, которую произвела на свет древняя цивилизация. Находясь на склоне холма, с которого был виден весь город, Бингхем восхищенно взирал на открывшуюся ему гигантскую мегалитическую крепость Саксауаман, где более чем три столетия назад Хуан Писарро и тысячи туземцев сложили свои жизни в ходе восстания, поднятого Манко Инкой. Бингхем писал:

«Чуть выше река несет свои воды сквозь массивные мегалитические ворота и оказывается рядом с совершенно потрясающими гигантскими серо-синими стенами Саксауамана... Тут древние строители создавали три огромные террасы, которые тянутся вдоль холма на расстояние в треть мили — между двух узких глубоких ущелий. Самая нижняя терраса „крепости“ выложена валунами колоссальных размеров, многие из которых весят десять тонн, а некоторые — более 20 тонн, однако все они пригнаны друг к другу с исключительной точностью... Суеверному индейцу, который видит эти стены впервые, они должны казаться творением богов».

В Куско Бингхем вскоре встретил префекта близлежащей провинции Апуримак Хуана Нуньеса, на которого изрядное впечатление произвел выдающийся североамериканский «доктор»,

только что прибывший с важного научного конгресса. Лишь за год до этого Нуньес расчистил и обследовал инкские развалины в местечке Чоккекирау. Он не знал, являлось ли Чоккекирау, что означает «колыбель золота», исконным названием древнего места. До сих пор это был единственный древний инкский город, обнаруженный в провинции Вилькабамба. Нуньес сказал Бингхему, что развалины, вероятно, представляют собой остатки города Вилькабамба. Он спросил, хочет ли тот сопровождать его туда. Бингхем рассказывал:

«Префект был крайне заинтересован в том, чтобы я посетил это место и затем сообщил о его значимости президенту Перу. Префект был убежден в том, что я, будучи „доктором“ (доктором философии) и являясь правительственным делегатом на научном конгрессе, должен знать об археологии все и соответственно смог бы рассказать ему о том, насколько вероятна возможность отыскания в Чоккекирау запрятанных сокровищ, и также вынести свой вердикт относительно того, действительно ли данное место является той самой старой Вилькапампой, последней инкской столицей. Мои уверения его в том, что он ошибается в плане оценки моих знаний в области археологии, он счел проявлением скромности, а не констатацией факта...

Мое стремление избежать посещения развалин Чоккекирау префект отнес на счет исключительно суровой погоды, характерной для этого места, и его исключительной труднодоступности... Перед тем как мы, американские делегаты, отправились на научный конгресс, государственный секретарь США Элайю Рут указал нам на то, что в целях развития международных связей нам следует очень внимательно относиться к просьбам официальных лиц посещаемых нами стран и, соответственно, надлежит стараться идти им навстречу. Посему в ответ на предложение префекта я выразил свое согласие. Тогда я еще не знал, что это предложение приведет меня к поразительным открытиям. Это был мой первый „шаг“ в направлении доисторической Америки».

Так, в феврале 1909 г. Хирам Бингхем III стал участником экспедиционной группы, направлявшейся в Антисуйю, некогда составную часть Инкской империи. В ходе этой экспедиции Бингхему впервые довелось наблюдать инкские развалины:

«Совершенно поражающие взгляд обрывы окружают развалины со всех сторон и делают Чоккекирау фактически недоступным для неприятеля... Над южным обрывом, на высоте 5800 футов над рекой Апуримак выстроены парапет и стены двух [инкских] зданий без окон. Великолепие открывающегося оттуда вида на долину превосходит все описательные возможности... На глубине гигантского каньона виднеются отдельные проблески Апуримака, бурной, пенящейся реки, зажатой между гор, — с такого далекого расстояния она видится ручейком. В долине реки виднеются живописнейшие водопады, один из которых... имеет высоту более 1000 футов. Разворачивающаяся во всех направлениях панорама превосходит всяческое воображение своим разнообразием, контрастами, красотой и величием».

Незадолго до описываемых событий руины, совершенно заросшие низкорослой растительностью, были расчищены Нуньесом. Бингхем был совершенно несведущ в области археологии, но, к счастью, он имел при себе фотографическую камеру «Кодак» и книгу, содержащую базовые рекомендации относительно того, что необходимо делать при обнаружении малоисследованных древних руин:

«К счастью, у меня был при себе исключительно полезный справочник „Подсказки путешественникам“, изданный Королевским географическим обществом. В одной из глав я нашел рекомендации касательно того, что следует делать при обнаружении доисторического места: произвести тщательные измерения, сделать множество фотографий и описать все находки настолько точно, насколько это возможно. По причине прошедшего дождя наши фотографии

оказались не очень удачными, но мы произвели измерения всех зданий и набросали приблизительную схему».

Бингхем обратил внимание на то, что первые исследователи посетили Чоккекирау еще за семьдесят лет до него. Внутри одного инкского здания Бингхем обнаружил их имена, нацарапанные на каменных плитах:

«М. Эухене де Сартихес, 1834
Хосе Мария Техада, Марселино Леон, 1834
Хосе Бениньо Саманес, Хуан Мануэль Ривас Плата,
Мариана Сизнерос, 1861
Пио Могровехо, 4 июля, 1885 г.».

Бингхем тогда даже предположить не мог, что это незапланированное путешествие к инкским руинам, расположенным на почти недоступном горном хребте в практически необитаемой области Перу, явится поворотным пунктом в его карьере. Случайное приглашение со стороны перуанского префекта коренным образом изменит ход жизни Бингхема, равно как и всей истории археологии Южной Америки.

Он тщательно обследовал место — префект хотел знать, считает ли «достопочтенный профессор» эти руины остатками мятежной столицы. Бингхем позднее писал:

«По своему виду стены... [в Чоккекирау] казались целиком выстроенными из камня и глины. В сравнении с дворцами в Куско эти здания выглядели достаточно невзрачными и грубо отделанными. Нельзя было найти двух одинаковых ниш или дверей. Притолоки дверей были сделаны из древесины, строители не потрудились добыть камней для этих деталей».

В другом месте Бингхем писал:

«Лично я не чувствовал достаточной уверенности в том, что Чоккекирау являлся именно Вилькабамбой. Строения не

выглядели достаточно изящными, чтобы их можно было принять за резиденцию инкских правителей».

Так как на тот момент Бингхем был дилетантом в области археологии, его не особенно поразили продемонстрированные ему руины. Он рассудил так, что инкские императоры, даже последние, мятежные, должны были жить в изящно сработанных зданиях, выстроенных в имперском стиле, — то, что он видел в Куско. Бингхему представлялось маловероятным, чтобы Чоккекирау когда-либо мог служить резиденцией инкскому императору, соответственно, вопреки ожиданиям префекта, это едва ли мог быть давно затерянный город Вилькабамба.

Вернувшись в Лиму, Бингхем встретился с сорокашестилетним перуанским историком Карлосом Альберто Ромеро, который согласился с его догадками. Ромеро продемонстрировал Бингхему две хроники XVI в., которые совсем недавно были найдены и изданы. Одна была надиктована сыном Манко Титу Куси в 1571 г. и пролежала забытой около трехсот лет. Вторая представляла собой доклад, написанный Бальтасаром де Окампо, испанцем, участвовавшим в разграблении Вилькабамбы в 1572 г., и очевидцем казни Тупака Амару. Обе хроники содержали описание столичного города Вилькабамба. Но ни одно из них не походило на то, что Бингхем воочию наблюдал в Чоккекирау.

Например, описание Бальтасара де Окампо ясно давало понять, что путь из Куско в Вилькабамбу шел «вдоль речной долины, минуя Юкай и Оллантайтампугу [Оллантайтамбо] и проходя через [висячий] мост Чукичака». Таким образом, для того чтобы отыскать местонахождение Вилькабамбы, следовало двигаться в направлении, параллельном течению реки Урубамбы. Дойдя до современного моста Чукичака, по всей видимости, следовало пересечь реку и далее двигаться в западном направлении. По словам Ромеро, если бы имелся в виду путь из Куско в Чоккекирау, то не имело бы смысла следовать по указанному маршруту: данное местечко находилось по другую сторону горного хребта Вилькабамбы — его гораздо проще можно было бы достичь, переправившись через реку Апуримак с западной стороны. Соответственно, считал Ромеро, Чоккекирау не мог быть

Вилькабамбой, что бы там ни утверждали префект Нуньес и другие исследователи.

По словам Ромеро, описание Титу Куси достаточно ясно давало понять, что первоначальная резиденция Манко, Виткос, находилась на пути к Вилькабамбе. Поскольку Чоккекирау не могло являться Вилькабамбой, так как этого местечка нельзя было достичь, следуя маршрутом, описанным Окампо, то по этой же причине оно также не могло быть и Виткосом. Описание Виткоса, данное Окампо, также должно было свидетельствовать в пользу этого суждения: город, описанный Окампо, имел очень мало общего с руинами Чоккекирау:

«Крепость Питкос [Виткос] находится на очень высокой горе, откуда видна огромная часть провинции Вилькапампы. Оттуда открывался вид на обширную плоскую местность, на которой были выстроены грандиозные, величественные здания, возведенные с большим мастерством и искусством, — все притолоки дверей, как главных, так и второстепенных, очень искусно вырезаны из мрамора».

Чоккекирау располагался не на «обширной плоской местности», три кластера строений находились на очень узком, покрытом лесами хребте. В Чоккекирау не вырисовывалась картина «грандиозных, величественных зданий, возведенных с большим мастерством и искусством, — все притолоки дверей, как главных, так и второстепенных, очень искусно вырезаны из мрамора». По словам Ромеро, Чоккекирау не соответствовал описаниям ни Вилькабамбы, ни Виткоса. Оба города еще только предстояло найти. По мнению Ромеро, единственный вариант поисков Виткоса и Вилькабамбы состоял в том, чтобы пересечь реку Урубамбу по мосту Чукичака и затем двигаться в долину Вилькабамба. Где-то в этой долине и должен был располагаться Виткос. Если судить по хроникам, резиденция Манко, Вилькабамба, должна была находиться в нескольких днях ходьбы оттуда.

Через два года после своей встречи с Ромеро, в июне 1911 г., Бингхему удалось организовать экспедицию в Перу под эгидой Йельского университета. И он вновь отправился из Нью-Йорка в Перу на пароходе. Бингхем понимал, что если ему удастся отыскать город

Манко, то, — чтобы в дальнейшем ни происходило в его жизни, — можно будет считать, что он оставил свой след на земле. Бингхем позднее писал:

«Во время нашего пребывания на склонах Чоккекирау [в 1909 г.] облака порой расходились, и перед нами вырисовывались манящие очертания покрытых снегом гор. Казалось, там должна была находиться непознанная область, которая могла таить в себе огромные возможности. Наши гиды ничего не могли сказать нам в отношении ее. И из книг мало что можно было узнать о ней. Возможно, там был сокрыт город Манко».

Бингхему сопровождали шесть человек, в том числе Уильям Эрвинг, доктор медицины и его сокурсник по Йельскому университету, некогда совершивший путешествие на каноэ из Каира в Хартум, и тридцатидевятилетний доктор Гарри Фут, профессор химии в Йельском университете, личный друг Бингхема, имевший в экспедиции официальную должность «натуралиста».

Вскоре после своего прибытия в Лиму Бингхем встретился с перуанским президентом Аугусто Легией, с которым виделся еще во время своей предыдущей поездки в 1909 г. После встреч и Легия распорядился, чтобы багаж экспедиции недосматривали на таможне, и предоставил для экспедиции военный эскорт. Бингхем также вновь встретился с Карлосом Ромеро. Обрадованный тем фактом, что Бингхем вернулся ради отыскания Виткоса и Вилькабамбы, Ромеро предоставил американцу дополнительные ключи к программе поиска, которые ему удалось обнаружить. Ромеро, по его словам, недавно ознакомился с трудом еще одного испанца, священника Антонио де ла Каланчи, — это была объемная хроника, содержащая более полутора тысяч страниц. Она была опубликована в 1639 г.

В четвертом томе работы Каланчи Ромеро обнаружил историю о двух монахах-августинцах, которые в конце XVI в. приехали в королевство Вилькабамба. Они жили и проповедовали там на протяжении нескольких лет. По словам Ромеро, один из монахов, Диего Ортис, был замучен туземцами в местечке Пукиура, вблизи города Виткоса, после того как они обвинили монаха в том, что он

убил их императора Титу Куси. Согласно хронике, вблизи Виткоса и Пукиуры, в том месте, где гигантская белая скала нависала над источником, находилось святилище Чукипальпа. Там находился инкский храм Солнца. По словам Ромеро, монахи сожгли святилище, полагая, что они изгоняют дьявола. Ромеро сказал Бингхему, что если тому удастся отыскать большую белую скалу Чукипальпы, то можно быть уверенным в том, что Виткос расположен неподалеку. Ромеро также добавил, что если Бингхему посчастливится отыскать Виткос, то от него будет два дня пешего пути до резиденции Манко — Вилькабамбы.

Бингхем поблагодарил Ромеро и затем аккуратно выписал ряд мест из работы отца Каланчи, на которые указал Ромеро. У Бингхема также была копия опубликованной два года назад статьи Ромеро, «Доклад о руинах Чоккекирау», в которой тот настаивал, что утверждения ряда исследователей о том, что Чоккекирау как раз и является затерянным городом Вилькабамбой, неверны. Ромеро также писал, что город Виткос следует искать не вблизи Чоккекирау, а на другой стороне горной цепи Вилькабамбы, в речной долине.

Затем Бингхем посетил Географическое общество Лимы, где он приобрел несколько карт региона, который собирался обследовать. Одна из этих карт была составлена сорок шесть лет назад итальянским географом Антонио Раймонди, посетившим область Вилькабамбу в 1865 г. Бингхем обратил внимание, что на карте в верхней части долины Вилькабамбы была обозначена маленькая деревня Пукира. Могла ли это быть деревня Пукиура, где, по утверждению священника Каланчи, был замучен монах Диего Ортис? Если так, то затерянный город Виткос и большое каменное святилище над источником в Чукипальпе должны находиться где-то поблизости.

Добравшись на судне из Лимы в порт Мольендо, находящийся на южном побережье Перу, Бингхем и шесть членов его экспедиции сели затем на поезд, который на протяжении четырех дней вез их через Анды, минуя озеро Титикака, — пунктом назначения был Куско. Оказавшись в древней столице Инкского королевства, члены экспедиции занялись поиском мулов и провизии, а также подготовкой снаряжения. Между тем Бингхем продолжал заниматься своими изысканиями, сбором любой доступной информации об инкских руинах в долинах рек Урубамба и Вилькабамба. Посетив

университет^[50] Куско, Бингхем с удивлением обнаружил, что ректором его является молодой американец. Альберт Гизеке, тридцатидесятилетний американец из Пенсильвании, обосновался в Куско несколько лет назад. Узнав о том, что Бингхем ищет инкские руины, Гизеке поведал ему, что он вместе с перуанским конгрессменом доном Браулио Поло и ла Борда совершили путешествие верхом в долину Урубамба в январе, в сезон дождей. В местечке Мандор-Пампа, отстоящем от Куско на расстоянии 60 миль и расположенном вблизи моста Сан-Мигель, они остановились на маленькой ферме, специализирующейся на сахарном тростнике, которой владел крестьянин Мельчор Артеага. Артеага сказал Гизеке, что на близлежащем горном хребте расположены обширные руины, и предложил Гизеке свои услуги в качестве проводника на случай, если Гизеке надумает вернуться в эти места в сухой сезон. Бингхем встречался с Гизеке в июле, в самую середину сухого сезона, но у Гизеке не было на тот момент свободного времени, чтобы вновь отправиться в Мандор-Пампу. Однако он рад был передать эту информацию Бингхему.

Пока экспедиционная группа находилась в Куско, постепенно привыкая к местным условиям (Куско находится на высоте 11 300 футов над уровнем моря), Бингхем нанес визит сыну богатого плантатора в долине Урубамба, Альберто Дуке, — его семья имела дом в Куско. Бингхем позднее писал:

«О том, что в долине Урубамба имелись неописанные и неидентифицированные руины, в Куско мало кто знал, в основном это были богатые плантаторы, имевшие большие поместья в провинции Конвенсьон. Один из них рассказал нам, что он ездил в Санта-Ану [поместье в нижнем бассейне реки Урубамбы] каждый год, и там он познакомился с погонщиком мулов, который поведал плантатору об интересных руинах, расположенных вблизи моста Сан-Мигель. Но, зная о склонности его соотечественников к сочинению небылиц и преувеличениям, плантатор не особо поверил в эту историю. Он потом пересек этот мост раз двадцать, не удосужившись проверить сообщенную ему информацию. Другой сеньор по фамилии Панкорбо,

имевший плантацию в долине Вилькабамба, сказал, что до него доходили расплывчатые слухи о руинах в долине, расположенной над его плантацией, в первую очередь — вблизи местечка Пукьюра. Если бы эта история оказалась достоверной, то могло стать, что это была та самая Пукиура, где монах Маркос [Гарсия] основал первую церковь в „провинции Уилкапампе“. Но Пукиура должна была находиться вблизи Уитикоса и деревни Чукипальпа, где должны были иметься развалины храма Солнца, а в их числе — „белой скалы над источником“. Но ни эти доброжелательно расположенные плантаторы, ни их друзья, к которым они обращались с расспросами, никогда ничего не слышали об Уитикосе, или местечке под названием Чукипальпа, или некоей необычной скале; также собственноручно они никогда не видели развалин, о которых им приходилось слышать».

В процессе подготовки к путешествию экспедиционная группа посетила расположенную поблизости долину Юкай (Вильканоту), чтобы купить там себе еще мулов. В долине Бингхем встретился еще с одним человеком, супрефектом города Урубамбы, который рассказал ему, что инкские руины находятся совсем неподалеку, в долине Урубамба, вблизи моста Сан-Мигель. По словам супрефекта, эти руины носили название Уайнапикчу. Вот как Бингхем описывает супрефекта:

«Это был разговорчивый человек, значительную часть своей жизни занимавшийся поиском залежей полезных ископаемых в департаменте Куско, [он] сказал, что видел руины, „более живописные, чем в Чоккекирау“, в местечке под названием Уайна-Пикчу; но сам он никогда не был в Чоккекирау. Те, кто хорошо знал этого человека, пожимали плечами, казалось, они не очень доверяют его словам. Он слишком часто проявлял чрезмерный энтузиазм в отношении очередных раскопок в поисках полезных ископаемых, когда потом ничего не обнаруживалось».

Бингхем, всегда дотошно фиксируя любую информацию, записал незнакомое название в своем маленьком блокноте: «Уайнапикчу». Рядом он написал: «лучше, чем Чокк», что означало, что руины Уайнапикчу предположительно более интересны, чем расположенные в Чоккекирау. Уайнапикчу, по словам супрефекта, находилось всего лишь в восьми лье (28 миль) от города Урубамбы, вниз по реке, вблизи местечка Торонтой. Но ни одно из упомянутых супрефектом названий, вероятно, не имело никакого отношения к тем историческим местам, которые искал Бингхем: к Виткосу, Пукиуре, Вилькабамбе или Чукипальпе, местечку с белой каменной скалой.

Вернувшись в Куско в день накануне похода Бингхем написал письмо своей жене:

«Куско, 18 июля, 1911

Моя дорогая!

Почти все приготовления сделаны. Остается заполнить дорожный сундук, (который стоит здесь), немного поспать, затем упаковать вещевой мешок и отправляться в путь... Мы планируем провести около шести недель в горах Вилькабамбы... Сегодня я начал собирать пазл из людей, мулов, инструментов, съестных припасов и аррьеро [погонщиков мулов]. Я имею при себе двадцать мулов и одну лошадь, трех аррьеро и шесть белых людей. У меня два больных мула, шестнадцать грузов и двадцать ящиков с едой».

Бингхем уже разделил свою экспедиционную группу на три отдельные команды, каждая из которых должна была действовать согласно его инструкциям, но посетить они должны были разные районы, и задачи у каждой группы были различные. Команда № 1 должна была спуститься в нижнюю часть долины Урубамба, к берегам Амазонки, и оттуда начать топографические исследования, двигаясь вверх по склонам Анд, вдоль по 73-му меридиану, а перейдя через горы, спуститься к побережью. Команда № 2 должна была спуститься к реке Урубамбе и затем двигаться вдоль нее, по ходу движения составляя контурные карты обеих долин, в частности, указывая местоположение окрестных деревень и городов. Команда № 3

включала в себя Бингхем и его друга, химика Гарри Фута, у которого в экспедиции была должность натуралиста. В задачи команды входило собирание насекомых и мха, а заодно поиск инкских руин. Фут должен был собирать различные биологические образцы, а Бингхем — заниматься поиском руин.

Вскоре три команды поделили между собой мулов, деревянные ящики с провизией и все снаряжение. Как президент Перу и обещал, в качестве эскорта для экспедиции было выделено три перуанских солдата — по одному на каждую из команд. К Бингхему был прикреплен сержант Карраско.

19 июля 1911 г. Хирам Бингхем со своей командой выехал из Куско, они пересекли долину Юкай и к вечеру добрались до города Урубамбы, где остановились на ночлег. На следующий день команда Бингхема одолела еще 10 миль, достигнув Оллантайтамбо — города-крепости, где в 1536 г. Манко Инка разгромил войска Эрнана и Гонсало Писарро.

После того как на протяжении дня Бингхем, Фут, врач Эрвинг и перуанский сержант Карраско занимались обследованием руин, они вышли из Оллантайтамбо и направились вслед за другими членами команды, которые уже ушли вперед. Пройдя немного вниз вдоль течения реки, экспедиция вышла к перекрестку двух дорог; справа от нее была покрытая снегом гора Вероника высотой 18 975 футов, а слева, за долиной, возвышалась гора Салкантай высотой 20 672 фута. Пообок правого берега реки Урубамбы по петливой траектории шла относительно новая дорога, пробитая в стенах каньона за шестнадцать лет до описываемых событий. Вот что говорит Бингхем:

«До того как в 1895 г. было завершено строительство дороги, путники, направлявшиеся из Куско в нижнюю часть долины Урубамба, имели на выбор два пути — первый шел через проход Пантикалью... а второй через проход между горами Салкантай и Сорай, вдоль реки Салкантай — в направлении Уадкинью... Оба эти пути шли в обход высокогорья между горами Салкантай и Вероника и в обход низины между деревнями Пири и Уадкинью. Эта область в 1911 г. еще не была описана в географической литературе, посвященной южному Перу. Мы решили идти не через эти

проходы, а вниз по дороге, следовавшей вдоль реки Урубамбы. Она привела нас в совершенно поразительную местность».

Экспедиционная группа вошла в каньон:

«Тут река, покидая пределы холодного плато, пробивает себе путь сквозь гигантские гранитные горы. Дорога идет по земле совершенно ни с чем не сопоставимой красоты... Я не знаю ни одного места на земле, которое могло бы сравниться с ней по своей колдовской силе. Огромные снежные пики вырастают за облаками; гигантские многоцветные гранитные стены отвесно встают над пенящейся, ревущей стремниной реки, — контраст этим монументальным картинам составляют орхидеи и древовидные папоротники, богатейшая растительность неопишуемой красоты и таинственные чары джунглей. Все множасьи чудеса неудержимо влекут тебя вперед, сквозь глубокое, продуваемое ветрами ущелье, петляющее между нависающими над ним высоченными утесами. Все это живописное великолепие то и дело обрамляется то свисающими виноградными лозами, то взгромоздившимися на вершину скалы зазубренными каменными строениями — делом рук ушедшей в историю расы».

Под конец пятого дня с момента отправления из Куско команда Бингхема вышла на расчищенный от деревьев и кустарника участок, где Мельчор Артеага выращивал сахарный тростник. Это был тот самый крестьянин, который поведал Альберту Гизеке о том, что на близлежащем горном хребте расположены огромные по своим размерам руины.

«Мы миновали неказистую хижину с травянистой крышей, свернули с дороги, прошли через расчищенное место и разбили наш лагерь на берегу реки Урубамбы на песчаном пляже. Напротив нас, за гигантскими гранитными валунами, встававшими на пути у бурлящей реки, круто уходила вверх гора, покрытая дремучими джунглями. Это

было идеальное место для лагеря: оно находилось вблизи дороги и при этом было достаточно уединенным. Но наши действия вызвали подозрение у владельца хижины Мельчора Артеаги, который арендовал здесь землю. Он хотел знать, почему мы не остановились в его хижине, как это подобает уважаемым путешественникам. Наш сопровождающий успокоил его. Они довольно долго беседовали. Когда Артеага узнал, что мы интересуемся оставшимися от инков архитектурными развалинами, он сказал, что по соседству имеются очень примечательные: совершенно великолепные руины на вершине стоящей напротив горы Уайна-Пикчу и также на горном хребте Мачу-Пикчу».

«Уайна-Пикчу» — Бингхем вспомнил, что именно это название супрефект города Урубамбы произнес, когда Бингхем спросил его, имеются ли какие-либо инкские руины в близлежащей долине Урубамба. Бингхем записал это название в блокнот, сделав также пометку, что эти руины представляют больший интерес, чем те, что находятся в Чоккекирау, в 30 милях к юго-западу. Теперь фермер Артеага говорил то же самое. Бингхем спросил, могли ли Виткос или Вилькабамба располагаться на Уайна-Пикчу. Это казалось сомнительным. Историк Ромеро говорил Бингхему, что оба города можно найти, если пройти еще 12 миль вниз вдоль течения реки Урубамбы к мосту Чукичака, затем повернуть налево и подняться вверх вдоль тянущейся долины реки Вилькабамбы. Бингхем взглянул вверх на огромный высившийся впереди пик, покрытый матовыми джунглями. Хотя казалось маловероятным, чтобы руины в этом районе имели какое-то отношение к Виткосу или Вилькабамбе, тем не менее эту область стоило осмотреть. Бингхем решил, что завтра он узнает, что же находится на вершине горного хребта.

«Шестой день нашего путешествия начался холодной изморозью. Артеага, судя по его виду, намеревался остаться в своей хижине. Я предложил хорошо заплатить ему, если он покажет мне руины. Он отказался, сказав, что в такую сырую погоду очень трудно делать восхождение. Но когда он увидел, что я собираюсь заплатить ему соль [перуанский

серебряный доллар], что в три или четыре раза превышало среднюю заработную плату в этой местности, он согласился проводить нас к руинам. Никто не предполагал, что они окажутся крайне интересными. И никто не выразил желания идти вместе со мной. Наш натуралист [Фут] сказал, что „вблизи реки больше бабочек“, и он имел все основания полагать, что ему удастся собрать там новые виды. Наш врач [Эрвинг] сказал, что он собирался постирать и заштопать свою одежду. Так или иначе, это было моей работой — обследовать руины и заниматься поисками инкской столицы».

Сидя в своей палатке на походной кровати, Бингхем вынул свой маленький блокнот. Наверху страницы он написал «24 июля», а ниже — два названия: «Мачу-Пикчу» и «Уайна-Пикчу». Это были две цели, намеченные на этот день.

В десять часов утра Бингхем и Артеага, на котором были темные штаны, куртка и остроконечная шляпа, вместе с сопровождавшим их сержантом Карраско двинулись вперед. Они пересекли самодельный мост, состоявший из четырех узких бревен, который был проложен через реку Урубамба.

На протяжении следующих полутора часов трое путников взбирались по крутой тропе, поднимавшейся по склону горы. Когда они наконец достигли основания седловины, расположенной между двумя пиками, Бингхем с удивлением обнаружил там жилища трех крестьянских семей.

«Пополудни, когда мы были уже совершенно измучены путешествием, мы подошли к маленькой хижине с травянистой крышей. Добродушные по виду индейцы были приятно удивлены нашему появлению. Они поднесли нам влажные калебасы, наполненные восхитительной по вкусу холодной водой. Потом они предложили нам отваренный сладкий картофель... Два симпатичных индейских фермера, [Анаклето] Ричарте и [Торибио] Альварес, не так давно выбрали это место в качестве своего обиталища. По словам индейцев, тут они нашли множество уступов, позволявших

выращивать урожай. В этих местах фермеры чувствовали себя надежно защищенными от появления нежелательных посетителей... Ричарте сказал, что они жили тут уже четыре года. Вероятно, ввиду своей недоступности каньон не был заселен на протяжении нескольких веков, но после того, как было завершено строительство новой дороги, в этой области вновь начали обосновываться поселенцы. Время от времени кто-нибудь взбирался по крутым склонам и обнаруживал здесь, на высоте 9000 футов над уровнем моря, изобилие богатой почвы, которая обычно присутствует на искусственных террасах, в условиях хорошего климата. Тут индейцы расчистили ряд уступов и посадили кукурузу, сладкий и белый картофель, сахарный тростник, бобы, перец, тамарильо^[51] и крыжовник».

Здесь Бингхем не обнаружил никаких признаков инкских руин, но открывавшийся отсюда вид на опоясывающие эту местность горные пики был завораживающим. Облака скрывали многие из близлежащих пиков. Бингхем продолжал:

«Совершенно не рассчитывая обнаружить здесь нечто более интересное, нежели... руины двух-трех зданий, подобных тем, что мы находили между Оллантайтамбо и Торонтоем, я тем не менее все же покинул прохладу приятного маленького жилища и начал взбираться дальше по склону горного хребта, огибая небольшой выступ. Артеага, по его словам, уже бывал в этих местах, поэтому он решил остаться поболтать с Ричарте и Альваресом в хижине. Они отправили вместе со мной маленького мальчика в качестве „проводника“. В обязанности сержанта входило всюду сопровождать меня, но, я думаю, его мало интересовала цель наших поисков. Как только мы обогнули уступ, перед нами предстали очень качественно выложенные каменные строения. Пролет красиво выложенных [каменных] террас — каждая двадцать ярдов в длину и десять футов в высоту — недавно был расчищен индейцами от растительности. За столетия здесь выросли огромные деревья. Теперь они были

вырублены для создания площадок под сельскохозяйственные нужды. Стоявшая перед двумя индейцами задача была слишком сложной, поэтому стволы деревьев остались лежать так, как они были повалены, были срублены только маленькие ветви. Древняя почва, с большим тщанием культивированная здесь когда-то инками, до сих пор позволяла производить богатые урожаи кукурузы и картофеля. Но особо восхищаться в этих местах было нечему. Подобные же пролеты искусно выложенных террас можно было увидеть в верхней части долины Урубамба — в Писаке и Оллантайтамбо, а также в лежащем напротив них Торонтое».

Бингхему также было хорошо известно, что в Писаке и Оллантайтамбо имелись не только пролеты гигантских террас, помимо них, поблизости там находились масштабные и весьма эффектные по своему виду руины. И вблизи Торонтоя Бингхем обнаружил «примечательные руины, — возможно, некогда это была резиденция какого-то инкского аристократа». Но у Бингхема была полученная из достоверных источников информация о том, что и здесь должны были иметься руины.

«Мы карабкались по стенам террас, сквозь густые бамбуковые заросли, — наш гид решил, что это самый удобный путь, в этом я был с ним не вполне согласен. Затем маленький мальчик посоветовал нам начать восхождение на крутой холм. Один сюрприз сменял другой с головокружительной скоростью. Мы подошли к гигантской лестнице, выложенной из огромных гранитных блоков. Затем мы прошли по тропинке, выйдя к расчищенному от деревьев и кустарника участку, где индейцы разбили небольшой огород. Неожиданно мы очутились перед развалинами двух самых красивых и удивительных древних строений, которые мне доводилось видеть в Америке. Стены их были выложены из красивейшего белого гранита. Они состояли из циклопического размера блоков, каждый из которых по своей высоте превышал человеческий рост. Это зрелище

совершенно зачаровало меня... Я едва мог поверить своим глазам, осматривая самые крупные блоки, расположенные в нижней части строений, — по моим оценкам, каждый из них должен был весить от десяти до пятнадцати тонн. Сможет ли кто-нибудь поверить в мои находки? Но в этой местности, описания которой обычно не отличаются большой точностью, у меня был при себе хороший фотоаппарат, и солнце в этот день светило ярко».

На протяжении следующих пяти часов группа Бингхема следовала вдоль вершины горного хребта, осматривая все встречавшиеся на их пути руины. Бингхем, у которого был при себе фотоаппарат «Кодак» и складной штатив, делал первые фотоизображения этого места, название которого позднее войдет в широкий обиход, как «Мачу-Пикчу», или «Старый Пик». Исключительно педантичный во всем, Бингхем записывал комментарии ко всем своим фотографиям:

«В составе некоторых каменных строений присутствует глина. Некоторым придана аккуратная прямоугольная форма, как в Куско. Красиво сделанные ниши, как в Оллантайтамбо. Множество цилиндрических деталей — внутри и вовне. По своему стилю интересней, чем в Чок... Виды с обеих сторон. Все это место крайне труднодоступно».

Точно так же, как и в Чоккекирау, Бингхем убежден, что он не первый обследовал местные руины. На стене одного из инкских храмов Бингхем обнаружил написанное древесным углем имя уже побывавшего здесь посетителя: «Лисаррага, 1902».

Кем бы ни был этот Лисаррага, очевидно, что он посетил Мачу-Пикчу девять лет назад. Бингхем аккуратно занес в блокнот имя этого исследователя и затем продолжил делать свои записи, фотографировать и производить приблизительное картографирование местности. Примерно в пять часов пополудни Бингхем, сержант Карраско и Артеага покинули хижину крестьянина и начали спускаться в нижнюю часть долины, продвигаясь теперь намного быстрее, поскольку гравитация им сопутствовала, а не препятствовала. Вернувшись в лагерь, Бингхем дал Артеаге серебряный соль.

Несмотря на свои позднейшие заявления касательно того, что он сразу понял значимость руин в Мачу-Пикчу, на самом деле в тот день Бингхем испытывал разочарование, поскольку, как ему представлялось, обнаруженные руины были совсем не те, что он искал. Сравнивая то, что он увидел на вершине горного хребта Мачу-Пикчу, со свидетельствами, представленными в хрониках Каланчи, Окампо и Титу Куси, Бингхем обнаружил во всем этом мало сходства.

«Когда я впервые увидел совершенно замечательную цитадель Мачу-Пикчу, расположенную на узком горном хребте на высоте две тысячи футов над рекой, я спросил себя, могло ли это быть то самое место, которое старый солдат Бальтасар де Окампо, член экспедиции капитана Гарсии [де Лойолы, 1572 г.], имел в виду, говоря: „Инке Тупаку Амару резиденцией служила крепость Питкос. Крепость Питкос [Виткос] находится на очень высокой горе, откуда видна огромная часть провинции Вилькапампы. Оттуда открывался вид на обширную плоскую местность, на которой были выстроены грандиозные, величественные здания, возведенные с большим мастерством и искусством, — все притолоки дверей, как главных, так и второстепенных, очень искусно вырезаны из мрамора“. Могло ли „Пикчу“ быть современным вариантом „Питкоса“? Конечно же, белый гранит, из которого выстроены храмы и дворцы Мачу-Пикчу, легко можно принять за мрамор. Трудность в соотнесении описания Окампо и обследованного Мачу-Пикчу заключалась в том, что, осматривая стены строений, глаз никак не мог отдельно выделить там притолоки дверей. Затем, не было никакой „белой скалы над источником“, которая, по словам Каланчи, находилась „вблизи Уитикоса [Виткоса]“. В окрестностях также не обнаруживалось Пукиуры. Вообще каньон Урубамбы по своим географическим параметрам нельзя было соотнести с Уитикосом. Хотя находившиеся там руины и представляли огромный интерес, Мачу-Пикчу не являлся той последней инкской столицей, которую мы разыскивали. Мы все еще не нашли дворец Манко».

На следующий день Бингхем со своей группой продолжил путь; он намеревался продолжать поиски Виткоса и большой белой скалы, расположенной над источником. Бингхем полагал, что если удастся найти два этих места, то можно будет с уверенностью считать, что Вилькабамба находится неподалеку. Бингхем до такой степени не осознавал, что он уже обнаружил руины затерянного города, что его друг Гарри Фут на следующий день после обнаружения Бингхемом Мачу-Пикчу написал в своем дневнике: «Особо писать нечего».

На следующей неделе Бингхем, Фут и Карраско продолжили свои поиски Виткоса и Вилькабамбы, заплатив местным гидам, которые заявили, что они знают местонахождение близлежащих руин, но в результате экспедиционная группа обнаружила очень мало ценного. На протяжении нескольких дней члены группы взбирались по склонам близлежащих гор, но практически каждый раз возвращались с пустыми руками. Постепенно путники продвигались вниз вдоль русла реки Урубамбы, достигнув в итоге фермы Санта-Ана. Бингхем был уверен, что именно в сильно пересеченном восточном предгорье должны находиться два искомым города.

Затем команда двинулась в обратном направлении, вверх по течению реки Урубамбы, и подошла к мосту, мимо которого ранее уже проходила. У местных жителей члены группы узнали, что мост назывался Чукичака. Бингхем сразу же опознал один из древних топонимов, которые он искал: ему было известно, что в XVI в. Бальтасар де Окампо писал: «Они [инки] охраняли мост Чукичака, проложенный через реку Вилькамайю [Урубамбу]. Этот мост открывает путь в провинцию Вилькапампу». Окампо также писал, что испанский генерал Мартин Уртадо де Арбьето, проведший последнюю военную кампанию в 1572 г., в результате которой была разграблена Вилькабамба, и был пленен Тупак Амару, «проделал путь из Куско вдоль речной долины, минуя Юкай и Оллантайтамбу [Оллантайтамбо] и проходя через [висячий] мост Чукичака, в провинцию Вилькапампу».

Воодушевленная тем фактом, что был обнаружен «путь в провинцию» Вилькабамбу, команда Бингхема начала медленно двигаться вверх вдоль русла реки Вилькабамбы. К этому времени Бингхем разработал простую, но эффективную стратегию поиска затерянных инкских руин: во-первых, он опрашивал людей, живших в

данной местности и исходивших большинство окрестных холмов. Если местные жители заявляли, что им известно местонахождение руин в данной области, Бингхем предлагал жителям денежное вознаграждение в том случае, если они проводят его туда. Во-вторых, Бингхем искал лингвистической поддержки — либо со стороны сержанта Карраско, который, помимо испанского, знал язык кечуа, либо со стороны местных чиновников и землевладельцев, которые также зачастую говорили на обоих языках. Бингхем давно убедился в том, что местные жители намного лучше говорят на древнем инкском языке кечуа, чем на испанском. Для того чтобы получить максимум информации, Бингхем всегда старался задавать вопросы своим информаторам на том языке, которым они лучше всего владеют. Ступив на землю долины Вилькабамбы, Бингхем начал активно использовать свою стратегию.

«Потом мы остановились в Лукме, нас принял у себя местный представитель губернатора [Эваристо] Могровехо. Мы сказали, что заплатим ему соль, или перуанский серебряный доллар, за каждый участок руин, к которому он проведет нас, и два серебряных доллара, если в этом месте окажутся особо интересные руины. Это пробудило в нем предпринимательский инстинкт. Он вызвал к себе своих алькальдов и несколько хорошо информированных индейцев и начал расспрашивать их. Они поведали нам, что в окрестностях „много руин“! Будучи сам практичным человеком, Могровехо никогда не проявлял никакого интереса к руинам. Он увидел для себя возможность не только заработать деньги на достопримечательностях, но также заслужить расположение своего начальства: дело в том, что супрефект Кильябамбы отдал распоряжение своим подчиненным оказывать нам в пути всяческое содействие. Так что Могровехо делал все возможное, чтобы угодить нам».

Два дня спустя Бингхем вместе с несколькими гидами направился дальше, Гарри Фут пошел другой дорогой — его целью был поиск насекомых.

«Мы... перешли вброд реку Вилькабамбу, и вскоре перед нами распахнулся простор долины, заканчивавшейся усеченным холмом; его вершина была частично покрыта низкорослыми деревьями и кустарником, склоны его были крутые и скалистые. Нам сказали, что холм называется „Росаспата“ — слово-гибрид современного происхождения: „пата“ на языке кечуа означает „холм“, а „росас“ — это „розы“ по-испански. Могровехо сказал, что индейцы сообщили ему о том, что на „Холме Роз“ имеются еще руины. Мы понадеялись, что это может быть правдой, особенно после того, как узнали, что деревня у подножия холма, по ту сторону реки, называется Пукиура... Именно в Пукиуру священник Маркос [Гарсия] явился в 1566 г. Если это была та Пукиура, то значит, где-то неподалеку должен был находиться Виткос: в свое время Маркос и Диего [Ортис] организовали знаменитую процессию из Пукиуры к „храму Солнца“, который был расположен „вблизи Виткоса“...».

Поднявшись вслед за своими проводниками на холм, Бингхем обнаружил обширную равнину на его вершине, там находились развалины огромных инкских зданий, которые явно когда-то образовывали площадь. Бингхем записал в блокнот, что одно здание «вполне могло быть резиденцией верховного Инки» — оно имело 245 футов в длину и 43 фута в ширину, в нем было 30 трапециевидных дверных проемов. Хотя стены по своему характеру строения были явно далеки от классического имперского инкского стиля, следовало отметить, что в составе конструкции присутствовали белые гранитные блоки, а отделка была произведена с использованием самых совершенных методов того времени. С вершины холма замечательно просматривалась вся долина Вилькабамба. Бингхем не мог не соотнести руины Росаспаты с описанием Виткоса, которое капитан Бальтасар де Окампо сделал за триста лет до этого:

«Крепость Питкос [Виткос] находится на очень высокой горе, откуда видна огромная часть провинции Вилькапампы. Оттуда открывался вид на обширную плоскую местность, на

которой были выстроены грандиозные, величественные здания, возведенные с большим мастерством и искусством, — все притолоки дверей, как главных, так и второстепенных, очень искусно вырезаны из мрамора.

Руины действительно находились на «очень высокой горе», оттуда была видна «огромная часть провинции Вилькапампы», в том числе «обширная плоская местность» с остатками огромных, некогда величественных зданий. Правда, дверные проемы в Росаспате были не из мрамора — в провинции вообще не было залежей этого материала, а из белого гранита, имевшего очень хорошую зернистость. Ввиду того что порталы имели очень точно выверенные пропорции и были замечательным образом отделаны, они выстояли перед напором времени.

Поблизости находилась деревня Пукиура — в точности так, как это указано в хрониках. Для доказательства того, что Росаспата является древним Виткосом, следовало найти источник, над которым находилось бы святилище — огромная «белая скала» (летописцы называли это место «Чукипальпа»).

Относительно того, что случилось потом, существуют две различные версии. По словам Бингхема, на следующий день, 9 августа, он вместе с Могровехо направился к близлежащему ручью, куда их взялся проводить местный гид. Далее они двинулись вдоль течения ручья и наконец вышли к расчищенному от деревьев и кустарника участку: посередине его находилась большая белая скала, она вся была покрыта резьбой в инкском стиле. В большом волнении Бингхем приблизился к массивной скале, размеры которой были 20 футов в высоту, 60 футов в длину и 30 футов в ширину. Вблизи одного конца скалы Бингхем обнаружил небольшой водоем источника, по обе его стороны находились каменные развалины — по-видимому, некогда это был инкский храм Солнца.

У Бингхема имелись при себе аккуратно выписанные отрывки из текста священника Каланчи, где описывается инкское святилище в Чукипальпе:

«Вблизи Виткоса, в деревне Чукипальпа, находился храм Солнца, а внутри его была белая скала над источником,

где появлялся дьявол... отвечавший из белой скалы на задаваемые ему вопросы... иногда он представлял перед людьми воочию. Камень находился над источником. Индейцы почитали воду как божественную сущность».

Бингхем обратился с расспросами к своему гиду, и тот сказал, что это место называлось Чукипальта, что почти совпадало с упоминаемой у Каланчи Чукипальпой.

«9 августа 1911 г., ближе к вечеру, я впервые увидел это замечательное святилище... Уже собрав значительное число описаний и имея перед собой наглядное свидетельство, мы в достаточной степени могли быть уверены в том, что обнаружили один из столичных городов государства Манко, его резиденцию, о которой было известно испанцам, которую посещали [испанские] миссионеры и послы, равно как и [испанские] беженцы, искавшие здесь укрытия от преследователей, направленных Писарро... Но [Росаспата] находилась слишком близко от Пукиуры, чтобы быть „главной столицей“, Вилькапампой: это, конечно, был Виткос».

Только по прошествии шестнадцати дней после обнаружения Мачу-Пикчу Бингхем удостоверился в том, что совершенное им открытие гораздо значительнее, чем он полагал вначале; он действительно обнаружил затерянный инкский город Виткос.

Но согласно второй версии истории, открытие святилища Чукипальта совершил друг Бингхема Гарри Фут. Если верить записи в дневнике Фута, за день до того, как Бингхем отправился искать святилище, Фут пошел ловить бабочек; Бингхем тот день провел за изучением руин в Росаспате. Позднее Фут оставил в дневнике следующую запись о том, что он делал в тот день:

«Я отправился собирать бабочек, а Хи[рам] пошел к руинам [Росаспаты], обнаруженным им за день до этого. На одной высокогорной долине я обнаружил множество новых видов бабочек. Источник находится вблизи руин. В окружении руин находится совершенно замечательная скала

— на одной ее стороне вырезаны разнообразные формы, примерно такие же, как на Родадеро в Куско.^[52] Очень плоские уступы. Ограждение этого места сложено из массивных камней. Ряд сидений вырезан в большой скале, а также и в других скалах; одно сиденье вырезано в скале, которая прямо вдается в молитвенное пространство. В том месте совсем мало видов бабочек, мне удалось собрать один-два вида».

По словам Фута, он совершенно случайно наткнулся на святилище Чукипальта за день до того, как Бингхем заявил, что он его обнаружил. Фут, вне всякого сомнения, рассказал Бингхему о своей находке, что, конечно, побудило Бингхема направиться туда на следующий день. Но в опубликованных Бингхемом отчетах фигура Фута оказалась за рамками повествования: вся цепочка событий была обрисована таким образом, что Бингхем представал первым ученым, обнаружившим древнее инкское святилище. Хотя, вне всякого сомнения, Бингхем был первым ученым, который за трехсотлетний период точно идентифицировал остатки Виткоса и святилища Чукипальты, тем не менее следует признать, что пальма первенства в том, что касается обнаружения Чукипальты, принадлежит Гарри Футу. Поскольку именно перу Бингхема принадлежит ставшее популярным описание экспедиции, Футу так и не воздали должное за его роль в обнаружении святилища.

Так или иначе, никто не может оспорить тот факт, что всего лишь за две недели поисков древних инкских руин Бингхем со своей командой сделал яркие открытия, сначала обнаружив руины Мачу-Пикчу, затем Виткос и потом святилище Чукипальту. Хотя эти три открытия и были очень впечатляющими, Бингхем настойчиво продолжал заниматься поисками затерянного города Манко, Вилькабамбы. Вопрос заключался в том, в каком направлении искать? Какой тропой следовать? Вновь Бингхем задействовал свою стратегию сбора информации у местных жителей, предлагая денежное вознаграждение каждому, кто согласится показать ему местонахождение близлежащих руин. За неделю до этого, когда Бингхем и Фут еще находились в нижней части долины Урубамба, они

на какое-то время остановились у одного владельца поместья в Санта-Ане.

«Когда дон Педро помогал нам идентифицировать места, упомянутые в описаниях Каланчи и Окампо, и дело дошло до Старой Вилькабамбы, он опросил двух сведущих людей, и они ему указали на местечко, называвшееся Консервидайок. Дон Педро сказал нам, что в 1902 г. Лопес Торрес, основательно исходивший гору в поисках каучуконоса, доложил об обнаружении там развалин инкского города».

В другом месте Бингхем пишет:

«Они все согласились с тем, что „если бы сеньор Лопес Торрес был жив, он мог бы очень помочь нам, поскольку он занимался поисками залежей руд, а также латекса в тех местах, и однажды в лесу он наткнулся на инкские руины!“»

Так, через несколько дней после обнаружения Виткоса команда Бингхема направилась дальше вверх по долине, к деревне Сан Франсиско де ла Виктория де Вилькабамба, известной также под названием «Новая Вилькабамба». Бингхем узнал, что после того как испанцы произвели разграбление Вилькабамбы Манко, они переселили оставшееся местное население в новое место, расположенное выше и находящееся ближе к Куско. Обнаружив в тех местах месторождение серебряной руды, они назвали город Новой Вилькабамбой — в противовес сожженной и разграбленной столице Манко, которую они окрестили Старой Вилькабамбой. После того как местонахождение заброшенной столицы постепенно забылось и город весь зарос джунглями, на карте осталась лишь Новая Вилькабамба. Три века спустя Хирам Бингхем обнаружил, что Новая Вилькабамба представляла собой кластер жилых домов с высокими остроконечными крышами, покрытыми соломой; там также была старая разрушенная церковь, школа и небольшая почта, откуда Бингхем смог отправить письма. Не теряя времени, он прибег к помощи местного губернатора, сеньора Кондоре, чтобы организовать опрос местных жителей.

«На следующий день после нашего прибытия в [Новую] Вилькабамбу губернатор Кондоре, посоветовавшись со своим главным помощником, призвал к себе самых мудрых индейцев, живших в этих окрестностях, в том числе одного очень интересного парня, чье имя Киспи Куси сразу же напомнило мне об эпохе Титу Куси. Ему объяснили, что он присутствует при очень важном событии — проводятся официальные поиски. Он снял свою шляпу, но не ту вязаную шапочку, которая была под ней, и с максимально возможной обстоятельностью ответил на наши вопросы относительно окружающей местности. Именно он рассказал о том, что Инка Тупак Амару некогда жил в Росаспате. Киспи никогда ничего не слышал о Виткосе или Старой Уилкапампе, но он сказал, что на горе, вблизи деревни Консервидайок, есть руины. Кондоре опросил и других индейцев. Некоторые из них слышали о руинах Консервидайока, но ни один из этих индейцев — и никто в деревне — не видел эти руины собственными глазами и не бывал в тех местах... Один из наших информаторов сказал, что инкский город назывался Эспириту-Пампа, или „Пампа Духа“... Никто из жителей [Новой] Вилькабамбы лично не видел руины, они сказали, что в [деревне] Пампаконас живут индейцы, которые бывали в Консервидайоке. Мы решили отправиться туда немедленно».

На следующий день Бингхем, Фут, сержант Карраско, погонщик мулов, два местных чиновника и девять животных, навьюченных провизией и снаряжением, покинули старый испанский горнорудный город, расположенный на высоте 11 750 футов над уровнем моря, и направились к деревне Пампаконас. Бингхем надеялся, что сможет там отыскать кого-нибудь, кто будет владеть большей информацией относительно местоположения Старой Вилькабамбы, прибежища последних четырех инкских императоров: Манко Инки, Сайри Тупака, Титу Куси и Тупака Амару. После того как команда Бингхема одолела проход Колпакасу, расположенный на высоте 12 500 футов над уровнем моря, она направилась дальше вниз — в близлежащую долину. Вскоре тропа превратилась в скользкую грязь, зигзагом

уходившую вниз по склону. Перед самым заходом солнца путники прибыли в деревню Пампаконас, представлявшую собой россыпь хижин, расположенных на травянистом склоне холма на высоте 10 000 футов над уровнем моря.

«Нас привели к жилищу крепкого, отлично сложенного индейца по имени Гузман; из всех жителей деревни на него можно было положиться в наибольшей степени. Он был назначен главой отряда носильщиков для нашего сопровождения в Консервидайок... У нас с ним была крайне интересная беседа... Он бывал в Консервидайоке и сам лично видел инкские руины в Эспириту-Пампе. Наконец-то мифическая „Пампа Духа“ начала обретать в нашем представлении некий аспект реальности».

Проводя бесконечные расспросы местных жителей, Бингхем наконец-то вышел на человека, который утверждал, что знает, где находятся инкские руины, до них было два-четыре дня ходьбы. Могли ли это быть руины столицы Манко, Вилькабамбы? Или все это вновь обернется погоней за несбыточным? После того как Бингхем и его люди три дня продирались сквозь густые жаркие джунгли, на высоте 4900 футов над уровнем моря они вышли к домику местного плантатора по имени Сааведра; в этом месте он расчистил участки от деревьев и кустарника, для того чтобы выращивать там бананы, сахарный тростник, кофе, сладкую картошку, табак, арахис и маниоку.

«Трудно описать, что мы почувствовали, когда Сааведра пригласил нас свободно располагаться и чувствовать себя как дома; он усадил нас за обильный стол, на котором были вареные цыплята, рис и сладкая кассава (маниока). Сааведра не только дал нам понять, что мы можем воспользоваться всем тем, что есть в его доме, он также сказал, что сделает все возможное, чтобы мы смогли увидеть руины, которые должны находиться в Эспириту-Пампе, на некотором расстоянии отсюда, на спуске в долину, но туда ведет только труднопроходимая тропа, одолеть которую могли лишь босоногие дикари, нам же она едва ли по силам, разве что мы

согласимся проползти значительную часть пути на четвереньках».

На следующий день проводник привел-таки Бингхема в крошечную деревню Эспириту-Пампа — там было лишь несколько хижин этнической группы кампа. Местные туземцы носили длинные хитонообразные одежды, доходившие им до щиколоток. У них были длинные черные волосы. Их основным занятием была охота при помощи луков и стрел. Бингхем знал, что союзниками инков были жившие в амазонских джунглях индейцы-антис. Возможно, кампа приходились им потомками. Туземцы повели отряд Бингхема сквозь густой дождевой лес; неожиданно группа остановилась: перед их взором предстала грубо отесанная каменная стена.

«После того как в течение получаса мы пробирались сквозь джунгли, мы добрались до... природной террасы на берегу маленького притока [реки] Пампаконас. Они называли ее Эромбони [Пампа]. Тут мы нашли несколько искусственных террас и грубое по форме основание длинного прямоугольного здания размером 192 фута на 24 фута... Вблизи находился типичный инкский фонтан с тремя каменными трубами... За очень густой растительной завесой мы увидели руины нескольких инкских каменных домов; надо сказать, что состояние стен до сих пор было хорошее... Стены были сделаны из грубого камня с применением самана. Как и у некоторых зданий в Оллантайтамбо, притолоки дверей здесь были выложены из трех-четырёх узких неотесанных камней... Ниже по склону находился частично огороженный фонтан или, возможно, купальня, с подведённой к ней каменной трубой. Формы домов, их взаимное расположение, ниши, косяки, каменные колышки, которыми закреплялись крыши, — все это указывало на то, что строителями были инки. В зданиях нам удалось обнаружить несколько фрагментов инкской керамики».

Хотя внешний вид зданий давал основание заключить, что они были выстроены инками, тем не менее нельзя было не отметить, что

по своему стилю здания были достаточно грубыми. Большинство стен было выложено из неотесанных камней, скрепленных очень примитивным раствором, все это было очень далеко от стройных классических инкских зданий, которые Бингхем видел в Мачу-Пикчу и в Куско. Над развалинами высились огромные фиговые деревья, их разросшиеся корни пробились даже сквозь некоторые полуразрушенные стены.

По мере того как кампа расчищали растительность, открывая для обозрения все новые каменные стены, Бингхем не переставал спрашивать себя: неужели эта труднодоступная группа зданий, выстроенных очень грубо, может быть той самой Старой Вилькабамбой, что описана в хрониках?

«[Инкские] жрецы и девы Солнца... бежавшие из холодного Куско вместе с Манко... едва ли захотели бы жить в жаркой долине Эспириту-Пампа. Разница в климатических условиях между этими местами столь же велика, как между Шотландией и Египтом. Они [инки] не смогли бы найти в Эспириту-Пампе той еды, к которой привыкли. Они могли бы найти искомые уединение и безопасность в ряде других мест провинции, в особенности в Мачу-Пикчу с его холодным, освежающим климатом и произрастающими там плодами, которые соотносимы с теми, к которым инки были привычны. Наконец, Каланча говорит, что „Старая Вилькабамба“ была „крупнейшим городом“ в провинции, — это определение в значительно большей степени приложимо к Мачу-Пикчу... чем к Эспириту-Пампе».

В течение двух дней расчищая это место, Бингхем и его люди смогли обнаружить только несколько десятков строений. Но джунгли были такими густыми, что трудно было определить, имеются ли в округе еще постройки. Но даже если бы они здесь и были, Бингхему трудно было представить себе, чтобы столь грубо выстроенные здания могли некогда составлять столичный инкский город и служить резиденцией для нескольких инкских императоров. Кроме того, с описанием в хрониках не соотносился тот факт, что команде Бингхема потребовалось пять дней, чтобы добраться из Пукиуры до Эспириту-

Пампы, тогда как Каланча указывал, что путь из Пукиуры до Вилькабамбы занимал два дня.

С другой стороны, Бингхем обнаружил на земле вблизи развалин испанскую кровельную черепицу, достаточную грубую по внешнему виду.

«За одним-единственным исключением все найденные фрагменты керамики и архитектуры были, безусловно, инкского происхождения. Это исключение составляли двенадцать — пятнадцать испанских кровельных черепиц, которые были достаточно грубо сработаны и имели разные размеры. Ввиду малого их числа... я решил, что они, вероятно, были произведены в Перу в экспериментальном порядке относительно недавно, либо же это дело рук первых испанских миссионеров, которые могли посетить это место несколько веков назад. Индейцы не могли предложить никакого объяснения касательно этой загадки. Было очевидно, что ни один из домов не имел черепичной крыши, поскольку найденного числа фрагментов достаточно было только для того, чтобы покрыть несколько квадратных футов. Также обращал на себя внимание тот факт, что все фрагменты были найдены вне зданий».

До того как инки встретились с испанцами, у их зданий были высокие островерхие крыши, покрытые соломой. Инки не использовали глиняной черепицы — это новшество пришло из Испании позднее. Но когда испанцы оккупировали Куско и другие инкские города, постепенно традиционные инкские крыши, крытые соломой, начали вытесняться черепичными кровлями, которые были для испанцев предпочтительнее, поскольку лучше защищали от дождя. «Возможно, инкский правитель, видевший новые красные черепичные кровли в Куско, попытался начать производить их здесь, в джунглях, но безуспешно», — записал Бингхем, не считая факт присутствия черепицы особо значимым.

Используя переводчиков для опроса местных индейцев кампа, Бингхем спрашивал их, какое название они употребляли для обозначения этого места. Индейцы приводили два названия: первое на

испанском, означавшее «Равнина Духа», а второе на языке кечуа, означавшее «Священная Равнина». Бингхем записал оба эти названия. «Эспириту-Пампа, или Вилькабамба, — это название всего места», — написал он в своем дневнике. Но, несмотря на использование индейцами кампа инкского названия «Вилькабамба», Бингхем все еще испытывал неуверенность относительно идентичности найденных руин; они требовали дальнейшего изучения.

После того как Бингхем провел два дня в Эспириту-Пампе, у него начали истощаться запасы провизии. Поэтому он со своей командой повернул назад, в направлении высокогорья. По завершении экспедиции группа вернулась в Соединенные Штаты. Хотя Бингхем возглавил еще две экспедиции в Перу (в 1912 г. и в 1914–1915 гг., когда им были обнаружены и другие руины, относящиеся к Мачу-Пикчу), ему так никогда больше и не удалось сделать столь же важных открытий, как те, что были им сделаны в тот короткий, но исключительно плодотворный период с июля по август 1911 г. В апреле 1913 г. журнал «Нэшнл джиогрэфик» посвятил целый номер открытому Бингхемом Мачу-Пикчу — так затерянный инкский город был официально представлен миру. Очень фотогеничные руины, часто скрывающиеся в облаках, вскоре стали самой известной достопримечательностью Южной Америки, ее знаковым образом во всем мире. Бингхему они принесли большую известность. Но он продолжал поиски исторического объяснения этим руинам. Он был удивлен, что ему не удастся найти Мачу-Пикчу и Уайна-Пикчу в испанских хрониках.

Бингхем удивлялся: как могут столь зрелищные руины не иметь столь же зрелищной истории? Конечно, он не был ни специалистом по истории инков, ни археологом, ни антропологом. Но по мере того как росла известность Мачу-Пикчу, возрастало также и оказываемое на Бингхема давление общественных ожиданий: от него требовалась разработка теории, обосновывающей значимость руин. В какой-то степени именно реагированием на это давление следует объяснить выдвижение Бингхемом ряда теорий, столь же ярких, как и руины Мачу-Пикчу.

Бингхем заявил, что Мачу-Пикчу отнюдь не было изолированной малоизвестной цитаделью, расположенной на окраине Инкской империи, — напротив, это был ее изначальный центр. Бингхем смело

заклучил, что Мачу-Пикчу было для Инкской империи тем же, чем Париж был для Франции, а Рим для Италии. Основывая свою теорию на крайне шатком свидетельстве, Бингхем предположил, что город, который он открыл, был первым городом, в котором обитали инки; таким образом, по мысли Бингхема, Мачу-Пикчу представляло собой колыбель всей инкской цивилизации. Затем, основываясь на ошибочных, как потом выяснилось, результатах анализа костей, извлеченных из многочисленных захоронений в том месте, Бингхем выстроил теорию о том, что Мачу-Пикчу населяли исключительно «девы Солнца». Бингхем утверждал, что после провалившейся осады Манко Инкой Куско Манко ушел к руинам Мачу-Пикчу — месту, которое, как он считал, и было Вилькабамбой. Но, по словам Бингхема, даже после того, как Тупак Амару был казнен, история инкской истории не была завершена. Бингхем заявлял, что по иронии судьбы именно та цитадель, что дала рождение Инкской империи, в итоге стала свидетелем ее конца.

«В свой завершающий период оно [Мачу-Пикчу] превратилось в прибежище для дев Солнца, жриц самого гуманного культа туземной Америки. Здесь укрытые в поразительном по своей красоте каньоне, защищенные искусством своих рук и природой, эти посвятившие себя священному культу женщины постепенно умирали, не оставляя по себе ни потомков, ни каких-либо свидетельств, за исключением каменных стен и тех артефактов, о которых будет написано в следующей книге. Кем бы на самом деле ни были жители этого места, и какое бы название ему ни дали будущие историки, в одном я могу быть уверен — в том, что мало есть романтических историй, которые смогли бы затмить собой историю гранитной цитадели Мачу-Пикчу, короны инкской земли».

Это была определенно романтическая история, и Бингхем оставался ей привержен до момента своей смерти в 1956 г., когда ему исполнился восемьдесят один год. В своей последней книге, написанной на эту тему и называвшейся «Затерянный город инков», семидесятитрехлетний Бингхем вновь со всей уверенностью заявил,

что Мачу-Пикчу действительно было «„Затерянным городом инков“, излюбленной резиденцией последних императоров, местом сосредоточения множества храмов и дворцов, выстроенных из белого гранита в самой недоступной части большого каньона Урубамбы; это было важнейшее святилище, куда допускались только аристократы, жрецы и девы Солнца. Некогда это место называлось Вилькапампой, а сегодня известно под именованием Мачу-Пикчу».

И столь высок был статус Бингхема в мире археологии, что немногие осмелились поставить под вопрос сделанную им интерпретацию своего собственного открытия, по крайней мере в период его жизни. Лишь через год после смерти Бингхема, в 1957 г., в Перу прибыл еще один американский исследователь, который быстро заподозрил, что великий Хирам Бингхем понял все совершенно неправильно.

17. ЗАНОВО ОБНАРУЖЕННАЯ ВИЛЬКАБАМБА

«„Не думай, что ты можешь просто слепо вторгнуться в джунгли и что-то найти, — продолжал [Савой]. — Так у тебя не получится. Прислушивайся к campesinos.^[53] Они знают, где что есть. Прислушивайся к их советам и ищи старые дороги. Следуй по ним. Они все куда-то приводят... Но лишь один момент: никому не доверяй“... Это был лучший совет (уложившийся в 30 секунд), который он мог дать нам».

Винсент Ли, излагающий свой диалог с Джинном Савоем, «Забытая Вилькабамба», 2000

«Когда настала ночь, Земля начала трястись туда-сюда, словно желая соединиться со Светом. И звезды хлынули с неба великим ливнем. И ангел явился Человеку [Джину Савою] в его снах, говоря, что ему следует ждать знака Божьего, креста, посредством которого свет был излит в мир, у гроба Младенца [Джамиля] в течение двух дней».

Джин Савой, исследователь джунглей и посланник Бога, «Джамиль: Младенец Христос», 1976

Через пятьдесят шесть лет после того, как Бингхем обнаружил Мачу-Пикчу, двадцатидевятилетний американец Джин Савой прибыл в Перу, намереваясь, как и Бингхем, отыскать затерянные руины. Савой незадолго до этого потерял свой дом, бизнес, деньги и жену. Достигнув самого нижнего предела, он прибыл в Перу, чтобы заново открыть себя в качестве исследователя.

Каким бы маловероятным ни казалось подобное решение в том или ином случае, суть дела была такова, что если ты хотел стать исследователем в 1957 г., Перу для этого было одной из самых лучших площадок. Последняя книга Хирама Бингхема об открытии им Мачу-Пикчу была издана за девять лет до этого и сразу же стала бестселлером. Благодаря ей и ряду других публикаций руины Мачу-Пикчу известны ныне во всем мире. Сам Бингхем вернулся в Перу в 1948 г. для того, чтобы принять участие в открытии мощеной дороги, которая позволяла все возрастающему потоку туристов прибывать в Мачу-Пикчу на автобусе.

Между тем в 1947 г. норвежский исследователь Тур Хейердал отправился на примитивном плоту, называвшемся «Кон-Тики», от Перу в сторону Маркизских островов, расположенных в южной части Тихого океана. Хейердал надеялся представить свидетельства того, что древняя перуанская цивилизация могла входить в контакт с островами Южного полушария. Описывающая это путешествие книга Хейердала «Кон-Тики» сразу же стала бестселлером и была издана на шестидесяти языках. Кроме того, документальный фильм, который Хейердал сделал об этом путешествии, завоевал премию «Оскар» в 1952 г. и был показан в кинотеатрах по всему миру. Три года спустя, в 1955 г., американский писатель и путешественник Виктор фон Хаген издал книгу «Путь солнца», описывающую исследование им древних инкских дорог общей длиной в 25 000 миль, по ходу которого он обнаружил множество руин. Два года спустя, когда Джин Савоя начал свое путешествие из Лимы, для него было очевидно одно: мировая публика уже разогрета и ожидает новых сенсационных открытий в Перу. Савою просто нужно было сделать их.

В отличие от Хирама Бингхема у Савоя не было высшего образования, он оставил Орегонский университет на втором курсе. Но в судьбах Савоя и Бингхема было и явное сходство — в молодости оба они испытали духовный кризис: они мучительно размышляли над тем, следует ли им оставить плотские радости этого мира и вместо этого посвятить свою жизнь Богу. Может быть, в случае с Бингхемом все это было не так уж удивительно: ведь он был сыном и внуком протестантских миссионеров. Еще будучи студентом в Йельском университете, он размышлял над тем, не стать ли ему миссионером. «Я склонялся к тому, чтобы вновь посвятить себя служению Богу, —

писал юный Бингхем отцу. — Моя цель — спасти души для Христа... Отец, молись за меня, чтобы сила Святого Духа удерживала меня от любой несправедности. Я так хочу исполнять Его волю». Однако через шесть месяцев после получения степени бакалавра Бингхем повстречал свою будущую жену. Вскоре после этого он переключился со стремления спасти человеческие души на более мирские цели: погоню за славой, статусом и деньгами, и одним из средств этого стало изучение руин в Перу.

Как и Бингхем, Савой испытывал в своей душе религиозные устремления. Еще в школьные годы у него развилось сильное желание стать католическим священником. Учась в колледже, в докладе по христианской религии Савой очень нестандартным образом сравнил христианство с другими вероучениями. По крайней мере один из преподавателей назвал идеи Савоя «еретическими». Один священник, друживший с Савоем, предложил ему на некоторое время уйти из университета. Савой ушел, но так больше и не вернулся в университет.

На протяжении значительной части следующего десятилетия он работал журналистом и редактором в ряде маленьких газет, много при этом путешествуя по северо-западной части Тихоокеанского региона. Оттачивая свои писательские навыки, Савой начал все больше интересоваться североамериканскими культурами и местной археологией. Савой позднее писал:

«Я был членом Орегонского археологического общества и часто принимал участие в раскопках, проводившихся в выходные дни, и мы испытывали огромную радость, когда после тяжелого трудового дня нам удавалось найти фрагменты костей или наконечники стрел. Но потом я устал от раскопок и занялся археологической фотографией, поскольку она давала мне свободу передвижения по округе, что более соответствовало моей натуре».

Когда в 1957 г. брак его рухнул, а финансы истаяли, Савой вновь оказался вынужден пересмотреть направление своей жизненной деятельности.

«Мне было уже почти тридцать лет, и я был охвачен жаждой деятельности, продолжение обучения в колледже представлялось мне пресным в свете того, чем я действительно хотел заниматься. „Почему не осуществить резкий поворот в своей судьбе и не отправиться в Мексику или Южную Америку, занявшись поиском затерянных городов — тем, что ты всегда хотел делать?“ — спросил я себя. Как журналист и фотограф я мог бы писать и иллюстрировать статьи на внештатной основе, беря для себя ту работу, которая позволяла бы лучше изучить археологию и антропологию. Чем больше я думал об этом, тем более интригующей казалась мне эта идея. Наконец я решил ехать».

Савой в результате оказался в Лиме, где вскоре подыскал себе работу фрилансера в англоязычной газете «Перувиан таймс». Затем Савой основал там клуб, ставший называться «Организация исследователей Анд». Савой занял там должности президента и главного исследователя. Вскоре после этого Савой повстречал, а позднее взял в жены Эльвиру «Долли» Кларк Кабаду, женщину из влиятельной и богатой перуанской семьи. В 1960 г. супружеская пара и их новорожденный сын Джамиль обосновались в маленьком городе Юнгае, расположенном в центральном Перу, у подножия горного массива Кордильера Бланка («Белые Горы») — очень живописного отрезка Анд. Савой выбрал для жительства Юнгай, поскольку он находился вблизи центра древней цивилизации Чавин, которая процветала около 3000 лет назад, что вызывало в нем большой интерес. За несколько десятилетий до этого перуанский археолог Хулио С. Тельо разработал весьма неортодоксальную теорию о том, что цивилизация Чавин могла изначально возникнуть не в Андах, как это постулирует традиционная теория, а к востоку от Анд, в джунглях верховья Амазонки. Это был род альтернативной мысли, которая приводила в восторг Савоя. Теория Тельо могла оказать влияние на всю карьеру Савоя.

Но 10 января 1962 г. судьба нанесла Савою второй удар, который привел и к кризису в его жизни, и к резкому крену в его мыслях. На открытом склоне близлежащей горы Уаскаран, пик которой является

самым высоким в Перу (22 205 футов), неожиданно произошел массовый сход ледника, который стер с лица земли находящую вблизи Юнгая деревню Ранраирка. Погибло более 4000 человек. Когда среди выживших распространилась эпидемия, сын Савоя — трехлетний Джамиль — заболел и умер.

Конечно, большинство родителей охватывает глубокая печаль в случае потери ими ребенка. Но в случае Савоя трагедия спровоцировала фундаментальное изменение в его мировоззрении. Несмотря на то что его карьера в колледже не задалась, Савой не потерял интереса к теологии. Вскоре после того, как он обосновался в Перу, он основал Андскую тайноведческую группу — род церкви «Нью Эйдж», задолго до того, как появилась такая терминология. И Савой стал служителем этой церкви. Теперь же, будучи глубоко потрясенным скоропостижной смертью своего сына, он начал проповедовать своей религиозной группе, что его сын Джамиль на самом деле являлся вторым Христом и что сам он — Джин Савой, никогда не знавший своего отца, — был отцом нового Мессии.

В изданной им в 1976 г. книге «Джамиль: Младенец Христос» Савой сообщил миру о том, что уже вскоре после своего рождения младенец дал ему знать — очевидно, какими-то невербальными средствами — о том, что он, Джамиль, был новым Мессией. Крошечный младенец также сообщил Савою о том, что он, Джамиль, не проживет долго на этом свете, но что Савой, его отец, был избран Богом стать Божьим вестником. Савой написал, что перед самой своей смертью Джамиль сообщил ему огромное количество детальной информации о духовной истории человечества, информации, которую Савой позднее должным образом записал — так, что получилось семь книг, названных «Пророчества». 'Христос почитался еретиком среди евреев, однако был признан Мессией своими последователями; соответствующим образом и Савой полагал, что он не еретик, а Божий посланник. Годы религиозных штудий, по-видимому, вылились во внезапный сильный импульс мистической экзальтации; так, в возрасте тридцати четырех лет исследователь Джин Савой вступил в прямое общение с Богом.

Сознательно или бессознательно, Савой воспроизводил то, что делали до него создатели сотен религий. В конце концов, Савой основательно изучал предмет религиоведения, его всегда интересовало

сопоставление разных вероучений. Бог Ветхого Завета «открыл» себя Моисею в виде горящего куста. Мухаммед сообщил своим последователям о том, что его новая религия, ислам, была «открыта» ему через ангела. Джозеф Смит, двадцатидвухлетний основатель мормонства, также известил мир о том, что в 1827 г. он переписал содержание Книги Мормона с золотых дощечек, находившихся вблизи Пальмиры, штат Нью-Йорк, куда его привел ангел. Таким образом, Джину Савою было хорошо известно о том, что религии обычно зарождаются как культы, создающиеся вокруг харизматического лидера, который обычно предлагает своим последователям новый путь для достижения более высокой степени духовности. Все крупные мировые религии начинали как культы, а потом постепенно превращались в большие секты. По мере того как собиралось все больше членов секты, а новая теология претерпевала формализацию, секта постепенно росла, пока в итоге не становилась церковью. Заявление Савоя о том, что Бог общался с ним посредством его, Джина, умершего младенца и теперь избрал Джина в качестве своего посланника, было, по мнению Савоя, по крайней мере столь же обоснованным, как и притязания старых религий. Савой явно собирался создать новую ветвь христианства, представив своего скончавшегося сына в качестве Мессии новой церкви, а самого себя в качестве религиозного лидера, имевшего прямую связь с Богом.

Разрабатывая свои духовные идеи, Савой вместе с тем продолжал свои секулярные изыскания — изучение древних культур Перу. Неудивительно, что Савой хотел как можно больше узнать о самых знаменитых руинах Перу — Мачу-Пикчу. Он стал внимательно читать книгу Бингхема, где тот описывал свое путешествие в 1911 г. Савой быстро понял, что утверждение Бингхема относительно того, что Мачу-Пикчу и является затерянным городом Вилькабамбой, не имеет под собой серьезной доказательной базы. Взяв в руки последнюю популярную книгу Бингхема на данную тему — «Затерянный город инков», он был поражен тем фактом, что Бингхем признал, что первоначально затруднялся с определением идентичности двух обнаруженных им участков руин: одного во влажном горном лесу в Мачу-Пикчу на высоте 8000 футов над уровнем моря, а другого в джунглях Эспириту-Пампы на высоте 4900 футов над уровнем моря. «Была ли эта „Старая Вилькабамба“ священника Каланчи, — писал

Бингхем о руинах Эспириту-Пампы, — тем самым „центром колдовских наук, со множеством обитавших там колдунов и знахарей, больших специалистов во всякого рода мерзостях“ — местом, где монахи Маркос [Гарсия] и Диего [Ортис] претерпели такие страдания?»

Или этим местом было Мачу-Пикчу? Савой был удивлен довольно неуклюжим компромиссом, на который пошел Бингхем, утверждавший, что было две Вилькабамбы: руины в Эспириту-Пампе и руины в Мачу-Пикчу. И хотя Бингхем заявлял, что некоторые из последних инкских императоров могли временно проживать в Эспириту-Пампе, он тем не менее настаивал на том, что именно Мачу-Пикчу была «Старой Вилькабамбой», или «главным городом», куда стремились попасть два монаха и где заняли последнюю линию обороны Тупак Амару и его солдаты. Бингхем в своей последней книге, посвященной данной теме, писал:

«Руины того, что мы сейчас считаем городом Старая Вилькапампа, которые расположены на вершине горного хребта, лежащего несколько ниже пика Мачу-Пикчу, называются руинами Мачу-Пикчу, поскольку на тот момент, когда мы обнаружили их, никто не знал другого их названия. И это название было утверждено, и оно будет продолжать использоваться, при том что никто сейчас не оспаривает тот тезис, что это было местоположение древней Вилькапампы».

Несмотря на уверенные заявления Бингхема, некоторые ученые подозревали, что он может заблуждаться. В своей книге «Путь солнца» Виктор фон Хаген среди прочего уделяет внимание подробному рассмотрению хроники XVI в., где описывается путешествие испанского эмиссара, монаха Габриеля де Овьедо, в Вилькабамбу в 1571 г. Фон Хаген обратил внимание на то, что монах пересек реку Урубамбу в месте, которое находилось ниже по течению реки, чем Мачу-Пикчу, после чего он отправился вверх в долину Вилькабамба, откуда двинулся к «реке Пампаконас, где у него произошла встреча с инкским императором». Фон Хаген заключает:

«Это могло означать только одно. Мачу-Пикчу не являлось той крепостью Вилькабамбой, где тысячи индейских воинов спасались от испанцев и организовали там для себя новую империю... Мы полагаем, что именно в указанном нами месте и следует искать Вилькабамбу, последнюю столицу инков».

Возможно, вдохновясь работой фон Хагена, Савой вскоре занялся исследованием источников по Вилькабамбе — испанских хроник. Как и Бингхем, Савой был удивлен тем фактом, что ему не удастся обнаружить в хрониках никаких упоминаний мест, именующихся Мачу-Пикчу или Уайна-Пикчу. Чем более Савой читал, тем более скептически воспринимал он утверждение Бингхема касательно того, что Мачу-Пикчу и было Вилькабамбой Манко. Савой позднее писал:

«Хирам Бингхем, профессор Йельского университета, начал искать „Затерянный город инков“ и случайно натолкнулся на местечко Мачу-Пикчу, лежащее к северо-западу от Куско. Он решил, что эта горная цитадель и была... Вилькабамбой Манко... [Однако] испанские хроники указывали на то, что главный город находился в области, лежащей между [реками] Апуримак и Урубамба, в глубине жарких и влажных джунглей, на расстоянии 40–60 лье (6–8 дней пешего хода) к северо-западу от Куско. Основываясь на этих сведениях и на информации из других надежных источников, я решил, что мне имеет смысл попытаться найти пропавший город в этих местах... Если монахи и солдаты указывали местоположение города Вилькабамбы в этой долине, то именно там и следовало искать его... [И хотя] Бингхем... не... верил в то, что инки могли выбрать себе в качестве последнего прибежища жаркие тропические джунгли, я решил довериться испанцам и заняться поисками затерянного города, следуя по этой тропе».

Возможно, в Эспириту-Пампе есть и другие руины, помимо тех, что нашел Бингхем, рассуждал Савой. Бингхем, может быть, нашел только часть того, что могло быть спрятано в густых джунглях.

Помимо этого, в отличие от Бингхема, который был твердо уверен в том, что долина Амазонки — малоблагоприятное место для высокогорных инков, Савой считал, что она могла быть колыбелью некоторых высокогорных культур. В любом случае имелся только один выход в данной ситуации: если Мачу-Пикчу не являлась Вилькабамбой, то где-то в этой области должен быть город, больший по размерам, чем Мачу-Пикчу.

Так, утром 2 июля 1964 г. тридцатилетний Джин Савой, его двадцатитрехлетний ассистент Дуглас Шарон и археолог-любитель из Куско Антонио Сантандер сели на поезд в Куско и направились в Уадкинью, деревню, расположенную в 5 милях от Мачу-Пикчу.^[54] Савой писал:

«План поисков Вилькабамбы был достаточно простым. Направляйся по инкским дорогам и используй информацию, приводимую в источниках, в частности в книгах Бингхема и других исследователей, исходивших эту область в последние семьдесят лет. Результаты проделанных исследований указывали на место, именуемое Эспириту-Пампа, „Равнина Духа“. Я воткнул красный флажок на карте Организации [исследователей Анд] — в то место, которое соответствовало отдаленному региону, находящемуся в ста морских милях^[55] к северо-западу от Куско».

В Уадкинье Савой и его компаньоны побросали свои вещи в грузовик, на нем они переправились через реку Урубамбу и затем поехали в направлении долины реки Вилькабамбы. Через двадцать пять минут дорога кончилась; далее Савою — как и ранее Бингхему — оставалось надеяться только на свои ноги и на мула.

В течение следующей недели Савой шел по следам Бингхема: он посещал связанные с инками географические пункты, которые были упомянуты у Бингхема, и осматривал там руины. Савой сначала посетил деревню, именуемую «Пукьюра», которая, как он предположил, была той самой Пукиурой, упомянутой в хрониках, где находилась церковь монаха Гарсии, и где неожиданно скончался император Титу Куси. Затем Савой посетил Росаспату, которая, по его мысли, должна была являть собой месторасположение Виткоса, города, где был убит Манко Инка. Затем Савой посетил расположенное неподалеку святилище Чукипальта (известное также под названием «Нюста Испана»), которое открыл друг Бингхема Гарри Фут, — та

самая гигантская «белая скала», вырвавшаяся над источником. Савой заключил, что все эти места по видимости соотносились с теми, что описывали испанские летописцы.

Пять дней спустя, следуя маршрутом Бингхема, группа Савоя прибыла в Эспириту-Пампу. Когда Бингхем прибыл туда в 1911 г., плантатор Сааведра повел его к развалинам. Сейчас, по прошествии пяти десятилетий, на этом месте находилась ферма семейства Кобос. Савой писал:

«Наши мулы медленно двигались по широкой каменной дороге инков, которая уступами спускалась по горному склону в долину. Густо заросшая дорога лишь местами была расчищена. Вторая наша дорога спускалась с возвышенности. Через четверть часа мы остановились перед домом семейства Кобос. Он был выложен из камней, сцементированных грязью и покрытых сахарным тростником: пахи [соломы] в долине не было. Два члена семейства, Бенджамин и Флавио, старшие сыновья Хулио Кобоса, вышли на дорогу, чтобы поприветствовать нас. Глядя на их лица, я понял, что они отслеживали наше продвижение с того самого момента, как только мы появились в этой местности. Нас пригласили войти в хижину. Там нас угостили кофе, выращенном на чакре^[56] и только что помолотом на больших камнях. Я спросил об инкской дороге, по которой мы следовали. Бенджамин Кобос сказал мне, что она исчезает в большом лесу, за кофейными плантациями. Я справился, не знает ли он чего-то о местоположении руин Эромбони. Он сказал, что ему с отцом показали эти руины в 1958 г. [индейцы] Мачигенга, которые покинули Эспириту-Пампу несколько лет назад и разбили новый лагерь дальше вниз по реке. Мой следующий вопрос пробудил блеск в его черных пронизывающих глазах. „Вы проводите меня к этим руинам?“ Он некоторое время раздумывает над вопросом, бросая взгляд на своего младшего брата. „Вуено“^[57], — отвечает он».

В тот же самый день Савой с помощью семейства Кобос определил местоположение руин, которые Бингхем представил миру за полстолетия до этого. В то время как Бингхем обследовал это место на протяжении нескольких дней, Савой намерен был пробыть здесь по меньшей мере несколько недель. Он нанял большое число рабочих, чтобы они помогли ему расчистить джунгли. Вскоре взору постепенно начали открываться древние здания и храмовые постройки, которые Бингхему обнаружить не удалось.

«Древняя инкская дорога, по которой мы следовали, заканчивается. Вместо того чтобы поворачивать назад, мы решаем продолжать двигаться в том же направлении, надеясь, что дорога вновь обнаружится дальше. Я дал указание людям в моей группе рассредоточиться по местности. Через полчаса мы обнаружили две группы зданий. Качество каменной постройки здесь лучше, чем в тех местах, что мы видели раньше. Видно, что вырезанные из белого известняка блоки когда-то были плотно пригнаны друг к другу; многие из них сейчас искрошены в результате воздействия ползучих растений, проросших между камней и сделавших свою разрушительную работу, разъединив их. Перед храмовой постройкой стоит прямоугольное строение с двумя дверными проемами. Мы обнаруживаем высокую защитную каменную стену — в ней имеются комнаты с нишами. Во времена инков это строение должно было смотреться очень впечатляюще. Большой валун лежит за одной из стен. Очень впечатляющий по виду золотистый фикус с его раскидистой кроной в сотне футов над нашими головами сдавливает одну из стен своими переплетенными корнями.^[58] Некоторые из камней оказались смещены со своих мест под напором растения. Ползучие стебли ротанга^[59] свисают с его высоких ветвей, образуя непроницаемую завесу, через которую нам предстоит продираться».

Проведя неделю за обследованием руин, Савой постепенно начал осознавать, что открывавшиеся перед ним развалины — это нечто

большее, чем несколько десятков рассыпанных по окрестности зданий, которые Бингхем обнаружил в 1911 г.; это явно были остатки внушительного города. Савой позднее писал:

«Бингхем достиг окраины этого древнего инкского города. В этом нет никаких сомнений. Дело в том, что, обнаружив некоторую часть руин, он не стал продолжать поиски, поэтому и недооценил значимость этого места. Это служит объяснением того, почему он ошибочно принял Мачу-Пикчу за „Затерянный город“ Вилькабамбу. Все, что ему удалось обнаружить на пампе Эромбони, это компактный кластер инкских домов, испанский дворец, дорогу, которая вела в город, небольшую сторожевую башню, пятнадцать — двадцать круглых зданий на краю леса, мост, фонтан и следы террас вблизи большого строения с двадцатью четырьмя дверными проемами. Наши же находки ясно показали, что это место намного обширнее».

Как и Бингхем, Савой обнаружил кровельную черепицу на полу некоторых разрушенных зданий. Но в отличие от своего предшественника он сразу же оценил их значимость.

«Кто использовал эту черепицу? Неизвестная в древнем Перу, она была введена в обиход испанцами вскоре после завоевания ими империи; инки предпочитали солому, „ичу“. Потом я вспомнил, что Манко захватил в плен несколько испанских солдат. Они и монахи-августинцы во времена правления Титу Куси могли задействовать этот кровельный материал. Инки должны были хорошо освоить производство такой черепицы, ведь на протяжении столетий до этого они использовали глину. Вице-король приказал покрыть черепицей кровли зданий в Куско в 1560 г. — это было предохранительным средством против пожара (Манко Инка предал огню древнюю столицу в 1536 г.). Наши находки ясно показывают, что инки Вилькабамбы освоили искусство производства кровельной черепицы, применяют они ее при строительстве и сейчас... Если [Бингхем] недооценил эти

находки, сочтя их малозначительными, я сразу же оценил суть дела. Для меня эти находки явились ключевыми».

После нескольких недель по расчистке этого участка группа Савоя выяснила, что на этом месте находятся сотни инкских зданий; поселение, как оказалось, протянулось более чем на пятьсот акров. Центр обнаруженного города располагался в 700 ярдах к северо-востоку от тех зданий, которые были обнаружены Бингхемом, — перед исследователями открылся целый метрополис в джунглях, о существовании которого Бингхем даже не подозревал.

«Я впервые осознаю, что мы на самом деле нашли. Мы находимся в самом сердце древнего инкского города. Есть ли это та самая Вилькабамба — затерянный город инков? Я уверен, что да. Я чувствую источаемый руинами „запах истории“. На протяжении четырехсот лет они относились к сфере легенды. Некоторые даже сомневались в их существовании. Но я всегда знал, что где-то они дожидаются часа, когда будут открыты. Для меня это самые значимые исторические остатки в Перу. Значимые, поскольку Манко был славным героем, не позволившим Перу утратить свое достоинство, когда все остальное было потеряно. Значимые, поскольку так много известных людей искало их. Некоторые ожидали обнаружить гигантские стены, покрытые листами золота, или изящно вытесанные каменные строения в классическом стиле Куско. Старая Вилькабамба не имела со всем этим ничего общего. Она была старая и побитая временем. Стены ее зданий были разрушены и в настоящее время покрыты густой, местами гниющей растительностью. Она была подвергнута сожжению инками, которые построили ее, она была разграблена испанцами, искавшими золото. То, что осталось от города, за четыре столетия совершенно заросло дикими джунглями. Но Вилькабамба не потеряла своего достоинства. Ясно было видно, что некогда это был огромный метрополис, каменный колосс в джунглях... Город воплощал в себе все то, что отстаивали инки. Это был памятник их трудовым усилиям,

производству, их борьбе с природой, отстаиванию ими своей свободы. Эта была бессмертная Вилькабамба — легендарный город, представленный в тысяче исторических книг. Если бы мне не удалось более обнаружить никаких других городов, это не имело бы никакого значения. Благодаря моим усилиям легенда вернулась в историю».

Савой понимал, что Бингхем допустил ошибку, потратив слишком мало времени на обследование района. Он обнаружил только несколько рассыпанных по местности кластеров зданий, так никогда и не поняв того, что находится на границе огромного, почти невидимого города, растянувшегося еще на много миль, города, который по своим размерам был намного больше той цитадели, которую он обнаружил за три недели до этого в Мачу-Пикчу. Поскольку хроники ясно говорили о том, что Вилькабамба была самым большим городом провинции, а в Вилькабамбе Бингхем обнаружил совсем немного зданий, он решил, что Мачу-Пикчу имеет гораздо больше оснований претендовать на звание затерянного города Манко Вилькабамбы.

Джин Савой осуществил в 1964 и 1965 гг. три экспедиции в место, которое он стал называть Старой Вилькабамбой; там он расчистил, обследовал и картографировал руины и прилегающую местность. Удовлетворенный тем фактом, что ему удалось точно идентифицировать инкскую столицу, которую в свое время пытался разыскать Хирам Бингхем, Савой дальнейшие свои усилия потратил на поиск руин в лесах северо-восточного Перу. Там он обнаружил ряд древних городов, принадлежавших к цивилизации Чачапояя, которая процветала в этом регионе за пятьсот лет до завоевания индейцев Чачапояя инками. Позднее, в 1969 г., — очевидно, под влиянием путешествия, осуществленного Туром Хейердалом на «Кон-Тики», — Савой организовал строительство тростникового плота, который он назвал «Крылатый Змей», и проплыл на нем две тысячи миль от Перу до Панамы. Он проделал это путешествие в надежде представить свидетельства в пользу одной из его излюбленных теорий, согласно которой древние культуры в Перу, Центральной Америке и Мексике некогда контактировали друг с другом посредством морского пути.

В 1970 г., после тринадцатилетнего изучения перуанских руин, у Савоя начался непростой период в семейной жизни: он развелся со

своей женой, женился на перуанке и покинул Перу в достаточно смятенном состоянии духа. Вновь обосновавшись в Рино, в штате Невада, он реактивировал деятельность своего исследовательского клуба, получившего теперь название «Организация исследователей Анд и Клуб океанических путешествий». Также Савой основал новую церковь и назвал ее «Международная община Христа, Церковь второго пришествия»; эта организация была освобождена от налогов. Савой сохранил за собой должности президента и главного исследователя клуба. В своей церкви Савой принял на себя сан архиепископа. Проведя много лет за исследованием перуанских джунглей, он теперь всецело обратился к духовным делам — написал книгу «Джамиль: Младенец-Христос» и серию в семи томах, названную «Пророчества Джамилы».

По ходу разработок новых доктрин своей церкви Савой в числе прочих идей начал проповедовать своим последователям ту идею, что человек может обрести бессмертие путем прямого созерцания солнца — через вбирание в себя Бога в виде непосредственной энергии в ее самой беспримесной форме. Подобно инкам и другим агрокультурным цивилизациям, почитавшим солнце, Савой также считал светило божественной сущностью. Он писал в своей книге «Проект X»:

«Не может быть никаких сомнений в том, что солнце вбирает в себя человеческие мысли и отвечает на них. Солнце не может быть всего лишь раскаленным шаром, заполненным термоядерной энергией, — по сути, это центр мирового сознания. Человек тесным образом связан с солнцем посредством своей сенсорной структуры, которую секулярная наука еще не распознает... По ходу того как человек будет учиться поглощать солнечное излучение и получать космическую информацию, он автоматически начнет становиться частью целого. Он выйдет за границы своей физической сущности и получит доступ к хранилищу космической информации, которая намного превосходит ту, что может быть получена на этой планете. Совокупное влияние всей той информации, что заключена в солнечной энергии, даст новой человеческой расе — футуристическому человеку — доступ к информации, заключенной в звездах.

Посредством этого знания смерть будет преодолена, поскольку человек не будет более привязан к земле и даже к своей индивидуалистической форме существования, в том смысле, как мы понимаем индивидуализм».

Савой сообщал своим последователям, что секреты бессмертия были получены им в джунглях Перу. Его утверждения вызывали повышенное доверие потому, что на шестом десятке он продолжал сохранять внешность кинозвезды и выглядел намного моложе своих лет.

Глубоко погруженный в дела своей новой церкви, Савой никогда не отвечал на письма, которые на протяжении ряда лет получал от людей, интересовавшихся произведенными им в Перу археологическими открытиями. Для Его Высокопреосвященства Дугласа Юджина Савоя Перу и исследовательская деятельность представляли собой завершённые и теперь наглухо закрытые разделы его биографии.

Нерасположенность Савоя к обсуждению его исследовательской деятельности длилась до 1983 г., когда в один прекрасный день двое особо настойчивых авторов обращенных к нему писем неожиданно оказались на пороге дома в Рино. Посетителями были американский архитектор и его жена, которые в последнее время активно заинтересовались темой затерянных инкских руин в Перу. Визитеры сказали, что после нескольких бесплодных попыток установить с Савоем письменный контакт они решили, что просто должны лично встретиться с человеком, которого считали самым знаменитым из ныне живущих американских исследователей. Захваченный врасплох, Савой минуту помедлил, затем пригласил пару войти в дом и выпить кофе. Имена посетителей были Винсент и Нэнси Ли; их неожиданное появление на пороге его дома в конечном счете побудило Савоя вернуться в джунгли Перу, где ему суждено было сделать одно из своих самых противоречивых открытий.

Винсент Ли сначала отправился в Перу с альпинистскими целями. Архитектор по профессии, отслуживший в свое время в морской пехоте, Винсент Ли ныне жил вблизи Джексон Хоула, в штате Вайоминг. Ли как-то наткнулся в местной библиотеке на написанную

Савоем в 1970 г. книгу «Антисуйю: поиск затерянных городов в долине Амазонки». Однако Ли нашел историю Манко Инки и Вилькабамбы весьма интересной, его еще больше заинтриговала упомянутая Савоем отвесная гранитная скала, имевшая форму человеческой головы и называвшаяся «Икма Койя», что в переводе с языка кечуа означает «Вдовствующая Королева». Огромное скалистое образование находилось в глубине юго-восточных джунглей в области, называвшейся Вилькабамба. Вдохновленный повествованием Савоя, Ли вместе с двумя своими друзьями-альпинистами отправился в 1982 г. в Перу с целью покорения пика. Ли и его компаньоны доехали на поезде до Мачу-Пикчу, после чего прыгнули в грузовик, который довез их до Уанкакалье, находящегося в области Вилькабамба. Добравшись по тропе до реки Пампаконас, Ли с изумлением обнаружил там множество инкских руин. К тому времени, когда путешественники подошли к Икме Койе, Ли уже пронизала искра острого исследовательского интереса. «Я не мог поверить в то, что нам въяве удалось обнаружить все эти руины, — писал он позднее. — Все это место выглядело неисследованным. Как архитектор я был поражен типом зданий, которые оставили по себе инки. И я хотел знать, почему они построили их в таком труднодоступном месте».

По окончании успешного путешествия Ли вернулся домой в Вайоминг и там начал читать все, что только можно было найти об инках и особенно о Манко Инке и его сыновьях, последних инкских императорах. Ли также перечитал книгу Савоя «Антисуйю», обратив особое внимание на утверждение автора о том, что он открыл подлинную Вилькабамбу, которая находилась в густой чаще, недалеко от того места, где как раз производил восхождение Ли. Хотя Ли и был впечатлен повествованием Савоя, как архитектор он был разочарован тем, что единственное художественное изображение руин, представленное в книге, было очень эскизным — там было мало деталей. Фотографии Савоя также выглядели очень невзрачно, отчасти ввиду того, что на переднем плане там присутствовала густая растительность и высмотреть на них можно было немного.

Поскольку Савой не имел археологического образования и соответствующего опыта, и у него на руках было мало достоверных фактических данных, подтверждающих его утверждения, некоторые специалисты по истории инков выразили свои сомнения относительно

того, что руины в Эспириту-Пампе действительно являлись тем, на чем настаивал Савой. «Где детальные карты этого предполагаемого города?» — спрашивали они. Где форты и места боев, которые, как утверждали хроники, должны были находиться поблизости? Единственный способ доказать, что руины в Эспириту-Пампе действительно относились к столице Манко Инки, заключался в том, чтобы картографировать город и затем заняться поиском близлежащих руин, описанных в хрониках. Точно так же, как Бингхем подтвердил гипотезу о том, что руины современной Росаспаты представляют собой остатки древнего Виткоса, посредством обнаружения находящегося поблизости святилища в Чукипальте, доказательством того, что развалины в Эспириту-Пампе имеют отношение к Вилькабамбе, могло стать обнаружение соотнесенных с ней других мест.

В скором времени Ли узнал, что Джин Савой еще жив и является главой церкви в Рино. Ли набрал телефонный номер церкви и попросил дать ему его адрес. Потом Ли направил письмо Савою, попросив у него информации по вопросу развалин и соответствующих советов. Помощник Савоя коротко ответил Ли, но не предоставил ему никакой запрашиваемой информации. Но Ли не собирался сдаваться; он не только был настроен вернуться в район Вилькабамбы и обследовать его, но также собирался встретиться и побеседовать с загадочным Джином Савоем, ведущим уединенное существование. Единственным вариантом было полететь в Рино и там попытаться встретиться с пятидесятишестилетним исследователем. Так, в ноябре 1983 г. Ли и его жена Нэнси оказались перед дверями Международной общины Христа в Рино, штат Невада. Ли позднее писал:

«Нанесенный визит в церковь [Савоя] ясно показал нам, что мы приехали в верное место, но несколько „потустороннего“ вида женщина сообщила нам, что Его Высокопреосвященство отсутствует. Разочарованные, мы решили направиться в жилой квартал города, где... жил исследователь. Там резко выделялся на общем фоне большой дом, плод творения Фрэнка Ллойда Райта^[60], находящийся среди нагорного кластера вполне обычных по виду пригородных домов. Когда мы приблизились к дому, на подъездной дорожке мы увидели человека в джинсах и рубашке на кнопках, который мыл свою машину. Я сразу же распознал в нем Джина Савоя — в книге

„Антисуйю“ была помещена его фотография. Когда мы представились, он пригласил нас в дом на чашку кофе».

У Савоя были те же приглаженные назад волосы, те же усы и тот же сияющий голливудский вид, что и на фотографиях в его книгах. Савой, как выяснилось, помнил о письме, которое послали ему Ли. Он извинился за то, что не ответил им лично. Он сказал им, что в Перу он был давно и это путешествие не имело «хеппи энда». Савой сказал Ли, что он в свое время попытался забыть обо всей этой поездке. Когда Ли рассказали Савою о своих планах вернуться в Вилькабамбу ради дальнейших исследований, он пожелал им удачи, но заверил их в том, что сам он никогда не вернется в Перу. Ли обратил внимание на то, что во время их встречи Савой сидел спиной к окну, в которое било яркое солнце, так что им было трудно разглядеть его внешность.

«Он источал такую довольно напряженную харизму, но в то же время нам показалось, что у него не очень хорошо с чувством юмора и что он исполнен ощущения собственной важности... Может быть, от любого человека, которому довелось создать собственную религию, следует ожидать некоторой чопорности, но, надо сказать, мы с Нэнси ушли с этой первой встречи в не очень комфортном состоянии духа».

Тем не менее полгода спустя, в мае 1983 г., Ли вновь нанесли короткий визит Савою, как раз перед тем, как отправиться в Перу. На этот раз Савой был несколько более дружелюбен; он проявлял меньшую подозрительность и был более расслаблен. Савой удивил Ли, преподнеся им американский флаг с написанными на нем словами «Организация исследователей Анд». Он выступил с предложением, чтобы его клуб стал «Ко-спонсором» их путешествия. Хотя подобное предложение на первый взгляд представлялось не очень удобным, Ли тем не менее были польщены. Перед самым отъездом Ли Савой дал им совет — очевидно, плод многолетних усилий по разысканию руин в Перу:

«Исследования, проводимые в Южной Америке, — это серьезное и иногда рискованное дело... Не думайте, что вы

можете просто слепо вторгнуться в джунгли и что-то там найти, — вы не можете. Слушайте кампесинос [местных крестьян]. Они знают, где что есть. Относитесь внимательно к их подсказкам и ищите древние [инкские] дороги. Следуйте по ним. Они все куда-то приводят».

Савой дал Ли еще такой совет:

«Если вы будете проявлять осторожность и сдержанность, у вас все пойдет хорошо... Где-то на горном хребте Пункуйок должно находиться красивое двухэтажное здание из белого известняка. Если бы я снова поехал в Перу, я бы отправился туда... Но имейте в виду одну вещь: никому не доверяйте».

Ли с женой и шесть их компаньонов провели в Вилькабамбе два месяца. У Ли не было никакого опыта в области археологии, он был архитектором с довольно большим стажем, но он умел детализированно картографировать местность. Имея в своем распоряжении только альтиметр, компас, измерительную ленту длиной в пятьдесят футов, блокнот и спутниковую карту местности, Ли со своей группой занялся систематизированным исследованием и картографированием руин в долине Вилькабамба — сначала в Виткосе, а затем в святилище Чукипальты. Вблизи Уанкакалье Ли обнаружил перебравшееся туда семейство Кобос, которое за двадцать лет до этого сопровождало Джина Савоя к развалинам Эспириту-Пампы. Сейчас семейство Кобос также выразило свое согласие проводить экспедицию в Эспириту-Пампу. Они пошли по древней инкской дороге, которая их привела в долину Пампаконас.

Ли и его компаньоны читали в испанских хрониках о том, что в 1572 г. инки сразились с испанцами в форте Уайна Пукара (Новый Форт), и в ходе поисков группа нашла его. В хрониках было написано, что на горном хребте, где находился форт, туземцы, возглавляемые Тупаком Амару, установили гигантские валуны, с тем чтобы обрушить их на находившихся внизу испанцев. Ли обнаружил, что многие из этих валунов до сих пор находятся там; дело в том, что испанцы в свое

время поразили инков, заняв высоты за их спинами и под прикрытием ружейного огня захватив форт. Ли вспоминал:

«Тропическая ночь снизошла на нас с поразительной внезапностью. В тот день мы едва могли поверить своей удаче. Мы, группа неофитов, на самой начальной стадии нашего путешествия уже нашли нечто значимое — самые внушительные развалины, ускользавшие от наших предшественников. Уайна-Пукара, давным-давно затерянный Новый Форт, вновь появился на карте».

Хотя открытие Уайна-Пукары и само по себе было удивительным событием, оно имело также дополнительное значение: следует отметить, что детали пути, которым путешественники шли к руинам Эспириту-Пампы, соответствовали приведенным в хрониках описаниям маршрута, которым испанцы добирались до Вилькабамбы. Это служило дополнительным подтверждением заявления Савоя о том, что руины Эспириту-Пампы представляли собой остатки Вилькабамбы. Прибыв к развалинам древнего города, которые уже вновь заросли джунглями, группа начала тщательно расчищать и картографировать местность. У Ли на руках имелся источник, которым Бингхем в свое время не имел возможности воспользоваться, а Савой не придал ему значения, — это была испанская хроника, которая проливала дополнительный свет на вопрос о Вилькабамбе. Монах-мерседарий Мартин де Муруа писал в 1590 г., что крыша по меньшей мере одного из зданий в Вилькабамбе была покрыта не обычной для инков соломой, а испанской кровельной черепицей:

«Город имел протяженность в пол-лье [1,75 мили] в ширину, как и Куско. Протяженность в длину его была значительно больше. В городе инки разводили попугаев, кур, уток, кроликов, индеек, фазанов, краксов и еще тысячу других разных видов птиц самой разнообразной окраски, порой очень красивой... Крыши домов и хранилищ были покрыты качественной соломой. В городе произрастало множество гуав, орехов-пеканов, лукум, папай, авокадо и многих других окультуренных и диких деревьев. Дворец

инкского императора имел несколько уровней. Крыша его была покрыта черепицей; весь дворец был покрыт изнутри традиционными инкскими росписями — очень приятными для глаза».

Ли ясно видел, что упоминание монахом попугаев и тропических урожаев вполне соотносится с природными условиями Эспириту-Пампы, находящейся на высоте 4900 футов над уровнем моря, но отнюдь не с природными условиями Мачу-Пикчу, находящегося на высоте 8000 футов над уровнем моря.^[61] Кроме этого, группа Ли вскоре обнаружила в Эспириту-Пампе более 400 строений, образующих городскую структуру, которая протянулась более чем на милю в длину и на полмили в ширину. Ли знал, что в Мачу-Пикчу было только 150 жилых зданий. Это местечко протянулось на 0,1 мили в длину, ширина же его была значительно меньше. Мачу-Пикчу представляло собой цитадель, а не город. При том что руины там были очень живописными, Мачу-Пикчу, по всей видимости, в свое время насчитывало не более 750 жителей, тогда как население Вилькабамбы должно было быть в 3–4 раза больше.

Сравнивая два места, Ли вскоре понял, что утверждения авторов хроник о том, что Вилькабамба была самым большим городом в данной области, имели под собой основания: в провинции действительно не обнаруживалось более столь же крупных городов, как тот, что был открыт в Эспириту-Пампе. Как на это уже указывал Савой, именно кровельная черепица представляла собой особо значимую находку. По словам английского историка Джона Хемминга, открытые в Эспириту-Пампе руины представляли собой «единственное известное инкское место в Андах, где среди прочих остатков были обнаружены обожженные фрагменты кровельной черепицы в испанском стиле». Ли хорошо знал, что инки сожгли Вилькабамбу перед тем, как испанские войска заняли город в 1572 г.; вне всякого сомнения, в ходе пожара кровельная черепица была подпалена.

При всей значимости сделанных экспедиционной группой открытий, Ли хорошо понимал, что для того, чтобы научная общественность должным образом восприняла сделанные экспедицией выводы относительно Вилькабамбы, следует аккуратно

картографировать все руины. Ли, профессиональный архитектор, был намерен взяться за это дело. Позднее он писал:

«Хотя исследования провинции продолжались уже более ста лет, до сих пор не существовало точно составленной карты местности [на 1984 г.]... Если кто-то ставил своей целью собрать тот сложнейший паззл, который представляла собой Вилькабамба, он должен был иметь на столе все его фрагменты, по крайней мере известные фрагменты. Как раз этого не было в наличии. Теорий была масса, но ни у кого на руках не было всех игровых деталей. Я сказал себе: такое положение дел следует поменять».

И это положение дел действительно поменялось. Ли знал, что у испанцев произошло сражение с инками на подступах к другому инкскому форту — незадолго до того, как началось разграбление Вилькабамбы. Инки называли это место Мачу-Пукара, или «Старый Форт». После тщательного прочесывания местности группа Ли обнаружила второй форт, как раз в том месте, на которое указывали хроники: так еще один фрагмент паззла «Вилькабамба» точно встал на свое место.

Изучив предполагаемый маршрут испанцев и обнаружив два затерянных форта точно в том месте, на которое указывали хроники XVI в., Ли собрал, таким образом, дополнительные свидетельства в пользу тезиса Савоя о том, что руины Эспириту-Пампы действительно имели отношение к Вилькабамбе Манко. Ли и один его друг решили отколоться от основной группы и направиться на поиски руин, которые, как полагал Савой, должны были находиться где-то неподалеку. По словам Савоя, «на горном хребте Пункуйок, по моему предположению, должно было находиться красивое двухэтажное здание из белого известняка. Если бы я снова поехал в Перу, я бы отправился туда». После трех дней трудного пути через влажный горный лес в сопровождении двух проводников из числа крестьян Ли убедился в том, что Савой был прав. На высоте 12 850 футов над уровнем моря перед путниками предстал кластер на удивление хорошо сохранившихся руин. Главный фрагмент развалин являл собой высокое, достаточно необычное здание с примыкающими к нему

пристройками; здание находилось в довольно приличном состоянии, оно было расположено в просвете между двумя горными пиками. Ли позднее писал:

«Одолев последний этап горного пути, проходивший через густую рощу, мы приблизились к предмету наших поисков и обнаружили, что все наши усилия последних дней получили вознаграждение в многократном размере... Меня поразило то, что обнаружение нами Пункуйока и явилось тем самым неожиданным сюрпризом, о котором я так мечтал... Пункуйок... был доподлинно фантастической находкой. На пути в Старую Вилькабамбу мы встречали руины, упоминавшиеся в исторических хрониках, но они сильно износились, — в отличие от них Пункуйок, по-видимому, нигде в летописях не упоминался, но зато это был практически нетронутый столетиями реликт, происходивший из мира инков. Из литературы мне было известно, что подобное — почти невероятная редкость. Более того, превосходно сохранившиеся формы Пункуйока (гораздо лучше, чем у руин в Мачу-Пикчу) и сложная его структурированность превращали его в настоящую лабораторию для изучения инкских строительных техник. Под самый конец экспедиции мы, похоже, сорвали джекпот. Подобно Бингхему в свое время, мы были вознаграждены невероятной, огромной удачей».

Надо сказать, что еще в 1953 г. американский писатель и исследователь Виктор фон Хаген открыл руины Пункуйока в ходе исследования инкской сети дорог, но Ли об этом не знал. Фон Хаген описал находку в своей книге «Путь солнца». Савой, по всей видимости, был знаком с фактом обнаружения фон Хагена, поэтому и дал Ли совет обследовать это место. Так или иначе, по возвращении в Вайоминг Ли позвонил Савою, рассказав ему о своем «открытии» Пункуйока и двух инкских фортов — Уайна-Пукара и Мачу-Пукара, а также о своих планах составить карты местности на основании сделанных им находок. По словам Ли, Савой выказал большой интерес — особенно в отношении руин Пункуйока. Опытный исследователь

неожиданно поведал Ли, что недавно решил несколько обновить материал, представленный в его книге «Антисуйю», которая вышла в 1970 г.; в скором времени он собирался опубликовать новую книгу на эту же тему. Савой сказал, что он будет рад включить в свою новую книгу результаты изысканий Ли. Заинтересован ли в этом Ли? И сможет ли Ли после составления всех своих карт вылететь в Рино и сделать их презентацию в «Организации исследователей Анд»? Очень польщенный, Ли сказал Савою, что для него будет большой честью увидеть собранный им материал в книге Савоя. Ли также добавил, что он будет очень рад сделать презентацию результатов своих изысканий.

Осенью 1984 г. Винсент Ли приступил к составлению карт и трехмерных реконструкций руин, которые он обнаружил в Перу. Впервые более чем за четыре века на бумаге начали вырисовываться контуры древних городов и поселений в провинции Вилькабамбе. Ли писал:

«Это был захватывающий процесс... Медленно, по мере добавления все новых и новых фрагментов информации, исторические места, — поначалу практически невысвечиваемые на местности, — начали проступать на бумаге после четырехсот лет забвения. К началу ноября все относящееся к инкской Вилькабамбе оказалось представлено на одиннадцати больших листах светокопировальной бумаги; к картам я приложил несколько сот наших лучших слайдов».

Теперь Ли был готов к презентации в организации Савоя.

Три месяца спустя он стоял перед ученым сообществом, которое Савой собрал в Рино, демонстрируя ученым слайды руин. По словам Ли, Савой очень заинтересовался сделанными Ли фотографиями и схемами. Особый интерес Савой проявил к «открытию» Пункуйока. После презентации Савой сказал, что если Ли подробно опишет на бумаге сделанные им открытия и отправит рукопись ему (сроком был назначен июнь 1985 г.), то он включит все эти материалы в свою новую книгу. Савой сказал Ли, что он ничего не сможет заплатить ему, поскольку «книга издается не на коммерческой основе, и издание не содержит в себе никаких финансовых вложений», — но он даст Ли пятьдесят экземпляров новой книги. Окрыленный одной той мыслью,

что его открытия увидят свет, Ли согласился. И в знак благодарности человеку, который в некотором смысле вдохновил его на разыскания, он оставил Савою копии всех своих схем и карт.

Ли усиленно работал на протяжении трех месяцев, чтобы успеть к установленным издательством срокам, как вдруг ему позвонил Джин Савой. Он огорошил Ли, сказав, что предпринял новую поездку в Перу (после пятнадцатилетнего перерыва), только что побывав на тех самых развалинах, которые «обнаружил» Ли.

«„[Я] только что вернулся из экспедиции в Пункуйок, — сказал он [Савой]. — Вот это место!“ Это я услышал от человека, который три месяца назад уверял нас, что он „никогда не вернется“ в Перу. Было очевидно, что он начал планировать экспедицию еще до того, как мы покинули Рино, и у него были при себе схемы, которые я оставил ему. Он сказал, что, задействовав помощь местных кампесинос, он со своей семьей добрался до искомого места и там он осмотрел и сфотографировал руины. Я был ошеломлен! В считанные секунды мой учитель превратился в моего конкурента — и притом очень внушительного».

Несколько недель спустя худшие опасения Ли подтвердились. Живший в Нью-Йорке друг Ли, режиссер-документалист, получил от Джина Савоя составленное по всей форме письмо. Точно такие же письма Савой разослал большому числу людей, но Ли не было в их числе. В письме говорилось, что Джин Савой совсем недавно совершил новую поездку в Перу после длительного перерыва и там он сделал «новое ошеломляющее открытие», — это был инкский «храм Солнца», расположенный высоко в горах Вилькабамбы. Савой намеревался вернуться в это место, чтобы провести более тщательные разыскания, и ему нужны были деньги, чтобы оплатить часть расходов. Савой нашел нестандартное решение: он решил издать свою книгу «Антисуйю: поиск затерянных городов в долине Амазонки» ограниченным тиражом в 250 экземпляров и затем распространить его среди членов экспедиции и своих друзей по цене 250 долларов за экземпляр. По словам Савоя, новое издание должно было содержать в

себе бонус: фотографии, карты и подробные чертежи инкских строений — все это до сих пор не публиковалось.

Ли быстро произвел калькуляцию: 250 книг по цене 250 долларов за экземпляр — общая сумма составляла более чем 60 000 долларов. «Так много за то, что не содержит в себе никаких финансовых вложений», — сказал он, покачивая головой. Конечно, должны были наличествовать карты и чертежи инкских строений, которых до сих пор не было в печати, потому что это Ли составил их, но до сих пор не опубликовал. Издание книги было намечено на июнь 1985 г., тот самый месяц, к которому Савой просил Ли предоставить свою рукопись для включения ее в «новую книгу» Савоя, — Ли понял, что это был своего рода контрольный выстрел, гарантировавший, что Ли не сможет опубликовать свои материалы до того, как это сделает Савой. Позднее Ли писал:

«Не надо было быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что материал, который он просил меня представить к 1 июня должен был прийти слишком поздно, чтобы быть включенным в 250-долларовую книгу. Савой получил от меня все, что ему было нужно, еще в ноябре, когда я самым глупым образом оставил ему свои схемы. Я торопливо направился к своему текстовому процессору. К концу марта рукопись была завершена, она была написана в беглом стиле, я решил самостоятельно опубликовать ее под заглавием „Манко в шести частях: путешествия среди инков“. Я включил туда все карты и схемы, которые мы оставили Савою, и зарегистрировал копирайт в Библиотеке Конгресса. Испытывая довольно лирическое ощущение свершившегося правосудия, я направил экземпляр конечной продукции Савою в День дурака, 1 апреля 1985 г., с прилагавшимся письмом, в котором я предлагал ему дать мне знать, если он захочет использовать какую-то часть материалов в своей новой книге... [В самом конце] мой комментарий был таков: „Вы с самого начала сказали, что мне не следует „доверять никому“, — я полагаю, что вы действительно имели в виду, что доверять не следует никому“».

Савой так и не ответил на это письмо, а книга о его «новых открытиях» в области Вилькабамба так никогда и не увидела свет.

И Джин Савой, и Винсент Ли надеялись отыскать артефакты, которые бы имели доподлинное отношение к цивилизации Вилькабамбы. Было очевидно, что Хирам Бингхем, настаивавший на том, что именно Мачу-Пикчу являл собой остатки древней Вилькабамбы, ошибался. Теперь же, когда местоположение доподлинной Вилькабамбы было обнаружено, резонно вставал другой вопрос: если Мачу-Пикчу не был Вилькабамбой, то чем тогда вообще являлось это место? Рабочие в рамках своей трудовой повинности мита трудились над прокладкой дорог, соединявших Мачу-Пикчу со столицей Куско, а также с такими центрами страны, как Олантайтамбо, Писак, Виткос и Вилькабамба. Также строились большие террасы сельскохозяйственного назначения с целью обеспечения едой будущих обитателей цитадели, а также для ритуальных жертвоприношений. Результатом явилось превращение крутых, покрытых лесами горных склонов в плоские, ступенчато идущие террасы, на которых выращивалась преимущественно кукуруза.

Когда Мачу-Пикчу был наконец достроен в 1450-е гг., первый правитель вновь созданной Инкской империи, Пачакути, прибыл туда со своей свитой. К приезду императора цитадель была должным образом обставлена, был подведен водопровод, привезена провизия.

Так же как и в Куско, значительное число каменных зданий было выстроено в имперском стиле, который был по душе Пачакути.

ЭПИЛОГ: МАЧУ-ПИКЧУ, ВИЛЬКАБАМБА И ПОИСКИ ЗАТЕРЯННЫХ ГОРОДОВ АНД

«Если вы возьмете карту области Вилькабамба и воткнете флажки во все те участки, что соответствуют значимым инкским городам и фортам, то вы увидите, что на карте образуется пробел, границы которого тянутся вдоль реки Апуримак, начиная от Чоккекирау. В эту область ведут две инкские дороги, и следует заметить, что инки не проложили бы их, если бы они вели в никуда. В этом месте должен был бы находиться еще какой-то каменный город, но тут мы остаемся в области догадок. Я полагаю, это одна из причин, почему мы все продолжаем возвращаться сюда».

Винсент Ли, 2005

Для того чтобы осознать истоки сопоставления Вилькабамбы и Мачу-Пикчу, следует вернуться к тем временам, когда эти города были построены: предположительно к середине XV в.^[62] В начале этого века этническая группа инков жила в маленьком королевстве, расположенном в долине Куско, — это было одно из множества мелких королевств, рассредоточенных по всему пространству Анд и тихоокеанского побережья. Инки рассказали испанцам, что их привел туда древний инкский повелитель по имени Виракоча Инка. Когда могущественное королевство Чанка повело свою армию против инкского королевства, Виракоча бежал, оставив на троне своего взрослого сына, Куси Юпанки. Последний собрал армию и каким-то чудесным образом разбил войска захватчиков. Затем Куси Юпанки низложил своего отца, устроил свою собственную коронацию и поменял свое имя на Пачакути — в переводе с языка кечуа это означает «сотрясатель земли», или «тот, кто переворачивает мир вверх

дном». Это имя оказалось пророческим: Пачакути вскоре революционизировал весь андский мир.

Согласно инкской изустной истории, Пачакути в период своей молодости имел глубокий религиозный опыт, своего рода небесное откровение, когда ему открылась его собственная сакральная природа. Священник-иезуит Бернабе Кобо писал:

«Об этом Инке [Пачакути] рассказывали, что еще до того, как он стал королем, он однажды пошел к своему отцу Виракоче, жившему в... 5 лье от Куско, и, когда он достиг источника Сусурпукиу, прямо перед ним упала дощечка из горного хрусталя; на этой дощечке появилось изображение индейца: на голове у него было льяуто, инкский головной убор; от его головы исходили три ярких луча наподобие солнечных; вокруг его рук — у плечевых суставов — обвились змеи... и некое подобие змеи протянулось вдоль его спины. Увидев это, Пачакути охватил такой ужас, что он хотел бежать, но находившийся в источнике образ сказал ему: „Подойди сюда, сын мой; не бойся — ведь я твой отец-солнце; мне известно, что ты покоришь себе многие народы, и ты будешь чтить меня и помнить меня в своих жертвоприношениях“; и по произнесении этих слов видение исчезло, но хрустальная дощечка осталась в источнике. Инка взял дощечку и оставил ее при себе; известно, что после этого она служила ему в качестве зеркала, в котором он видел все, что только мог пожелать. И когда Пачакути стал королем, он заимел статую солнца — именно этот образ он увидел в горном хрустале в источнике. Пачакути выстроил храм Солнца, назвав его Кориқанча, — он ослеплял своей роскошью и великолепием, а до того на месте храма находилось маленькое неказистое строение. Ко всему этому по указу Пачакути во всех покоренных землях начали возводиться помпезные храмы, посвященные солнцу. Пачакути одаривал их большими денежными суммами, всем своим подданным он повелел почитать солнце».

Став королем, Пачакути сразу же приступил к перестройке обозримого мира в соответствии с открывшимся ему видением, и начал он с города Куско. Здесь он начал реализовывать свой грандиозный план по реструктуризации архитектурного облика города: старые здания сносились, прокладывались новые бульвары, было возведено множество дворцов и храмов. Все эти здания были выстроены в новом стиле, — позднее его стали называть имперским, — камни были вытесаны и уложены с таким тщанием, что подобный уровень мастерства принес этому уголку большую славу.

Далеко еще не удовлетворивший своих амбиций разгромом Чанка, честолюбивый молодой король вскоре повел свою армию в близлежащую долину Юкай (Вильканоту) и покорил там две этнические группы: куйос и тамбос. Для того чтобы отметить две эти победы, Пачакути приказал основать одно королевское поместье, названное потом Писак, на территории племени куйос, а второе — на территории завоеванных тамбос, в местечке Оллантайтамбо.

Пачакути создавал свои поместья, держа в уме несколько целей, самая важная из которых была поддержание собственного семейного рода. Каждый новый инкский император закладывал свою собственную панаку — родословную линию. Урожай и стада в частных имениях Пачакути должны были служить источником существования членов его панаки.

Второй целью создания королевских имений было увековечение завоеваний Пачакути: они должны были стать памятниками его храбрости и властной устремленности. Наконец, эти поместья призваны были стать уединенными королевскими пристанищами. Расположенные на порядочном расстоянии от столицы, они должны были послужить местами отдохновения для императора, его родственников и представителей элиты.

Священник Кобо писал:

«Поначалу Пачакути предпринял завоевание провинций Виткос и Вилькабамба, что было очень трудным делом, поскольку эти земли труднопроходимы и покрыты густыми джунглями... Инкский император выехал из Куско с самыми храбрыми из своих воинов; он проехал через долину Юкай [Вильканоту] и затем направился вдоль русла реки — в

[Оллантай]тамбо; затем он добрался до долины Амбайбамба, и там выяснилось, что двигаться дальше нет возможности, поскольку не имелось моста через реку [Урубамбу]; а противники Пачакути убрали [висячий] мост Чукичака... Но энергия Пачакути была столь велика, что он не только восстановил мост на прежнем месте, но проложил также множество других мостов в тех местах, где русло реки было достаточно узким, и жители Вилькабамбы были крайне поражены и напуганы проявлением столь неукротимой энергии, они говорили, что только потомок солнца мог свершить столь значительные деяния. Когда было закончено прокладывание мостов, инкский император приказал своим людям следовать далее в строго организованном порядке — так, чтобы враги не смогли нанести отряду урон; когда Пачакути прибыл в Кокаспату, находящуюся примерно в 25 лье [87 миль] от Куско, к нему пришли послы от касиков [вождей] Виткоса и Вилькабамбы... Касики, желая умиловить инкского императора и заслужить его благорасположение, сообщили ему, что они готовы предоставить в его распоряжение гору с залежами серебра, а также несколько золотых рудников. Пачакути был очень доволен сделанным предложением, он послал несколько своих людей посмотреть, правда ли все сказанное, и принести несколько образцов золота и серебра. Отправленные с заданием воины быстро вернулись и сообщили, что залежи куда обширнее в сравнении с тем, как они были описаны инкскому императору. Ему было доставлено много золота и серебра; все это его изрядно порадовало... [Пачакути] выехал из Вилькабамбы по той же дороге, по которой он приехал сюда, и, приехав в Куско, распорядился, чтобы в честь этой экспедиции и в честь открытия рудников были организованы народные празднества, они продолжались два месяца».

Для увековечивания завоевания долины Вилькабамбы Пачакути распорядился основать третье королевское поместье — на этот раз вблизи моста Чукичака, на высоком горном хребте, нависающем над

рекой Урубамбой. Инки назвали это место «Пикчу», что означает «пик». Весь комплекс построек должен был стать одним из самых блестящих образцов инкского инженерного искусства.

Весь комплекс Мачу-Пикчу был спланирован задолго до того, как первый гранитный блок был обтесан и уложен на свое место. Прежде всего, выигрышным должно было быть местоположение; Пачакути выбрал место, находящееся на вершине горного хребта, откуда открывался восхитительный вид на близлежащие сакральные пики. Основопологающим было нахождение в этом месте источника чистой воды, которая могла использоваться для питья и для ритуальных процедур. Инкские инженеры обнаружили его на высоком пике, ныне носящем название «Мачу-Пикчу», который находился над закладываемой цитаделью. Они разработали основанную на гравитации водопроводную систему, по которой вода с пика должна была направляться к месту закладки резиденции, минуя шестнадцать резервуаров, имевших ритуальное назначение.

Строительный участок был разровнен, рабочие заложили фундаменты из гальки и камней; в конструкции даже были задействованы подземные несущие стены. Археологи, проводившие раскопки в Мачу-Пикчу, доложили, что около 60 процентов построек в этом месте находятся под руинами. Когда закладка фундамента была закончена, началось строительство собственно цитадели: рабочие вырезали каменные блоки в каменоломне, находившейся на том же горном хребте. Когда первые каменные блоки были вырезаны, началось строительство зданий.

Рабочие и специалисты со всей страны, прежде всего архитекторы и инженеры, собрались в этом отдаленном уголке. Была поставлена цель — оснастить цитадель передовой технологией, поэтому инкские астрономы работали вместе с инженерами и каменщиками, сооружая обсерватории, которые фиксировали летние и зимние солнцестояния, так же как и прочие астрономические явления. Рабочие в рамках своей трудовой повинности мита занимались прокладыванием дорог, соединявших Мачу-Пикчу со столицей Куско и с другими центрами страны, такими как Оллантайтамбо, Писак, Виткос и Вилькабамба. Также были отряжены рабочие для создания террас для ведения земледелия — с целью обеспечения продовольствием будущих жителей цитадели. Вскоре в результате трудовых усилий инков крутые,

покрытые лесами горные склоны превратились в ступенчато спускающиеся террасы; 14 акров земли отводилось под выращивание преимущественно кукурузы.

Когда наконец в 1450-е или 1460-е годы строительство цитадели было завершено, первый правитель вновь созданной инкской империи прибыл туда со своей свитой. К приезду императора цитадель была должным образом подготовлена, туда был подведен водопровод, доставлена провизия.

Таким же образом, как и в Куско, значительная часть каменных зданий была выстроена в имперском стиле, который предпочитал Пачакути. В конструкции некоторых зданий присутствовали валуны размером с небольшие автомобили, у некоторых из них вес достигал 14 тонн.^[63] Вода с самого близкого к Мачу-Пикчу горного пика спускалась к цитадели по каменному акведуку и первоначально направлялась к жилищу Пачакути, так что в распоряжении императора была самая чистая вода.

Даже в это приватное прибежище периодически являлись часки с посланиями для императора и других официальных лиц. Затем, получив надлежащие распоряжения, часки отправлялись в Куско и в другие пункты империи. Куда бы ни направлялся император, за ним следовали приближенные к нему лица. Так что когда Пачакути пребывал в Мачу-Пикчу, эта высокогорная, изолированная от мира цитадель на время становилась центром всего инкского мира.

В отличие от нынешних развалин Мачу-Пикчу, находящихся в ведении перуанского государства и открытых для широкой публики, Мачу-Пикчу времен Пачакути представляло собой исключительно приватное место. Дороги, ведущие сюда, были открыты только для тех людей, у которых были дела государственной важности. Мачу-Пикчу представляло собой Кэмп-Дэвид^[64] Пачакути — королевскую резиденцию, выстроенную человеком, который почти в одиночку превратил маленькое туземное королевство в самую крупную империю, которая когда-либо существовала в Новом Свете.

Цитадель Мачу-Пикчу являлась третьей и, возможно, самой драгоценной жемчужиной в короне архитектурных памятников, которые возвел Пачакути, — после Писака и Оллантайтамбо. Теплое цветущее место, вне всякого сомнения, представляло собой приятный

приют отдохновения от морозной погоды зимних месяцев, характерной для инкской столицы и всего высокогорья Анд.

Но остается вопрос, имело ли какое-то отношение королевское поместье Пачакути Мачу-Пикчу к мятежной столице Манко Инки, Вилькабамбе. И тут опять ответ надо искать на пересечении инкских изустных историй. По рассказам инков, Пачакути остановил свое продвижение после завоевания долины Вилькабамбы. Но его сын, Тупак Инка, раздвинул границы инкских владений, в которые оказались включены долина Пампаконас и та область, где в будущем будет заложен город Вилькабамба.

После того как Пачакути занял долину Вилькабамба, она была должным образом «окультурена». Сначала в область были направлены инженеры и кипукамайоки (счетоводы) для оценки ресурсов новой территории. В задачу кипукамайоков входил учет местного населения и оценка количества пахотных земель в провинции и объема производимых местным населением урожаев, а также поиск металлов (медь, олово, золото и серебро) и иных полезных ископаемых. Получив эти сведения, Пачакути и его советники стали решать, как им реорганизовать население, где проложить дороги и где инициировать разработку месторождений полезных ископаемых и создание новых поселений.

Когда общий план развития был утвержден, чиновники инкской администрации занялись отправкой работников в новоучрежденную провинцию, в их задачи входило прокладывание в новую область дорог и строительство хранилищ. Были установлены эстафетные посты для часки. По ходу разработки планов строительства каналов, мостов, сельскохозяйственных террас и городов инкская администрация приглашала в область архитекторов, каменщиков и инженеров.

Со временем приступили к строительству столицы провинции. Как правило, инки предпочитали строить столицы провинций на плоской местности, чтобы хорошо просматривалась прилегающая территория. В верхней части долины Вилькабамба Пачакути выбрал место, расположенное на высоте 10 000 футов над уровнем моря, оттуда открывался великолепный вид на плодородную долину. Там и началось строительство города Виткос: план включал в себя дома для

королевских особ, рыночную площадь, административный комплекс, хранилища, храм Солнца, крепость на вершине холма и жилые здания.

Как и в большинстве провинциальных столиц, здания здесь были выстроены из самана грубой формы. Однако дома королевских особ имели общие черты с классическим имперским стилем, характерным для зданий в Куско. По словам Тито Куси, и у Пачакути, и у его сына Тупака Инки были дома в Виткосе, так же как и у отца Манко, Уайны Капака. Поскольку инкские императоры наносили в Виткос лишь кратковременные визиты, каждый из них назначал губернатора инкской национальности, который должен был постоянно проживать в провинциальной столице.^[65]

Несколько лет спустя после отвоевания этой области Тупаком Инкой инкская администрация определила место для нового приграничного аванпоста и торгового центра на 5 000 футов ниже от Виткоса по склону Анд. Инки назвали это место «Вилькабамба», что означает «священная равнина». Сюда свозились рабочие, которые в порядке трудовой повинности мита занимались вырубкой тропического леса каменными или бронзовыми топорами — с целью расчистки площадок для строительства. Инкские архитекторы детально разработали план строительства города: большинство зданий было выстроено в грубом стиле пирка, у них были типичные остроконечные крыши, покрытые соломой, для чего с высокогорья привозилась трава ичу. Потом инкские администраторы велели митмакуна начать заселение этой области: они должны были расчистить землю и основать плантации кокаиновых кустов. Также они должны были начать обменивать товары, производимые в Андах, на предметы и сырье, которым располагали местные амазонские племена. Местные индейцы, по-видимому, также проживали в Вилькабамбе, по крайней мере на временной основе: в наше время среди развалин города были обнаружены цилиндрические каменные строения, которые могли принадлежать туземцам.

Когда полстолетия спустя Манко Инка покинул королевское имение Пачакути, он по иронии судьбы нашел себе прибежище в одной из тех провинций, с которых начал свой завоевательный поход его прапрадед, а именно в Вилькабамбе.

Тогда именно Вилькабамба, расположенная в 100 милях к северо-западу от Куско, а не Мачу-Пикчу, находящийся всего лишь в 50 милях

от столицы, стала новой столицей Манко Инки. Вилькабамба была окружена густыми тропическими лесами, к ней вели только крутые, труднопроходимые тропы, вблизи города находилось несколько рек, по которым Манко мог в случае необходимости бежать; так что это было идеальное место для выстраивания там новой столицы и координации повстанческой войны. Из четырехсот частично сохранившихся зданий большинство относится к грубому типу строения пирка. Лишь небольшое число зданий построено в классическом имперском стиле. Так что перемещение Манко в Вилькабамбу в 1537 г. это все равно, как если бы президент Соединенных Штатов в 1840-х гг. был вынужден оставить Белый Дом и переехать со всей своей администрацией в малоцивилизованный форт, расположенный на западной границе.

В Вилькабамбе было мало удобств, к которым были так привычны предки Манко. Тут не было командных высот, с которых можно было бы обозреть прилегающую местность; погода здесь была более жаркой и влажной, чем та, к которой была привычна инкская элита; здесь также было мало зданий имперского стиля, которые Пачакути в свое время приказал выстроить в Мачу-Пикчу, Олантайтамбо, Писаке и Куско. Жители Вилькабамбы, ведшие почти непрерывную повстанческую войну против испанских захватчиков, тратили большую часть своей энергии и ресурсов просто на поддержание существования своего крошечного королевства; у них не было времени на осуществление грандиозных архитектурных проектов в городе, из которого им, как могло статься, в любой момент пришлось бы бежать.

Поэтому не приходится удивляться тому, что Хирам Бингхем, проведший несколько дней в Эспириту-Пампе в августе 1911 г. и обнаруживший там несколько фрагментов строений, весьма грубых по своему внешнему виду, усомнился в том, что они некогда являли собой часть Вилькабамбы — легендарной столицы последних четырех инкских императоров. Хотя месторасположение руин приблизительно соответствовало тем координатам Вилькабамбы, что был и указаны в хрониках, Бингхем считал, что в городе Манко должна была присутствовать намного более роскошная архитектура. Он предположил, что именно Мачу-Пикчу, отличавшийся более эффектным местоположением и блиставший архитектурой имперского стиля, и являлся последней столицей инков.

Тот факт, что Мачу-Пикчу был не Вилькабамбой, а лишь одним из имений Пачакути, делает более объяснимым тот факт, почему в испанских хрониках трудно найти какие-либо упоминания о Мачу-Пикчу или Уайна-Пикчу. К тому времени, когда испанцы захватили Куско в 1534 г., инки уже, по-видимому, покинули цитадель в Мачу-Пикчу. Члены королевской панаки Пачакути, жившие ранее в Мачу-Пикчу, по всей видимости, должны были устремиться назад в Куско в период хаоса, последовавший за прибытием испанцев. Слуги королевской семьи, набранные со всей территории империи, также должны были покинуть королевский анклав и отправиться либо со своими хозяевами в Куско, либо в свои родные земли. Имение Пачакути, по всей видимости, было покинуто, поскольку инкские системы налогообложения, организации труда и досуга почти одновременно рухнули.

Поскольку инки извлекли из этой местности драгоценные металлы, а сам Мачу-Пикчу не играл особо важной роли с точки зрения политической или военной, он представлял очень незначительный интерес для испанцев. Представляется маловероятным, что испанцы вообще посещали это место, в противном случае инкские храмы, вне всякого сомнения, были бы разрушены.^[66] В скором времени растительность должна была сокрыть местные дороги, дворцы и жилые здания. Возможно, уже через десять лет после того, как инки покинули этот район, человек, забредший сюда, едва ли уже мог узреть что-то из красот самой блестящей архитектурной жемчужины Пачакути.

Поскольку испанцы по преимуществу стремились писать о том, что интересовало лично их, и опускали почти все остальное, не приходится удивляться тому, что Бингхем и Савой не находили никаких упоминаний Мачу-Пикчу в испанских хрониках. Но современным исследователям удалось обнаружить в нескольких испанских документах ряд упоминаний места, обозначенного как «Пичо», что, по всей видимости, означало Мачу-Пикчу. Например, в отчете, написанном испанским эмиссаром, совершившим путешествие из Куско в Вилькабамбу, говорилось следующее: «Ту ночь я провел у подножия заснеженного пика в покинутом [инкском] городе Кондормарке, где имелся мост древней по виду конструкции, который пролегал через реку Виткос [имеется в виду река Вилькабамба], в

направлении [Оллантай]тамбо и Сапамарки и Пичо — совершенно живописной по своему виду земли».

В 1568 г., за четыре года до разграбления Вилькабамбы, в одном испанском документе была упомянута «деревня Пичо», расположенная в том районе, где ныне находится Мачу-Пикчу. Но должно было пройти три столетия, прежде чем появилось нынешнее название «Пикчу» — на этот раз на карте, изданной в 1865 г. итальянским географом и исследователем Антонио Раймонди. Ученый поместил на карту пик, поименованный «Мачу-Пикчу», вблизи реки Урубамбы. Десять лет спустя французский исследователь Шарль Винер проделал путешествие из Оллантайтамбо по проходу Пантикалье, достигнув реки Урубамбы в том месте, где через нее был проложен старый мост Чукичака. В изданной им в 1880 г. книге Винер писал о том, что местные жители в Оллантайтамбо рассказали ему «и о других [древних инкских] городах, о Уайна-Пикчу и о Мачу-Пикчу, и я решил пройти некоторое расстояние в восточном направлении [с целью их поисков], прежде чем продолжать двигаться дальше на юг». Но Винер решил пойти вниз вдоль реки — от Чукичака к плантации Санта-Ана, вместо того чтобы направиться вверх по течению, в направлении Мачу-Пикчу: дело в том, что дорога вдоль реки Урубамбы между Санта-Аной и Оллантайтамбо была проложена только через пятнадцать лет после проделанного Винером путешествия, река же не была судоходна. Так или иначе, Винер составил подробную карту долины Урубамбы, обозначив на ней два пика и пометив их названиями «Матчопикчу» и «Уайнапикчу».

Хотя местные перуанцы и говорили Винеру, что в данной местности имеются инкские руины, исследователь не смог проследовать в том направлении, которое ему указали. Если бы он преуспел в этом, то сейчас, вне всякого сомнения, на руинах Мачу-Пикчу имелась бы бронзовая мемориальная доска с его именем, а о Хираме Бингхеме едва ли кто бы слышал.

По прошествии почти ста лет с того момента, как Хираму Бингхему указали путь к развалинам, сделанные им открытия все еще продолжают вызывать полемику. По-прежнему остается актуальным вопрос: принадлежит ли Бингхему заслуга открытия самых известных

развалин в Новом Свете? Или же эта заслуга принадлежит тем, кто обнаружил Мачу-Пикчу до него?

Три перуанские семьи жили вблизи пика Мачу-Пикчу, и они частично расчистили развалины до посещения их Бингхемом. К этому следует добавить то, что фермер Мельчор Артеага, показывавший Бингхему дорогу, посещал эти развалины, и он же сдавал землю в аренду семьям, жившим там. Как уже упоминалось, Бингхем обнаружил на стенах руин имя человека, посещавшего эти развалины ранее, — вместе с датой посещения: «Лисаррага, 1902». Надпись была сделана Агустином Лисаррагой, местным погонщиком мулов, с которым Бингхем позднее встречался. Лисаррага жил в долине более тридцати лет и, по-видимому, ощущал достаточную историческую значимость руин, чтобы написать свое имя на одной из стен за девять лет до прибытия в эти места американца.^[67] Разница тут была в том, что Лисаррага заявил о своем открытии при помощи куска каменного угля, и у него не было доступа к национальным или международным средствам массовой информации. По меньшей мере еще три человека рассказывали Бингхему о том, где следует искать руины, хотя никто из них сам не посещал их. Один из этих людей, Альберт Гизеке, даже указал Бингхему на необходимость связаться с местным фермером Мельчором Артеагой, который мог проводить к руинам.

Конечно, ряд людей в том регионе знал о руинах в Мачу-Пикчу, и, больше того, некоторые из этих людей посещали развалины или даже жили в их окружении. Некоторые даже снабдили соответствующей информацией Хирама Бингхема. Но как ни странно, после того как Бингхем обнаружил Мачу-Пикчу, он не упомянул ни о чьей помощи. В своей последней книге «Затерянный город инков» он прямо написал о том, что «профессора в университете Куско ничего не знали о каких бы то ни было руинах в долине Урубамба». Но конечно, сказанное было верно только в формальном смысле, если не учесть ректора этого самого университета.

Подобным же образом Бингхем «забыл» упомянуть и другую информацию, которой он располагал до открытия им Мачу-Пикчу. Когда он указывал, что во время сделанного им путешествия в 1911 г. «у нас была с собой большая карта региона, составленная [в 1865 г.] Антонио Раймонди», он пропустил то обстоятельство, что на карте Раймонди присутствовал пик Мачу-Пикчу, обозначенный

крупным кеглем, и местоположение этого пика было указано верно. Далее он сообщал: «До нашего возвращения в Нью-Хэйвен [в 1911 г.] мы не знали о том, что французский исследователь Шарль Винер слышал о наличии руин в Уайна-Пикчу и Мачу-Пикчу, куда он не смог добраться». Но за год до этого Бингхем опубликовал статью в журнале «Америкэн антроположист», из которой видно, что он тщательно изучил книгу Винера; американский ученый даже процитировал сноску из нее: «Шарль Винер в своей очень ненадежной, но исключительно интересной книге „Перу и Боливия (Париж, 1880 г.)“ упоминает (в сноске на стр. 294) о том, что Чоккекирау посещал также еще один француз...» Была надежна или нет книга Винера, но помещенная там карта, на которой было ясно указано местоположение пиков Мачу-Пикчу и Уайна-Пикчу, и рассказ ученого о том, как он узнал о нахождении в этих местах руин, никак не возможно считать ненадежными.

Намеренно не упоминая о той существенной помощи, которую он получил от ряда лиц, затушевывая информацию, которой располагал, и порой даже прибегая к вымыслу, Бингхем фактически переписывал историю своего известного открытия. Он, вне всякого сомнения, инстинктивно понимал, что поведенная доподлинная правда окажется гораздо менее интересной и драматичной — правда о том, что в Куско ему сказали, где следует вести поиски, и о том, что на руках у него была карта, показывавшая направление разысканий.

Подобным же образом Бингхем-историк не чурался затушевывать и иного рода информацию, если таковая входила в противоречие с его собственными идеями и заключениями. К примеру, в научной монографии, написанной им в 1930 г., он цитировал отчет, сделанный в 1565 г. испанцем Диего Родригесом де Фигероа. В этом отчете последний указывал, что рядом с рекой Урубамбой, между Оллантайтамбо и висячим мостом в Чукичаке, был расположен город, называвшийся «Пичо». «Это может быть указанием на Мачу-Пикчу, — осторожно писал Бингхем в короткой сноске, — это единственное такого рода место, которое нам удалось обнаружить в старых хрониках». Но Бингхем не мог не понимать, что если Мачу-Пикчу в 1565 г. действительно называлось «Пикчу» или «Пичо», — в то самое время, когда мятежная столица инков называлась «Вилькабамба», — то очевидным образом Мачу-Пикчу не являлось Вилькабамбой.

В книге «Затерянный город инков», ко времени написания которой Бингхем уже открыто поставил на кон свою репутацию, утвердительно заявляя, что Мачу-Пикчу являлось Вилькабамбой, американский историк вновь цитировал отчет Фигероа, но на этот раз он пропустил то место, где говорилось о «Пичо». Как писал позднее американский антрополог и специалист по инкской истории Джон Роуи об этом удивительном пропуске в книге, Бингхем с очевидностью должен был понимать, что включение этого отрывка «оказалось бы роковым для измышленной им идентичности Мачу-Пикчу и „Старой Вилькабамбы“». Но несмотря на все недостатки в оценках и выводах Хирама Бингхема, верно также то, что в 1911 г. древняя инкская цитадель Мачу-Пикчу была не известна никому, кроме местных жителей. Ни один ученый, будь то перуанец или иностранец, до тех пор ни разу не посещал живописную цитадель, расположенную всего лишь в 50 милях от Куско. До Бингхема никто не картографировал ее, не фотографировал и не изучал. В течение почти четырех столетий до прибытия в эти места Хирама Бингхема руины Мачу-Пикчу оставались сокрытыми от остального мира.

Бингхем не только стал первым человеком, известившим мир о существовании Мачу-Пикчу, но он также организовал три междисциплинарных научных экспедиции в эту местность, которые проводили всестороннее изучение данного места и прилегающей территории.^[68] Так, хотя Бингхем и не был первым человеком, посетившим руины Мачу-Пикчу, ему неоспоримо принадлежит честь научного первооткрывателя. Другие ученые — Антонио Раймонди, Шарль Винер, Альберт Гизеке — подошли к ключу этой исторической загадки очень близко, но Бингхем преуспел в значительно большей мере. Как писал литератор Энтони Брандт во введении к современному изданию книги Бингхема «Земля инков», которая была написана в 1922 г., «Бингхем был первооткрывателем, а не археологом; его уделом было не осознание такого явления, как Мачу-Пикчу, а только лишь его обнаружение».

Через тридцать семь лет после обнаружения Мачу-Пикчу Хирам Бингхем совершил короткий визит в Перу, с тем чтобы присутствовать на открытии первой мощеной дороги, которая поднималась от железнодорожной станции в нижнем ярусе долины вверх по склону холма. Представители перуанского правительства назвали новую

дорогу «Carretera Hiram Bingham» («Шоссе Хирама Бингхема»). Через восемь лет, в 1956 г., Хирам Бингхем скончался в возрасте восьмидесяти одного года. Подполковник, американский сенатор, научный первооткрыватель руин Мачу-Пикчу был похоронен со всеми воинскими почестями на Арлингтонском Национальном кладбище. Древние инкские руины, которые Бингхему посчастливилось обнаружить в июле 1911 г., сейчас посещает более тысячи человек в день, общее же число посетителей за год составляет более полумиллиона человек.

Если Хирам Бингхем намеревался выстроить свою репутацию, основываясь на своих открытиях, и, преследуя эту цель, весьма вольно обращался с некоторыми фактами, а иные просто игнорировал, то американский исследователь Джин Савоя совсем уж дистанцировался от исторической точности и с головой погрузился в собственное мифотворчество. Хотя во время своих путешествий в область Вилькабамбу у Савоя была возможность пользоваться железной дорогой, к тому времени проложенной вдоль русла реки Урубамбы, и автомобильным транспортом на дороге, ведущей в долину Вилькабамба, характер описания экспедиций таков, словно они были сделаны в викторианскую эпоху. Точно так же, как и в доходчивых книгах Бингхема, в книге Савоя «Антисуйю: поиск затерянных городов Амазонки», изданной в 1970 г., усиленно педалируется тема храброго белого путешественника, ведущего поиски легендарных руин в окружении враждебных джунглей:

«Мы находимся в тропическом регионе, где без соответствующих медикаментов малейшая инфекция может являть собой смертельную угрозу. Скоро мы окажемся в заповедной области змей, где в изобилии водится смертельно опасный бушмейстер, самая большая ядовитая змея в Америке — в длину она достигает 12 футов. Чимуко, как ее здесь называют, атакует все, что окажется в ее поле зрения. Эта ямкоголовая змея — самая страшная из всех водящихся в джунглях тварей. Также здесь в лесах водятся *Trigonocephalus lanceolatus*^[69], *Bothrops pictus*^[70] и многие другие змеи, чей укус влечет за собой смерть. В отсутствие

соответствующих медикаментов очень большую опасность представляют собой тарантулы, скорпионы, летучие мыши, относящиеся к семейству вампиров, жалящие муравьи и ядовитые растения. (Но в нашей аптечке нет ничего, что позволило бы справиться с желтой лихорадкой, малярией, проказой, бери-бери и многими другими тропическими заболеваниями. Не существует также лекарства и от укуса особой мушки, который, как считают, вызывает эту болезнь, приводящую к тотальному поражению мягких тканей рта, носа и ушей.) Вода и древесные плоды кишмя кишат паразитами, которые могут проникать в тонкую кишку, печень и кровь. Тем не менее мы готовы противостоять всем этим опасностям».

Но Савой забыл упомянуть в своем повествовании о том, что для того, чтобы обезопасить себя от желтой лихорадки, требовалась лишь элементарная вакцина, которая была разработана в 1930-е гг. Также он забыл сказать, что бери-бери — это всего лишь авитаминоз, что проказа — исключительно редко встречающееся заболевание и заразиться им очень трудно, что бушмейстеры и другие змеи атакуют отнюдь не «все, что окажется в их поле зрения», — они нападают лишь тогда, когда они напуганы или на них наступили, что шанс быть укушенным тарантулом составляет один к миллиону и что сам этот укус не страшнее укуса пчелы. При всей красочности живописуемых Савоем ужасов «зеленого ада» правда заключалась в том, что Савой со своей командой очень комфортно расположился на плантации семейства Кобос, находившейся в самой середине долины Пампаконас, вблизи руин Эспириту-Пампы.

Хотя Савой и воздавал Бингхему должное за то, что тот был первым ученым, посетившим Эспириту-Пампу и обнаружившим там инкские руины, сам Савой при всем при этом хотел всех уверить в том, что именно ему принадлежит заслуга обнаружения «настоящей» Вилькабамбы, — Савой категорически настаивал на том, что Бингхему этого сделать не удалось. Бингхем как-то высказал предположение, что в XVI в. и руины в Эспириту-Пампе, и развалины в Мачу-Пикчу носили общее название «Вилькабамба». Но потом оказалось, что он был прав в отношении первых развалин и ошибался в отношении

вторых: никогда не существовало двух Вилькабамб — только одна. Самое большее же, на что мог претендовать Савой, — это на то, что он обнаружил в Вилькабамбе большее число развалин, нежели Бингхем, а также на то, что их верно идентифицировал.

Как и Бингхем, Савой первоначально надеялся на то, что, совершив эффектное открытие затерянных развалин в Перу, он может вывести свою исследовательскую карьеру на качественно новый уровень, а также завоевать определенную международную славу. Но Хирам Бингхем добился международного признания, поскольку он открыл Мачу-Пикчу — один из самых посещаемых археологических памятников в мире. При этом даже сегодня большинство людей остаются в неведении относительно Вилькабамбы и персоналии Джина Савоя. В отличие от Бингхема Савой сделал максимальную ставку на то, чтобы стать путешественником-первооткрывателем — весьма эксцентричное и малоперспективное занятие. Возможно, в качестве компенсации за очевидные недостатки выбранной им профессии, — тут, в частности, надо указать на вопрос о приносимом ею заработке, — Савой трансформировал разработанный им для себя имидж великого первооткрывателя в имидж великого религиозного деятеля, отца нового мессии. Постепенная метаморфоза Савоя ироническим образом перекликается с сюжетом одного из рассказов Редьярда Киплинга «Человек, который хотел быть королем», где два белых путешественника в далекой экзотической стране дурачат местных жителей, заставляя их поверить в то, что перед ними боги. В рассказе Киплинга обман в итоге раскрывается, и путешественникам приходится заплатить за него высокую цену: один из них поплатился своей головой, а второй — своим злосчастным королевством и сокровищами.

Савой же продолжает пребывать в роли столпа основанного им в Перу вероучения, которое, в частности, состоит из ряда «тайн», открытых им во время своих многочисленных путешествий в джунгли. В 1977 г. он издал книгу, в которой утверждал, что открыл секреты бессмертия. И на самом деле на протяжении нескольких десятилетий некоторым казалось, что Савою удалось справиться с процессом старения. Но в результате времени все же удалось догнать Джина Савоя — он уже более не мог игнорировать свои биологические часы. В 2004 г., в возрасте семидесяти семи лет, он оказался вынужден

отказаться от дальнейших экспедиций ввиду плохого здоровья. Ныне сын Савоя, Шон, воспитанный в духе религии своего отца, продолжает предпринимать экспедиции в область Чачапояс на севере Перу. Время от времени он организует экспедиционные туры в глубь перуанских джунглей для приверженцев церкви своего отца.

Приверженец религии солнца, Савой полагает, что энергия солнца замедляет процесс старения и восстанавливает тело. Он продолжает писать книги, готовясь, вне всякого сомнения, к своей главной миссии — экстатическому воссоединению с Инти, богом-Солнцем, тем золотистым небесным телом, которому некогда поклонялись древние инки.

Между тем в Перу продолжается поиск еще не открытых инкских руин. Винсент и Нэнси Ли, которым сейчас идет седьмой десяток, с 1982 г., когда состоялась их первая экспедиция в Вилькабамбу, возвращались туда ежегодно в сухой сезон. Если Бингхем провел в Вилькабамбе в 1911 г. около четырех недель, Джин Савой в 1964 и 1965 гг. порядка трех месяцев, то супруги Ли провели там за последние несколько десятилетий в общей сложности более двух лет, картографируя эту местность и проводя там систематические исследования.

Ли несколько раз посещал с различными специалистами руины Пункуйока, которые, по его мнению, являли собой солнечную обсерваторию, способную регистрировать июньское солнцестояние и два равноденствия. По мнению Ли, Пункуйок формировал календарную систему для всей области Вилькабамбы.

«Это, конечно же, была солнечная обсерватория. Сейчас мы уже осознаем, почему появилось это маленькое красивое здание посреди совершенно пустого места, почему туда ведет лестница из пяти тысяч ступенек. Это, конечно же, была солнечная обсерватория для Виткоса. И я думаю, что ее построил Пачакути. Именно он выстроил лучшие здания в Виткосе, и я думаю, что он выстроил также и Пункуйок. Это солярная обсерватория, а не храм Солнца, поскольку храм Солнца имелся в Ньюста Испане [Чукипальте], на дороге, идущей вверх из Виткоса. [Специалист подревней астрономии] Бернард Белл и я собираемся сделать

публикацию об обсерватории, поскольку мы собрали массу новой информации о Пункуйоке. Это не просто интересное место, оно к тому же совершенно нетронутое — никто не касался его за четыреста лет!»

При этом новые руины обнаружались и в других районах области Вилькабамбы. И как это обычно бывает с обнаруженными руинами, некоторые из этих открытий вызвали бурную полемику. Затерянные инкские города, как и любой предмет активных поисков, имеются в очень ограниченном количестве. Если человеку посчастливится обнаружить хотя бы одно такое место, то слава уже недалеко от него. Поэтому конкуренция в области поисков затерянных инкских городов очень жесткая.

В 1999 г. пятидесятитрехлетний английский писатель, специалист в области истории инков и гид Питер Фрост организовал туристический тур в южную часть области Вилькабамбы, туда, где расположены руины Чоккекирау. Одному из членов группы, Скотту Горзачу, психологу, работавшему в клинике Санта-Барбары, удалось разглядеть некое подобие руин на близлежащем горном хребте. «Нам удалось разглядеть [с помощью биноклей] плоскую возвышенность на одном из горных отрогов, — поведал Горзач, — на нее ложились первые солнечные лучи утром и последние солнечные лучи вечером». Фрост со своей группой, продираясь сквозь заросли кустарника, достиг этого места, находящегося на склоне горы Серро-Виктория (высота 12 746 футов), входящей в состав южного горного хребта Вилькабамба, примерно в 60 милях к северо-западу от Мачу-Пикчу. Там члены группы обнаружили разнообразные руины: разграбленные гробницы, круглые фундаменты и остатки древнего каменного акведука.

Обнаружив это, Фрост поделился информацией с Гэри Циглером, пятидесятидевятилетним американским археологом. Являясь совладельцем компании «Ману экспедишнс», специализирующейся на экстремальном туризме, Циглер подключил Фроста к организации одной серьезной экспедиции. По словам Циглера, Горзач убедил его и Фроста составить письмо в журнал «Нэшнл джиогрэфик» с просьбой о предоставлении им гранта.

Национальное географическое общество (его первая спонсорская акция была связана со вторым путешествием Хирама Бингхема в Мачу-Пикчу в 1912 г., и с того времени организация профинансировала более восьми тысяч экспедиций) согласилось профинансировать исследовательскую экспедицию на Серро-Викторию, намеченную на сухой сезон 2001 г. Организаторами намеченной экспедиции стали Фрост, Циглер и перуанский археолог Альфредо Валенсия Сегарра. В итоге трое этих людей организовали экспедиционную команду, в составе которой были перуанские археологи, картограф, специалист по древней физике, двенадцать погонщиков мулов, пилот вертолета и съемочная группа, отраженная журналом «Нэшнл джиогрэфик». «Мне никогда до сих пор не приходилось принимать участие в столь масштабном предприятии, — сказал потом Циглер. — Собралась очень серьезная экспедиционная группа». Это была мультидисциплинарная экспедиция — первым подобную экспедицию в данный регион организовал Бингхем девяносто лет назад.

Зимой 2001 г. группа добралась до Серро-Виктории. Там, на склонах горы на высотах 10 000 — 11 000 футов, они обнаружили кластеры древних поселений, до тех пор не задокументированные, в районе, носящем на языке кечуа название «Коривайрачина», что означает «место, где ветер очищает золото». Экспедиционная команда обнаружила более двухсот каменных строений — хранилища, жилые здания, инкские дороги, акведук длиной в пять миль, платформы церемониального назначения, кладбища, погребальные башни. Все эти объекты были разбросаны на пространстве площадью в шестнадцать квадратных миль. Эти строения, из которых по меньшей мере сотня имела округлую форму, сильно пострадали от времени. Все они были сделаны в грубом стиле «пирка». Точно так же, как и в истории с открытием Бингхемом Мачу-Пикчу, руины Коривайрачина до сих пор были неизвестны науке и не были нанесены на карту, при том что здесь обжились два крестьянских семейства.

Предварительные результаты указывают на то, что Коривайрачина могла быть заселена за две тысячи лет до возникновения Инкской империи; инки предположительно проникли в эту область после первоначальных завоеваний, осуществленных Пачакути. В отличие от Мачу-Пикчу, являвшегося сезонной резиденцией инкского императора,

Коривайрачина, по всей видимости, представляла собой поселение рудокопов неинкского происхождения, которые завозились в эту область с целью отработки трудовой повинности на серебряных рудниках Серро-Виктории. Проложенная инками дорога соединяла поселок рудокопов Коривайрачину с Чоккекирау, а оттуда дороги шли в Виткос, Вилькабамбу и Мачу-Пикчу.

В международной прессе вскоре начали появляться сенсационные статьи о сделанном открытии — одна из них имела следующее название: «Высоко в Андах обнаружено поселение, которое могло являться последним прибежищем инков». Статья начиналась следующим образом:

«Каждое поколение исследователей Андского высокогорья числит на своем счету обнаружение представительного сакрального инкского местечка или города. Самым впечатляющим из них остается Мачу-Пикчу, обнаруженный в 1911 г., но с 1960-х гг. ни одного сколько-то значимого „затерянного города“ обнаружено не было [имеется в виду идентификация Савоем Вилькабамбы]. Вплоть до настоящего открытия».

Но к моменту завершения экспедиции 2001 г. Фрост и Циглер рассорились. С учетом маячившего соблазна появления заглавной статьи в журнале «Нэшнл джиогрэфик», значительной численности экспедиционной группы и того факта, что у экспедиции был не один лидер, а три, все это не должно вызывать особого удивления. Циглер решил идти отдельно с небольшой группой для самостоятельных изысканий. Циглер позднее писал:

«Следует заметить, что один из наших погонщиков мулов после одного из наших предыдущих путешествий вернулся на тропу, ведущую в Чоккекирау, и там он расчистил небольшое сельское поселение. Он сказал: „Jefe^[71], я некоторое время назад обнаружил там внизу стены, вам надо пойти туда и взглянуть на них“. Так я и сделал. Это был Фроилан Муньос, один из наших

погонщиков мулов, который работал на нас в течение нескольких лет».

Муньоc привел Циглера, английского исследователя Хью Томсона и их группу на изолированный уступ, возвышавшийся над рекой Янамой, — это определено было инкское местечко. Раньше оно называлось Котакока; группа вскоре обнаружила, что оно было совершенно отрезано от остального мира. Циглер описал его в следующих словах:

«Вы не можете добраться туда, следуя вниз или вверх по реке [Янаме]. Река протекает в двухстах или трехстах футах ниже этого места. Но в данном местечке видны следы древних каналов. Это место являет собой некий разрыв в пространстве и времени: настоящий Затерянный мир. И конечно же, оно все заросло густой растительностью, и из-за совершенной непроходимости каньона никто туда не добирался».

В этом инкском местечке имелось более тридцати строений, в их числе типичный инкский дворец собраний, или кальянка: большое здание, стены которого огораживали центральную площадь. Также там было множество прямоугольных домов, равно как и круглых по форме строений, похожих на те, что в обилии имеются в Коривайрачине и Вилькабамбе. По мнению Циглера, Котакока некогда представляла собой административный центр и/или место складирования припасов. Это поселение стояло на древней инкской дороге, которая некогда шла из внутренних районов провинции Вилькабамбы, пересекая затем реку Апуримак и далее ведя в область Апуримак. Циглер говорит следующее:

«Я полагаю, что Котакока контролировала подступы к Чоккекирау и верхнему течению реки Апуримак. Воины Манко могли использовать это местечко в период, когда уже состоялось завоевание Перу испанцами, для организации атак против конкистадоров. Мы в конце концов определили, каким образом инки добирались в Чоккекирау: они направлялись прямо вниз, к верхнему течению Апуримака».

На следующее лето Питер Фрост вернулся в Коривайрачину, — он продолжал работать при поддержке Национального географического общества. Циглер же вернулся со своей исследовательской группой в Котакоку. В феврале 2004 г. журнал «Нэшнл джиогрэфик» опубликовал на видном месте статью Фроста о Коривайрачине. В ней он упоминал Циглера лишь единожды: Фрост указывал, что Циглера провел к близлежащим руинам «местный фермер». В ряде пресс-релизов Национального географического общества, посвященных экспедициям в Коривайрачину, Гэри Циглер не упоминался вовсе.

Тот факт, что лидеры экспедиции к разрекламированному «затерянному городу» рассорились, конечно, во многом был предопределен высокими ставками, связанными с этим открытием. Тут можно вспомнить о борьбе за пальму первенства в деле открытия Мачу-Пикчу и Вилькабамбы. Желание «завоевать себе право на ослепительную вершину», как определял это Бингхем, привязать свое имя к чему-то бессмертному, по-видимому, является универсальной человеческой мотивацией.

notes

Примечания

1

Древнейший алфавит изобрели не египтяне, а семиты в середине I тысячелетия до н. э. — *Примеч. пер.*

Миля равна 1609 м. — *Примеч. пер.*

«Явное предначертание» — появившийся в середине XIX в. в США тезис о неизбежности продолжения американской территориальной экспансии и расширения государственных границ в западном направлении до Тихоокеанского побережья и далее. Демократ Джон Л. О'Салливан употребил это выражение в своей журнальной статье, появившейся в 1845 г.: речь шла об «исполнении нашего явного предначертания — распространении нашей власти по всему континенту, предназначенному нам Провидением...». Конгрессмены стали пользоваться этим выражением в ходе дебатов по трем вопросам, стоявшим перед США в 1845–1846 гг.: о территориальной аннексии Техаса, совместной с Англией оккупации территории Орегона и продолжении войны с Мексикой. — *Примеч. пер.*

4

Фут равен 0,3048 м. — *Примеч. пер.*

Одно из богатейших американских семейств. В XIX в. сделало себе состояние на торговле ювелирными изделиями и галантерейными товарами. Среди членов этого семейства — всемирно известные художники и дизайнеры. — *Примеч. пер.*

Хорейшо Эдджер — один из самых популярных и влиятельных в социальном плане американских писателей в конце XIX в. В его рассказах («Оборванец Дик», «Удача и отвага» и др.) неизменно воспроизводится один и тот же сюжет: история о мальчиках, которые поднимаются из состояния нищеты к богатству и славе благодаря своей честности, оптимизму и настойчивости. Несмотря на схематичность сюжета и невысокие художественные достоинства, книги имели огромный успех в американском обществе в тот период, когда крупные состояния делались в самые короткие сроки, и страна, по всей видимости, предоставляла неограниченные возможности для личного успеха. — *Примеч. пер.*

Альпака — домашнее парнокопытное рода лам. Его разводят в высокогорном поясе Перу и Бол и ни и. — *Примеч. пер.*

Ясон — в греческой мифологии предводитель аргонавтов, отправившихся за золотым руном, которое Ясон добыл с помощью волшебницы Медеи. — *Примеч. пер.*

Тулe, согласно античным географам, — остров у Полярного круга, в 6 днях плавания к северу от Британии. Считался «краем земли». — *Примеч. пер.*

Гаррота — орудие казни, род железного ошейника, который сдавливал шею осужденного до полного его удушения. — *Примеч. пер.*

Эстремадура во времена конкисты была частью королевства Кастилии; страна, которая позднее станет именоваться Испанией, будет образована в результате постепенного слияния королевств Кастилии и Арагона. Автономная область Эстремадура, ныне включающая в себя провинции Бадахос и Касерес, до сих пор продолжает оставаться беднейшим краем Испании. — *Примеч. авт.*

Кортес был троюродным братом Франсиско Писарро по линии своей матери Каталины Писарро Альтамирано. — *Примеч. авт.*

На тот момент никто и предположить не мог, что по иронии судьбы на борту этой флотилии находятся два человека — двадцатичетырехлетний Франсиско Писарро и восемнадцатилетний Бартоломе де Лас Касас, которые были настолько противоположны по своим задаткам и типу характера, насколько вообще могут быть таковыми по отношению друг к другу два человека. Один в будущем завоюет десятимиллионную империю и поделит ее коренное население между своими соратниками-испанцами, как делят головы крупного рогатого скота. Другой впоследствии станет священником, и в его лице жители Нового Света обретут самого внушительного своего защитника за весь период конкисты. Влияние Лас Касаса на короля Карла V окажется столь значительным, что даже будут приняты законы, защищающие индейцев. Эти новые законы в итоге предопределили гибель одного из братьев Писарро, Гонсало, и сокрушение власти Писарро в Перу. Приходилось ли вообще когда-либо встречаться друг с другом Писарро и Лас Касасу? Сложно сказать. Но с учетом того, что на острове было одготысячное население, большая часть которого проживала в столице Санто-Доминго, с большой долей уверенности можно сказать, что два этих человека, судьбы которых вскоре схлестнутся, должны были по крайней мере мимолетно видеться друг с другом. — *Примеч. авт.*

Колумбу суждено было умереть в возрасте 54 лет в Вальядолиде в 1506 г., через четыре года после того, как Писарро прибыл в Новый Свет. Колумб умер в относительной неизвестности, все еще продолжая считать, что открыл новый путь в Азию. — *Примеч. авт.*

«Раковины рыб» — это, несомненно, раковины *Spondylus* (шипастая американская устрица). Это были розовые двустворчатые раковины, которые высоко ценились и использовались в качестве подношений на всей территории Инкской империи, однако обитали данные устрицы только в прибрежных водах нынешнего Эквадора. — *Примеч. авт.*

За четыре года до этого, в 1524 г., португальский авантюрист по имени Алейшу Гарсия возглавил двухтысячный отряд индейцев гуарани, который проник в юго-восточный угол Инкской империи и произвел разграбление ряда инкских городов на территории современной Боливии. Инки, предводительствуемые Уайной Капаком, изгнали вторгшихся в их пределы и укрепили границы рядом крепостей. Гарсия был убит в 1525 г. на берегу реки Парагвай — через год после своего рейда на Инкскую империю и за три года до того, как Франсиско Писарро со своим маленьким отрядом высадился на далекой северо-западной оконечности нынешней территории Перу. — *Примеч. авт.*

Король Карл V женился на своей кузине Изабелле Португальской 10 марта 1526 г. Имя свое Изабелла получила по имени своей бабушки со стороны матери, Изабеллы I Кастильской, которая выступила в роли покровительницы Колумба. — *Примеч. авт.*

Старинная испанская монета. — *Примеч. пер.*

По крайней мере инкские информаторы сообщили испанцам, что имел место мятеж. Надо заметить, что идеологический аппарат инков зачастую развертывал пропагандистские кампании, оправдывавшие их многочисленные походы и завоевания. — *Примеч. авт.*

Запад Южной Америки — одно из шести мест на карте мира, где в то время начали появляться подлинно государственные образования. Помимо этой области, следует назвать Месоамерику (Мексику вместе с Центральной Америкой), Китай, Месопотамию, долину Инда, Египет и северный Китай. — *Примеч. авт.*

Долина Тамбо ныне носит название «Вильканота», или «Священная». — *Примеч. авт.*

«Тавантин» на инкском языке кечуа означает группу из четырех предметов («тава» означает «четыре», суффикс же — нтин обозначает некую группу; слово «суйю» означает «часть»), — *Примеч. авт.*

Такую характеристику Уаскару дает Хуан де Бетансос, испанец, который был женат на сестре Атауальпы. Так что данная характеристика, возможно, является тенденциозной. — *Примеч. авт.*

Если говорить точно, то первым европейцем, поднявшимся в Анды, стал португальский первопроходец Алейшу Гарсиа. — *Примеч. авт.*

Есть все основания считать, что инки называли свой язык «рунасами». В основе этого слова два корня: «руна», что означает «народ», и «сими», что означает «речь». И лишь в 1560 г. в испанском документе появилось слово «кечуа», обозначающее инкский язык. Это слово, вероятно, появилось на свет как результат ошибочно воспроизведенного и ошибочно понятого конкистадорами термина «кхесва-сими». «Кхесва» означает «долина», а «сими» означает «речь». В XVI в. испанцы использовали слово «кечуа» — искаженную версию инкского слова «кхесва» для обозначения официального языка Инкской империи. — *Примеч. авт.*

«Сантьяго» (от галисийского «Сант Яго») — так звучит на испанском имя святого покровителя Испании св. Якова, одного из двенадцати апостолов. Это был традиционный выкрик, который испанские войска использовали еще с XII в. — со времени изгнания мавров с Иберийского полуострова. — Примеч. авт.

Здесь и далее ошибка автора: Макиавелли написал свой труд в 1513 г. — *Примеч. ред.*

Название «Анды», которое испанцы дали южноамериканским горам, по-видимому, представляет собой искаженное слово «антис», употреблявшееся инками в отношении одной из этнических групп (в настоящее время это, вероятно, народ мачиченга), жившей в восточной части их империи, в Антисуйю. — *Примеч. авт.*

Испанские хроники не позволяют точно определить, вышел ли Атауальпа с предложением к Писарро касательно выплаты большой дани, что было стандартной практикой для племен, завоеванных инками, или же он предложил выкуп за свое освобождение. Но даже в том случае, если бы Атауальпа предложил Писарро золото и серебро в качестве дани, то ввиду укорененного среди инков представления о взаимном обмене император, конечно, ожидал бы что-то получить взамен. — *Примеч. авт.*

Адвокатам, которые в XVI в. пользовались не большей популярностью в Испании, чем сегодня, испанские монархи запретили въезд в Перу, это было оговорено в соглашении, которое Писарро подписал в 1529 г., еще до того, как началось завоевание этой страны. Король явно хотел избежать ожидаемых негативных последствий, распространения испанского сутяжничества. Но ввиду огромности расстояний испанская корона была не в состоянии обеспечить выполнение этого указа, так что к 1534 г. в Перу уже появились первые испанские юристы. Вскорости в новообразованной испанской колонии широкой волной пошла череда судебных процессов, и она не уменьшается по сей день. — Примеч. авт.

Во всех диких видах картофеля содержатся токсичные гликоалкалоиды, придающие клубням горький вкус. В тех видах, что произрастают на высоте более 9000 футов и являются морозоустойчивыми, концентрация этих веществ еще выше. Инки и их далекие предки подвергали картофель усушке заморозкой: картофель последовательно замораживался, подвергался раздавливанию и затем высушивался. В результате структура гликоалкалоидов разрушалась, вдобавок полученный продукт было легче хранить. Инки называли полученный в результате такой сушки продукт «чуньо», и он до сих пор является одним из основных ингредиентов в традиционных андских мясных блюдах. — *Примеч. авт.*

Пядь — 21 см. — *Примеч. пер.*

Подобно испанцам, инки верили в загробную жизнь. Добродетельные индивидуумы, отличавшиеся щедростью и трудолюбием, отправлялись жить вместе с богом-Солнцем в приятный «верхний мир», или *ханак-пака*, где в изобилии имелись еда и тепло. Те же, кто не отличались добродетелями, те, кто лгал, крал, был скупым или ленивым, отправлялись в пугающий «нижний мир», *охо-пака*, место нескончаемого холода, где из всей наличной еды имелись только несъедобные скалы. — *Примеч. авт.*

Руис де Арсе имел все основания быть опечаленным. Он потерял не только незаменимое военное оружие, он теперь автоматически был низведен до уровня простого пехотинца; Руис становился более уязвим к получению возможных ранений, и в случае дележа награбленной добычи ему причиталась меньшая доля. Ввиду взвинченных цен в Перу лошадь здесь стоила примерно столько же, сколько средний дом в Испании. — *Примеч. авт.*

Льяуту — головная повязка, состоявшая из большого числа тесемок. Роскошные льяуту носила только инкская знать. — *Примеч. авт.*

При том, что испанцы всегда носили шлемы, забрала имелись у немногих, поскольку они служили помехой обзору. — *Примеч. авт.*

Импортируемые из Испании доспехи были дороги. Чем богаче был испанец, тем более надежные доспехи он мог себе позволить. Соответственно бедные испанцы зачастую подвергались наибольшей опасности. Рабы, по всей видимости, носили конфискованную у индейцев хлопковую защиту, которая была значительно менее надежной, чем стальные латы и кольчуга. — *Примеч. авт.*

Хуан Писарро позднее был погребен в доминиканском монастыре Санто-Доминго в Куско. — *Примеч. авт.*

Испанская мера длины. — *Примеч. пер.*

Паскуаль де Андагойя и был тем самым исследователем-первопроходцем, который в 1522 г. привез в Панаму сообщение о существовании богатой земли под названием Пиру. Эта информация побудила к активным действиям только Франсиско Писарро. — *Примеч. авт.*

Амару-Канча на языке кечуа означает «Дом Змеи»; у инков змея служила символом знания и учености. — *Примеч. авт.*

Т.е. на американском континенте. — *Примеч. авт.*

Министерство армии США — одно из трех министерств в системе министерства обороны США. Министерство было основано в 1789 г. и названо тогда «министерством войны США». 18 сентября 1847 г. переименовано в министерство армии США. — *Примеч. пер.*

Шары (баулз) — игра на открытом воздухе, в ходе которой крупные шары стараются кидать так, чтобы они разместились как можно ближе к небольшому контрольному шару, который по идее должен оставаться неподвижным. Эта игра родственна французскому петанку. Пелота — это баскская игра, возникшая в XVI в. и отдаленно напоминающая современный сквош. Но в пелоте к руке прикрепляется удлиненное деревянное устройство, при помощи которого мячу придается большая скорость. — *Примеч. авт.*

Губернатор приграничной провинции (исп.). — *Примеч. пер.*

После того как несколько лет назад Титу Куси был схвачен в Виткосе, он был перевезен в Куско. Позднее он бежал оттуда со своей матерью. — *Примеч. авт.*

Тут следует заметить, что хотя отцом Титу Куси был Манко Инка, его матерью была не койя Манко, Кура Окльо, а одна из многочисленных наложниц Манко. — *Примеч. авт.*

Орден мерседариев, также называвшийся орденом нашей Богоматери Милосердия и орденом рыцарей святой Эулалии, — религиозный орден, основанный в Испании в 1218 г. св. Петером Ноласко с целью выкупа христианских пленников у мавров. Первоначально это был военный орден. В дополнение к трем традиционным религиозным обетам: нищенского образа жизни, целомудрия и послушания — мерседарии давали также четвертый обет: предоставлять себя в качестве заложников в обмен на христианских пленников, которым угрожала опасность потери их веры. — *Примеч. пер.*

Интересно отметить, что Александр фон Гумбольдт отправился в Южную Америку на судне, называвшемся «Писарро». — *Примеч. авт.*

Национальный университет Святого Антонио, аббата Куско, был основан в 1692 г. — *Примеч. авт.*

Тропическое южноамериканское растение семейства пасленовых со съедобными красными плодами яйцеобразной формы. — *Примеч. пер.*

Упоминаемое Родадеро — это скалистое образование, расположенное на равнине напротив крепости Саксауаман. На этих скалистых отложениях пород инки вырезали множество разных форм, в том числе «тронообразные» сиденья. — *Примеч. авт.*

Крестьяне (исп.). — *Примеч. пер.*

Главной целью Дугласа Шарона в этой поездке было получение ученой степени доктора философии. Он занимал должность директора музея антропологии имени Феба Хиарста в Калифорнийском университете в Беркли. — *Примеч. авт.*

Морская миля равна 1853,6 м. — *Примеч. пер.*

Сhасга — ферма (исп.). — *Примеч. пер.*

Хорошо (исп.). — *Примеч. пер.*

Золотистый фикус — растение-эпифит, которое произрастает на «головных деревьях», что часто приводит к их гибели. Появляясь из клейкого семени, занесенного на ветку высокого дерева птицей или обезьяной, золотистый фикус начинает свою жизнь на поверхности этого дерева. По мере роста этого растения его длинные корни спускаются по стволу головного дерева и уходят в почву. Ствол головного дерева оказывается оплетен плотной, сдавливающей сеткой. Листья головного дерева оказывается затенена листвой золотистого фикуса, ствол дерева сдавлен корневой оболочкой. Это иногда приводит к гибели головного дерева. После того как оно сгниет, фикусовое «дерево» продолжает расти самостоятельно, его «ствол» представляет собой огромный цилиндр из переплетенных корней. — *Примеч. пер.*

Ротанг — древесное ползучее растение с эластичными и прочными стеблями, относящееся к семейству крушины. Оно взбирается до самой вершины «головных деревьев». Имеет продолговатые овальные листья длиной 3,5–7 см. — *Примеч. пер.*

Фрэнк Ллойд Райт — знаменитый американский архитектор. В 1893 г. открыл архитектурную мастерскую в г. Оук-Парк, штат Иллинойс. Выступил с оригинальными проектами т. н. «органической архитектуры», в которых используются природные формы, цвета и текстура: длинные невысокие здания с широкими и высокими окнами и открытыми террасами. К числу его выдающихся творений относятся спиралевидное здание музея Гуггенхайма в г. Нью-Йорке (1959); дом «Падающая вода» в г. Милл-Ран, штат Пенсильвания (1936); административное здание фирмы «Джонсон уэкс» в г. Расин, штат Висконсин (1939) и два его собственных дома под названием Талисин в г. Спринг-Грине, штат Висконсин (1911), и Талисин-Уэст в г. Финиксе, штат Аризона (1938). — *Примеч. пер.*

Хроника монаха Мартина де Муруа была издана в полном объеме лишь в 1922 г. (в Лиме), через 332 года после того, как она была написана, и через десять лет после того, как Бингхем открыл Мачу-Пикчу. Готовил к печати эту хронику Карлос Ромеро, тот самый перуанский историк, который помог Бингхему найти Эспириту-Пампу, он не стал делать никаких собственных заключений относительно соотнесенности Эспириту-Пампы с древней Вилькабамбой. Лишь значительно позднее английский историк Джон Хемминг указал на то, что приводимое Муруа описание Вилькабамбы соотносится с Эспириту-Пампой, а не с Мачу-Пикчу. — *Примеч. авт.*

Полагают, что Мачу-Пикчу был построен между 1450 и 1470 гг. Недавние раскопки в Вилькабамбе показали, что этот город строился в течение XV в. — *Примеч. авт.*

Археологи выделяют восемнадцать типов стилей каменных строений в Мачу-Пикчу; в их числе и имперский стиль. — *Примеч. авт.*

Провинциальная резиденция американских президентов, находящаяся в горном парке Катоктин, расположенном на Синем горном хребте, в округе Фредерик, на севере штата Мэриленд. Это живописное нагорное место площадью в 200 акров обнесено непроницаемой оградой, строго охраняется и закрыто для публичного посещения. — *Примеч. пер.*

Архитектор Винсент Ли считает, что по замыслу Виткос должен был стать одним из имений Пачакути. — *Примеч. авт.*

Антрополог и специалист по инкской истории Джон Х. Роуи полагал, что испанец по имени Габриель Хуарес мог посетить Мачу-Пикчу в 1568 г., поскольку он приобрел земли вблизи этого места. Однако никакой документации касательно посещения европейцами этого места до начала XX в. на настоящий момент не обнаружено. — *Примеч. авт.*

Лисаррага умер в 1912 г., через год после приезда Бингхема. —
Примеч. авт.

Бингхем отослал в 1912 и 1916 гг. множество коробок артефактов, обнаруженных при раскопках в Мачу-Пикчу (по оценкам перуанского правительства, общее их число составляло более 5000), в музей Йельского университета в Нью-Хэйвене, штат Коннектикут, для научного их изучения. Хотя Бингхем действовал с позволения тогдашнего перуанского правительства, договоры, заключенные с Бингхемом и Йельским университетом, подразумевали возврат артефактов в Перу по первому требованию государства. Начиная с первого официального требования, сделанного в 1920 г., Перу до настоящего времени безуспешно пыталось добиться их возврата. Многие полагают, что к сотой годовщине открытия Мачу-Пикчу (в 2011 г.) эти артефакты будут возвращены в Перу. — *Примеч. авт.*

Крупная ядовитая змея, обитающая в Центральной и Южной Америке. Ее относят к роду гремучих змей, однако погремушек на хвосте она не имеет. — *Примеч. пер.*

Ядовитая змея, относящаяся к роду американских копьеголовых змей. — *Примеч. пер.*

Начальник (исп.). — *Примеч. пер.*